

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Учебно-методическое пособие

Ижевск
2022

УДК 94(495):32(075.8)
ББК 63.3(0)4-9я73
П504

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: канд. ист. наук, доцент Н.Н. Музлова

Составители: Зорина А.А., С.Г. Лукина

П504 Политическая история Византии: учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / сост. А.А. Зорина, С.Г. Лукина – Ижевск : Удмуртский университет, 2022. – 317 с.

Учебно-методическое пособие включает в себя рекомендации по изучению и преподаванию политической истории Византийской империи, а также хрестоматию, состоящую из текстов византийских, латинских и древнерусских источников, исследование которых дает возможность рассмотреть процесс становления и эволюции политических институтов Византии.

Пособие содержит учебные и методические материалы, предназначенные для расширения, углубления, изучения и лучшего усвоения знаний по дисциплинам, включенным в образовательные программы по направлениям подготовки высшего образования – магистратура 46.04.01.04 «Международные отношения в исторической динамике» и магистратура 46.04.01.05 «Ранние государства Восточной Европы».

УДК 94(495):32(075.8)
ББК 63.3(0)4-9я73

© А.А. Зорина, С.Г. Лукина, сост., 2022
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Учебно-методические рекомендации	5
Хрестоматия	20
<i>Агафий. О царствовании Юстиниана</i>	21
<i>Прокопий Кесарийский. Тайная история</i>	46
<i>Прокопий Кесарийский. О постройках</i>	100
<i>Константин Багрянородный. Об управлении империей</i>	124
<i>Константин Багрянородный. О церемониях</i>	127
<i>Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей</i>	129
<i>Анна Комнина. Алексиада</i>	143
<i>Михаил Пселл. Хронография</i>	210
<i>Жоффруа Де Виллардуэн. Завоевание Константинополя</i>	240
<i>Повесть О Взятии Царьграда Фрягами</i>	254
<i>Никита Хониат. История</i>	258
<i>Дука. Византийская история</i>	262
<i>Георгий Сфрандзи. Малая хроника</i>	292
<i>Лаоник Халкокондил. История</i>	306

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории Византии имеет важное значение для понимания ключевых явлений и процессов средневековой истории Европы и Руси. Возникнув в результате разделения Римской империи на два самостоятельных государства, Восточная Римская империя пережила Западную на 1000 лет. Византия продемонстрировала пример длительной трансформации античной государственности в средневековую монархию, имевшую заметные отличия от современных ей западноевропейских королевств.

С историей Восточной Римской империи тесно связаны такие масштабные явления, как миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия, Крещение Руси, схизма 1054 года, Крестовые походы европейцев на Ближний Восток и драматичные пережитки Четвертого Крестового похода латинян против византийцев, многочисленные военные кампании, турецкое завоевание Малой Азии, Балкан и Константинополя. Преподавание и изучение политической истории Византии позволяет сформировать у студентов представления об основных этапах развития и особенностях государственной системы Византии, истоках политической идеологии империи в эпоху средневековья.

В результате освоения учебных материалов по политической истории Византии обучающиеся могут узнать об основных закономерностях развития и особенностях формирования государственной системы Византии; отличительных чертах различных политических доктрин, существовавших в империи; жизни и деятельности крупных государственных деятелей и императоров Византии; влиянии политической системы Восточной Римской империи на сопредельные страны и народы.

Представленные в пособии материалы могут быть использованы в рамках изучения учебных дисциплин: «История средних веков» по направлению подготовки – бакалавриат 46.03.01. «История», «Всеобщая история» по направлениям подготовки – бакалавриат 41.03.04 «Политология» и 41.03.05. «Международные отношения», «Международные отношения и дипломатия в средние века» по направлению подготовки – магистратура 46.04.01.04 «Международные отношения в исторической динамике», «Традиции византизма в государственных системах Восточной Европы» по направлению подготовки – магистратура 46.04.01.05 «Ранние государства Восточной Европы».

Тексты, представленные в хрестоматии, могут быть использованы при подготовке к семинарским занятиям, а также для самостоятельной работы обучающихся.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Для изучения и преподавания дисциплины Б1.В.03.01 «Традиции византизма в государственных системах Восточной Европы» по направлению подготовки – магистратура 46.04.01.05 «Ранние государства Восточной Европы» могут быть использованы учебно–методические материалы лекций 1–6 и семинарских занятий 1–6.

Для изучения и преподавания дисциплины Б1.Ч.06 «Международные отношения и дипломатия в средние века» по направлению подготовки – магистратура 46.04.01.04. «Международные отношения в исторической динамике» могут использоваться учебно-методические материалы лекций 4–6 и семинарских занятий 4–6.

ЛЕКЦИОННАЯ ЧАСТЬ

Лекция 1. Введение. Историографическая традиция изучения политической истории Византии. Гуманистическая историография Византии в XV – XVI вв. Эрудитская школа (конец XV – начало XVIII вв.). Историография эпохи Просвещения. Отечественная и зарубежная историография Византии XIX вв. Византиноведение в XX веке. Современное состояние мировой византологии.

Источники

Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1.

Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 3-х т. СПб., 1913. Т. 1; Л. 1927. Т. 2; М.; Л., Т. 3.

Литература

Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995.

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940.

Зорина А.А. Миф о византизме в русской религиозной философии второй половины XIX века // Этнос. Культура. Человек. Ижевск, 2003. С. 173–182.

Зорина А.А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков. Казань, 2005.

Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975.

Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004.

Лекция 2. Образование византийской государственности. Образование империи императором Константином Великим. Особенности социально-классовой структуры ранневизантийского общества. Особенности византийской политической доктрины в IV – VI вв. Система государственного управления. Специфика положения василевса, теория симфонии государства и церкви, Великая ойкуменическая доктрина.

Источники

Дигесты Юстиниана. М., 1984.

Памятники византийской литературы IV-IX вв. М., 1965.

Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

Литература

Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Бородин О.Р. Византийская Италия в VI-VIII вв. Барнаул, 1991.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т.2.

Курбатов Г.Л. Византия в VI столетии. Л., 1959.

Левченко М.В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V – VI вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945.

Лебедева Г.Л. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV-VIII вв. Л., 1976.

Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. 1965. Т.26.

Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков VI – VII вв.). М., 1974.

Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

Удальцова З.В. Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского // Византийский временник. 1968. Т. 29.

Удальцова З.В. Мировоззрение Прокопия Кесарийского // Византийский временник. 1971. Т. 31.

Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986; *Изд-е 2-е*: СПб., 1997.

Лекция 3. Византия и славяне. Заселение славянами Балканского полуострова. Особенности общественного строя славян. Влияние общественных отношений славян на социально-экономическое развитие Византии. Образование I Болгарского царства. Войны Византии на территории Балкан. Дипломатия и религиозная политика.

Источники

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I; М., 1995. Т. II.

Литература

Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1990.

Кучма В.В. Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1979.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. (IX – начало XII в.). СПб., 2000.

Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.

Раннефеодальные государства на Балканах. VI – XII вв. М., 1985.

Седов В.В. Восточные славяне. М., 1994.

Лекция 4. Византия в эпоху правления императоров Македонской династии. Особенности правления императоров Македонской династии. Взгляды на управление империей Константина Багрянородного. Внутренняя и внешняя политика. Международная роль Византии в эпоху Македонской династии. Отношения с папством. Схизма 1054 г.

Источники

Византийская книга эпарха. М., 1962.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Памятники византийской литературы IV - IX вв. М., 1965.

Памятники византийской литературы IX - XIV вв. М., 1969.

Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972.

Литература

Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1-2.

Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Лекция 5. Политическая история эпохи Комнинов. Правление Алексея I Комнина. Особенности взаимоотношений империи с Западом. Последствия Первого крестового похода. Внешняя политика империи при Комнинах. Возрождение Великой ойкуменической доктрины, войны Иоанна II и Мануила I. Правление Андроника Комнина и нарастание кризисных явлений в византийском обществе.

Источники

Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.

Жоффруа Вилардуэн. Взятие Константинополя. М., 1984.

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986.

Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Никита Хониат. История. СПб., 1860. Т.4. Ч.1 - 2.

Литература

Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

История Византии / Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1967. Т. 3.

Каждан А.П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // Византийский временник. 1968. Т.28.

Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1995.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Лекция 6. Политическая история поздней Византии. Восстановление Византийской империи в 1261 году. Гражданская война и восстание зилотов. Поздневизантийская политическая теория. Взаимоотношения Византии с западно-европейскими и балканскими странами. Турецкие завоевания на Балканах. Падение Византийской империи.

Источники

Георгий Гемист Плифон. Законы // Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV – XV вв. СПб., 1997.

Георгий Гемист Плифон. О добродетелях // Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV – XV вв. СПб., 1997.

Димитрий Кидонис. Монодия на павших в Фессалонике // Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

Димитрий Кидонис. Слово о пренебрежении к смерти // Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

Памятники византийской литературы IX - XIV веков. М., 1969.

Литература

Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

История Византии / Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1967. Т.3.

Культура Византии. XIII – первая половина XV века. М., 1991.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV - XV вв. СПб., 1997.

Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.

Поляковская М.А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин:

К вопросу о политической концепции середины XIV в. // Византийский временник. 1980. Т. 41.

Поляковская М.А. Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом// Античная древность и средние века. 1980. Вып. 17.

Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

СЕМИНАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Семинарские занятия – одна из форм обучения, которая позволяет студентам закрепить знания, полученные на лекциях и овладеть новым знанием в ходе практической работы. Семинарские занятия проводятся по определенному плану, который состоит из вопросов, выносимых на всеобщее обсуждение и вопросов для индивидуальной подготовки.

Занятия могут проходить в разных формах. Выбор формы проведения зависит от уровня подготовки студентов, содержания темы, особенностей источ-

никовой базы. Подготовка к семинарским занятиям по истории должна включать следующие моменты: знакомство с текстами источников и научной литературы; сравнение позиций различных авторов по изучаемым проблемам; выяснение для себя содержания тех категорий и понятий, которые являются основными для данного раздела медиевистики.

При подготовке к занятиям студентам следует связывать теоретические проблемы с конкретно-историческим материалом, с собственными профессиональными интересами в области исторической науки. Тексты наиболее важных для подготовки к семинарам исторических источников размещены в хрестоматии.

Тема 1. Византия в эпоху Юстиниана

1. Характеристика источников.
2. Опыт исторического портрета: Юстиниан и Феодора.
3. Особенности политической теории при Юстиниане. «Кодекс Юстиниана» как синтез римского права.
4. Внешняя и внутренняя политика императора.

Источники

Агафий. О царствовании Юстиниана. М.; Л., 1953.

Дигесты Юстиниана. М., 1984.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

Прокопий Кесарийский. Трактат «О постройках» // Вестник древней истории. 1939. № 3.

Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

Литература

Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Бородин О.Р. Византийская Италия в VI-VIII вв. Барнаул, 1991.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 2.

Курбатов Г.Л. Византия в VI столетии. Л., 1959.

Левченко М.В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V – VI вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945.

Лебедева Г.Л. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

- Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976.
- Удальцова З.В. Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. 1965. Т. 26.
- Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков VI – VII вв.). М., 1974.
- Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З.В. Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского // Византийский временник. 1968. Т. 29.
- Удальцова З.В. Мировоззрение Прокопия Кесарийского // Византийский временник. 1971. Т. 31.
- Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986; *Изд-е 2-е*: СПб., 1997.

Тема 2. Взаимоотношения империи с Болгарией и Сербией

1. Образование I Болгарского царства. Первые контакты византийцев и болгар.
2. Военная и дипломатическая политика Византии на Балканах.
3. Византия и Болгария после 1018 г.
4. Византия и Сербия. Политика, экономика, религия и культура.

Источники

- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I; М., 1995. Т. II.

Литература

- Баран В.Д. Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1990.
- Кучма В.В. Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1979.
- Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
- Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
- Раннефеодальные государства на Балканах. VI – XII вв. М., 1985.
- Седов В.В. Восточные славяне. М., 1994.
- Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.

Тема. 3. Религиозный фактор в политической жизни империи

1. Церковь и государство в ранней Византии. «Теория симфонии».
2. Религиозная политика императора Юстиниана.
3. Политика иконоборчества.
4. Патриарх Фотий и новая концепция международной политики империи. Византийская миссионерская деятельность.
5. Схизма 1054 г. и ее последствия.
6. Идея церковной унии в поздней Византии.

Источники

Липшиц Е.Э. Никифора, патриарха Константинопольского «Краткая история» со времени после царствования Маврикия // Византийский временник. М.; Л., 1950. Т.3.

Памятники византийской литературы IV - IX вв. М., 1965.

Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М., 1980.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.

Литература

Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии: 784 - 847. М., 1997.

Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Бычков В.В. Из истории византийской эстетики // Византийский временник. 1976. Т.37.

Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994.

Культура Византии. Вторая половина VII-XII в. М., 1989.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Липшиц Е.Э. Никифор и его исторический труд // Византийский временник. М.; Л., 1950. Т.3.

Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии»: к вопросу о методах их освоения // Византийский временник. 1984. Т.45.

Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.

Тема 4. Византия и Запад. Крестовые походы

1. Политические и религиозные разногласия между Византией и Западом.
2. Первый крестовый поход и полтика Алексей Комнина.
3. Четвертый крестовый поход. Падение Византии.
4. Латинская Романия и греческие государства в XIII в.
5. Восстановление Византийской империи в 1261 г.

Источники

Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.

Жоффруа Вилардуэн. Взятие Константинополя. М., 1984.

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986.

Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Никита Хониат. История. СПб., 1860. Т. 4. Ч. 1-2.

Литература

Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.

Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956.

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

История Византии / Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1967. Т. 3.

Каждан А.П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // Византийский временник. 1968. Т.28.

Карпов С.П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII-XV вв. // Византийский временник. 1973. Т.35.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Карпов С.П. Латинская Романия // Вопросы истории. 1984. № 12.

Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1995.

Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991.

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Тема 5. Византия и османы. Падение Византии

1. Продвижение османов на Балканы и Малую Азию в XIV – XV вв.
2. Особенности внутривизантийской ситуации в Византии в первой половине XV в.
3. Константин XI Драгаш и Мехмед II Фатих: исторические портреты.
4. Завоевание Византии турками в 1453 г.

Источники

- Георгий Сфрандзи. Хроника // Кавказ и Византия. 1982. Вып. 3. С. 188–235.
Византийские историки Дука и Сфрандзи о падении Константинополя // Византийский временник. 1953. Том 3. С. 389–409.
Лаоник Халкокондил. История // Византийский временник, Том 3. 1953. С. 436–444.

Литература

- Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1-2.
Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1997.
Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.
Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Тема 6. Византия и Древняя Русь

1. Первые контакты росов и византийцев.
2. Договоры русских с греками в первой половине X века.
3. Дипломатическая деятельность княгини Ольги.
4. Византия и Русь в конце X века.
5. Взаимоотношения Византии и Руси после крещения.

Источники

- Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.
Белоброва О.А. О «Книге паломник» Антония Новгородского // Византийские очерки. М., 1977.
Бибиков М.В. Византийские исторические сочинения: Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.
Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды. Пг. 1915. Т. 3.
Зимин А.А. Память и похвала и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. Т. 37.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
Памятники права Киевского государства / Сост. А.А. Зимин, 1952.
Повесть временных лет. СПб., 1996.

Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином VII Багрянородным // Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.

Литература

Бибиков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1–2.

Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990.

Греков Б.Д. Киевская Русь. Изд. 3-е, перер. и доп., М.; Л., 1939.

Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.

Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984.

Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

История Византии. М., 1967. Т. 1–3.

История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948–1951. Т.1–2.

Культура Византии: вторая половина VII – XII вв. М., 1989.

Культура Византии: XIII – первая половина XV в. М., 1991.

Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978.

Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб, 2000.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Мейендорф И. Византия и Московская Русь. М., 1990.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР. М., 1974.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

Седов В.В. Восточные славяне. М., 1994.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998.

Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тихомиров М.Н. Русская культура X – XVIII вв. М., 1968.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 3 т. СПб., 1913. Т.1; Л., 1927. Т. 2. Ч. 1. Половина I; М.; Л., 1948. Т. 3.

Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV – XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.

Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге 2-го тысячелетия. М., 2002.

Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. М., 1957.

Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990.

Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XII – XIII вв. М., 1978.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII вв. М., 1989.

Щапов Я.Н. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.

Южная Русь и Византия. Киев, 1991.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ КОНТРОЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

для дисциплины «Традиции византизма в государственных системах Восточной Европы»

1. Отечественная историография политической истории Византии.
2. Политическая история Византии в зарубежной византистике.
3. Образование византийской государственности.
4. Византия в эпоху Юстиниана. Особенности внутренней и внешней политики.
5. Политическая теория ранней Византии. Великая ойкуменическая доктрина.
6. Византия и славяне в VI–IX вв.
7. Византия и Болгария: политика, дипломатия, военные конфликты.
8. Византия и Болгария после 1018 г.
9. Византия и Сербия: политика, дипломатия, церковь.
10. Византия и народы Кавказа.
11. Схизма 1054 г. и ее последствия для Византии и Запада.
12. Династия Комнинов: правители, особенности внутренней и внешней политики.
13. Византия и крестоносцы. Первый крестовый поход.
14. Четвертый крестовый поход и падение Византии.
15. Латинская Романия и греческие государства в первой половине XIII в.

16. Восстановление Византии в 1261 г. Политика империи во второй половине XIII – начале XIV вв.
17. Гражданская война и восстание зилотов.
18. Поздняя Византия. Турецкое завоевание империи.
19. Церковь в Византии: церковная организация, взаимоотношения церкви и государства.
20. Византийская историческая мысль о политической жизни империи (на примере конкретного автора).
21. Византийские портреты (опыт исторической характеристики политического, церковного деятеля, военачальника).
22. Византия и Древняя Русь.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебники, учебные пособия

- История Византии / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 1–3.
- Культура Византии. IV–первая половина VII в. / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1984.
- Культура Византии. Вторая половина VII–XII в./Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1989.
- Культура Византии. XIII – первая половина XV в./Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1991.
- Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975.
- Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.

Основная литература

- Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.
- Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
- Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
- Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1–2.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.
- Каждан А.П. Византийская культура. СПб., 2000.

Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX - начало XII в.). СПб., 2000.

Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.

Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

Успенский Ф.И. История византийской империи. СПб.; М.; Л., 1913–1948. Т. 1–3.

Дополнительная литература

Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995.

Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.

Византия, Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западно-европейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994.

Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998.

Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1999.

Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.

Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII–IX вв. Л., 1961.

Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии IV–VIII вв. Л., 1976.

Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 1997.

Любарский Я.Н. Византийские историки и писатели. СПб., 1999.

Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.

Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.

Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004.

Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.

Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб., 2000. Т. 1–2.

- Райс Д.Т. Искусство Византии. М., 2002.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб, 1997.
- Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999.
- Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
- Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003.
- Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003.
- Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // Византийский временник. 1968. № 29.
- Удальцова З.В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии (постановка проблемы) // Византийские очерки. М., 1971.
- Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: типологические наблюдения // Византийские очерки. М., 1977.
- Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.
- Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986.

Видеоматериалы

- Воскобойников О.С. Святая София Константинопольская. URL: <https://postnauka.ru/video/68478>
- В поисках Византии. URL: <https://disk.yandex.ru/d/h1ENZ7h57U3WHA>
- Иванов С.А. Исторические подделки и подлинники: «Тайная история» Прокопия Кесарийского. URL: <https://arzamas.academy/courses/7>
- История Византии в 22 пунктах. URL: <https://arzamas.academy/materials/859>
- Карпов С.П. Империя Великих Комнинов. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/54/istoriya-velikikh-komninov>
- Карпов С.П. Причерноморье: перекресток цивилизаций. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/100/prichernomore-perekrestok-civilizacii>
- Карпов С.П. Уроки Венеции. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/1084/uroki-venecii>
- Карпов С.П. Цивилизация Византии. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/141/civilizaciya-vizantii>

ХРЕСТОМАТИЯ

Методика проведения семинарских занятий предполагает обязательный анализ содержания исторических источников, содержащих сведения о политической системе Византийской империи. Для эффективной организации учебного процесса и самостоятельной работы студентов сформирован комплекс текстов, отражающих различные аспекты государственной идеологии и внешнеполитической доктрины Восточной Римской империи, а также иллюстрирующих отношения Византии с представителями других стран и народов. Источники расположены в хронологическом порядке.

Методика работы с текстом состоит из двух этапов: внешняя и внутренняя критика текста. Первый этап – внешняя критика источника – включает в себя анализ внешних признаков текста, сведения о его происхождении и подлинности. Следует определить название, авторство (если известно), время и место создания. Выяснить, к какому классу, виду, разновидности и жанру он относится. На этом же этапе следует определить структуру источника и его тематическую направленность (о каких явлениях и событиях он сообщает, какие стороны жизни общества в нем освещены). Выявить незнакомые термины и слова, найти информацию о них в словарях, справочниках и т. п.

Второй этап источниковедческого анализа – внутренняя критика письменного источника. Необходимо собрать максимальные сведения о личности автора текста: его происхождение, социальный статус, сфера профессиональной деятельности, степень его осведомленности об описываемых событиях, объективности или предвзятости (причины такой позиции). Изучая содержание текста, следует охарактеризовать полноту или недостаточность его сведений по тому или иному сюжету.

Наряду с внешней и внутренней критикой может применяться методика диалога с источником, предложенная представителями Школы Анналов: сначала формулируется проблема, интересующая исследователя, а затем источнику последовательно задаются вопросы, нацеленные на постепенный поиск содержащейся в тексте информации. Такая методика «допроса» исторического источника формирует у обучающихся «умение задать прошлому существенные для современности вопросы».¹

¹Подробнее о методике диалога с источником см.: Мягков Г.П. Теоретико-методологические и методические основы изучения курса «История средних веков» в условиях современных эпистемологических вызовов // История средних веков: учеб. пособие для ист. фак. ун-тов. Ч. 1. Западная Европа в период раннего средневековья / Казан. федер. ун-т, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»; авт.-сост.: Г. П. Мягков, Н. Г. Шишкина, А. А. Зорина. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. С. 17–19.

АГАФИЙ

О ЦАРСТВОВАНИИ ЮСТИНИАНА

КНИГА ПЯТАЯ

(557 г.) 1. Так величайшие и соперничающие между собой силой народы, согласно договору, отложили оружие, в течение очень длительного времени оставались спокойными, и ни одна сторона ничего не замышляла против другой. В это время цанны, северное племя, которые с древних времен были подданными римлян, обитающие вокруг Трапезунда, — одни сохраняли старые договоры и не проявляли дерзости, другие же, оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается Феодор, их соотечественник, считавшийся одним из первых римских таксиархов. О нем я часто упоминал раньше. Прекрасно зная родную страну, он [понимал], куда лучше всего вторгаться, где наиболее удобно разбить лагерь и как разведать врагов. Поэтому, справедливо, по императорскому приказанию он был отправлен на это дело. Выступив из Колхидской земли с соответствующим войском и перейдя ее границы по ту сторону Фазиса на западе, он тотчас же вторгся в неприятельскую страну. Расположившись лагерем около города Феодориады и так называемого Ризея, он обнес лагерь валом, пригласив цаннов, которые были еще спокойны и дружелюбны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность; тех же, кто, нарушив договор, нагло отпал, готовится наказать как можно скорее войной. А они без всякого промедления подходят ближе к валу и, собравшись большими силами на ближайшем возвышенном месте, метают оттуда копья и стрелы в римлян, так что все войско было приведено в замешательство их неожиданной дерзостью. Многие же, вырвавшись из-за вала, с большим воодушевлением бросились против врагов, но выступали нестройно, без всякого порядка и не намеревались вызвать их на ровное место, но, проникнутые гневом, в беспорядке, прикрывая головы перевернутыми щитами, немного наклонившись, пытались подняться на высокий холм. Цанны же, быстро бросая с возвышенного места копья и скатывая камни, легко их отражали и, сделав вылазку, убили около 40 человек, а остальных обратили в бегство. Когда дело неожиданно для них кончилось счастливо, варвары как можно ближе

подошли к лагерю, и там загорелась упорнейшая битва, причем одни стремились прорваться внутрь и все разграбить, а римляне считали для себя позором, если они не только не прогонят быстро врагов, но и совершенно их не уничтожат. Тесня друг друга и снова наступая, сражаясь в рукопашную, они отнюдь не теряли бодрости, но очень долго сражались с равным успехом. Все было наполнено сильным шумом и смешанным криком, в котором нельзя было ничего различить.

2. Феодор же, таксиарх римлян, видя, что враги лишены руководства и выстроены далеко не в безопасной для них стратегической позиции, осаждают и штурмуют укрепление не с разных сторон, а с одного места, приказывает некоторым из своих оставаться на месте и сражаться с противостоящими, большую же часть своего войска посылает для нападения на врага с тыла. Те, выйдя самым скрытным образом и появившись в тылу, испустили громкий и пронзительный военный клич, так что испуганным цаннам не пришло в голову ничего другого, как обратиться в постыдное бегство. Когда они так бежали от страха и как бы потеряли рассудок, римляне их беспощадно избивали и две тысячи из них убили, а уцелевшие рассеялись по разным местам. Так Феодор совершенно усмирив весь народ, сообщил императору о случившемся и запросил, что он желает постановить о них. Тот приказал наложить на них определенную ежегодную дань, которую они платили бы в дальнейшем, чтобы они таким образом понимали, что являются подданными и данниками и полностью подчинены. Итак, они все были переписаны, и бремя подати на них было наложено, и до настоящего дня они платят дань римлянам. Император Юстиниан гордился этим, как великим деянием. Поэтому, перечисляя другие победы в одной из своих конституций, которые мы называем новеллами, одной из первых упоминает победу над этим народом. Заносчивость цаннов получила такой конец, и Феодор через страну лазов возвратился к стратигам.

3. Немного раньше этого в Византии было сильное землетрясение, так что едва весь город [Константинополь] не был повержен и разрушен. Было оно и само по себе величайшим, и такого, полагали, никогда не было раньше по силе толчков и продолжительности колебания. Еще более страшным его сделали время и обстоятельства, при которых оно случилось. Ибо тогда уже кончилась осень этого года, совершались новогодние пиршества по римским обычаям. Наступила стужа, как это естественно, когда произошел зимний солнцеворот, и солнце вошло в созвездие Козерога и в особенности в восьмой пояс от Эвксинского понта, как определяется знатоками. Тогда в среднюю стражу ночи, когда горожане предавались сну и покою, внезапно на них обрушилось это бед-

ствие. Все тотчас же было потрясено до самых оснований. Толчки, хотя и вначале достигавшие большой силы, все нарастали и нарастали, как бы равномерным увеличением направляясь к высшей точке. Когда таким образом все пробудились от сна, со всех сторон слышался плач и вой и мольба, обычно в таких случаях обращенная к богу. Равным образом какой-то глухой и страшный звук, как бы земной гром, посылался землей, сопровождая землетрясение и удваивая страх. Прилегающий к земле воздух затемнился дымным облаком, неизвестно откуда поднявшимся, и был какой-то мрачный и бурный. Люди, бывшие вне себя от страха и не знающие, что делать, выбегали из своих домов. И тотчас улицы и узкие проходы наполнились народом, как будто бы там они не могли погибнуть, если бы так случилось. Ибо всюду постройки (расположены) непрерывно и связаны между собою и весьма редко можно видеть постройку, находящуюся на открытом месте, свободную и совершенно не связанную с соседней. Направляя свои взоры ввысь, взирая на небо и так умилоствляя бога, [люди] понемногу, казалось, уменьшали свой страх и душевное смятение, но страдали от падающего небольшого снега и были мучимы холодом. И однако и в таком положении не входили под кровлю, разве только некоторые убегали в церковные святилища и преклонялись там. Многие женщины не плебейского сословия, но даже знатные, бежали вместе с мужчинами. Всякий порядок и почтение, преимущества и уважение к старцам по возрасту, которым они превосходили других, были потеряны. Даже рабы, пренебрегая своими господами, не повинаясь приказаниям, убегали в священные места, поддаваясь большому страху. Плебеи оказались в равном положении с архонтами ввиду нависшей общей опасности, — ожидания всеми скорой гибели. Многие дома в эту ночь были разрушены и особенно в Регии, приморской части города. Случились многие невероятные чудеса. В некоторых местах части кровли, сделанные из камня или дерева, разрывались, так что можно было видеть небо и звезды, как на открытом месте, а затем немедленно соединялись в прежнюю связь; в некоторых местах колоны, водруженные в верхней части домов, свергались силой удара и, перескочив ближайшие, неслись с высоты на более отдаленные дома, наподобие пращи, и все сокрушали. Кое-где происходили еще более страшные вещи, которые, конечно, и раньше случались и которые будут происходить и в дальнейшем, пока стоит земля и имеют место явления природы, но тогда в наибольшей степени все вместе совпало. Много людей погибло из толпы и неизвестных. Из динатов и записанных в сенаторское сословие погиб один Анатолий, человек, почтенный консульским достоинством, который раньше нес заботы об императорских дворцах и управлял дворцовыми имуществами. Рим-

ляне называют их кураторами. Случилось, что, когда этот Анатолий спал в своей опочивальне, мраморная фигура из тех, которые были вделаны в стены вблизи его ложа и которые в большом количестве обычно употребляются для украшения стен ради показа великолепия [людьми], сверх меры услаждающимся этими излишними, отнюдь не необходимыми украшениями, оторванная силой сотрясения, обрушилась на его голову и разбила ее. А он пережил этот удар ровно столько времени, чтобы издать глухой стон, и пал замертво на свое ложе.

4. Когда наступил день, с великою радостью смотрели друг на друга встретившиеся друзья и родственники, обнимаясь с плачем, целуясь, одновременно радуясь и не веря [тому, что они спаслись]. Когда же несли и погребали Анатолия, люди из народа повсеместно говорили, что он наказан поистине справедливо, что он был самым несправедливым человеком и у многих своих близких отнял их собственность, что к этому концу привели его каменные доски с судебными постановлениями и пурпуровые флаги, которые он неоднократно накладывал на имущества богатых, добиваясь благоволения императора, и таким образом все присваивал себе, насиловал и бесстыдно нарушал волю умирающих, совершенно игнорируя законы, которые требуют, чтобы дети наследовали имущество своих родителей. Об этом шептали в толпе, и, казалось, причина случившегося вполне обнаружена. Я же в этих делах сильно сомневаюсь и не могу утверждать, каким образом они происходят. Конечно, землетрясение было бы желанным приобретением и достойным большой похвалы, если бы могло отделить худых от добрых, и одних губило бы злой смертью, а других щадило бы и к ним снисходило. Допустим, что он действительно был несправедлив, но были и другие очень многие в городе, ему подобные, даже более несправедливые, а между тем внезапно был похищен смертью он, а они остались не наказанными. Поэтому неясно и нелегко понять, почему умер из всех один Анатолий, когда даже по учению Платона более жалкими и несчастными являются те, которые после весьма дурной жизни, не искупив наказаниями грехов в этой жизни, или насильственной смертью, или каким-либо другим образом уходят из нее как рабы, заклеянные клеймом преступлений, прежде чем [преступления] будут искуплены. Так что, если принять это положение, более счастлив пострадавший, чем спасенные. Но весьма желательно, чтобы это учение было внедрено в души людей. Быть может, некоторые нечестные люди, боясь погибнуть злою смертью, возвратятся к справедливости. Во всяком случае, вполне очевидно, что если кто будет жить очень долго и будет жить беззаботно и счастливо, то этого не будет достаточно для подтверждения его справедливости, и если кто умрет даже жестокой смертью, то это не будет прочным доказа-

тельством его крайней несправедливости. Но самым истинным образом мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда.

Итак, пусть говорят об этом одни одно, другие другое. Я же возвращаюсь к прерванному рассказу.

5. После этого и в дальнейшем в течение весьма многих дней происходило сотрясение земли, не сильное и не такое, как вначале, но достаточное, чтобы разрушить сохранившееся. Тотчас в народе появились разные безумные предзнаменования и предсказания, что немедленно должен погибнуть и весь мир.

Различные обманщики и как бы добровольные прорицатели блуждали, предсказывая, что им заблагорассудилось, и еще более устрашали толпу, легко восприимчивую вследствие уже перенесенного ужаса. Они же, искусно притворяясь безумными и одержимыми демоном, предвещали еще более страшное, как научившиеся предсказывать будущее на основании происходящих событий и неумеренно хвастаясь этим своим свойством. Другие же, наблюдая звезды и их движение, истолковывали их и предсказывали большие несчастья и чуть ли не общую гибель всего существующего. Обычно в трудные времена всегда появляется множество таких людей. Но каждое подобное предсказание было вредно для общественного блага. По-моему, следовало бы привлекать за нечестие подобных толкователей снов, не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего. Однако никого не было в то время, кто бы не был сильно охвачен страхом и смятением. Поэтому ежедневно давались обеты и совершались моления, причем все собирались в одно место. И то, что на словах легко восхвалялось, а делами редко подкреплялось, тогда делалось с большой готовностью. Все вообще стали справедливыми во взаимных обязательствах. Начальники, отказавшись от наживы, судили по законам, и прочие динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний. Некоторые же, совершенно изменив образ жизни, избрали одинокую жизнь, уединились в горы, отказавшись и распростившись с богатствами, чинами и всем, что людям наиболее дорого. Весьма многочисленные пожертвования делались храмам, а по ночам наиболее богатые граждане, обходя площади, одаряли обильным питанием и одеждой бедных и находящихся в самом жалком состоянии, изувеченных людей, которые в большом количестве валялись на земле, выпрашивая подаяние. Все это имело место в течение некоторого времени, пока страх был еще свеж и силен.

Но как только бедствие ослабело и прекратилось, тотчас большинство возвратилось к привычному. Такое движение может быть названо не истинной

справедливостью и благочестием, одинаково прочным и действенным, которое обычно создается правой верой и постоянным усилием, но какой-то беспорядочной уловкой и весьма ненадежным торгом для обмана и чтобы избежать настоящей беды.

Таким образом, добрыми делами мы пользуемся только по необходимости, пока давит страх.

6. Снова в это время выставлялись и отбрасывались многие учения об испарениях и часто упоминали Стагирита на собраниях, одни, утверждая, что он весьма правильно учил о землетрясениях и установил их причины, другие, — что он совершенно расхотел с истиной. Некоторые, желая подкрепить его учение, что дымные и тяжелые испарения, скопляющиеся в недрах земли, вызывают подобные толчки, в подкрепление этого учения выдвинули прежнее изобретение Анфимия. Отчеством ему являлся город Траллы, специальностью — изобретение машин для механиков, которые, переводя линейный рисунок на материал, фабрикуют некие подражания и изображения существующих вещей. Он был лучшим в этом искусстве и дошел до вершин математических наук, так же как брат его, Митродор, в так называемых грамматических, и я бы назвал счастливой их мать, произведшую на свет потомство, преисполненное такой разнообразной учености; ибо она породила этих двух мужей, и Олимпия, прославленного знанием законов и опытностью в ведении судебных дел, и, кроме того, Диоскора и Александра, обоих опытнейших во врачебном искусстве, из которых один жил в отечестве и дал прекрасные доказательства своего искусства, другой жил в древнем Риме, приглашенный туда с большим почетом. Когда молва о Митродоре и Анфимии распространилась повсеместно, она дошла до самого императора. Поэтому они пришли по приглашению в Византию и провели здесь остальную часть жизни, причем каждый из них оставил величайшие доказательства своего искусства. Один из них обучил многих юношей из знати и приобщил их к прекраснейшей из наук, так что внушил всем, насколько мог, стремление и любовь к наукам и красноречию. Другой воздвиг удивительные строения как в столице, так и повсеместно, которые, думаю, если бы о них и ничего не говорили или не писали, пока они стоят и сохраняются, сами по себе достаточны, чтобы снискать ему бессмертную славу.

Я сейчас скажу, почему упомянул об этом муже. Есть в Византии некий человек, по имени Зинов, записанный в списки риторов, чрезвычайно красноречивый и большой любимец императора. Жил он по соседству с Анфимием, так что, казалось, они обитают в одном жилище и заключены в одних пределах. С течением времени у них возникли споры и раздоры или вследствие вида

[постройки], необычного раньше, или вследствие новой, неумеренно поднятой в высоту и загораживающей свет, или из-за чего другого, так как естественно, что у слишком близко друг от друга живущих возникают споры.

7. Тогда Анфимий был побежден противником-обвинителем, так как не в состоянии был противопоставить одинаковое ораторское искусство. Но он в свою очередь поразил его своим искусством следующим образом. Зинон приобрел отличный дом, очень обширный и красивый, изысканно изукрашенный, в котором он и сам обыкновенно пребывал и угощал друзей. Нижние помещения были с одной стороны близки к дому Анфимия, так что общая крыша соединяла потолок одного и часть постройки другого. Здесь, в различных частях помещения, он разместил много сосудов, наполненных водой, обтянул кожаными крышками, снизу широкими, чтобы охватить сосуды, затем они суживались наподобие труб, прикрепил концы их к доскам и балкам и тщательно закрыл все отверстия, так что весь пар, сколько его содержалось в кожах, не улетучиваясь и не проходя наружу, свободно поступал вверх, поднимаясь по полым трубам, пока не достигал крыши. Приготовив все это скрытым образом, он подложил сильный огонь под основание сосудов и развел сильное пламя. Тотчас из кипящей воды поднялся вверх пар, сильный и одновременно густой. Так как он не имел возможности распространиться, то он несся по трубам и, сжатый теснотой, с большой силой стремился вверх, пока непрерывным потоком не ударялся о крышу и всю ее сотрясал и приводил в движение, так что бревна сильно тряслись и скрипели. Бывшие у Зинона были охвачены страхом и ужасом и высыпали на площадь, пораженные бедствием, стонали и призывая на помощь. Он же, отправившись в императорскую резиденцию, спрашивал знакомых, как у них произошло землетрясение и какой они потерпели убыток. Когда же они отвечали: «Говори добрые слова, друг», и «прочь», и «пусть никогда этого не будет», и к тому же еще гневались на него, как болтающего такие несуразные с дурным предзнаменованием слова, он не знал, что и подумать. Он не мог отнять у самого себя веры в то, что, как он знал, недавно с ним случилось, и в то же время стыдился дольше спорить со столькими людьми, притом его так порицавшими.

8. Этими аргументами, главным образом, пользовались утверждающие, что испарения и выделения пара порождают землетрясения. Они говорили: «Так как этот изобретатель машин знал причины, отчего бывает сотрясение земли, то он и произвел подобное и своим искусством подражал природе». Они, вероятно, говорили не все, что думали. Мне все же это кажется вероятным и остроумно изобретенным, но отнюдь, не представляется достаточным доказатель-

ством того, что так происходит в природе. Из того, что эти «мелитенские собачки», взбегая на крышу, двигают и сотрясают ее, и это делают при легчайшем подъеме, никто не может вывести заключение, что это сходно с явлениями природы, и пользоваться этим, как достаточным аргументом. Однако эти шуточные изобретения отнюдь не должны рассматриваться как ничтожные и непристойные. Что касается происшествий в природе, то нужно (если только нужно) искать другие причины. И не только это Анфимий устроил Зиному, но одновременно бросил гром и молнию в его жилище. Он отполировывал диск, приготовленный наподобие зеркала, немного вогнутый, противопоставленный лучам солнца, и различными способами направлял на дом Зинова сильный свет, так что тот ослеплял взоры всех, на кого попадал и заставлял щуриться. Кроме того, конгломератом различных звучащих предметов, приводимых в движение, он производил сильный гул, напоминающий гром, способный привести всех в ужас, так что Зинов, когда с трудом, наконец, понял, откуда все это происходит, бросился прямо к ногам императора и обвинял соседа, как злого и преступного человека. Вне себя от гнева он высказал и нечто похвальное для того. Так, подражая поэтическим изречениям, он вскричал в сенате, как бы с иронией и насмешкой, что он — простой человек, и ему не по плечу бороться одновременно с Юпитером, пускающим громы и молнии, и с Нептуном, потрясающим землю. Прекрасны, конечно, эти проявления искусства, даже если они представляют забавы. Нет, однако, необходимости, чтобы природа следовала за ними и равнялась по ним. Но пусть каждый держится об этом такого мнения, какого желает. Мне же нужно вернуться к прерванному рассказу.

9. В таком положении оказался в эту зиму город [Константинополь], а жителям еще многие дни представлялось, что почва сотрясается, и это тогда, когда сотрясение уже прекратилось и установилось спокойствие. Внедрилось в души людей это бедствие и подозрение сохранилось, затемняя рассудок. А император старался восстановить многие дома, некоторые из которых оказались поврежденными и потерявшими устойчивость, а другие — совсем разрушенными. Особенно же он заботился о величайшем храме божием. Когда он был раньше сожжен народом, он восстановил его совершенно заново, от самого основания и создал весьма замечательный и удивительный, отличающийся громадными размерами, красотой формы и разнообразием металлов. Построил его из жженого кирпича и извести, повсеместно соединив железными скобами и совершенно не пользуясь деревом, чтобы он не загорелся легко. Именно Анфимий, о котором я упоминал раньше, составил план для всего сооружения и его выполнил. Тогда император восстановил снова среднюю, самую высокую часть

купола, обрушившуюся от землетрясения, [сделав] ее более прочной и подняв на большую высоту. Анфимия тогда уже не было в живых. Молодой же Исидор и другие техники, рассмотрев сами прежнюю форму и сличив с сохранившимся и поврежденным и изучив, каково было [повреждение] и в чем причина падения, восточную и западную апсиду оставили в прежнем состоянии на месте, северную же и южную над сводами протянули внутрь и несколько расширили, чтобы они более гармонично соответствовали другим и вместе представляли форму равностороннюю. Таким образом была сокращена чрезмерная обширность пустого пространства и прикрыта некоторая часть пространства, поскольку была создана форма иного вида. Итак, ими был создан возвышающийся в центре или круг, или полушарие, или фигура, называемая другим именем. И [купол] сделан был тогда действительно более прямым, легко обозреваемым, геометрически круглым, несколько, правда, более тесным и сдавленным, который не так прельщал красотой зрителей, как раньше, но был гораздо более прочным. Итак, то, что следовало в истории сказать о храме и к чему пришла, развиваясь, сама последовательность рассказа, это мной достаточно подробно изложено. Восхвалять же в отдельности все то, что в нем достойно удивления, и показывать в своем изложении представляется излишним и не приличествует этой работе. Если же кто, быть может, проживающий вдали от столицы, пожелает отчетливо узнать все, как бы присутствуя, и смотря, пусть прочитает то, что Павел, сын Кира Флора, описал в гексаметрах. Он, состоя примыкирием императорских силенциариев, украшенный славой своего рода и унаследовав от предков большое богатство, много уделял времени науке и красноречию, и этим еще более прославлялся и украшался.

И он написал очень много и других поэтических произведений, достойных памяти и похвалы. Написанное же им о храме представляется мне сделанным с наибольшим старанием и искусством, поскольку и тема наиболее увлекательна. Ибо найдешь в нем полностью и гармонию целого и тончайшим образом исследованную природу материалов, и изящество, и значение вестибюлей храма, и его величину, и высоту и узнаешь, каковы изображения, помещенные в высоте, круглые и протянутые в ширину. Из стихотворного описания также узнаешь, как недоступный для непосвященных алтарь украшен самым дорогим способом — сплавом золота и серебра. Отдельно описывается место, предназначенное для таинств, и какие там есть другие, большие и малые украшения — не хуже, чем если бы кто в нем часто бывал и все рассмотрел лично. Итак, спустя немного времени было произведено второе исправление и восстановление этого храма.

10. В том же году с началом весны чума, которая никогда совершенно не прекращалась, снова обрушилась на город. Как я указал, в первый раз, около пятого года правления Юстиниана, она обрушилась на наш мир, потом часто перемещалась с одного места на другое и, опустошая одни местности, другим давала как бы передышку. Теперь же опять возвратилась в Византию, как будто раньше чем-то обманутая и раньше времени ушедшая оттуда.

Итак, умирали многие внезапно, как будто пораженные сильной апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня. Течение болезни имело много сходства с предшествующей эпидемией. Горячки с нарывами были продолжительные, а не однодневные. Они нисколько не ослаблялись и прекращались только со смертью того, кого они захватили. У некоторых не было ни лихорадочного жара, ни другого заболевания, но, занятые обычным делом, и дома, и на площадях, принуждаемые необходимостью, они падали и быстро становились бездыханными, как бы нерадиво относясь к смерти. И поражался всякий возраст без различия, а в особенности люди цветущего возраста и молодые, среди них больше всего мужчины. Женщины далеко не терпели подобного. Древнейшие оракулы персов и искуснейшие в изучении небесных движений у персов говорят, что в бесконечном времени происходят смены периодов то добрых и счастливых, то несчастных и неблагоприятных, причем настоящий период признается одним из самых худых и имеющих дурное предзнаменование. Ибо теперь начинаются и усиливаются повсеместно войны и возмущения; в городах удерживаются в течение долгого времени и нарастают смертельные болезни. Другие же причиной гибели выставляют небесный гнев, который наказывает за грехи человеческого рода и уменьшает население. Мне же не подобает рассуждать об этих мнениях и определять более достоверное из них, потому что не знаю, а если бы и знал, то отнюдь не считал бы необходимым и соответствующим настоящему труду, а если я коротко упомянул о случившемся, то этим удовлетворил требование истории.

11. Когда это случилось, произошли в столице и другие события, наполнившие ее шумом и смятением, и не менее тягостные, чем те, о которых я рассказал. Я сейчас изложу, каковы они были, а раньше коротко упомяну о более раннем.

Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие — утигурами, некоторые — ультизурами, прочие вуругундами.

Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением.

Таким образом, изгнав прежних обитателей, они заняли их страну, но, кажется, в ней не очень долго прожили и, как говорится, погибли поголовно.

Ультизуры и вуругунды считались могущественными и были знамениты до времени императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне, их не знаем и, думаю, никогда не узнаем, или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие местности. Однако в тот год, когда моровая язва напала на город (Константинополь), некоторые племена гуннов оказались существующими и к тому же весьма страшными. Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно. Когда наступила зима, река, как обычно, покрылась льдом и замерзла на такую глубину, что могла быть перейдена и пешими и конными войсками. Заберган, вождь гуннов, называемых котригурами, переведя значительное конное войско [по реке], как по суше, очень легко вступил на территорию Римской империи. Найдя тамошние местности лишенными обитателей, он без всяких препятствий проник внутрь [страны] и, быстро пройдя Мизию и Скифию, вторгся во Фракию. Там он разделил войско и одну часть его направил в Грецию, чтобы она произвела нападение на все незащищенные гарнизоны места и их опустошила. Другую же часть войска послал во Фракийский Херсонес.

12. Части Херсонеса, обращенные на восток, юго-восток и юг, протянулись вдоль Геллеспонта. Он обтекает его почти весь, и тот почти окружается его изгибами, соединяясь с континентом только небольшим перешейком в 40 стадий, мешающим ему стать островом. Через этот перешеек проведена стена, проведенная с той и другой стороны до моря. Внутри за ней размещены Ародимада, Тескос и Киберис. В самом отдаленном от них пункте, у самого пролива и морских изгибов, расположен Сест, город, часто упоминаемый в поэзии и знаменитейший, думаю, не по какой другой причине, как только по причине светильника Сестской горы и любви и смерти Леандра. Недалеко от него расположен и другой городок, незначительный, некрасивый и ничем не привлекательный, по имени Каллиполь. Окрестности его украшают поля, гавани, обилие древесных зарослей и текучих вод. Земля хорошо орошаема и плодородна, изобилует продовольствием. Эти городки и обширную площадь ограждает стена, чтобы

помешать проникновению туда врагов. Тогда Заберган, преисполненный надеждами, замыслил разрушить стену, проникнуть внутрь и подчинить себе даже море. Он строил мечты, что там у него будет множество кораблей и что он отправится в Азию через очень узкий пролив, весьма удобный для переправы и не тревожимый сильными волнами, и что он тотчас же разорит Абидос и тамошнюю таможню, где взимают десятину. Охваченный такими безрассудными помыслами, он послал в Херсонес войско, достаточное для этого предприятия. Сам же с семьёю тысячами устремился прямо на Константинополь, опустошая поля и покушаясь на города, везде внося хаос и замешательство. Настоящая причина похода была варварская несправедливость и страсть к обогащению. Предлогом же и прикрытием он выставил вражду против утигуров. Ибо некто по имени Сандилх, гунн, вождь этого племени, был другом римлян и их союзником. Поэтому император относился к нему с благосклонностью, почитал его и часто посылал ему подарки. Котригуры же, как обойденные и оскорбленные явным пренебрежением и очевидным презрением, решили предпринять этот поход, чтобы показать, что и они умеют внушать страх и достойны внимания, показать, что и они не спустят обидчику.

13. Так как никто им не выступил навстречу и не оказал сопротивления, то они опустошили страну, подвергнув ее жестокому разграблению, награбили большую добычу и захватили множество пленных. Жесточайшим образом похищались и многие благородные женщины и даже ведущие непорочную жизнь подвергались величайшему бедствию, становясь жертвой разнузданной страсти варваров. Некоторые еще с детства отказались от брака, мирских желаний и забот этой жизни, проживали в удаленных, посвященных божественному богослужению помещениях, вели с величайшим усердием уединенную жизнь, свободную, без всякого общения с мужчинами. Даже над этими, вырванными из священных убежищ, девами надругались враги, подвергая их позорному насилию. Многие же другие не отказывались от общения с мужчинами и были захвачены беременными, когда уже настала необходимость родить, рожали детей в дороге на открытом месте, не имея возможности даже прикрыть стыдливость родов, ни обрядить, как подобало, и взять с собой новорожденного младенца, на их [матерей] тащили дальше в таком состоянии, причем им не позволялось даже, страшно сказать, скорбеть об этом. Несчастные же новорожденные бросались одинокими на растерзание собакам и плотоядным птицам, как будто они только для этого и были произведены на свет и напрасно познали начало своего бытия. К такому жалкому состоянию были приведены дела римлян, что даже в окрестностях столицы они терпели столь жестокие бедствия от

варваров, к тому же весьма немногочисленных, но их дерзость не ограничилась даже этим. Пройдя дальше, они легко преодолели длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри. Вследствие старости и заброшенности великое укрепление во многих местах рухнуло и распалось. Некоторые же части они сами разрушили, притом так легко и беззаботно, как будто разрушали жилые дома, так как не было никого, кто бы сопротивлялся им. Не было там никакого военного гарнизона, никаких орудий для отражения врагов. Не было и тех, кто использовал бы и привел в действие эти орудия. Не слышно было даже лая собак, а если и был, то не больше, чтобы не сказать слишком смешное, как в свинарнях и овчарнях. В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но сведенные к ничтожной их части, далеко не соответствовали величине государства. Ибо все римское войско должно было насчитывать шестьсот сорок пять тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва составляло сто пятьдесят тысяч, и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у колхов, в Александрии и Фивах египетских. Небольшая часть была расположена и на границах персов. Там не было нужды в больших силах, благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству.

14. Император раньше покорил всю Италию и Ливию, провел успешно эти величайшие войны и первый, так сказать, среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором. Но эти и подобные деяния были совершены, когда он был еще молод и полон сил. А теперь, в конце своей жизни, уже и состарившись, он, казалось, отказался от трудов и предпочитал скорее сталкивать врагов между собою, смягчать их, если необходимо, подарками и таким образом их кое-как сдерживать, чем доверяться самому себе и постоянно подвергаться опасностям. Поэтому он легко переносил ликвидацию легионов, как будто в них в дальнейшем совершенно не было нужды. Это нерадение охватило и тех, которые занимали вторые должности в управлении государством, на обязанности которых лежало обложение поданных налогами и снабжение войска необходимым. Они часто открыто обманывали [воинов], часто выплачивали содержание гораздо позднее, чем должно. Затем, выдавая его позднее, чем должно, эти люди, искусные в обманном по отношению к народу крючкотворстве, пересматривали списки и требовали обратно уже выплаченное. Честь и достоинство их заключались в том, чтобы возводить на воинов одно обвинение за другим и отнимать у них пропитание, и, как будто в приливе и отливе вод, то же количество, которое было доставле-

но воинам из податей, не знаю каким способом, выливалось обратно и возвращалось, откуда пришло. Так пренебрегали защитниками и борцами, и те, теснимые нуждой, покидали военное поприще, в котором были воспитаны, и расходились по разным местам, избирая другой образ жизни. Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесчестным женщинам, возницам цирка и людям, мало пригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами, и другим еще более бесполезным, чем эти. А следствием этого было то, что вся Фракия и местности, прилегающие к столице, были лишены войск, беззащитны и поэтому были проходимы и легко доступны для варваров. И те дошли до такой наглости, что раскинули лагерь около селения Мелантиады, отстоящего от столицы не больше чем на 140 стадий. Его обтекает река Атирас, которая немного выше поворачивает на северо-восток и вливается в Пропонтиду, откуда и находящийся у побережья реки порт носит то же название. Когда враги, таким образом, появились в самой непосредственной близости, тотчас в Византии толпа горожан преисполнилась страхом и ужасом, и им грезилась ужасы, не только бывшие перед глазами, но и гораздо большие. Им мерещились осады, пожары, голод, разрушение стен. Поэтому по большим улицам часто можно было наблюдать беспричинное бегство, беспричинную панику и толкотню, как будто варвары уже ворвались внутрь. Сильное смятение подымалось в лавках при каждом сильном стуке. Скорбь и страх проникли не только в массы простых людей, но и распространились на всех должностных лиц. Полагаю, что и сам император ничуть не пренебрегал случившимся. Священные здания, находящиеся вне города на европейской стороне побережья, которое начинается с так называемых Влахерн и Золотого Рога и тянется до Евксинского Понта, с его разрешения были лишены своих украшений. Те, кому это было поручено, унесли из них ценные предметы и весь прочий инвентарь, погрузив все на повозки, часть поместили внутри города, а часть, сложив в лодки и переправив через пролив, доставили на противоположный материк. И тогда в тех местах можно было видеть священные здания, лишенные своих украшений, как будто еще неосвященные и недавно начавшиеся строиться.

15. Казались несомненными такие страшные и величайшие опасности, что на стенах, в Сикке и так называемых Золотых Воротах были действительно расставлены лохаги, таксиархи и многие воины, чтобы мужественно отражать врагов, если нападут. На самом деле, однако, они были небоеспособны и не были даже достаточно обучены военному делу, а были из тех воинских частей, ко-

торые назначались держать караулы днем и ночью, которых называют схоляриями. Они назывались воинами и были записаны в военные списки, но большей частью были горожанами, блестяще одетыми, но подбирившимися только для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал публично. Некогда в их число можно было принимать только тех, кто был опытен в военном деле. Поэтому они не платили никаких денег за включение в военные списки, но даром, без всяких издержек, удостаивались этой почести, полученной в награду за прежние подвиги.

Зинон же Исавр после возвращения к власти, кажется, первым зачислил в эти отряды многих своих соплеменников, доблесть которых никак не проявилась в сражениях или другим путем, но только известных ему и верных. А затем с этого времени было допущено и принято, что не только за труды и храбрость, проявленные в сражениях, как бы в виде награды зачислялись достойные, но и совершенно несведущие в военном деле [допускались] не по заслугам, а в виде милости. Когда, я говорю, началась такая практика, из этого, естественно, развилось принятие даров [за зачисление] — обстоятельство, как кажется, более могущественное, чем все остальное, и, наконец, вакансии стали прямо продаваться, так что отнюдь нельзя было желающим зачисляться в это войско каким-нибудь другим образом, кроме уплаты определенного количества денег. А выполнив это, они немедленно зачислялись без испытания и причислялись к остальным воинам, даже если были совершенно несведущи в военном деле. При таком пренебрежении отбором, они, естественно, меньше всего принуждались к военным занятиям и как приобретшие покупную должность, тем более покупали свободу праздности. Эти-то люди, за недостатком опытных в военном деле, расставленные по стенам, делали вид, что охраняли их. Уже много дней столица пребывала в таком смятении, и варвары не переставали опустошать все им попадавшееся. Тогда только полководец Велизарий, уже одряхлевший от старости, по приказанию императора посылается против них. Итак, он снова надевает уже давно снятый панцырь, а на голову шлем и возвращается к привычкам, усвоенным им с детства, возвращает память о прошлом и призывает прежнюю бодрость духа и доблесть. Закончив эту последнюю в своей жизни войну, он приобрел не меньшую славу, чем тогда, когда одержал победы над вандалами и готами. Ужас настоящего и безнадежность будущего делали его деяние еще более значительным и блестящим, а победу более радостной. И я расскажу подробно, как все это произошло.

16. Выйдя на небольшое расстояние из города и разбив лагерь в местности деревни Хетта, он показал величайшую опытность и храбрость, значительно

превышавшую его возраст. Он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и не жалел нисколько своей жизни. За ним следовало не более 300 оплитов — сильных людей, потрудившихся с ним в боях, какие он вел на Западе. Прочая толпа была почти безоружна и необучена и по неопытности считала войну приятным занятием. Она собиралась скорее ради зрелища, чем ради сражения. Сбежалась к нему из окрестностей и толпа сельских жителей. Так как поля у них были опустошены врагами, то, не имея пристанища, они быстро собрались вокруг Велизария. Присоединив к своим силам толпы крестьян, он воспользовался ими умело, обнес лагерь широким рвом и часто посылал разведчиков, поручив им, насколько это было возможно, наблюдение за неприятельскими силами, определение их численности и соби́рание других сведений, которые удастся получить.

Так он проводил время, все узнавая и обдумывая. С наступлением же ночи он зажигал много костров, разбросанных на большом расстоянии по долине, чтобы враги, увидев их, считали по количеству зажженных огней римское войско очень многочисленным и испытывали пред ним страх. И они действительно так думали и, опасаясь его, оставались неподвижными. Впрочем, они все же не долго были обмануты этой воинской хитростью. Вскоре они узнали, что римское войско весьма немногочисленно и не способно к борьбе с ними.

Тем не менее, воины Велизария были настроены весьма бодро, презирали неприятеля, даже если бы он совершил нападение большими силами, в особенности полагаясь на свою воинскую доблесть и на то, что они — римляне и имеют громадный опыт в военном деле и перенесении величайших опасностей.

Велизарий, заметив их бодрость и [то], что они больше, чем следует, хвастаются прежними деяниями, а настоящие презирают, опасался, чтобы они не дали излишнего простора своим надеждам, которые незаметно увлекут их, куда пожелают, опасался, что они будут представлять слишком легкими трудности, с которыми столкнутся. Чтобы этого не случилось, собрав всех воедино, как будто уже угрожало сражение, выступив на середину, он сказал следующее:

17. «Не из страха, о мужи, и не из желания побудить вас к бодрости, как это обычно делается перед битвами, пришел я, чтобы выступить с соответствующим словом. Я бы казался забывшим то, что мне известно по опыту, если бы перед римскими солдатами, испытанными в постоянных боях, которые разрушили, можно сказать, государства величайших народов, теперь бы стал выступать с какими-то увещаниями, призывая отбросить страх перед бродячими бандами и притом гуннами и кутригурами. Но так как вижу в вас больше,

чем подобает, высокомерия и самоуверенности, то счел я не бесполезным напомнить вам о вашей прежней скромности. Всякая чрезмерность должна быть избегаема разумными людьми, даже если она направлена к похвальной цели. Превозноситься в такой степени прежними подвигами и в дальнейшем себе обещать всегда такой же успех, значит изгонять благоразумие и склоняться к заносчивости. А том, кто дойдет до такого безумия, что не допускает в душе никакой умеренности, даже если речь идет о почтении к божественному промыслу, нужно, однако, обратить внимание и на то, что хотя варвары воинской храбростью и доблестью далеко ниже нас, однако они превосходят нас числом. И если взвесим преимущества каждой стороны, то различие придет к равенству. Поэтому разве не позорно для нас, сражающихся в равных условиях, проявлять такое безрассудство и несдержанность и не считаться ни с временем, ни с порядком, ни с внезапными капризами судьбы? Никто, как полагаю, не победит врагов физической силой, если нет налицо разумного плана и обдуманности. Каким образом я, дошедший до такой седины, что по старости уже не пригоден к военному делу, могу принимать участие в стычках и сражениях, если не буду поддерживаем правильностью своих решений и благоразумием? Поэтому, если немощь старости укрепляется разумным и направленным на должное решением и приводит к полезному, восполняя благоразумием недостатки возраста, то разве эти качества не будут тем более полезны вам, присоединяясь к юности и телесной силе? Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным размышлением, которое помогает приспособляться к обстоятельствам и исправлять ошибки. Если же несчастье произойдет по ошибочности нашего замысла, благодаря тому, что мы взяли за дело менее обдуманно, чем надлежало, откуда, я спрашиваю, искать лекарства и спасения, если начало, порождающее обычно все остальное, нас обманывает? Но, быть может, кто-нибудь будет удивляться неожиданности моего выступления. В то время, как подобает возбуждать и укреплять вашу уверенность в себе и бодрость духа, я, наоборот, подрываю и уменьшаю их, навязываю вам обдумывание, страх и делаю надежды сомнительными.

18. «Но мне то и приятно и подает добрые надежды, что я иду в сражение с такими людьми, которых если смогу убедить немного умерить свой пыл, то, думаю, должен считаться искусным оратором. А каждый из вас пусть убедится в том, что всякие попытки и действия, лишённые благоразумия, не должны считаться храбростью, но дерзостью, безрассудством и нарушением долга. Поэтому душевная бодрость пусть остается у вас и расцветает еще больше, но умеренная и улучшенная рассудительностью и ограниченная пределами долж-

ного; чрезмерная же дерзость с сопровождающей ее заносчивостью пусть будет отброшена. Размышление и обдумывание, каким образом использовать настоящую обстановку, не влечет за собой страха и трусости, но достоинство и уверенность. А когда будет установлен полезный план, тогда, несомненно, последует разумное дерзновение, которое не безрассудно испытывает превратности судьбы, но закрепляется расчетом как несомненное. Но, вероятно, кто-нибудь из вас скажет, что не может благородная натура, разумно возбужденная и готовая на всякий подвиг, воздержаться от задуманного и принуждаться к спокойствию и хладнокровию, промедлению и обсуждению, дольше, чем того требует обстановка, в особенности когда варвары так вызывающе надругаются над нами, грабя бесстыдно все, осмеливаясь даже угрожать самой столице. Дело обстоит именно таким образом, и самым опытом подтверждается, что вы справедливо воспламенены гневом против врагов. Они неумеренно пользуются тем, что им было даровано раньше. Но я считал бы весьма легким для людей благоразумных отделить гнев от ярости, беспорядочности и необдуманного порыва в делах, которые нам предстоят, сохранить только величие духа и твердое намерение противостоять врагам. Из душевных же стремлений необходимо и должно держаться тех, которые чисто и искренне совпадают с честью и долгом. Теми же, которые стремятся и направляют к противоположному, не всегда должно пользоваться, а только тогда, когда они приносят пользу. Я полагаю, вы не станете отрицать, что благоразумие есть чистое и неподдельное добро. В гневе порыв похвален: дерзость же должна быть избегаема, как невыгодная. Поэтому, избирая то, что в гневе является лучшим, и умеряя благоразумием то, что нам желательно выполнить, мы пойдем на врагов с уверенностью, так как нами ничего не упущено из должного. Нужно только, чтобы мы сознавали, что нам предстоит сражаться с людьми — варварами, которые привыкли нападать на манер разбойников и пользуясь тайными засадами, в открытом же сражении не очень испытаны и не приучены к стойкости в сражениях. Видя же теперь, что против них приготовлена упорная оборона и укрепления и стены для отражения и защиты, они, вероятно, отбросят старую свою привычку и будут принуждены к тому, чтобы вступить с нами в регулярное сражение, подойти близко и сражаться врукопашную. К этому их побудит необходимость. Если вы будете разумно вести дело, соблюдая отечественные порядки и дисциплину, будете идти на бой обдуманно, то они узнают на самом деле, во сколько раз превосходит приобретенное нашим упражнением, волей и желанием сделанное на скорую руку и вынужденное».

19. Это сказал Велизарий. Римляне же, изменив свое настроение к лучшему, сохранили попрежнему свою храбрость и вместе с тем приобрели больше осмотрительности, чем им присуще было, и меньше кичливости и преисполнились такой отвагой, соединенной со скромностью, что совершили такой подвиг, какой, говорят, сравнивая малое с великим, совершили в древности македоняне с Леонидом в Фермопилах, когда наступал Ксеркс. Но те погибли поголовно, прославившись только тем, что погибли не напрасно, но раньше убили многих персов. Бывшие же вместе с Велизарием римляне проявили спартанскую доблесть, обратив всех врагов в бегство, и весьма многих истребили, не понеся притом самих никаких потерь, заслуживающих упоминания. Ибо когда из варварского войска были выделены две тысячи как бы для того, чтобы без труда истребить противника, и разведчики объявили Велизарии, что они немедленно явятся, он вывел против них свое войско, замаскировав его и искусно скрывая, насколько возможно, его малочисленность. Отобрав двести всадников щитоносцев и копьеметателей, он поместил их в засаде с обеих сторон дороги там, где ожидал нападения врагов, приказав им немедленно броситься на врагов, метая копья, как только услышат сигнал, чтобы силой натиска те были сбиты в кучу и их многочисленность оказалась бы бесплодной, так чтобы они не могли расширить и раздвинуть свой строй, но были все опрокинуты друг на друга. Крестьянам же и лицам из гражданского сословия, пригодным к бою, которые следовали за ним, он приказал выступить с сильным криком и стуком оружия. С остальными же стал в центре, чтобы принять грудью натиск врага.

Когда варвары уже появились, и, продвинувшись вперед, большая часть их попала в засаду, Велизарий с теми, кто за ним следовал, быстро произвел сильнейший натиск на противостоящий ему вражеский строй. А крестьяне и прочая толпа криком и стуком кольев, которые они для этого несли с собой, прибавляли бодрости нападающим. По данному сигналу выскочили и сидевшие в засаде с той и другой стороны [дороги] и бросились против неприятеля. Поднялся крик и шум, больший, чем можно было ожидать от размера боевых операций.

Тогда враги, поражаемые со всех сторон дротиками, опрокинутые друг на друга, сдавленные теснотой, как это предусмотрел Велизарий, не могли сражаться и обороняться. Они не могли ни удобно стрелять из лука, ни метать копья. Всадники не могли ни руководить вылазкой, ни окружать неприятельские фаланги. Казалось, что они окружены и замкнуты в круг многочисленным войском. Ибо и находящиеся сзади с большим шумом и криком теснили их, возбуждая страх, а поднимающаяся вверх пыль мешала установить численность нападающих. Велизарий первым перебил и обратил в бегство многих против-

ников, а затем, когда и остальные напали со всех сторон, варвары, повернув назад, обратились в беспорядочное бегство, не оставив позади себя никакого арьергарда, а быстро убежали, куда кому заблагорассудится. Римляне же преследовали их, оставаясь в строю, и весьма легко истребляли отставших. Произошло большое избиение убегающих в беспорядке варваров. Они и поводья лошадей бросили и частыми ударами бичей ускорили их бег. От страха их покинуло даже то искусство, которым они привыкли гордиться. Обычно эти варвары, быстро убегая, поражают преследующих, поворачиваясь назад и стреляя в них. Тогда стрелы сильно поражают намеченную цель, так как с большой силой посылаются в преследующих, а те, устремляясь с противоположной стороны, натываются на стрелы, причиняя себе большие ранения своим разбегом и ударом стрелы с самого близкого расстояния.

20. Но в то время все казалось гуннам безнадежным и им не приходил в голову какой-нибудь способ отражения врага. Из них было убито около 400 [человек]; из римлян никого, немногие были только ранены. С трудом и хан гуннов, Заберган, и бывшие с ним добрались к своей радости до стоянки. Римские лошади, утомленные преследованием, явились главной причиной спасения гуннов. Иначе они были бы перебиты в тот день поголовно. Когда в большом беспорядке гунны ворвались в свою стоянку, то привели этим в замешательство все остальное войско, как будто ему угрожала неизбежная гибель. Слышался сильный вой варваров: они резали себе даже щеки ножами, выражая тем по обычаю свою горесть. Римляне же с Велизарием возвратились к своим, закончив дело успешнее, чем надеялись, причем успешный исход дела зависел от мудрости вождя. Варвары же после поражения тотчас снялись с лагеря и начали поспешно отступать из Мелантиады. Велизарий, хотя, несомненно, и мог нанести им больший удар и даже добить их, преследуя людей, уже охваченных паникой, так как их отступление напоминало бегство, тем не менее тотчас же после победы возвратился в столицу, и не по своему желанию, а по приказанию императора. Когда распространилась весть об этой победе и весь народ воспевал его и превозносил на собраниях всеми похвалами, как спасенный им самым очевидным образом, то это уязвило и оскорбило многих из начальствующих, охваченных завистью и враждой — этими ужасными пороками, всегда уничтожающими самое лучшее. Поэтому они клеветали на этого мужа, обвиняя его в заносчивости и в том, что он добивается популярности толпы и имеет в виду другие надежды. По этим причинам очень скоро [дело] дошло до того, что он не был увенчан полной славой и не был удостоен должного почета за свои славные деяния. Вся слава победы у него каким-то образом выскользнула

из рук, осталась без награды, навсегда преданная молчанию. Уже древними мудрецами было показано и доказано, какой ущерб наносится государству, когда ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы и должного почета, когда недооценивается и пренебрегается [все выдающееся], будь то воинские подвиги или литературные дарования, или что-либо другое, имеющее величайшее значение. И каждый легко может убедиться в этом из ежедневных фактов. Гунны же вначале опасались преследования и в большом беспорядке выбрались за так называемые длинные стены. Когда же они узнали, что Велизарий отозван и никто другой их не преследует, то отступали уже медленнее.

21. Между тем, другая часть варварского войска, направленная к Херсонесу, часто нападала на стены, придвигая лестницы и другие осадные орудия, но постоянно была отбиваема находящимися внутри римлянами, оказывающими ожесточенное сопротивление. Возглавлял их Герман, сын Дорофея, еще совсем юноша, едва достигший возмужалости, но отличающийся военачальническим духом, и приобревший опыт, далеко превышающий его возраст. Он родился в иллирийском городе, называемом некогда Бедериана, а затем названный Первой Юстинианой. Император Юстиниан, появившийся в нем на свет, естественно, украсил родной город разными сооружениями и из неизвестного сделал его счастливым и дал ему собственное имя. Происходивший из этого города Герман был ему весьма дорог. Когда [Герману] было восемь лет от рождения, Юстиниан привез его в столицу и окружил величайшими заботами, так как тот посещал и школы грамматиков и другие училища, приобрел и латинское образование. Когда же достиг возмужалости, тотчас послали его в Херсонес начальствовать над расквартированными там войсками, чтобы у него порывы и подвижность юности и стремление к славе с самого начала реализовались в достойных, соответствующих и общественно необходимых делах, а не направлялись на нелепые порывы, волнения димов и конские ристания, различаемые цветами, куда большей частью направляется юношество и там возвращается, если не будет занято каким-либо более полезным делом.

Когда в это время гунны осаждали и беспокоили Херсонес, этот юноша неустанно работал над отражением их нападений и изобретал всякие способы для отражения врага. И сам он по своим природным способностям очень удачно находил полезное и очень легко внимал совету находящихся при нем испытанных в боях воинов, подсказывающих ему то, что нужно было делать. Когда у варваров уже ничего не оставалось, что бы они могли предпринять как для осады, так и для штурма стен, они решили испытать еще один способ — сме-

лый, безрассудный, полный опасности, и, таким образом, или быстрее овладеть местностью, или же отказаться от дальнейших попыток и возвратиться к своим. Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и широкого, и, скрепив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они наложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и по середине. Скрепив их самыми крепкими узлами, они соединили и связали между собой, как можно прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное пространство для помещений четырех гребцов и чтобы они способны были выдержать тяжесть помещенного там груза и не затонули вследствие недостаточной величины. Таким образом они построили не менее 150 плотов. Чтобы увеличить их пловучесть, передние их части немного округлили и загнули назад, наподобие носа, и, подражая бортам корабля и парапетам, они приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней и задней частей корабля, где не было весел и скамеек для гребцов.

22. Все это, насколько было возможно, они устроили основательным образом, а затем скрытно спустили в море, около западного берега залива, который весь поворачивает к городу Эносу. На эти плоты вошло 600 воинов, на тростниковые основы набросали как можно больше соломы и, неумело гребя, далеко отделились от земли, весьма хорошо вооруженные и готовые к бою. Они надеялись, незаметно выплыв в море, легко преодолеть пространство, обогнуть край стены, протянутой до моря, и в дальнейшем уже безбоязненно добраться до внутреннего пространства, не защищенного ничем, кроме Геллеспонта. Когда Герман узнал через разведчиков, что этот тростниковый флот скоро появится, он посмеялся, естественно, над безрассудством врагов, но очень обрадовался, так как это могло ему принести несомненную пользу. Тотчас же двадцать легких кораблей с многочисленными веслами с двойной кормой он наполнил воинами, одетыми в панцыри, со щитами и луками, вооруженных крюками, посадил на них гребцов и рулевых и скрыл их за мысом, выдвигающимся в море, поместив их в засаде, чтобы они не могли быть замечены издали. А когда варвары прошли и обогнули выдающуюся в море и прилегающую к морскому берегу часть стены, повернули внутрь и быстро устремились вперед с большой самоуверенностью, тогда и римские суда были спущены и двинулись им навстречу и, так как течение им способствовало, при быстром движении они носами обрушились с большой силой на камышовые плоты, а те, отброшенные большой силой течения назад, носились и крутились по волнам, так что гребцы не могли на них удержаться.

Многие, выброшенные в волны, погибли; другие же, по необходимости оставшиеся на них, не знали, что предпринять. Те, кто удерживался на них, были чрезвычайно тревожимы силой морского течения, которое было умеренно и невелико для судов и лодок, но было чрезвычайно сильно для тростниковых плотов вследствие их легкости. Когда волны поднимались высоко, они взлетали с ними, когда же они опускались, то и они вместе с ними увлекались вниз. Поэтому люди на них даже не пытались сражаться, а только старались удержаться и устоять. Когда варвары находились в таком критическом положении, римляне использовали это благоприятное обстоятельство, нападая и наскакывая на неприятелей как в морском сражении. Таким образом они сбросили многих врагов в море, сами прочно удерживаясь в своих судах, многих избивали, поражая рукопашную мечами. Когда плоты от них отделились, тогда нападали на них с длинными копьями, рассекая по очереди косами и гарпунами все связи, соединяющие тростник, и распуская все соединения. Как только связи тростника рассекались, он беспорядочно разбрасывался морем, плавая по разным направлениям. Гунны же, лишаясь дна в своих суденышках, во множестве погружались в бездну и погибали от непривычной стихии. Так они погибли все. Никто из них не возвратился на землю.

23. Римляне, тотчас же собрав оружие врагов, какое еще плавало на поверхности, и, возвратившись на прежнее место, доставили всему войску величайшее наслаждение и радость, празднуя счастливый успех. Поэтому все, собравшись вместе, решили использовать для дальнейшего благоприятную перспективу этого успеха. Спустя немного дней, с оружием в руках они произвели внезапную вылазку за стены и напали на остальную толпу варваров, огорченную и подавленную недавним поражением. Тогда Герман, как юноша, который не мог еще вполне владеть собой и обуздывать порывы своей природы, охваченный сверх меры жаждой славы и героизма, не заботясь о благоразумии и безопасности, неустрашимо напал на неприятелей и подвергался опасности, сражаясь как рядовой солдат, а не как полководец, воодушевляя и приказывая, так что был ранен стрелой в бедро, и немногого недоставало, чтобы он был вынужден удалиться из боя. Но требование момента и значение предпринятого им дела заставили его преодолеть боль, и он только тогда прекратил и сам сражаться и воодушевлять других, когда причинил врагу громадный урон и перебил многих из них. Тогда только закончилась битва, и римляне возвратились в свои укрепления, не считая ни разумным, ни безопасным надолго затягивать рукопашное сражение с врагом, сильно уступая ему в численности. Варвары тем не менее были приведены в такое замешательство частью видом обломков

своих судов, бросаемых волнами, частью неожиданной вылазкой, произведенной римлянами, что в тот же день очистили местность, прилегающую к Херсонесу, и присоединились к Забергану и его войску, побежденные к побежденным. Те же, которые раньше были посланы в Грецию, также не совершили почти ничего достойного упоминания, не только не произведя нападения на Истм, но даже не смогли перейти Фермопилы, так как их занимал римский гарнизон. Поэтому и они отступили и направились во Фракию, чтобы здесь присоединиться к своим соотечественникам и вместе возвратиться домой. Тем не менее Заберган и его войско похвалялись, что они уйдут только тогда, когда получат от римлян такое же количество золота, как и утигуры. Они грозили немедленно перебить пленных, если те в ближайшее время не будут выкуплены родственниками. Император послал им столько золота, сколько считал достаточным для выкупа пленных и для того, чтобы они мирно очистили территорию. Варвары действительно возвратили как многих других, так и стратига Сергия, сына Вакха. Был захвачен даже он вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств и находился среди пленных.

Так они с трудом прекратили свой грабеж и направились домой, соединившись немного спустя с пришедшими из Греции.

24. Столичным жителям такое соглашение казалось низким, позорным и недостойным свободных людей. В особенности казалось нетерпимым то, что враги, подойдя так близко к столичному городу и насмеявшись над ним, не только не были истреблены поголовно, но даже унесли с собой золото, как благодарственный дар, как будто мы сами провинились. Замысел же императора предусматривал нечто большее, как показали события, развернувшиеся немного позднее, так что обвинявшие его раньше потом осыпали похвалами, удивлялись ему, как самому предусмотрительному и сообразительному [правителю]. Ибо он решил всеми способами добиться того, чтобы поссорить и столкнуть врагов между собою, чтобы они уничтожили друг друга. Чтобы это скорее произошло, пока Заберган совершал медленный путь со своими, он послал письмо к Сандилху, другому гуннскому вождю, своему федерату и наемнику. Содержание его было следующее: «Если ты, зная замысел кутригуров, сознательно бездействовал, то я, естественно, по справедливости удивляюсь как твоему вероломству, так и самому себе за то, что недостаточно распознал твои замыслы и ошибся в суждении о тебе. Если же ты действительно до настоящего времени не знал, то это простительно. Но ты нам докажешь свое незнание предшествующего единственно тем, что не будешь проявлять небрежности в дальнейшем. Ибо они пришли сюда не с тем намерением и целью, чтобы опустошить мои

владения (хотя, быть может, это и было побочной задачей похода), но желая доказать на деле, что мы обманулись, пренебрегая ими, предпочтя довериться тебе, хотя они имеют преимущество и более храбры. Они считают нетерпимым, если кто-либо будет считать себя равным или соперником утигуров или только их немного превосходящим; с трудом соглашаются на свое очень значительное превосходство над ними. Поэтому они прекратили опустошение Фракии только тогда, когда унесли золото, которое мы ежегодно обычно жаловали тебе в качестве субсидии. И нам легко было или совершенно их уничтожить, или по крайней мере отправить домой без удовлетворения их домогательств. Но мы допустили и то и другое, чтобы испытать тебя. Если ты человек разумный и действительно храбрее их и не уступишь похищающим твое добро, то хоть теперь не будь ниже себя. Теперь представляется благоприятная возможность заставить врага ответить и, одержав победу, получить причитающееся тебе вознаграждение, как бы доставленное тебе им самим. Если же ты предпочтешь спокойствие, получив такое оскорбление, из-за боязни, как полагаю, или будешь предаваться постыдному бездействию, то ты, добрый человек, будешь лишен субсидии. Мы ее будем давать ему, и на дальнейшее отложи свои помыслы и научись уступать более храбрым. Да будет тебе известно, что договоры, заключенные с тобой и твоим народом, будут перезаключены с ним. Было бы безрассудством входить с побежденными в сообщество бесчестия, когда подобает сближаться с победителями».

25. Прочитав это письмо при помощи переводчика, Сандихл пришел в ярость и не мог сдержать своего гнева, но в тот же день бросился мстить кутригурам за причиненное ему оскорбление. Да и каким образом заносчивая душа варвара, всегда стремящегося к наживе, могла равнодушно отнестись к таким словам? Подняв свое войско, он сначала внезапно напал на неприятельскую территорию, поразив неожиданностью нападения ее обитателей, и обратил в рабство большое количество захваченных им женщин и детей. А затем неожиданно встретил возвращающихся из Фракии и только перешедших Дунай и, перебив множество, отобрал все деньги и всю добычу. Те же, которым удалось ускользнуть, когда с трудом добрались до своих и присоединились к ним, вступили в войну с ним. И затем в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохрани-

лась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами. Такую жестокою кару они понесли за прежнее свое вероломство.

Впрочем, окончательное крушение и гибель этих племен произошли позднее, и об этом мною будет рассказано в надлежащем месте ради соблюдения последовательности событий. Когда же борьба еще свирепствовала и о ней стало известно Византии, тогда только там узнали и громогласно объявили о благоразумии императора и правильности его решения. Когда варвары истребляли друг друга, он, сам не прибегнув к оружию, победил их только своей мудростью при любом исходе борьбы и лишил их всякой надежды на будущее. Когда они страдали, поглощенные внутренними бедствиями, то, естественно, уже и не помышляли о походах против римлян, а большинство последних даже не знало, в какой земле они оказались.

(пер. М. В. Левченко)

Текст воспроизведен по изданию: Агафий. О царствовании Юстиниана. М., АН СССР, 1953. С. 139–164.

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

1. Все то, с чем пришлось **встретиться** римскому народу в его военных предприятиях вплоть до сегодняшнего дня, я излагал до сих пор в таком порядке, при котором мог все свое повествование о событиях связать с определенным временем и местом действий. Но теперь рассказ мой пойдет не этим путем, так как я стану повествователем того, чему суждено было совершиться в различных местах и в различные сроки в пределах Римской державы. 2. Причина этого в том, что описывать все как следует раньше было мне совершенно невозможно, пока были еще живы вершители всех этих дел. Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный — я неизбежно должен был погибнуть самою жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных. 3. Да и в прежних своих работах я был вынужден умолчать о причинах многого из того, о чем я писал. Поэтому я считаю своим долгом в данном сочинении высказать все, о чем до сих пор я должен был молчать, а равно и объяснить причины событий, рассказанных мною прежде. 4. Но приступая к этому новому предприятию, труду тяжкому и трудно преодолимому,

к рассказу о жизни Юстиниана и Феодоры, лишь только я как следует подумаю об этом, робость нападает на меня, и я готов отказаться от своего намерения: я боюсь, как бы то, о чем я теперь буду писать, позднейшим потомкам нашим не показалось и недостоверным, и неправдоподобным. Особенно, когда в дальнейшем течении времени то, о чем мы слышим теперь, по давности времени станет забываться; Я боюсь, как бы меня не сочли составителем каких-то басен и не занесли в число писателей и исполнителей трагедий для театра. 5. Однако, несмотря на все бремя моего столь важного предприятия, я не откажусь от своей решимости, ввиду того, что рассказ мой имеет себе многих свидетелей. Ведь ныне живущие люди, являясь непререкаемыми свидетелями всех этих дел, и на будущие времена будут вернейшими спутниками правдивости всех моих сообщений. 6. Но было и другое соображение, которое при всем моем горячем стремлении к предпринятой мной работе, не раз и в течение долгого времени держало меня как бы в узде. Мне представлялось, что для людей будущих поколений все это не принесет никакой пользы, так как для будущих времен лучше всего не знать о позорных деяниях прошлого, а то как бы, услышав о них, тираны не захотели подражать и превзойти их. 7. Ведь большинство властителей — люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков. 8. Но затем к решимости написать историю этих деяний меня привело вот какое соображение: ведь для тех, кто в будущем станут тиранами, будет совершенно ясно, что и им никак не избежать отмщения за свои преступления, подобно тому, как и этим людям пришлось понести такое же, возмездие, а затем и их позорные поступки и образ жизни, записанные в истории, будут всегда напоминать об их преступлениях; потому они с большим опасением будут совершать свои правонарушения. 9. Кто из позднейших людей знал бы распутную жизнь Семирамиды или безумие Сарданапала и Нерона, если бы память о них не была сохранена в работах тогдашних историков? С другой стороны, и для тех, которым предстоит, если такова уж будет их судьба, стать жертвами подобных беззаконий со стороны будущих тиранов, не совсем бесполезным будет знакомство с моим рассказом...

VI. 1. Теперь я хочу рассказать, что за люди были Юстиниан и Феодора и как они привели в упадок Римскую империю. 2. Когда в Византии императором был Лев, то трое крестьянских юношей, родиной которого была Бедериана, так как дома им приходилось вечно бороться с беспросветной бедностью, чтобы, наконец, избавиться от нее, решили пойти на военную службу. 3. Они пешком пришли в Византию; на плечах у них были свернутые овечьи шубы, а за-

вернули они в них, идя из дому, только второсортный, два раза из сухарей печенный хлеб. Зачисленные в ряды кадровых войск, они были выбраны императором в дворцовую охрану, так как они были физически очень красивы и крепки телом. 4. Позднее, когда императорский престол занял Анастасий, началась война против исавров, поднявших на него с оружием в руках. 5. Император послал против них блестящее войско, начальником которого был Иоанн, по прозвищу «Кирт» (Горбатый). Этот Иоанн за какую-то провинность заключил в тюрьму Юстина и собирался на следующий день казнить его, но ночью, во сне, ему явилось видение и не позволило ему это сделать. 6. Этот военачальник впоследствии рассказывал, что во сне предстал перед ним призрак огромного роста и во всем другом обладающий сверхчеловеческими чертами. 7. И этот призрак приказал ему выпустить того человека, которого он днем арестовал и заключил в темницу. Проснувшись, он не обратил внимания на то, что видел, во сне. 8. С наступлением второй ночи ему привиделось, что он во сне слышит те же слова, которые он слышал в первую ночь, но и на этот раз он не подумал их исполнить. 9. Тогда в третий раз перед ним предстал ночной призрак; он грозил Иоанну страшными карами, если он не выполнит его приказания, и прибавил, что в будущем, если он исполнится великим гневом (на Римскую империю), он прибегнет к этому человеку и использует его. самого и его родных. 10. Так суждено было Юстину избежать тогда смерти; с течением времени этот Юстин достиг великой силы. 11. Император Анастасий поставил его начальником дворцовой стражи. Когда император скончался, то, опираясь на силу своей власти (над преторианцами), Юстин захватил императорский престол, будучи глубоким стариком, одной ногой уже стоящим в могиле. Он был совершенно необразован и даже, говорят, безграмотен, — чего раньше никогда еще не бывало в Римской империи (с людьми столь высокого ранга). 12. Было в обычае, чтобы император подписывал свое имя под теми документами, в которых он издавал какое-либо постановление; но Юстин сам не мог ни издать какого-либо постановления, ни подписаться под ним. 13. Но около него был некто по имени Прокл (кн. 1, гл. 11, § 11), носивший звание квестора, который все и вершил по своему произволу. 14. Но чтобы иметь доказательство собственноручной подписи императора, теми лицами, которым надлежало это ведать, было придумано следующее: 15. На тонкой полированной деревянной дощечке они вырезали изображение четырех букв, которые на латинском языке обозначают: «я прочел» (legi); затем, обмакнув перо в пурпур, которым обыкновенно подписывались императоры, давали ее в руки этому государю. 16. Потом, приложив деревянную дощечку, о которой я говорил, к документу и взяв

руку государя, они обводили ею все вырезанные четыре буквы, то есть заставляли его обвести своею рукою все вырезы дерева; после чего, взяв таким образом подписанные императором документы, они уходили. 17. Вот каков был Юстин на римском императорском престоле. Жил он с женщиной по имени Луппициной, она была рабыней из варварского племени. Вначале, когда он ее купил, она была его наложницей и она же на склоне жизни вместе с Юстином стала императрицей. 18. Своим подданным Юстин не мог сделать ничего ни дурного, ни хорошего. Он отличался большой глупостью, совершенно не умел говорить и был очень груб и невоспитан. 19. Его племянник Юстиниан, будучи еще совсем молодым человеком, получил всю полноту власти и был для римлян виновником стольких и столь великих несчастий, о каких прежде за все века существования империи никто даже по рассказам никогда не слышал. 20. Он очень быстро решался на незаконные убийства людей, любил грабить чужое достояние и ставил ни во что истребление многих десятков тысяч людей, хотя они не давали ему ни малейшего повода к этому. 21. Охранять то, что было (хорошо) установлено, он не считал нужным; вечно хотел он делать по-новому; одним словом, можно сказать, что он был величайший разрушитель всего того, что прежде было хорошо организовано. 22. Той моровой язвы, о которой я рассказывал в прежних своих книгах, хотя она (с великой силой) поразила всю землю, все же некоторые люди, по количеству ничуть не менее многочисленные, чем те, которым суждено было от нее погибнуть, избегали ее, или вовсе не пораженные этой болезнью, или, раз уж им суждено было ею захворать, перенесшие ее. 23. Но избежать рук этого человека никому, если только он был из римлян, не было никакой возможности; это было как бы другое божеское наказание, ниспосланное на весь народ: никто (для Юстиниана) не был неприкосновенным. 24. Одних он убил без всякого основания; другим он оставил жизнь, но заставил бороться с бедностью, сделав их более несчастными, чем умерших: они молили окончить их настоящее невыносимое положение, подвергнув самой ужасной смерти. А у третьих, наконец, он вместе с богатствами отнял и жизнь. 25. Но ему мало было разрушить одну Римскую империю: он приложил усилия овладеть Ливией и Италией единственно с той только целью, чтобы наравне с прежними своими подданными окончательно погубить и людей, живших в этих местах. 26. Не прошло еще десяти дней с момента, когда он получил власть, как он казнил начальника дворцовых евнухов Аманция и с ним некоторых других, без всякой их вины, разве только за то, что он позволил себе сказать несколько резких слов по адресу Иоанна, архиеерея столицы. 27. Вследствие этого он стал ненавистен и страшен для всех. Затем тотчас он

послал приглашение Виталиану узурпатору, дав ему предварительно обещание личной безопасности и совместно с ним приняв участие в христианских таинствах. 28. А немного времени спустя вследствие возникшего против него подозрения он без всякого колебания убил его вместе с его ближайшими родственниками во дворце, не считая, чтобы эти столь торжественно данные клятвы могли ему служить в этом препятствием.

VII. 1. Как я рассказывал в прежних своих книгах народ издревле делился на две части. Привлекши на свою сторону одну партию, венетов («голубых»), которые и раньше во многом ему содействовали, Юстиниан смог замутить и привести в беспорядок все положение государства. От этого весь государственный строй империи пришел в упадок. 2. Однако не все венеты («голубые»), примкнув к его партии, готовы были следовать и исполнять желания этого человека, но только те, которые принадлежали к «стасиотам». 3. Но и они, когда дело зашло очень далеко, оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей. 4. Они пользовались случаями совершать правонарушения реже, чем для этого давалась им возможность. Но и из прасинов («зеленых») принадлежавшие к стасиотам этой политической партии не оставались спокойными; поскольку им было возможно, они тоже совершали правонарушения, хотя постоянно поодиночке и подвергались за это наказанию. 5. Но это преследование, постоянно возбуждая их, заставляло их действовать все с большей и большей смелостью. Ведь люди, чувствующие обиду, обычно начинают действовать безрассудно. 6. Тогда же, когда Юстиниан сам подстрекал и явно возбуждал к насилиям венетов («голубых»), то все основы Римской империи сдвинулись и закачались до самых своих вершин, как будто постигло ее какое-то землетрясение, или потоп, или каждый город ее был захвачен и разграблен врагами. 7. Все и всюду было приведено в беспорядок, ничто не осталось на прежнем месте, но все законы и весь порядок государственного строя смешались и стали совершенно другими. 8. Прежде всего стасиоты переменили прическу волос и стали их подстригать не так, как носили их другие римляне. 9. Они не стали брить ни усов, ни бороды, но позволяли им все время расти пышно, как у персов. 10. Волосы на голове они подрезали вплоть до висков, а сзади они позволяли им свисать без всякой прически очень длинно, как у массагетов. Такую внешность называли также и гуннской модой. 11. Затем все стали считать нужным носить одеяния с богатой отделкой, одеваясь более роскошно, чем это соответствовало их достоинству и положению. 12. Но ясно, что приобретать все это им можно было лишь путями незаконными. Та часть рукавов хитона, которая у них стягивалась около кисти, была очень узкой; а отсюда

и до плеча на той и на другой руке этот рукав делался несказанной ширины. 13. И всякий раз, когда они в театрах или ипподромах поднимали крик, жестикулируя руками, или как обычно бывает, выражая кому-либо знаки поощрения, то эта часть одеяния у них безобразно поднималась кверху; людям глупым они хотели дать представление, что вот какое у них красивое и физически развитое тело, так что им приходится облекаться в такие одеяния, не соображая, что такой пышной и свободной одеждой они еще более выдают и подчеркивают истощенность своего тела. 14. Что же касается всяких наплечников, штанов и обуви, то большую часть их, и по имени, и по употреблению, они заимствовали от гуннов. 15. Прежде все открыто ходили вооруженными только ночью, днем же они носили на боку двуострые кинжалы, скрыв их под одеждой. Когда начинало темнеть, они собирались группами и грабили самых мирных людей и на площади, и по переулкам, отнимая у попадавшихся им навстречу платья, пояса и золотые пряжки и все, что у них было с собою. 16. Некоторых же они не только грабили, они считали нужным еще и убивать, чтобы они никому не могли сообщить о том, что с ними случилось. 17. От них страдали все, даже из венетов («голубых») те, кто не принадлежал к партии стасиотов, так как и венеты не были избавлены от такого насилия. 18. Из-за этого очень многие стали носить медные пояса, и застежки, и одеяние много проще, чем это соответствовало их званию, чтобы им не погибнуть из-за своей любви к красивым вещам, и еще до захода солнца они прятались и скрывались по домам. 19. Так как зло длилось уже долгое время, и со стороны лиц, стоящих во главе управления народом, на таких правонарушителей не обращалось никакого внимания, то, как и всегда, дерзость этих лиц стала расти все больше и больше. 20. Нарушение порядка, получившее право свободного проявления, обычно становится безграничным, так как даже те, которые, будучи признаны виновными, подвергаются наказанию, не совсем отказываются от подобного образа действий. 21. В силу уже своей природы большинство людей крайне легко склоняется к нарушениям права и законов. 22. Так вели себя венеты («голубые»). Из их противников одни перешли на их сторону из-за желания совершать преступления вместе с ними и не нести за это наказания, иные же бежали и скрывались по разным местам. Многие захваченные на месте погибали от руки своих противников или понесли наказание от власть имущих. 23. Постепенно и другая молодежь со стороны стала стекаться и поступать в эти товарищества (гетерии), та, которая прежде никогда не занималась подобными делами, но которую привлекала в среду венетов («голубых») возможность добиться власти и безнаказанно совершать насилия. 24. Нельзя назвать такого позорного

и скверного поступка, который бы в нарушение всех законов не был ими совершен в это время и не остался бы безнаказанным. 25. Сначала они уничтожали своих политических противников из партии прасинов («зеленых»), но затем, обнаглев и разойдясь, они стали убивать и тех, которые лично им не были врагами. 26. Многие, подкупив их, указывали им на своих врагов, с которыми они тотчас же и расправлялись, присвоив им имя «зеленых», хотя эти люди были им совершенно неизвестны. 27. И это совершалось уже не во тьме и не в тайне, но среди бела дня, на виду у всех, в любом месте города, и случалось, что делалось это на глазах у самых знатнейших людей. 28. Ведь незачем было скрывать того, что заслуживало порицания, если оно не влекло за собой страха наказания; даже больше, тут было даже известное поощрение для честолюбия; это было со стороны действующих так некоторым образом проявлением и своей силы и храбрости — одним ударом убить любого из встречных невооруженного. При такой неуверенности существования ни у кого не оставалось надежды, что он может еще безопасно жить и дальше. 29. В силу панического страха все подозревали, что вот уже смерть стоит у них за плечами; они считали, что для их спасения нет такого укрепленного места, нет для них безопасного времени, если без всяких оснований они гибли в самых чтимых храмах, среди торжеств и праздников. Не оставалось уже никакой веры ни в друзей, ни в родственников: ведь очень многие гибли от злого умысла своих же самых близких людей. 30. Не было никакого расследования совершившегося. Беды и несчастия постигали всех неожиданно, и никто не решался выступить на защиту попавших в такое положение. 31. Ни закон, ни установление не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен тирании, и при этом не таком, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день, когда постоянно все начинается сначала. 32. Способность суждения даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, на смерть перепуганных; пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении. Судьи, произнося свои приговоры по спорным вопросам, решали не так, как им казалось законным и справедливым, но в зависимости от того, каковы были отношения у каждой из тяжущихся сторон к стаиотам из господствующей партии, добрые ли или враждебные. Для судьи, не обратившего внимания на предписание венетов («голубых»), наказанием была смерть. 33. Многие из заимодавцев должны были под давлением насилия отдавать своим должникам их расписки, не получив ничего из данных ими займы

денег. Равным образом многие против воли должны были отпускать на волю своих рабов...

39. Вот какие наглые поступки позволяли себе тогда эти стасиоты из «голубых» в Византии. Но тех, которым приходилось испытывать от них подобные несчастья, они заставляли страдать меньше, чем правонарушения, совершаемые Юстинианом по отношению к государственному управлению: ведь для потерпевших от злодеев даже самое тяжелое, большая часть тех мучений, которые они понесли от этого самоуправства, исчезает при ожидании, что за это неизменно постигнет их отмщение со стороны законов и власти. 40. Имея уверенность и надежду на будущее, люди легче и не с таким огорчением переносят бедствие, постигшее их в настоящее время; чувствуя же насилие со стороны власти, возглавляющей государство, они, естественно, еще острее переживают поразившие их в настоящее время беды и, не видя возможности отмщения за неожиданно и незаслуженно постигшее их со стороны этих лиц преступление, они навсегда впадают в отчаяние. 41. Юстиниан совершал беззаконие не только потому, что совершенно не желал допускать до себя и принимать жалобы от лиц потерпевших, но и потому, что он считал для себя вполне допустимым явно быть представителем и покровителем этих политических руководителей «голубых», этих стасиотов; он давал крупные денежные подачи юношам, многих из них держал в качестве своих приближенных и многих из них считал законным призвать к власти и облечь другими знаками высокого звания и достоинства.

VIII. 1. То, что делалось в Византии, происходило и в каждом отдельном городе. Подобно другой какой-либо болезни, начавшееся здесь зло, распространившись повсюду, поразило всю Римскую империю. 2. Императору (Юстину) было очень мало дела до того, что происходит, так как он ничего не понимал, хотя постоянно был очевидцем того, что происходит на ипподромах. 3. Он был исключительно глупый человек, совершенное подобие вьючного осла, способного только следовать за тем, кто тащит его за узду, да часто хлопать ушами. 4. Это и делал Юстиниан и все остальное он приводил в беспорядок. Как только он получил власть от своего дяди, он тотчас же стал стараться без всякого смысла тратить государственные средства, как будто бы он уже был их полновластным владыкой. 5. Тем из гуннов, с кем ему приходилось постоянно сталкиваться, он выплачивал очень крупные суммы из средств государства, и с этого времени римские земли стали подвергаться частым вторжениям варваров, 6. Вкусив от римских богатств, они уже не хотели отказаться от той дороги, которая вела их сюда. 7. Он счел нужным бросить большие средства на морское строительство, желая подчинить себе вечный прибой волн.

8. Он наложил с берега огромные глыбы камня, споря со стремительным течением, идущим с Понта, и как бы от избытка богатств желая вступить в состязание с силою моря. 9. Частное имущество римлян со всей земли он забирал в свои руки, возведя на одних обвинение в преступлениях, ими не совершенных, другим, к их удивлению, напоминая, что они ему его подарили. 10. Иные, обвиненные в уголовных и других преступлениях, отказавшись в пользу императора от всего своего имущества, избегали суда и не несли наказания за совершенные преступления. 11. Другие же, если им случалось вступить с соседями в спор, без всякого на то права о владениях, и если они никак не могли добиться решения против своих противников, так как закон был не за них, кончали этот процесс, принеся в дар императору спорное имущество владения. Этим безубыточным для себя способом они сами получали ту выгоду, что становились известными императору и, кроме того, благодаря такому незаконному поступку имели возможность выиграть процесс против своих противников. 12. Думаю, будет уместно описать и черты лица и фигуру этого государя. Ростом он был не очень высок, но и не очень низок, можно сказать, среднего роста; он был не худым, скорее в надлежащей мере полным. Лицо у него было круглое и не лишенное красоты; даже после двухдневного поста у него играл румянец. 13. Чтобы одним словом описать всю его фигуру, можно сказать, что он был очень похож на Домициана, сына Веспасиана. Римляне были так по горло сыты низостью этого императора, что, разорвав его на клочья, не могли удовлетворить этим своего гнева, но состоялось даже постановление сената: нигде в письменных памятниках не упоминать его имени и не сохранить ни одной его статуи. 14. Поэтому его имя везде, и в Риме, и в других местах, на надписях можно видеть вырезанным только среди имен других императоров и, повидимому, во всей Римской империи нет ни одной его статуи, кроме одной медной, сохранившейся по следующему поводу...

21. Фигура Юстиниана поразительно похожа на эту статую, как будто его двойник, равно, как общий его облик, так и все характерные черты лица. 22. Такова была его внешность, характера же его с такой же точностью я не мог бы описать. Это был человек коварный и переменчивый, которого по справедливости можно назвать злобным дураком; сам он не был правдив с имеющими с ним дело и всегда во всех своих поступках и словах был лжив; с другой стороны, всякому, кто хотел его обмануть, он легко поддавался. 23. В нем уживалось какое-то необычайное сочетание глупости и низости. Это — то самое, что еще в древние времена сказал один из философов-перипатетиков, что в природе человека сочетаются самые противоположные оттенки, как при смешении кра-

сок. 24. Я описываю то, что во всей ясности я не могу себе даже представить. Был этот император полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел он способностью скрывать свои мысли, обладал искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужную минуту по мере необходимости; лгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров, и при этом даже по отношению к своим же подданным. 25. Он быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или другое показание. 26. Другьям он был неверен, неумолим к врагам, всегда жаждал крови и денег, очень любил ссоры и всякие перемены; на зло он был очень податлив, к добру его нельзя было склонить никакими советами; он был скор на придумыванье и выполнение преступлений, а о чем-либо хорошем даже просто слушать считал для себя горьким и обидным. 27. Кто мог бы при таких чертах характера Юстиниана дать полный образ его? Он обладал даже еще большими недостатками, — сверх человеческой меры, и казалось, природа собрала от всех людей все низкие качества и сложила их в душе этого человека. 28. Ко всему этому он был очень склонен выслушивать доносы и быстро налагал наказания. Никогда он не расследовал дела, произнося свой суд, но, выслушав доносчика, тотчас же решал дело и выносил свое решение. 29. Он без всякого колебания подписывал бумаги, назначающие разрушение местечек, уничтожение огнем больших городов, обращение в рабство целых племен без всякой вины с их стороны. 30. И если бы кто захотел подсчитать и сопоставить то, что совершается теперь, с тем, что было в прежние времена, то, мне кажется, он найдет, что этим человеком совершено больше убийств, чем их было за все истекшие века. 31. Он не проявлял ни малейшей нерешительности, если можно было без долгих разговоров захватить чужое имущество; он даже не выставлял никакого предлога или видимости закона, чтобы захватить чужое состояние; присвоив его себе, он был всегда готов тратить его с самой неразумной расточительностью и бессмысленно раздавать варварам. 32. Говоря кратко, у него самого не было денег, и другому он не позволял владеть всем своим состоянием, как будто им владело не столько корыстолюбие, сколько зависть к тем, кто был богат. 33. Вычерпав таким образом со всем легкомыслием все богатства Римской империи, он явился творцом и создателем всеобщей бедности.

IX. 1. Таков был характер и нравственный облик Юстиниана, поскольку я мог все это передать словами. Он взял себе в жены ту, о которой я не в пример

другим сейчас расскажу всю правду: я расскажу, каков был ее характер, как она была воспитана и как она, соединившись брачными узами с этим человеком, до самого основания разрушила у римлян их государственный строй. 2. Был в Византии некто Акакий, надсмотрщик над зверями, содержащимися для охоты на арене, принадлежавший к партии прасинов («зеленых»), которого называют «медвежатником». 3. Когда Анастасий занимал еще императорский престол, этот человек умер от болезни, оставив трех малолетних детей женского пола: Комито, Феодору и Анастасию, из которых старшей не было еще семи лет. 4. Их мать решила найти себе другого мужа, который бы в дальнейшем (по наследству от Акакия) мог вместе с ней взять на себя заботу и о доме и о выполнении служебных обязанностей (по наблюдению за зверями). 5. В это время начальник мимов со стороны прасинов («зеленых»), по имени Астерий, подкупленный кем-то другим, отставил всех их от этой должности и без всякого раздумья и затруднения на это место поставил того, кто дал ему денег, так как начальники мимов могли распоряжаться этим, как им было угодно. 6. Когда женщина увидела, что весь народ собирается на зрелище охоты, она, надев девочкам на головы венки и дав им гирлянды в руки, поставила их (у входа в амфитеатр), как просящих защиты. 7. Но прасины («зеленые») решили не обращать никакого внимания на их мольбы, венеты же («голубые») поставили их на эту должность у себя, так как и у них недавно умер их надсмотрщик за зверями. 8. Когда девочки подросли, мать тотчас же пристроила их к здешней сцене (мимов), так как они были очень красивы, но не всех в одно время, а постепенно, по мере того, как каждая, на ее взгляд, уже созревала для этого дела...

30. Когда она (*Феодора*) вновь вернулась в Византию, в нее безумно влюбился Юстиниан и сначала сошелся с ней, как с любовницей, хотя она была уже возведена им в звание патрикии. 31. Феодоре удалось тогда тотчас же получить огромное влияние и приобрести большое состояние. Для этого человека было самым большим удовольствием, что обычно случается с безумно влюбленными, оказывать своей любовнице всевозможные милости и осыпать всякими богатствами. 32. Да и самые политические дела служили поощрением этой любви. Вместе с ней Юстиниан еще больше стал развращать народ не только здесь (в Византии), но и во всей Римской империи. 33. Они оба издавна были членами партии венетов («голубых») и в руки этих мятежных людей, на их полный произвол, они отдали весь государственный строй. 34. Много времени спустя большая часть этих бедствий нашла себе конец вот каким образом. 35. Случилось, что Юстиниан долгое время болел тяжелой болезнью и во время этой болезни у него были такие критические моменты, когда даже говорили, что он

уже умер. Эти же стасиоты, мятежные элементы партии, продолжали совершать свои преступления, о которых я говорил; между прочим, они убили среди бела дня очень знатного человека Гипатия в самом храме Софии. 36. Когда было совершено это преступление, то шум и волнение по поводу этого дела дошли до императора (Юстина): каждый из его приближенных, пользуясь отсутствием Юстиниана, старался даже во много раз преувеличить ужас всего совершающегося, перечисляя с самого начала все то, что произошло раньше. 37. Тогда император приказал префекту города произвести расследование и наказать за все совершенное. Это был Феодот, которого называли Колокинфием («Тыквою»). 38. Разобрав все эти дела, он имел смелость многих из преступников арестовать и поступить с ними по закону, но многие успели скрыться и спаслись. 39. Надо разуметь, что остались они живы для того, чтобы в дальнейшем погубить римлян страшными своими деяниями. Но Юстиниан, сверх всяких ожиданий, вдруг исцелившись от болезни, поправился и стал тотчас же действовать против Феодота, обвиняя его в колдовстве, отравлениях и магии. 40. Так как у него не было предлога, под которым он мог бы погубить этого человека, то некоторых из его близких он, подвергнув самым мучительным пыткам, заставил давать против него самые лживые и злостные показания. 41. В то время как все отстранились, держась в стороне и молча оплакивая этот злой умысел против Феодота, один только Прокл, занимавший должность так называемого квестора, громко заявлял, что этот человек ни в чем не виноват и ни за что не заслуживает смерти. 42. Поэтому Феодот был отправлен по приказу императора (Юстина) в Иерусалим. Узнав, что туда прибыли лица, которым поручено его убить, он все время, пока был жив, скрывался в храме. Так он и умер. 43. Таково было дело Феодота. С этих пор стасиоты, мятежный элемент партии, оказались наиболее благоразумными из всех людей. 44. Они уже не позволяли себе подобных правонарушений, хотя им было возможно еще более безнаказанно пользоваться всяким беззаконием в своей жизни. 45. Доказательство этого мы видим в том, что когда некоторые из них немного времени спустя проявили подобную же дерзость, на них не было наложено никакого наказания. 46. Ведь те, которые всегда имели возможность наказать их, предоставляли полную свободу скрываться совершавшим эти ужасные деяния и таким потворством побуждали их к нарушению законов. 47. Пока была жива императрица (Евфимия), Юстиниан никак не мог добиться того, чтобы сделать Феодору своей законной женой. В этом одном она пошла против него, хотя во всем другом она потворствовала ему. 48. Эта женщина была очень далека от всякой испорченности; была она совсем простой женщиной из варварской страны, как я уже

сказал. 49. Она не могла выделиться никакими особыми достоинствами; в делах государственных всю свою жизнь она была совершенно несведуща; явившись во дворец, она изменила свое собственное имя (Луппицины) — уж очень оно было смешное — и стала называться Евфимией. Немного времени спустя императрица волею судеб скончалась. 50. Император Юстин, вследствие глубокой старости впавши в совершенное детство, был посмешищем для своих подданных; все относились к нему с полным пренебрежением, так как он не разбирался в том, что делается, и не считались с ним и, полные страха, пресмыкались перед Юстинианом, так как, приводя все в замешательство и беспорядок, он все подряд ставил вверх ногами. 51. Тогда он стал принимать меры для заключения брака с Феодорой. Так как человеку, достигшему senatorского звания, было невозможно жениться на публичной женщине, ибо это было запрещено еще древнейшими постановлениями, он заставил императора Юстина аннулировать эти законы новым законом, и с этого времени жил уже с Феодорой, как с законной женой, и для всех других сделал доступным брак с публичными женщинами. Отныне он шел путем тирании, прикрывая свой насильственный образ действий внешней видимостью почетного титула императора. 52. Ведь наряду со своим дядей он был провозглашен римским императором, если можно считать такое решение законным: под воздействием всяких угроз и страхов (сенат и народ) должны были согласиться на такое голосование. 53. Юстиниан и Феодора приняли императорский титул за три дня до праздника пасхи, когда нельзя было ни приветствовать кого-либо из друзей, ни встречать кого-либо знаками почта. 54. Несколько дней спустя скончался от болезни император Юстин; императором он пробыл 9 лет. После его смерти единственным императором остался Юстиниан с Феодорою.

Х. 1. Вот таким-то образом, как я рассказал, Феодора родилась, воспиталась и получила свое образование и, не встречая ниоткуда препятствий, достигла высокого звания императрицы... 6. Но вот что действительно нужно отметить: никто и из сенаторов, видя тот позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому: все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству. 7. Больше того: ни один из церковнослужителей открыто и громко не протестовал, И беспрекословно они все готовы были провозглашать ее владычицей. 8. И тот народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей. 9. Ни один воин не почувствовал гнева, что, подвергаясь опасностям военной жизни, ему придется сражаться за интересы Феодоры, и никто из всех

людей не выступил каким-нибудь другим образом с протестом, но все, думаю, преклоняясь перед сознанием, что так это предназначено свыше, старались содействовать этому осквернению. Как будто судьба хотела показать свое могущество; она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами. 10. В самом деле, она внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту по своему произволу, без всякого на это основания, и для того, перед кем, казалось, сплелось так много препятствий, ничто уже не стоит у него на пути во всех его делах, но все идет под ее руководством с полной планомерностью туда, куда это предназначено судьбой, причем все добровольно отходят и уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу. 11. Феодора была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста: кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, пронизательный и быстрый. 12. Если бы кто захотел рассказать все то, что она проделала в своей жизни на сцене, то ему нехватило бы целого века, но и того немногочисленного, что мною рассказано выше, вполне достаточно для того, чтобы дать полное представление потомству о характере и нравах этой женщины. 13. Теперь я считаю необходимым вкратце рассказать о делах ее, а вместе и ее мужа, так как в течение всей жизни они ничего не делали один без другого. 14. Долгое время всем казалось, что и в образе мыслей, и в образе действий они всегда противоположны друг другу; впоследствии, однако, стало понятным, что такое представление сознательно ими было создано для того, чтобы их подданные, видя их единомыслие, не восстали против них, но чтобы у всех не было твердо установившегося о них мнения. 15. Прежде всего натравив христиан друг на друга и в религиозных спорах сделав вид, что оба они (и Юстиниан и Феодора) идут противоположными путями, они так разделили всех на группы и партии, как я об этом скажу немного позже. Затем они разъединили и стасиотов (этот крайний и мятежный элемент партий). 16. Феодора делала вид, что она всеми силами покровительствует венетам («голубым») и широко предоставила им возможность действовать против их противников, не считаясь ни с каким правом, и совершать насилия самые нетерпимые. 17. Юстиниан делал вид, будто он на это негодует и исполнен гнева, но что в данный момент он не в состоянии противиться; часто, переменявшись ролями, они действовали так, что создавалось впечатление обратного влияния. 18. Юстиниан считал нужным наказывать венетов («голубых») за их великие прегрешения, Феодора же, на словах выказывая недовольство, делала вид, будто негодует, что против своей

воли она должна уступить мужу. 19. Как я уже сказал, стасиоты венетов («голубых») стали, повидимому, самыми благоразумными: они совсем не позволяли себе проявлять насилие над своими согражданами в той мере, в которой они могли. Но в судебных процессах казалось, что каждый из них защищает интересы одного из тяжущихся, а выходило обязательно так, что побеждал из них тот, кто выступал на защиту несправедливых претензий: таким образом они грабили большую часть имущества судящихся. 20. Многих из них этот самодержец заносил в число своих приближенных и давал им полную возможность (легально) производить насилия и совершать всякие правонарушения в государственной жизни, какие они только хотели; но как только они являлись обладателями огромных богатств, тотчас же, поссорившись с Феодорой, они становились ему врагами. 21. Относительно тех, кого вначале он не считал недостойным для себя привлечь на свою сторону, проявляя всякое к этому старание, он потом, лишив всякого расположения, внезапно забывал все свои прежние отношения к этим людям. 22. И Феодора начинала тогда действовать против них самым безбожным образом, а Юстиниан, конечно, не замечал, что совершается против них, и, бесстыдно завладев их состоянием, наслаждался им. 23. И вот всегда, при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной.

XI. 1. Получив императорскую власть, Юстиниан тотчас же сумел все привести в расстройство. Все то, что прежде было запрещено законом, он ввел в государственную жизнь; все то, что существовало раньше и было обычным, он уничтожил, как будто для того он был облечен и украшен императорской порфирой, чтобы все изменилось и пришло в другой вид. 2. Бывшие прежде государственные должности он уничтожил, установил новые для ведения государственных дел под новыми названиями; то же самое он сделал с законами и с регулярной армией, не в силу законной необходимости, руководясь не понятием полезности, но для того, чтобы все было по-новому и носило его имя. А чего в данный момент он не мог переменить, на это он все-таки накладывал печать своего имени. 3. Никогда не мог он насытиться и почувствовать пресыщение от грабежа богатств или от избиения людей. Завладев состоянием очень многих богатых людей, он устремлялся к новым грабежам, тотчас же раздав прежнее тем или другим из варваров или истратив богатства прежней своей добычи на безумное строительство. 4. Предав смерти без всякого основания десятки тысяч, он тотчас начинал злоумышлять против большего еще числа. 5. Тогда, когда римляне пользовались миром со всеми соседними народами, он,

не претерпевая такого положения и побуждаемый жаждой убийства, стал натравливать одни племена варваров на другие и, без всякого основания вызывая к себе вождей гуннов, он раздавал им с безумной расточительностью большие суммы денег, конечно, заявляя на словах, что он делает эти подарки для укрепления дружбы; это, как было сказано, он делал еще со времени правления императора Юстина. 6. Они же, увезя с собою деньги, подсылали других из своих сотоварищей по власти вместе с их отрядами, советуя делать набеги на земли императора, чтобы и они могли получить плату за мир оттого, кто хотел его покупать столь бессмысленно. 7. И вот они грабили и забирали в плен людей в пределах Римской империи и, тем не менее, получали плату от императора. А следом за ними шли тотчас другие, чтобы грабить несчастных римлян и после этого грабежа они получали, как бы в награду за свое вторжение, щедрые подарки от императора. 8. Говоря кратко, таким образом они одни за другими безостановочно грабили и опустошали все подряд. 9. Таких объединений вождей у этих варваров было много, война же эта началась по вине безумной щедрости императора и положить ей конец было никак невозможно, но вечно она начиналась все сизнова. 10. Поэтому в данное время не было какого-либо места в Римской империи, горы ли, пещеры ли или чего-либо другого, которое осталось бы неразграбленным, а во многих местах страна подвергалась разграблению по пяти и больше раз. 11. Все то, что пришлось перенести от мидян, сарацин, славян, антов и других варваров, я рассказал в прежних своих книгах; здесь же, как я обещал в начале этого своего произведения, я считаю нужным изложить причины таких бедствий. 12. Заплатив Хозрою за мир огромное количество фунтов золота, по собственной воле, без всякого повода, он оказался сам главным виновником того, что мирный договор был нарушен, так как он упорно старался привлечь на свою сторону Аламундара и гуннов, бывших в союзных отношениях с персами; в своих книгах, касающихся этих обстоятельств, мне кажется, я рассказал об этом довольно ясно. 13. В то время как он навлекал всякие беды на римлян, возбуждая все эти восстания и войны, думая только об одном: всякими способами наполнить землю человеческой кровью и грабить возможно больше денег, он замыслил следующим образом другое жестокое и кровавое избиение своих подданных. 14. Во всей Римской империи было много превратных учений, которые обычно называются ересями: учения монтанистов, саббатрианов и многие другие, в которых обычно заблуждаются мысли человеческие. 15. Им всем он велел отказаться от своего прежнего исповедания; тем, кто не послушается, он грозил многими карами; между прочим, он не разрешил им оставлять свое состояние по наследству детям и родствен-

никам. 16. Храмы этих так называемых еретиков и особенно тех, которые исповедывали арианство, имели невероятные богатства. 17. Что касается богатств, то ни весь римский сенат, ни другая какая-либо самая большая часть Римской империи не могли даже приблизительно сравниться с богатствами этих храмов. 18. Там было собрано золотых и серебряных вещей и драгоценных камней несказанное и несметное количество; они владели множеством домов и селений, большим количеством земли во всех частях империи. У них было много всего, что у всех людей является и называется богатством, так как никто из предшествующих императоров их не беспокоил. 19. Очень много людей, и при этом православных, в силу своего ремесла работая у них, находили себе источники своего существования. 20. И вот, прежде всего конфисковав имущество этих храмов, император Юстиниан внезапно отнял у них все богатства. Вследствие этого для многих были закрыты все источники существования для дальнейшей жизни. 21. Затем тотчас же во все стороны было послано много лиц, которые, обходя страны, насильственно заставляли менять веру всех тех, кого они встречали отпавшими от веры отцов. 22. Так как это людям деревенского склада ума казалось нечестивым, то все они решили оказывать сопротивление, тем, которые требовали от них этого. 23. Поэтому многие из них были избиты военными отрядами, многие сами на себя наложили руки, в своей глупости полагая, что таким образом они особенно проявляют свое благочестие. Но большинство из них толпами покидали отчие земли и бежали, а жившие во Фригии последователи Монтана, запершись в своих храмах, тотчас же подожгли эти храмы и в порыве безумия погибли вместе с ними. Таким образом с этого времени вся Римская империя была наполнена избиением и люди толпами бежали из нее. 24. Подобный же закон был вскоре издан и относительно самаритян и вызвал необычайное волнение. 25. Те, которые жили в моей Кесарии и в других городах, сочтя глупым принимать мучения из-за какого-то бессмысленного догмата, вместо бывшего у них имени, переменяв его, приняли имя христиан и под этой маской им удалось избежать опасности, которой им грозил закон. 26. Из них те, которые были людьми разумными и добропорядочными, не считали для себя недопустимым оставаться верными этой новой религии, большинство же, как люди раздраженные на то, что их заставили переменить религию отцов не добровольно, но силой закона, тотчас же уклонились в манихейство или примкнули к так называемому многобожию (политеизму). 27. Жители же деревень, собравшись все вместе, решили поднять оружие против императора и выбрали себе вождем одного из разбойников, по имени Юлиана, сына Сабара. 28. Вступив в открытый бой с отрядами войск императора, они некоторое время держа-

лись, но затем, побежденные в сражении, они погибли вместе со своим предводителем. 29. Говорят, что при этих тяжелых обстоятельствах погибло до 100000 человек; и с этого времени эта часть страны, наиболее плодородная, стала пустынной и необработанной. 30. Для христиан же, которые владели этими землями, все это дело кончилось великим бедствием. Хотя они из этих земель не извлекали себе никаких доходов, им приходилось все время вносить императору ежегодный налог полностью, бывший иногда весьма значительным, так как (на такое взыскание) без всякой пощады было обращено все внимание. 31. Затем он обратил свое преследование против так называемых эллинов, предавая тела их пыткам и конфискуя имущество. 32. Дело в том, что те из них, которые решили принять участие в исповедании и в имени христиан, конечно, на словах отвергнув то, которое было у них до сих пор, эти люди немного позднее по большей части были уличены в том, что совершают возлияния и жертвы (языческим богам) и другие нечестивые деяния...

ХIII. 1...Юстиниан, будучи по своему характеру и нравам таким, как я описал его, старался выставить себя легкодоступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался; никому не был закрыт доступ к нему и он никогда не сердился даже на тех, кто стоял или говорил с ним не так, как полагается по этикету. 2. Мало того, если он собирался кого-либо погубить, он не выказывал перед ним смущения. Он никогда не проявлял наружно ни гнева, ни раздражения против лиц ему неприятных, но лицо у него было кротким, брови не сдвинуты; тихим и ровным голосом он приказывал избивать десятки тысяч ни в чем неповинных людей, разрушать города, конфисковать и забирать в государственное казначейство все деньги. 3. По такому его поведению иной мог бы подумать, что по кротости он — суцая овца, но если бы кто-нибудь попытался обратиться к нему со слезной мольбой, взывая о милости к потерпевшим, то в этом случае он исполнялся такого гнева и злобы, что даже у лиц, наиболее, казалось бы, к нему близких, не оставалось в дальнейшем надежды на выполнение им их просьбы. 4. В вере христианской он считал себя твердым, но и это (как и все) у него служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над своими ближними, и если они грабили своих соседей, он неизменно выражал им свое сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое богопочтение. 5. Он считал, что действует благочестиво, если выносит такие решения, по которым кто-либо из церковнослужителей, под предлогом (интересов церкви) захватив насильственно что-либо из не принадлежавшего ему, уходил с суда, выиграв дело. Справедливость он полагал в том, чтобы церковнослужители оказывались

всегда победителями своих противников. 6. И когда он сам захватывал незаконным образом состояние живых ли или умерших и тотчас жертвовал их какому-либо храму, он гордился этим, с одной стороны, прикрыв таким покровом будто бы благочестивого деяния свои преступления, а с другой стороны — для того, чтобы (отнятое) имущество не могло вновь вернуться в руки тех, кто подвергся такому насилию. 7. Из-за этого он совершил бесчисленное количество убийств. Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедывать одинаковым образом христианскую веру, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания. 8. Таким образом, он был вечно охвачен заботой об истреблении рода человеческого, придумывая неустанно вместе со своей (достойной) супругой причины, которые могли бы повести к этому. 9. Оба они (и Юстиниан и Феодора) были преданы в полной мере одинаковым страстям, как родные брат с сестрою, а если чем они по характеру даже и отличались, то, будучи равно негодными, они старались показать особенно ярко эти свои расхождения и тем самым губили своих подданных. 10. По твердости своих убеждений Юстиниан был легче пыли и легко поддавался всякому, который мог вести его, куда хотел, если только дело не касалось человеколюбия или бескорыстия. Особенно он был падок на льстивые речи, 11. и льстящие ему легко могли его убедить, что он может подняться на воздух и даже быть вознесенным на небо. 12. Однажды сидевший вместе с ним Трибониан сказал, что он очень боится, как бы Юстиниан за его благочестие не был взят живым на небо. Такие похвалы, или, скорее (можно их назвать), насмешки, — он твердо хранил в своей памяти. 13. Если же случалось, что Юстиниан, удивленный доблестью, похвалил кого-нибудь, то немного спустя он начинал бранить его, как человека негодного. Подвергнув кого-нибудь из своих подданных позору и поношению, он вскоре затем на словах начинал его восхвалять, причем такая перемена не имела за собой никакого основания. 14. Мысли его зачастую были совершенно обратны тому, что он говорил или что хотел показать. 15. Каким он был в своих отношениях с друзьями и врагами, это я уже дал понять, опираясь на свидетельство очень многих поступков, совершенных Юстинианом. 16. Как враг он был неизменен и непреклонен; по отношению же к друзьям — крайне непостоянен. Из тех, которые были ему вполне преданы, он многих убил, а из числа тех, кого он когда-нибудь не взлюбил, он ни с кем не сделался другом. 17. Тех, которые казались наиболее близкими ему знакомыми и друзьями, он, в угоду своей супруге или желая сделать приятное кому-либо другому, не задумываясь преда-

вал на гибель, хотя хорошо знал, что они умрут единственно из-за расположения и преданности к нему. 18. Он был человеком неверным и непостоянным во всем, исключая только бесчеловечности и корыстолюбия. Вот, чтобы он отказался от этих своих качеств, этого никто добиться не мог. 19. Если его жена не могла убедить его в чем-либо, она, указав ему, что есть надежды получить от этого большие деньги, могла вовлечь его в любое дело даже против его воли. 20. Из-за низкой выгоды он совершенно не стыдился и издавать законы, и вновь их отменять. 21. Судил он не на основании им же изданных законов, но его приговор зависел от того, где он видел для себя большие выгоды и где были обещаны ему ценные сокровища. 22. Он считал, что для него нет никакого стыда отнимать у своих подданных их имущество, воруя по мелочам, если нельзя было сразу отнять его под каким-нибудь предлогом, или выставив какое-нибудь невероятное обвинение, или под видом предъявления подложного завещания. 23. Когда он был владыкой римлян, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания, не было твердо установленных и неизменных законов, не было судебных решений, на которые можно было бы положиться, не было верности слову или договору. 24. Когда он посылал кого-нибудь из своих приближенных на какое-либо дело и если случалось, что они погубили многих из тех, с кем им приходилось сталкиваться, но зато награбили много денег, то эти люди им, императором, считались и именовались славнейшими, как совершившие в точности все, что им было поручено; если же они возвращались к нему, оказав пощаду и снисхождение людям, то после этого в дальнейшем они были у него в немилости и он считал их своими недругами, 25. и отвергнув их, как людей старого уклада, он уже больше не призывал их на службу. Поэтому многие старались показать себя в его глазах негодьями, хотя по своим привычкам и образу мыслей они и не были такими. 26. Часто, обещав кому-либо что-нибудь и подтвердив неизменность своего обещания клятвой или письменным документом, он затем сознательно его забывал, полагая, что такой поступок приносит ему некую славу. 27. И такие вещи Юстиниан практиковал не только по отношению к подданным, но и по отношению ко многим из своих внешних врагов, о чем я говорил уже раньше. 28. Он больше, чем кто-либо, был способен не предаваться сну и никогда не позволял себе излишеств пресыщения в еде и питье, но, испробовав кушанья и притронувшись к ним, можно сказать, кончиками пальцев, он уже приказывал их убрать, 29. как будто все это казалось ему делом ничтожным, какой-то принудительной формой физических потребностей. Часто он оставался по два дня и ночи без пищи, особенно когда приходило время перед так называемым праздником пасхи.

30. В это время он часто оставался, как я сказал, не евши дня по два, поддерживая свои силы небольшим количеством воды и свежих овощей; спал он, если приходилось, час, а все остальное время проводил в движении. 31. И если бы все эти способности и время он хотел употребить на нечто хорошее, то дела государства пришли бы в великое благополучие. 32. Теперь же, обратив все силы своей природы во вред римлянам, он смог разрушить до основания их государственный строй. Его вечное бодрствование, заботы и труды были направлены только на то, чтобы всегда и во всем придумывать страдания своим подданным под покровом все более и более высокопарных и хвастливых слов. 33. Он был, как уже раньше сказано, удивительно остроумным на подобные выдумки и быстр на выполнение нечестивых дел, так что и самые дарования его природы, в конце концов, вели к гибели его подданных.

XIV. 1. В делах было большое расстройство; не осталось и следа от привычных прежних установлений. Об этом я упомяну лишь в немногих словах, все же остальное считаю нужным пройти молчанием, чтобы рассказ мой не затянулся до бесконечности. 2. Прежде всего, ничего, что свойственно достоинству императорского звания, у него не было; не считая нужным соблюдать это и в общественной жизни, он и по языку, и по внешнему виду, и по образу жизни уподоблялся варварам. 3. Если ему приходилось выносить решение в письменной форме по судебным делам, то формулировать его он не поручал, как было обычно, имевшему звание квестора, но считал нужным выносить его сам, хотя у него был такой (варварский) язык. На суде при нем состояла огромная толпа помощников-юристов, так что те лица, которые считали себя здесь обиженными, не знали, кого же им обвинять. 4. Так называемым секретарям он не поручал, как это было установлено издревле, ведать секретной перепиской императора, но он писал, можно сказать, все сам лично, особенно, если что нужно было приказать тем, кто были начальниками и судьями в провинциальных городах, как им надо истолковывать то или другое постановление. 5. Он не позволял никому в Римской империи самостоятельно выносить то или другое решение, но, произвольно присвоив это право себе, он с бессмысленным произволом сам подготовлял свои будущие решения, выслушав заявление одной из тяжущихся сторон, и на основании этого тотчас, не произведя расследования, не сделав юридически обоснованных выводов, он выносил свой приговор, руководствуясь не законом или справедливостью, но самым неприкрытым образом поддаваясь позорному корыстолюбию. 6. Император — он не стыдился брать взятки, так как ненасытная жадность уничтожила у него всякий стыд. 7. Часто бывало, что то, что постановлялось сенатом и затем поступало на

утверждение императора, в конце концов, получало у него совершенно обратное решение. 8. Дело в том, что сенат сидел, как какая-нибудь картинка лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созванных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановление выносилось императором и его супругой, по большей части на основании совещания по спорным вопросам друг с другом, и побеждало все то, на чем они между собой порешили. 9. Если кому-либо – казалось небезопасным, что он выиграл дело незаконным путем, то он, преподнеся этому императору еще новую сумму денег, добивался издания закона, идущего в разрез со всеми предшествующими. 10. Если же кто-либо другой начинал добиваться восстановления отмененного закона, то император вовсе не считал ниже своего достоинства отменить новый закон и восстановить старый. Не было никакой устойчивости власти, но вечно качались, склоняясь то на ту, то на другую сторону, бесы законности, смотря по тому, на какую сторону заставлял склоняться их лежащий на их чашке большой груз золота. На глазах у всех, на площади, и притом от имени императорского дворца, шла торговля, как в какой-нибудь лавке, не только судебными решениями, но и самим законодательством. 11. Так называемые референдарии уже не довольствовались тем, что делали императору доклады о прошениях обращающихся к нему с различными мольбами, а властям только сообщали, как было обычно; какой ответ, по его мнению, надо дать просителю, но, подобрав отовсюду несправедливые основания, всякого рода крючкотворством и ложными толкованиями обманывали Юстиниана, который и сам, по своей природе, был склонен к такому образу действий. 12. И тотчас, выйдя от императора и скрыв от тяжущихся, какое ими вынесено решение, они с них, беззащитных, пока никто не мог их опровергнуть, вымогали деньги, сколько было для них возможно. 13. В свою очередь и преторианцы, которые несли стражу во дворце, явившись в дворцовый зал судебных заседаний к судьям, вооруженной рукой добивались судебного решения. 14. Все покинули, так сказать, тот пост, на который они были раньше поставлены, и по произволу стали идти дорогами, прежде бывшими для них недоступными и запретными. Все дела шли по неверным и ошибочным путям; ничто не сохранило своего собственного имени, и государственный строй уподобился царице, находящейся в руках шаловливых и развратных мальчишек. 15. Но, как я сказал вначале, я считаю нужным прекратить об этом дальнейший свой рассказ. Я хочу теперь рассказать о том человеке, который первый подкупил взятками этого императора, когда он производил суд. 16. Был некий Лев,

родом киликиец, отличавшийся огромным корыстолюбием. Этот Лев оказался самым могущественным из всех льстецов и способным в души людей неопытных и неумных вкладывать свои мысли. 17. Он имел некоторый дар убеждения, которым он воздействовал на глупость тирана на погибель людей. Этот человек первый убедил Юстиниана продавать судебные решения за деньги. 18. И когда он сумел устроить себе вышеназванным способом возможность заниматься воровством, то уже не переставал действовать таким образом, и зло, распространяясь все дальше и дальше, достигло огромных размеров; всякий, кто хотел выиграть незаконный процесс против кого-либо из порядочных людей, тотчас же шел к Льву и, пообещав ему и тирану часть спорного имущества, тотчас же уходил из дворца, незаконно одержав верх. 19. Благодаря этому Лев смог накопить себе огромные богатства и оказался владельцем больших земельных участков, но был главнейшим виновником того, что государственный строй у римлян пришел в полный упадок. 20. Люди, договорившиеся о чем-либо, ни в чем не могли иметь никакой уверенности, ни в законе, ни в клятве, ни в письменном договоре, ни в назначенном за его нарушение наказании, — одним словом, ни в чем ином, кроме денег, если они даны, как взятка, Льву и императору. 21. Но даже и в этом случае точка зрения Льва не оставалась твердой; он не считал недостойным для себя заниматься вымогательством и от противной стороны. 22. Обирая и ту и другую сторону, которые на него полагались, он оставлял их просьбы без внимания, и никогда у него не появлялось сознание стыда в том, что он действует против них. 23. Если только от этого ему получалась выгода, он даже и не думал, что для него будет позором подобное двурушничество.

XV. 1. Таков был Юстиниан. Что касается Феодоры, то душа и мысли ее закалились, как камень, в постоянной бесчеловечности. 2. Ее никогда нельзя было ни убедить, ни заставить сделать что-либо для другого, но со всей непреклонной настойчивостью она проводила то, что решила, причем никто не решался просить у нее милости для того, кто впал у нее в немилость. 3. Ни продолжительность времени, ни удовлетворение от приведенного в исполнение наказания, ни всякого рода мольбы, ни страх смерти, — а всякий может ждать, что она поразит его, как божья кара, — ничто не могло заставить ее укротить свой гнев. 4. И вообще никто не видал, чтобы Феодора примирилась с кем-либо, кто стал на ее пути, даже если он умер; даже сын умершего, как бы приняв по наследству от отца ненависть императрицы, передавал ее до третьего колена. 5. И насколько быстро дух ее воспламенялся гневом и всегда готова она была губить людей, настолько невозможно было для нее прекратить гнев и успокоиться. 6. За своим телом она ухаживала даже больше, чем это было

нужно, но меньше, чем ей хотелось. 7. Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала. 8. За завтраком и обедом она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее было всегда очень продолжительно, днем — до сумерек, ночью — до восхода солнца. 9. Предаваясь таким излишествам в своем образе жизни, небольшой остаток дня она считала для себя вполне достаточным для того, чтобы управлять всей Римской империей. 10. И если император посылал кого-либо для исполнения той или другой должности против ее желаний, то дела этого человека приходили в такое положение, что немного спустя он отрешался от должности, подвергался великому поношению и погибал самой позорной смертью. 11. Вести всякое дело с Юстинианом было легко не только потому, что он был по характеру человеком легко поддающимся, но и потому, что спал он мало, как я сказал выше, и был очень доступен. 12. Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать с ним и по секрету говорить с ним. 13. Но чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. 14. Все время стояли они (в этом коридоре) на цыпочках, каждый стараясь вытянуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть. 15. Приглашались из них только некоторые, и то с трудом и по прошествии многих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и прикоснувшись краями губ подошвы ее ног. 16. Права говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не предоставлялось. Таким образом вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов. 17. Таким образом дела римлян приходили в упадок, как вследствие кажущейся легкой доступности и податливости деспота, так вследствие недоступности и высокомерия Феодоры. 18. В его доступности было нечто неустойчивое, ее высокомерие мешало выполнению дел. 19. Во всем этом выявлялось у них различие образа мыслей и жизни, но общим было для них корыстолюбие, жажда убийств и отсутствие всякой правдивости. 20. Оба они обладали поразительным искусством оболгать других, и если о ком-нибудь из числа враждебных Феодоре лиц начинали говорить, что он совершил правонарушение, хотя бы ничтожное, на которое не стоило даже обра-

щать внимания, она тотчас же выдумывала и приписывала этому человеку такие вины, в которых он был совсем неповинен, и раздувала дело, как некое великое его преступление. 21. Выслушивалось бесконечное количество наветов, и уже готов был суд о низвержении существующего порядка; у нее собирались судьи и она сама выбирала таких, которые готовы были драться между собой из-за того, кто из них больше других способен понравиться императрице, подавая свое мнение, бесчеловечностью своего приговора. 22. Таким образом состояние человека, попавшего в такую беду, она тотчас конфисковала, а его самого, подвергнув самому позорному наказанию, хотя бы он с древних времен принадлежал к знатнейшим фамилиям, она считала вполне допустимым для себя или наказать изгнанием, или казнить. 23. Если же одному из тех, к кому она благоволила, приходилось попасться в незаконных убийствах или в каком-либо ином величайшем преступлении, то она то с угрозами, то с глумлением, насмехаясь над решимостью обвинителей, заставляла их против их воли молчать о происшествии. 24. Даже самые серьезные из дел, когда ей было это угодно, она могла превратить в комедию, как будто дело шло вроде представления на сцене (цирка) или театра...

XVI. 1. Когда Амалазунта, желая избавиться от общения с готами, решила переменить свой образ жизни и задумывала переехать в Византию, о чем я рассказывал в предшествующих книгах, то Феодору взяло раздумье: Амалазунта была женщиной знатного рода и царственного происхождения, по внешности исключительно красива и умела очень решительно проводить свои планы; ее величественный вид и исключительно мужественный склад ума делали ее подозрительной в глазах Феодоры, которая боялась легкомыслия своего мужа. Свою ревность Феодора проявила не в каких-нибудь мелких поступках, но стала строить козни против Амалазунты вплоть до ее убийства. 2. Тотчас она убедила своего мужа, чтобы он в качестве посла отправил в Италию одного Петра. 3. При отправлении император дал ему же поручения, которые я привел в соответственных местах своего рассказа, но где сообщить всю истину, как это произошло, мне не представлялось возможным из-за страха перед императрицей. 4. Сама же Феодора дала Петру только одно приказание: возможно скорее убрать Амалазунту из числа живых людей, поставив ему на вид надежду, что если он выполнит ее приказание, он будет осыпан великими милостями. 5. И вот, когда он прибыл в Италию (ясно, что природное чувство этого человека ничуть не возмущалось и не мучилось, готовя преступное убийство, в надежде на обещанные ему или высокую должность или большие богатства), не знаю, чем склонив Теодата, он убедил его убить Амалазунту. За это Петр по-

лучил звание магистра и величайшую власть но заслужил от всех и величайшую ненависть. 6. Таков был печальный конец Амалазунты. 7. Был у Юстиниана секретарь по имени Приск родом пафлагонец, очень крупный негодяй, вполне подходящий, чтобы по своему характеру понравиться своему повелителю, которого он очень любил; он мог думать, что с его стороны пользуется таким же расположением. Поэтому-то очень скоро он стал обладателем огромного, но незаконно приобретенного богатства. 8. Так как он держался с Феодорой гордо и пытался ей противодействовать, то Феодора оклеветала его перед мужем. 9. Вначале она не имела успеха, но немного спустя среди зимы она велела посадить его на корабль и, отправив туда, куда хотела, против его воли она постригла его и сделала церковнослужителем. 10. Сам же Юстиниан, не показывая виду, что он что-либо знает о случившемся, не стал разыскивать, где находится Приск, и в дальнейшем даже и не вспоминал о нем; как будто пораженный беспомощностью, он хранил о нем глубокое молчание, деньги же его (хотя у него осталось родственников немало), он ограбил все. 11. Когда против нее явилось подозрение, что (она влюблена) в одного из своих рабов, по имени Ареобинда, родом варвара, но очень красивого и юного, которого она назначила хранителем своих драгоценностей, то, желая снять с себя это обвинение, хотя говорили, что она безумно влюблена в этого юношу, решила подвергнуть его жесточайшему наказанию (плетьми), а в дальнейшем мы вообще не узнали ничего об его судьбе, и донныне никто уже его не видал. 12. Если она хотела скрыть что-либо из того, что делалось по ее приказанию, то это для всех так и оставалось канувшим в воду, и всякий, кто принимал в этом деле даже самое близкое участие, не имел права ни сообщить об этом никому из самых близких ему людей, ни отвечать на вопрос, если кто его об этом настойчиво спрашивал. 13. С того времени как существуют люди, ни один тиран не внушал такого страха. Притом никому из ее противников невозможно было укрыться от нее. 14. Целая толпа шпионов докладывала ей все то, что делалось или говорилось, на площади или внутри домов. 15. Если же она не хотела, чтобы каким-либо образом обнаружилось, какому наказанию подвергся кто-либо с ее стороны, она поступала так: 16. вызвав к себе этого человека, если он был из числа знатных, она с глазу на глаз передав его ссылала в самые дальние места Римской империи. 17. Глубокой ночью этого человека, закутанного и связанного, получивший такое приказание сажал на корабль и ехал с ним туда, куда указано Феодорой; там он еще более тайно передавал его другому, вполне опытному в подобного рода службе, приказав сторожить этого человека самым тщательным образом и запретив кому бы то ни было говорить о нем. И он оставался там до

тех пор, пока или императрица не сжалится над несчастным, или пока он не умирал долгое время спустя, после тяжких мучений, истощенный всеми постигшими его здесь несчастьями...

XVIII. 1. Что Юстиниан был не человек, но некий демон, как я сказал, в образе человека, доказательство этого можно найти, если принять во внимание огромность бедствий, которые он причинил людям. 2. В чрезмерности содеянного выясняется и сила его совершившего. 3. Точное число тех, кто был уничтожен им, думаю я, мог бы сказать из всех только один господь бог. 4. Скорее, по моему мнению, можно было бы исчислить весь песок земной, чем тех, кого погубил этот император. Прикидывая в уме в общих чертах те области, которым по его воле суждено было обезлюдеть и обратиться в пустыни, я утверждаю, что погубил он сотни миллионов. 5. Ливия, столь огромная по своему пространству, была до такой степени разорена им, что, проезжая по ней долгое время, трудно было бы встретить там хоть одного человека, да и это казалось удивительным. 6. Ведь когда вандалы вначале взяли здесь за оружие, было их до 80000 вооруженных, что же касается числа их жен, детей и рабов, то кто мог бы представить себе точное их количество? 7. Равным образом число тех жителей Ливии, которые обитали в прежнее время в городах, занимались возделыванием земли и вели морскую торговлю, чему я сам очень часто был очевидцем, — их количество кто из людей в состоянии исчислить? Еще больше, чем их, было там маврузиев, и всем им суждено было погибнуть со своими женами и со всем потомством. 8. Далее, многих римских воинов и многих из тех, которые последовали за ними из Византии, скрыла (в своих недрах) земля. Так что, если бы кто стал утверждать, что в Ливии погибло пятьсот мириад (5000000) людей, то, в сущности, я думаю, он назвал бы минимальное число. 9. Дело в том, что после победы над вандалами Юстиниан вовсе не заботился о том, чтобы закрепить власть над страной и вовсе не думал охраною собственности (новых) подданных заслужить неизменное их расположение; но он тотчас же без малейшего промедления отозвал к себе Велизария, возведя на него обвинение, будто он хочет захватить насильственно власть, что совершенно не соответствовало настроению Велизария. Юстиниан хотел, устраивая здесь все по своему произволу, иметь возможность высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком. 10. Конечно, Юстиниан тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать непосильные налоги, которых прежде не было. Лучшие земли он присвоил себе, а арианами запретил исповедание их веры. 11. Он не соблюдал срока военных наборов и вообще для солдат жизнь при нем была тяжелая. Происходившие вследствие этого восстания кончались великой

гибелью (человеческих жизней). 12. Он не в силах был сохранять раз установленные порядки, ему как бы на роду было написано все спутывать и мутить. 13. Италия, бывшая по меньшей мере раза в три обширнее Ливии, стала повсеместно безлюдной еще в большей степени, чем Ливия. А отсюда можно будет представить себе приблизительно и число погибших. 14. О причине постигших Италию несчастий я рассказывал раньше. Все ошибки и правонарушения, которые Юстиниан совершил в Ливии, были повторены им и здесь, в Италии. 15. Послав сюда так называемых логофетов, он все поставил вверх ногами и все погубил. 16. До этой войны власть готов простиралась от области галлов вплоть до пределов Дакии, там, где находится город Сирмий. 17. Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венетов в большей своей части были заняты германцами. 18. Сирмий и прилегающую к нему область заняли гепиды, и вся эта страна, говоря кратко, стала совершенно безлюдной: 19. одних из них погубила война, других же — болезни и моровая язва, что всегда является спутником войны. 20. Что же касается Иллирии и всей Фракии, если считать от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе и Элладу и область Херсонеса, то с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. 21. Я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне. 22. Вот что случилось в Ливии и в Европе за эту войну. На восточные же границы римлян, начиная от Египта вплоть до персидских границ, все это время непрерывно делали набеги сарацины и так нещадно ее опустошали, что все эти местности оказались наиболее обезлюдевшими, и, думаю, что никогда ни один человек, как бы он ни исследовал, не подсчитает количества погибших там таким образом людей. 23. Точно так же и персы под начальством Хозроя четыре раза вторгались в остальную часть Римской империи, брали приступом города и тех людей, которых они забирали во взятых ими городах и в каждой захваченной ими области, одних они убивали, других уводили с собой; таким образом, землю, в которую им приходилось вторгаться, они обращали в безлюдную пустыню. 24. А с той поры, как они один за другим стали совершать походы в Колхиду, все это время вплоть до сегодняшнего дня приходилось погибать там и им самим, и лазам, и римлянам. 25. Однако и персам, и сарацинам, и гуннам, и всему славянскому племени, равно как и иным варварским народам, не удавалось уходить из римских пределов без тяжелых потерь. 26. Как во время вторжения, так еще больше во время осад и сражений им приходилось терпеть большие поражения и потери,

и гибло их ничуть не меньшие, чем римлян. 27. Так что не только римляне, но почти и все варвары утоляли все оскверняющую кровожадность Юстиниана. 28. Конечно, и Хозрой сам по себе по своему характеру был человеком дурным, но все поводы для войны, как это мною показано в надлежащих местах моего рассказа, давал ему всегда Юстиниан. 29. Он не считал нужным согласовать свои предприятия с подходящим временем, но делал все не во-время. В течение мира или перемирий он неустанно готовил в своей коварной душе поводы для войны со своими соседями, а во время самой войны, без всякого основания падая духом, вследствие корыстолюбия делал нужные для дела приготовления чересчур медленно. Вместо заботы о текущих делах он занимался вопросами высокоумными; весь уходя в рассуждения о природе божества, он не прекращал войны в силу своей кровожадности и любви к гнусным убийствам, а в то же время, не будучи в силах одолеть врагов, по своей мелочности занимался ненужными и вредными пустяками. 30. Потому-то во время его правления вся земля была залита человеческой кровью, широкой рекой лившейся как у римлян, так почти и у всех варваров. 31. Вот какие события, в кратких словах, произошли за это время в военных делах повсюду в пределах Римской империи. 32. Если же подсчитать тех, которые погибли во время восстания в Византии и в каждом отдельном городе, то, думаю, что здесь произошло избиение людей, ничуть не меньшее, чем на войне. 33. Так как справедливость совершенно не существовала и не было одинакового отношения к виновным, так как одна из партий проявляла всегда свою преданность императору (в отличие от другой), то сторонники и той, и другой совершенно не хотели оставаться спокойными; одни — вследствие того, что не пользовались любовью императора, другие — потому что не вполне были в ней уверены; они или впадали в отчаяние или охватывались безумной самоуверенностью; поэтому иногда и те, и другие, собравшись большими массами, шли друг против друга, иногда же сражались маленькими отрядами или устраивали засады, при случае и против отдельных лиц. В продолжение 32 лет не упуская ни одного момента, они совершали друг против друга нестерпимые насилия и многократно привлекались к уголовной ответственности со стороны начальника, поставленного над народом. 34. Наказание за нарушение порядка по большей части обращалось на прасинов («зеленых»), но не в меньшей степени усмирения самаритян и других так называемых еретиков наполнили Римскую империю кровью и убийствами. 35. Об этом я упоминаю теперь лишь в общих словах, так как немного раньше я в достаточной мере рассказал об этом. 36. Вот что пришлось испытать всем людям от этого воплотившегося в человеческое тело демона; вина за это лежит на нем с того

самого момента, как он стал императором. Каких бедствий был он причиной, совершив их таинственной своей силой и по демонской своей природе, я сейчас расскажу. 37. Когда он правил Римской империей, многие различные беды постигли ее; одни упорно приписывали их присутствию и злокозненности бывшего при нем злого духа, другие же говорили, что бог возненавидел дела его и отвратил свое лицо от Римской империи, отдав ее на погибель кровавым демонам следующим образом. 38. Так, река Скирт, разлившись, затопила Эдессу и причинила ее обитателям бесчисленное количество бедствий, о чём я буду писать позднее. 39. Нил, разлившись, как обыкновенно, не спал в установленное время и тем причинил многим из живших по его берегам ужасные бедствия, как я рассказывал об этом раньше. 40. Река Кидн, устремившись на Таре, залила его почти весь в продолжение многих дней, и вода ушла не прежде, чем нанесла городу неисцелимые бедствия. 41. Землетрясения разрушили Антиохию, первый из городов на Востоке, соседнюю с ней Селевкию и самый знаменитый город в Киликии, Аназарб. 42. Число погибших вместе с ними людей кто мог бы сосчитать? Сюда надо прибавить гибель Ибор, Амасеи, первого из городов у (Эвксинского) Понта, Полибота во Фригии и того города, который Писиды называют Филомедой; были разрушены, кроме того, Лихнид в области эпиротов и Коринф, бывшие с древнейших времен самыми многочисленными городами. 43. Эти города все без исключения за это время были разрушены землетрясениями, а вместе с городами гибель постигла почти и всех живших в них. 44. Поразившая империю моровая язва, о которой я упоминал уже раньше, унесла приблизительно половину оставшихся в живых людей. 45. Вот сколько народа погибло за то время, когда Юстиниан вначале стал управлять Римским государством, а затем явился самодержавным его императором.

XIX. 1. Я хочу теперь рассказать, как он начисто ограбил у всех их богатства, но предварительно я передам о том сновидении, которое в начале правления императора Юстиниана пришлось увидеть во время ночного покоя одному из знатнейших лиц. 2. Он рассказал, что ему снилось, будто он стоит в Византии на берегу моря, на том, который напротив Халкедона, и видит, что посередине пролива стоит Юстиниан. 3. И сначала он поглотил всю воду моря, так что можно было думать, что в дальнейшем он будет стоять на сухом материке, ввиду того что вода уже больше не поступала в пролив. Но затем сюда устремилась другая вода, полная грязи и нечистот, вытекающая обильно из канализационных труб с той и другой стороны; он поглотил и эту воду и вновь сделал сухим ложе пролива. 4. Это сновидение имело вот какое значение: когда дядя этого Юстиниана, Юстин, сделался императором, то он нашел государственное казначей-

ство полным деньгами. 5. Император Анастасий был самым предусмотрительным и самым экономным из всех самодержцев; он боялся, — что и случилось, — как бы его преемник, чувствуя недостаток в деньгах, не стал, быть может, грабить подданных. Поэтому он, прежде чем окончить дни своей жизни, наполнил золотом до отказа все сокровищницы, 6. Все эти деньги Юстиниан очень быстро расточил, отчасти на бессмысленное морское строительство, отчасти благотворительствуя варварам. А ведь можно было бы думать, что для императора, даже очень любящего широко жить, этих денег хватило бы лет на сто. 7. Те, которые стояли во главе императорских сокровищ, и казначейства, и всех других императорских доходов, утверждали, что Анастасий после своего более чем 27-летнего правления оставил в государственной казне 320000 фунтов золота. 8. Но еще тогда, когда в продолжение девяти лет императором был Юстин, когда этот Юстиниан привел весь государственный строй в расстройство и беспорядок, (по их словам) было собрано во дворец всеми правдами и неправдами 400000 фунтов золота, но и из них не осталось ничего. И еще при жизни Юстина этим человеком они были истрачены так, как я уже рассказывал раньше. 9. А сколько денег он сам за все время своего правления сумел незаконно присвоить и истратить, нет никакой возможности ни рассказать: об этом, ни сосчитать, ни указать их количество. 10. Как некая река, вечно текущая, он каждый день грабил и разорял своих подданных, но все награбленное тотчас же утекало к варварам (или на какое-либо морское строительство). 11. Истратив таким образом государственные богатства, Юстиниан обратил свой взор на своих подданных. И тотчас он у очень многих отнял их состояние: подверг их без всякого основания всякому насилию. При полном отсутствии всякой вины он осуждал тех, которые считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других — в ересьях и в неправом исповедании христианской веры, иных в педерастии или в любовных связях с монахинями или других каких-либо незаконных сожителствах, или в подготовке заговоров, или в приверженности к партии прасинов («зеленых»), или в оскорблении его личности, как императора, или приписывая им какое-либо другое слово или выражение, или вдруг оказываясь наследником умерших, а бывало иногда и еще живых, как будто бы усыновленный ими. 12. Это были славнейшие из его деяний. А как он, воспользовавшись бывшим против него восстанием, которое называли «Ника», тотчас же стал наследником всех сенаторов, и как до этого восстания он самолично, у каждого в отдельности, не у малого числа лиц отнял их состояние, об этом я только что рассказывал. 13. Всех варваров, при всяком удобном случае, он одарял крупными суммами

денег, восточных и западных, живущих на севере и на юге, вплоть до живущих в Британии, — одним словом, племена, живущие повсюду на земле, о которых раньше к нам даже не доходил слух и которых мы увидели раньше, чем узнали название их племени. 14. Они, осведомившись о характере этого человека, стали стекаться к нему в Византию со всех концов земли. 15. Он же, ничуть не задумываясь, но даже вследствие этого преисполненный радости и считая величайшим счастьем и удачей расточать богатства римлян, бросал их варварам или на морское строительство и, щедро одарив каждого из них, отправлял в его родную страну. 16. Благодаря этому все варвары стали полными хозяевами богатств Римской империи, или получая деньги от императора, или грабя пределы Римской державы, или получая их в виде выкупа за пленных, или заключая за деньги перемирие. Вот во что было суждено вылиться тому сновидению, о котором я только что рассказывал. 17. Юстиниан сумел придумать и другие хитрые способы ограбления своих подданных; насколько возможно кратко, я сейчас расскажу о них; благодаря им он имел возможность не сразу все, но постепенно ограбить у всех их имущество.

XX. 1. Прежде всего он назначил в Византии начальника над народом с весьма широкими полномочиями; его обязанностью было ежегодно распределять налоги между теми, кто имел лавки, и тем давать им возможность продавать товары по любой цене. 2. И для граждан сложилось такое положение при покупке на рынке товаров и продовольствия, что хотя на них накидывали тройные цены, им некому было на это жаловаться. 3. И от этого население понесло великий убыток. Часть этих налогов поступала в пользу государства, но, главным образом, отсюда имели возможность богатеть поставленные наблюдать за этим делом чиновники. 4. В результате всего этого низшие служители этих властей, охваченные жадностью при такой позорной службе, и хозяева лавок, побуждаемые безнаказанностью при правонарушениях, проявляли нестерпимый произвол по отношению к принужденным покупать тогда товары; и они не только во много раз повышали стоимость товаров, но и неслыханным образом при помощи всяких хитростей фальсифицировали эти товары. 5. Затем Юстиниан установил много так называемых монополий и тем (незаметным образом) продал благосостояние своих подданных людям, которые сочли вполне достойным для себя изыскать отсюда свою выгоду. Получив взамен этого надлежащую оплату, сам император отстранялся от этого дела, а внесшим ему деньги он предоставлял устраивать все это дело, как они хотят. 6. Также открыто он совершал правонарушения и во всех других отраслях управления. Уделив императору часть, обычно не очень большую, от своих награбленных доходов,

начальники и их уполномоченные по каждому делу затем уже вполне безбоязненно грабили тех, кто попадал в их руки...

XXI. 9. Юстиниан действовал так повсеместно во всей Римской империи. Отобрав себе самых негодных людей и назначив их на высшие должности за большие деньги, он отдавал им государство на разграбление. 10. Для человека разумного или обладающего хоть каплей здравого смысла не было никакого основания вперед вносить свои личные деньги с тем, чтобы потом грабить ничем неповинных. 11. Получив эти деньги от тех, кто с ним договорился, Юстиниан предоставлял им полную свободу всячески извлекать выгоду из своих подданных; они же, губя все эти области вместе с их населением, ставили себе лишь одну цель: в дальнейшем самим сделаться богатыми. 12. Те, которые получали должности в (провинциальных) городах, заняв деньги у ростовщиков за жестокие проценты и уплатив их тому, кто дал это назначение, когда они оказывались в полученных ими областях, проявляли против своих подданных все, какие только можно придумать, меры несправедливости, больше всего заботясь о том, чтобы уплатить своим кредиторам условленную сумму, а, кроме того, и самим попасть в число богатейших людей. 13. Такие действия не грозили им никакой опасностью или неприятностью, но скорее могли способствовать их славе, в зависимости от того, как велико было число тех, кто попадал в их руки, и кого они могли без всякого основания казнить и ограбить. 14. И самое имя убийцы и разбойника у них обыкновенно превращалось в имя энергичного человека. 15. Если же Юстиниан замечал, что кто-либо из этих власть имущих в провинциях приобрел себе крупное состояние, у них он под тем или иным предлогом, поймав как рыбу сеть, тотчас отбирал целиком все состояние. 16. Затем им был издан закон относительно лиц, вступающих в управление той или другой магистратурой или провинцией, который требовал, чтобы они приносили клятву: что они будут непричастны ко всякому грабежу и по своей должности не будут ничего ни давать, ни брать. 17. Он прибавил всякие проклятия, которые произносились по обычаю предков еще в древние времена, если кто нарушит эти постановления. 18. Но не прошло и года со времени издания этого закона, как он сам, пренебрегая всеми этими постановлениями и проклятиями, без стыда, не чувствуя никакой неловкости, стал брать плату за назначение на магистратуры и в Византии, и в провинции, не где-нибудь в закоулке, но открыто, на площади, при всем народе. 19. А те, которые купили себе должности, преступая все клятвы, еще больше, чем прежде, стали заниматься грабежом. 20. Впоследствии он придумал нечто такое, чему даже поверить трудно. Те магистратуры, которые он считал самыми важными в Византии

и в других городах, он решил больше не отдавать на откуп, как раньше, но, специально выискавши людей, посылал их туда на определенное жалованье, требуя от них, чтобы они, получая жалованье, отдавали ему все, что они награбят. 21. Они же, получая жалованье, с тем большим бесстрашием обирали всю страну и тащили все себе; всюду свирепствовал этот наемный произвол под именем государственных чиновников, грабя подданных. 22. И здесь император с самой мелочной тщательностью все время назначал для заведывания этими должностями тех, которые поистине из всех были самыми негодными, и, всегда выискав, как охотник зверя по следу, такое воплощение зла, он считал это большой своей удачей. 23. И вот, когда он этих поистине первых по подлости людей поставил во главе правления, и они, проявляя высший произвол своей власти, вынесли на свет всю свою нравственную испорченность, мы удивлялись, как только человеческая природа могла дать место такой преступности. 24. Когда же через некоторое время люди, сменившие их у власти, могли намного обогнать их своей грабительской деятельностью, то люди с недоумением спрашивали друг друга, каким образом те, которые раньше казались самыми негодными, могли быть превзойдены своими преемниками настолько, что нежданно-негаданно по своему образу действия оказались людьми прекрасными и добропорядочными. Затем явившиеся третьими (настолько же) по всякой своей низости одерживали верх над вторыми. Следовавшие за ними, благодаря тем необычайным и новым (формам насилия, проявленным ими и вызвавшим) нарекания на них, дали возможность своим предшественникам заслужить имя честных людей. 25. Когда эти бедствия продолжались все дальше и дальше, то всем на опыте пришлось убедиться, что нет предела испорченности человеческой природы; эта низость, выросшая на знании прежних преступлений и благодаря произволу и дерзости соблазненная возможностью мучить и вредить попавшим в ее руки, по-видимому, достигает такой степени, измерить которую можно только сознанием тех, кто подвергся этим бедствиям. 26. Так обстояло дело у римлян со всеми магистратурами. Часто, когда отряды гуннов, сделав набег, забрав пленных и ограбив римскую область, уходили назад, римские военачальники во Фракии и Иллирии решали напасть на них, но они, встретив в этом препятствие, должны были воздерживаться, так как им предъявлялись письма императора Юстиниана, запрещающие нападать на варваров, под предлогом, что они являются для римлян нужными союзниками против готов или против каких-либо других врагов. 27. Поэтому эти варвары грабили и забирали в плен живущих здесь римлян, как враги, и со всей этой добычей и пленниками возвращались домой, как друзья и союзники римлян.

28. Часто земледельцы, живущие здесь, побуждаемые любовью к взятым в плен своим женам и детям, собравшись вместе, нападали на уходящих варваров и (бывало) многих убивали, отбирали у них всю добычу и овладевали их конями. Но за это им приходилось на себе испытывать весьма неприятные последствия. 29. Посланные к ним из Византии считали для себя дозволенным мучить и издеваться над ними и без всякого угрызения совести накладывать на них денежные штрафы, пока они не отдадут всех коней, которых отняли у варваров...

XXIII. 1. Прежде издавна был обычай, чтобы каждый, кто занимал престол Римской империи, не один раз, но многократно, прощал всем своим подданным недоимки по государственным налогам для того, чтобы у обедневших и не имеющих средств, откуда уплатить эти недоимки, не висела вечно эта петля на шее и чтобы не давать повода (для злоупотреблений) сборщикам податей, пытающимся придирается к тем из плательщиков податей, которые ничего не должны по налогам. Этот же человек за 32 года своего правления ничего подобного не сделал для своих подданных. 2. Поэтому обедневшим было необходимо бежать без всякой надежды на возвращение. 3. А ябедники мучили всякими страхами честных людей, выставляя против них обвинения в том, что будто бы они неполностью заплатили подати за прежнее время из наложенного на их имение взноса. 4. И эти несчастные боялись не столько нового обложения налогами, сколько того, что они незаконно будут отягощены взысканиями в качестве недоимок за столь продолжительный срок. 5. Поэтому многие действительно отдавали свои имения этим ябедникам или государству и сами уходили. 6. А затем, несмотря на то, что большая часть Азии была опустошена мидянами и сарацинами, а вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами, что из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям, несмотря на то, что варвары увели с собою в плен всех людей со всем их достоянием, что вследствие чуть ли не ежедневных их набегов все области стали безлюдными и необрабатываемыми, — несмотря на все это, он, тем не менее, не снял ни с кого налогов, исключая тех городов, которые были взяты приступом, да и то на один только год. 7. Даже если бы он сделал так, как император Анастасий, и на семь лет отменил подати для взятых врагами городов, думаю, даже в этом случае он поступил бы не вполне соответственно с обстоятельствами времени: ведь Кабад ушел, нанеся огромные повреждения всем постройкам, а Хозрой вообще сжег дотла все, что захватил, причинив попавшим ему в руки еще большие бедствия. 8. И для этих людей, с которых он сложил такую смехотворную часть налогов, и для всех других, которым часто приходилось видеть в своих пределах войска мидян и,

можно сказать, постоянно толпы гуннов и сарацин, ограбивших дотла земли Востока, когда и европейские варвары не в меньшей мере совершали всегда и повсеместно те же насилия над римлянами, — для них этот император был злом более тяжелым, чем все варвары. 9. По удалении неприятелей хозяева имений тотчас же попадали в сети императорских декретов о принудительной скупке хлеба (синоне), о так называемых переложениях платежей и доплатах. 10. Что это за декреты и какую цель они преследовали, я сейчас укажу. 11. Владельцев имений заставляли содержать римское войско пропорционально размерам наложенной на каждого подати, причем нормы этих поставок определялись не тем, какова потребность в продовольствии в данный момент, но тем, сколько вообще с них можно взять и какое количество постановлено взыскать, причем вовсе не спрашивалось, есть ли в данный момент в этой области нужные запасы. 12. И вот, эти несчастные были вынуждены доставлять солдатам и их коням нужное им продовольствие, покупая его целиком за большие деньги по очень повышенным ценам и при этом иногда в отдаленной области, привозить его туда, где в это время находилось войско, и сдавать его заведующим военным хозяйством не той мерой, как это полагается для всех людей, но как заблагорассудится этим приемщикам. 13. Таков порядок того, что называется «скупкой хлеба» — синоной, в результате которого у хозяев имений вытягивались все жилы. 14. В силу этого им по необходимости приходилось платить ежегодно налогов по крайней мере в десять раз больше, так как они должны были, как сказано выше, обслуживать не только войско, но на них, постигнутых уже такими бедами, часто сваливалась необходимость доставлять хлеб и в Византию. И не только один этот, именуемый Барсима, дерзал на такое нечестие и правонарушение, но и раньше его так поступал и Иоанн из Каппадокии, и позднее те, которые приняли от Барсимы высокое звание этой должности. 15. Так обстояло дело со скупкой хлеба. Что же касается «эпиболе», то это какая-то непредвиденная чума, внезапно поразившая владельцев имений и с корнем вырвавшая у них надежду на возможность жизни. 16. Дело в том, что налоги с поместий, или опустевших или запущенных, владельцам которых и колоннам (земледельцам) пришлось или уже совсем погибнуть, или, покинув отчие земли, скрываться от постигших их из-за всего этого бедствий, эти налоги властители не сочли недостойным себя переложить на тех, которые еще не совсем были разорены. 17. Вот что обозначает слово «эпиболе», особенно распространенное, как это и естественно, в это самое время. Что же касается «диаграфы», чтобы сказать в кратких словах и не задерживаться на этом, заключается она вот в чем. 18. Необходимость заставляла, особенно в эти печальные време-

на, налагать на города большие взыскания. Об условиях привлечения к ним и о способах их взысканий выданный момент я не буду говорить, чтобы рассказ мой не оказался бесконечным. 19. Эти суммы платили владельцы имений, прибавляя их пропорционально к наложенной на каждого из них подати. 20. Но на этом их бедствия не кончались; моровая язва, охватившая всю остальную землю, поразила также и Римскую империю и уничтожила большую часть колонов (земледельцев); поэтому, как и естественно, имения обезлюдели, но Юстиниан не оказал никакой пощады их владельцам: 21. он неизменно взыскивал с них ежегодный налог и не только то, что было наложено на каждого из них, но и долю погибших их соседей. 22. Сверх этого возлагалось на них еще многое другое, о чем я говорил несколько раньше, что всегда отягощало имевших несчастье быть владельцами имений. Кроме того, им приходилось обслуживать воинов, поселенных в самых лучших и роскошнейших помещениях, а самим все это время жить в самых плохих и заброшенных строениях. 23. Все это пришлось постоянно испытывать людям в течение правления Юстиниана и Феодоры, так как ни войны, ни другие величайшие бедствия за это время не прекращались. 24. И раз уже я упомянул о домах, я не считаю возможным обойти молчанием и то, что владельцы домов в Византии должны были поселить в них варваров, которых было в Византии около 70000. Не говоря уже о том, что сами они не могли пользоваться удобствами и выгодами от своих владений, они подвергались и многим другим неприятностям.

XXIV. 1. Не должно конечно, обойти молчанием и то, что было сделано Юстинианом по отношению воинов, во главе которых он поставил самых негодных людей, приказав им собирать и здесь возможно большее количество денег, причем они знали, что двенадцатая часть добытого будет принадлежать им. Этим людям было дано имя логофетов. 2. Они ежегодно употребляли следующий прием. Закон и обычай установили, чтобы воинское жалованье выплачивалось не всем одинаковое, но тем, которые были еще молоды и недавно стали совершать походы, жалованье было меньше, а для уже испытанных и находящихся в середине платежных списков, жалованье платилось выше. 3. Для ветеранов и собирающихся уйти в отставку из военной службы жалованье было еще более высокое, для того, чтобы они в дальнейшем, живя, как частные люди, имели достаточно средств на прожиток и, когда им придется пройти весь путь своей жизни, могли бы оставить своим домашним из личных средств некоторое утешение. 4. Таким образом, самое время, всегда повышая тех воинов, которые получали меньше и ставя их на места умерших или уходящих в отставку из военной службы, давало каждому из них по старшинству службы возможность

получить более высокое жалование из государственного казначейства. 5. Но так называемые логофеты не позволяли вычеркивать из списков имена умерших, хотя их погибало очень много помимо всего прочего, потому, что шли постоянные войны. Кроме того, они еще в течение продолжительного времени не пополняли войско новыми наборами. 6. Поэтому число воинов в государстве становилось все меньше и меньше, а те, которым давно уже умершие не давали повышаться по спискам, продолжали оставаться, вопреки своим заслугам, в разрядах ниже оплачиваемых, получая жалования меньше, чем полагающееся им по норме. Все же деньги, следовавшие воинам за все это время, благодаря этим логофетам, доставались на долю Юстиниана. 7. Кроме того, они заставляли страдать воинов и от многих других обид, специально связанных с их службой, как будто в возмещение за те опасности, которые они несли на войне. Одним бросалось обвинение в том, что они греки, как будто бы уже заранее было решено, что, будучи эллином, нельзя быть честным и храбрым человеком; другим — что они несут военную службу без разрешения от императора, хотя насчет этого они показывали бумагу с подписью императора, но логофеты без всякого колебания осмеливались признавать ее подложной; наконец, третьим ставилось на вид, что им пришлось на несколько дней уйти, покинув своих товарищей. 8. Кроме того впоследствии некоторые из дворцовой охраны были разосланы по всей Римской империи, конечно, под тем предлогом, чтобы произвести ревизию регулярных войск и выявить, кто из них (будто бы) совершенно непригоден для военной службы, и у некоторых, как бесполезных или устаревших, они решались отнимать пояса. В дальнейшем эти несчастные должны были открыто на площади просить себе для пропитания милостыню у людей благочестивых, являясь для всех встречавшихся с ними поводом для слез и стенаний. Что касается других, то они, чтобы и им не испытать такого бедствия, платили (следователям) крупные суммы. Таким образом, вышло, что воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались из всех в самом нищенском положении и не было уже у них охоты воевать. 9. Поэтому-то и в Италии дела римлян пришли в полный упадок. Дело в том, что логофет Александр, посланный в Италию, без всякого стыда решился проявить к солдатам такое обидное отношение, а с италийцев взysкивал их личные деньги, под предлогом наказания за их защиту установлений Теодориха и готов. 10. И не только обыкновенные воины были доведены до бедности и поставлены в безвыходное положение притеснениями логофетов, но и очень многие из сотрудников всех военачальников, которые в прежнее время пользовались большой славой, были теперь обречены на голод и крайнюю бедность. 11. У них не

было уже ни средств, ни возможности, откуда бы они могли добывать себе нужное им пропитание. 12. Раз уже в своем рассказе о положении войска мне пришлось об этом заговорить, я добавлю еще следующее. В прежние времена римские императоры повсюду, по всем окраинам Римского государства, содержали очень большие отряды войск для охраны границ Римской империи, особенно в восточной ее части, отражая там набеги персов и сарацин. Эти войска так и назывались «пограничными». 13. К ним император Юстиниан с самого начала отнесся так невнимательно и небрежно, что те, кто должен был платить им жалованье, задерживали его за четыре и за пять лет; когда же у римлян и персов был заключен мир, эти несчастные, как будто бы и им предстоит пользоваться благами мира, были принуждаемы отказаться за указанное время от жалованья, которое им задолжали, в пользу государственной казны. А затем и самое наименование такой войсковой части было уничтожено без всякого основания. 14. Таким образом, на дальнейшее время границы Римской империи остались без охраны, а воины неожиданно для себя должны были смотреть в руки тем, кто привык заниматься благотворительностью, раздавая подавание. 15. Другие воины, числом не меньше 3500, с самого начала были назначены для охраны дворца; их называют схоляриями. 16. В прежние времена обычно они получали из государственного казначейства более высокое жалованье, чем все другие. Прежние государи, выбрав их по их доблести (и воинским заслугам) из числа армян, ставили на эту высокую должность. 17. Но с того времени, как Зенон принял императорскую власть, всем дано было право, даже трусам и людям совсем не воинственным, вступать в эту (преторианскую) гвардию. 18. С течением времени даже рабы, если они могли заплатить назначенную сумму, покупали себе это воинское звание. Когда же Юстин стал императором, этот Юстиниан многих возвел в это высокое звание, взяв с них большие суммы. 19. Когда он в дальнейшем увидел, что в этих списках нет уже ни одного лишнего места, он прибавил к ним других, до двух тысяч, которых стали называть сверхкомплектными. 20. Когда же он сам сделался императором, он очень скоро отстранил всех этих сверхкомплектных, не вернув им ничего из внесенных ими денег. 21. По отношению тех, которые были в числе схоляриев, он придумал следующее. Когда становилось известным, что войско будет послано в Ливию, в Италию или против персов, то давался приказ собираться схоляриям, якобы потому, что они должны будут принять участие в этом походе, хотя Юстиниан точно знал, что в военном отношении они ничего не стоят; а те, боясь этого, на известный срок отказывались от жалованья. И такие вещи схоляриям приходилось испытывать не раз. 22. Петр все то время, когда он нес должность так

называемого магистра, чуть не ежедневно мучил их несказанными вымогательствами. 23. Правда, он был (с виду) очень мягким и никогда не позволял себе грубого обращения, но из всех людей он был наивеличайший вор, человек, исполненный самой позорной грязи. Об этом Петре я упоминал раньше, что он был виновником смерти Амалазунты, дочери Теодориха. 24. При дворце есть и другие, более высокие военные должности; им обычно идет тем более высокое казенное жалованье, чем выше та сумма, за которую они купили этот военный чин; они носят название доместиков и протекторов. С давних времен это были люди совершенно неопытные в военных делах. 25. Они числились в списках императорского двора исключительно только ради церемониала и внешности. Одни из них издавна жили в Византии, другие — в области галатов и в разных других местах. 26. Запугивая всегда и их вышеуказанным способом, Юстиниан принуждал их отказаться от полагающегося им жалованья. 27. Я подведу вкратце итог. Был закон, чтобы каждые пять лет император одаривал каждого из воинов определенной суммой золота. 28. И каждые пять лет (специальные) посланные по всей Римской империи каждому воину передавали по пяти золотых статеров. 29. И никак нельзя было не выполнить этот (вошедший в плоть и кровь) обычай. Но с того времени, как этот человек стал управлять государством, он ни разу не сделал, да и не собирался делать, ничего подобного, хотя с того времени прошло уже 32 года, так что люди почти что уже и забыли об этом случае. 30. Теперь я расскажу о другом способе грабежа подданных, который он придумал. Те, которые в Византии у императора или у магистратов несут военную службу или прилагают свою руку по письменной части, или служат как-нибудь иначе, — сначала помещаются в самом конце списка, с течением же времени они повышаются рангом, занимая всегда места тех, которые или умирают или уходят в отставку. Так каждый из них, поднимаясь по служебной лестнице, доходит до верхней ступени; этим он достигает предела своей почетной службы. 31. И вот тем, которые дошли до столь высокой должности, издревле выплачивалось такое количество золота, что каждый год это выражалось в сумме более 10000 фунтов золота. Это давало им возможность безбедно проводить свою старость, и из других лиц многие вместе с ними получали отсюда большую пользу. Этим путем и государственные дела приходили к большому благополучию. 32. Но этот император, лишив их почти всего этого, принес огромный вред и им, и всем остальным людям. Бедность, поразившая сначала их самих, затем перешла и на других, на тех, которые прежде в некотором отношении были участниками их благосостояния. 33. И если кто

подсчитает те денежные суммы, которых они лишились в течение тридцати двух лет, то найдет, какое огромное количество денег удалось ему похитить у них.

XXV. 1. Так обошелся этот тиран с несущими военную службу. А то, как он поступил с купцами, моряками, ремесленниками и рыночными торговцами, а через них и со всеми остальными людьми, я сейчас изложу. 2. По ту и другую сторону Византии есть два пролива, один — в Геллеспонте между Систом и Абидосом, другой — у устья так называемого Эвксинского Понта, где находится знаменитый храм (богородицы). 3. В проливе Геллеспонта не было никакой государственной таможни, но в Абидосе находился начальник, посылаемый императором наблюдать за тем, чтобы корабль, везущий оружие в Византию, не мог доставить его туда без соизволения императора и чтобы никто не мог плыть в открытое море из Византии, не имея письменного разрешения за печатью тех лиц, которые ведают этим делом. Не полагалось плыть из Византии, не получив разрешения на выезд от лиц, являющихся помощниками по управлению так называемого магистра (*magister officiorum*). Он взыскивал с владельцев кораблей налог, о котором по его незначительности не стоило бы и говорить: считалось справедливым, чтобы этот чиновник получал некоторую мзду за свою работу. 4. А тот, кто посылался ко второму проливу, получая постоянное вознаграждение от императора, тщательно производил обыск кораблей и осмотр тех товаров, о которых я говорил, наблюдая, не везут ли к варварам, живущим по берегам Эвксинского Понта, чего-либо такого, чего не полагалось везти из земли римлян к варварам. Этому уполномоченному не полагалось ничего брать для себя от этих мореходов. 5. Но с тех пор, как Юстиниан взошел на императорский престол, и у того и у другого пролива были установлены государственные таможни и, отправляя сюда двух чиновников, которые получали определенное жалованье, он приказал им добывать отсюда всякими способами возможно большее количество денег. 6. Они же, стараясь показать свою преданность ему, ограбив за один раз плывущих на всю стоимость их грузов, затем отпускали их. 7. Вот что делалось у того и другого пролива. А в Византии он придумал следующее. Поставив во главе этого предприятия одного из близких себе лиц, по происхождению сирийца, по имени Аддея, он приказал ему доставлять для него какую-либо прибыль от кораблей, приходящих с моря в Византию. 8. И вот он все корабли, идущие с моря в Византию, пускал в гавань не иначе, как накладывая на мореходов взыскание, равное стоимости всего провоза на их собственных кораблях, или заставлял их везти товары в Ливию и в Италию. 9. Некоторые из них, не желая брать на себя издержки обратного провоза и вообще заниматься в дальнейшем морским делом, сжигали свои ко-

рабли и, довольные, тотчас же удалялись. 10. Те же, которым по необходимости приходилось добывать себе пропитание этим промыслом, — продолжали в дальнейшем перевозить товары, возложив на тех, кто нанимал их для провоза груза, тройную цену; а эти оптовики, ясно, могли покрыть свои убытки, только возложив их на мелкого потребителя их товаров; и таким образом для римского народа всячески готовилась голодная смерть. 11. Так обстояло дело в государстве с торговлей. А что этими государями было сделано с разменной монетой, думаю, не должно быть обойдено молчанием в моем рассказе. 12. Обычно раньше менялы за один золотой статер давали обращающимся к ним 210 оболлов, которые они называли «фоллами» (обрезки кожи). Юстиниан же с Феодорой, изобретая всевозможные источники личного обогащения, постановили давать за статер 180 оболлов. Этим от каждой золотой монеты они отрезали седьмую часть... всех людей. 13. Введя на большую часть товаров так называемые монополии и заставив желающих что-либо купить задыхаться каждый день в петле этих цен, эти правители оставили незакабаленной только одну торговлю — платьем, но и тут они придумали следующее. 14. Платья из коконов шелка-сырца издревле обычно делались в двух городах Финикии: в Берите и в Тире. 15. Крупные торговцы этим товаром, их представители и ремесленники-мастера со времен отцов и дедов жили здесь, и отсюда обычно после выработки эти товары распространялись по всей земле. 16. Когда же во время правления Юстиниана занимавшиеся этим делом в Византии и в других городах стали продавать эту одежду дороже, ссылаясь на то, что в настоящее время персы накинули цену на сырец значительно выше, чем она была в прежнее время, и что теперь десятичные сборы в Римской империи выше, чем прежде, то император, делая перед всеми вид, будто он негодует на это, законом запретил, чтобы цена на такую одежду была выше, чем восемь золотых за фунт шелка. 17. Тем, кто нарушит этот закон, грозило наказание в виде конфискации всего наличного состояния. Торговавших этим товаром такое постановление ставило в совершенно безвыходное и невозможное положение. Купцам, которые приобрели эти товары по более высоким ценам, нельзя было продавать их покупателям по более низкой цене. 18. Поэтому они не считали возможным продолжать с выгодой для себя эту торговлю, но понемногу, украдкой, из-под полы, они стали распродавать оставшиеся у них товары подобного рода, конечно, только кому-либо из знакомых, которым было приятно так наряжаться, тратя свое богатство, или которым по какой-либо иной причине это было необходимо. 19. Узнав об этом от своих наушников, не произведя никакого расследования по этим слухам, императрица отняла у этих людей все их товары, наложив на них сверх того

штраф в 100 фунтов золота. Впоследствии эти государи не сочли недостойным себя самым заняться производством таких одежд из шелка в Византии. Во главе этого производства стоит заведующий царскими сокровищами. 20. Назначив Петра, по прозванию Барсима, на эту должность, немного времени спустя они разрешили ему совершить безбожные поступки. 21. По отношению к другим он считал нужным строго придерживаться закона, а заставляя рабочих-специалистов по этому производству работать только на одного себя, он продавал, вовсе не скрываясь, но открыто, на площади, унцию шелка, окрашенного в какую-нибудь краску, не меньше чем за 6 золотых, а шелк, окрашенный в царскую краску, которая называется «головером» (чистый пурпур) он продавал более чем за 24 золотых. 22. Он извлек отсюда для императора большие деньги, а сам, прикрываясь этим, тайно воровал еще большие суммы. Начиная с этого времени, такая система так и осталась на все времена. 23. Ибо он один и до моего времени открыто остается и поставщиком и продавцом этого товара. 24. Те же поставщики, которые прежде занимались этим делом в Византии и во всех других городах, перевозя товары по морю и по суше, чувствовали, естественно, тяжелые последствия этого постановления. 25. В городах же, о которых я говорил выше, почти весь простой народ сразу стал нищим. Простые ремесленники, занятые прежде ручной работой, должны были, естественно, бороться с голодной смертью, прося подаяние; многие по той же причине переменили свое подданство и бежали в персидские пределы. 26. И один только хранитель императорских сокровищ, неизменно занимаясь этой выгодной для него выделкой товаров, часть доходов, получаемых отсюда, как сказано, считал возможным доставлять императору, а сам, похищая большую часть, богател на общественных бедах. Но довольно об этом.

XXVI. 1. Каким образом он смог и в Византии, и в каждом другом городе уничтожить все, что составляло честь и славу государства и всякое благолепие, я сейчас расскажу. 2. Прежде всего он решил уничтожить почетное звание адвокатов. Он прежде всего отнял у них всякое право на гонорар, благодаря которому прежде, выступая с защитительными речами, они обычно получали средства для роскошной жизни и для своего внешнего блеска. Император приказал, чтобы обе стороны приносили присягу, и с этого времени адвокаты, поставленные в столь унижительное положение, были в большом унынии. 3. Когда же он отобрал имущество, как я об этом говорил выше, у членов сената и у всех тех, которые в Византии и во всей Римской империи считались богатыми, то в дальнейшем сословию адвокатов по своей профессии не оставалось ничего другого, как только сидеть сложа руки, 4. так как у людей, имеющих какое-

либо положение, не оставалось уже ничего ценного, из-за чего бы они вступали друг с другом в споры. Таким образом, сословие адвокатов из многочисленного стало малочисленным, из уважаемого оно теперь повсюду стало испытывать крайне унижительное к себе отношение. И, естественно, они все находились в крайней бедности и жили, получая за свое дело одни насмешки и оскорбления. 5. Он заставил нуждаться в самом необходимом и врачей, и профессоров общеобразовательных предметов (права). То содержание, которое прежние императоры установили выплачивать им по этим профессиям из государственного казначейства, Юстиниан отнял все. 6. Больше того, все те средства, которые жители всех городов собирали между собой или для городских расходов или для устройства у себя зрелищ, он не побоялся перечислить и соединить их с государственными налогами. 7. И в дальнейшем не было уже никакого внимания ни к врачам, ни к профессорам; никто уже не мог заботиться о городском благоустройстве, не было уже освещения по городам на государственный счет, не было никаких других удовольствий для населения городов. 8. Театральные представления, скачки, охоту (на арене) с этого времени он почти все прекратил, а ведь в этой обстановке его жена родилась, воспиталась и выросла. 9. Впоследствии он велел прекратить эти зрелища и в Византии, для того, чтобы не отпускать на это обычных средств из казначейства, благодаря которым находили себе пропитание очень многие, почти бесчисленное количество лиц. 10. И в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной. 11. Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастиях, о чудовищных размерах этого небывалого горя. 12. Таково было положение в городах. Теперь нужно сказать о том, о чем я еще не упомянул в своем рассказе. Каждый год в Римской империи выбирались два консула: один — в Риме, другой — в Византии. 13. Всякий, кто призывался на эту высокую должность, должен был за время своего управления истратить для государства больше чем 2000 фунтов золота; небольшая часть этой суммы шла из его личных средств, а главный расход шел из средств императора. 14. Эти деньги шли как на поддержку других, о чем я уже говорил, так, главным образом, тратились на тех, кто попал в тяжелые материальные условия и особенно на служителей сцены. Благодаря этому всегда получалась очень большая поддержка экономическому положению города. 15. Но с тех пор как Юстиниан принял императорскую власть, все это больше уже не делалось в установленное время. Сначала при нем консул у римлян оставался в своей должности долгое время, а, в конце концов, народ даже во

сне перестал видеть новые избрания. Вследствие этого людям пришлось влачить в бедности беспросветно жалкое существование, так как (император) уже не отпускал своим подданным обычного (вспомоществования), напротив, даже и то, что у них было, всякими способами отнимал. 16. Как это ненасытное чудовище, поглотив все государственные средства, затем отобрало все имения и богатства сенаторов, и отдельно у каждого и у всех вместе, я думаю, об этом мною рассказано достаточно. 17. Полагаю, что более чем достаточно изложено мной и то, какими приемами ему удалось отнять достояние также у других, считавшихся богатыми, пуская против них в ход ябеды и доносы. Это относится и к воинам, и к служителям магистратов, и к несшим военную службу во дворце, к земледельцам — колонам и владельцам поместий, к служителям слова и к тем, кто своей профессией избрал науки юридические и общекультурного значения, а также к купцам, владельцам судов и морякам, к ремесленникам и рабочим, к торговцам на рынках и к тем, кто находил себе средства для жизни в сценической профессии. Можно сказать, не было никого, кого бы не поразили тот или иной ущерб, проистекающий по воле Юстиниана. 18. Как он поступил с людьми, живущими подаяниями, людьми маленькими и неимущими, находящимися в крайней нужде и унижении, я сейчас расскажу. А то, что он сделал по отношению к церковнослужителям, я расскажу в дальнейшем изложении. 19. Прежде всего, взяв в свое распоряжение все лавки и введя так называемые монополии на товары первой необходимости, он стал взysкивать со всех людей более чем тройную цену. 20. Если бы я хотел рассказать о других бесчисленных несправедливостях, проистекающих от этих монополий, то я не взял бы на себя смелость говорить о них даже в бесконечной речи; но самое горькое было то, что он всегда грабил покупателей хлеб, а не покупать его не могли ни ремесленники, ни бедняки, ни люди, находящиеся в крайнем унижении. 21. Каждый год он считал допустимым извлекать для себя отсюда 300 фунтов золота, а хлеб стал (дороже и) полон золы. Побуждаемый своим корыстолюбием, этот император не побоялся даже на это наложить свою нечестивую руку. 22. Пользуясь этим предлогом, те, на кого была возложена столь почетная обязанность (портить продукты), искусными приемами извлекали личную выгоду и очень легко доходили до великого богатства. В самые урожайные годы они всегда, сверх ожидания, искусственно устраивали человеческими руками голод для неимущих, так как никому ни в коем случае не дозволялось ввозить зерно откуда бы то ни было, но по необходимости все должны были есть этот покупной хлеб. 23. Хотя бы эти императоры Юстиниан и Феодора видели, что городской водопровод развалился и только незначительную часть воды пропускает в город, но

не обращали на это внимания и не желали отпустить (на его исправление) ни гроша денег, хотя вокруг городских водоемов толпа чуть не душила друг друга и все бани были закрыты. А в то же время без всякого расчета бросались огромные суммы денег на приморское строительство и на другие бессмысленные сооружения; повсюду в подгородных имениях воздвигались великолепные дворцы, как будто им уже не доставало тех дворцов, в которых постоянно любили жить прежние императоры. 24. Так, не вследствие бережливости в деньгах, а ради гибели человеческой, он решил оставлять без внимания постройку водопровода, так как никто никогда не был готов более Юстиниана нечистыми путями присваивать себе чужие деньги и еще более скверным образом тотчас же их истратить. 25. Из двух вещей, которые остались для питания и питья людям, дошедшим до крайней нужды и нищеты, а именно вода и хлеб, даже в этих вещах император причинил им вред, как я рассказывал, сделав так, что воды у них не доставало, а хлеб стал гораздо дороже. 26. И не только в Византии поступил он так с бедными, но также и с живущими в других местах. О них и пойдет сейчас мой рассказ. 27. Захватив Италию, Теодорих оставил там тех, которые несли военные должности (преторианские) при римском дворце. Этим он хотел сохранить след старого государственного управления, оставив каждому небольшое ежедневное жалованье. Было их очень много. 28. В числе их были так называемые силенциарии, domestiки и схоларии, у которых ничего военного больше не осталось, кроме звания да этого жалованья, едва хватавшего им на прожитие. Теодорих приказал передавать его их детям и их потомкам. 29. Нищим, которые жили около храма апостола Петра, он назначил ежегодно по 3000 медимнов хлеба за счет государства. Эти выдачи и тем, и другим производились до тех пор, пока в Италию не прибыл Александр Псалидий («Ножницы»). 30. Этот человек без малейшего колебания решил все это уничтожить. Узнав об этом, Юстиниан, римский император, нашел такие действия совершенно правильными и еще больше, чем прежде, держал Александра в чести. Во время этой командировки Александр сделал и с эллинами следующее: 31. Издревле заботу об охране Фермопильского прохода несли на себе земледельцы, возделывавшие здешние места и посменно охранявшие находящуюся здесь стену, когда ожидали нашествия каких-либо варваров, желавших прорваться в Пелопоннес. 32. Когда во время этой командировки Александр прибыл сюда, то, делая вид, будто он заботится об интересах жителей Пелопоннеса, он сказал, что нельзя поручать охрану этого прохода крестьянам. 33. Поэтому он поместил здесь отряд воинов, приблизительно в 2000 человек, постановив, чтобы жалованье им шло не из императорской казны, а все деньги,

предназначавшиеся на городское благоустройство и зрелища из всех эллинских городов, под этим предлогом он перечислил в казначейство, с тем, чтобы на них содержать этот военный отряд. Вследствие этого в дальнейшем во всей Элладе, даже в самих Афинах, не производилось больше никакого ремонта зданий и не делалось ничего хорошего. 34. Однако Юстиниан без всякого колебания подтвердил все эти распоряжения Псалидия. 35. Вот что тогда произошло там. Теперь мне надо перейти к нищим в Александрии. Был там некто Гефест из числа адвокатов, который, сделавшись префектом Александрии, удержал народ от мятежа, нагнав страху на мятежников, и причинил крайние из крайних бед жителям этого города. 36. Обратив всю торговлю в городе в так называемую монополию, он не позволял ни одному купцу заниматься этим делом, но, став сам единственным торговцем, он продавал все товары, конечно, установив на них такие произвольные цены, на которые давало ему право его официальное положение. И вот весь город, все жители Александрии задыхались от недостатка предметов первой необходимости, которые в прежнее время мог легко покупать даже крайне бедный люд. Особенно же они почувствовали утеснение в хлебе. 37. Дело в том, что хлеб в Египте имел право скупать только он один и никому другому не давалось разрешения купить ни единого медимна, поэтому и (качество) хлеба, и цены на него он устанавливал, как хотел. 38. В результате этого в скором времени он сам собрал сказочное богатство и удовлетворил жажду императора к деньгам. 39. Из-за страха перед Гефестом народ Александрии молча переносил постигшие его бедствия, а самодержец в уважение к постоянно доставляемым ему деньгам любил этого человека превыше всех. 40. Возымев намерение еще более заслужить расположение императора, этот Гефест придумал следующее. 41. Став римским императором, Диоклетиан постановил каждый год раздавать большое количество хлеба из государственных складов нуждающимся александрийцам. 42. С тех пор беднейшее население города, распределив между собой эти раздачи, по наследству передавало их своим потомкам вплоть до описываемого времени. 43. Но Гефест, отняв у людей, и без того уже нуждающихся в насущном пропитании, ежегодное количество хлеба в 2000000 медимнов, оставил их лежать в государственных кладовых, а императору написал, что эти люди получали до сих пор такие раздачи несправедливо и не соответственно пользе государства. 44. Поэтому император с большой охотой утвердил эту меру и почувствовал к нему еще большее расположение, а те из александрийцев, которые в этой раздаче видели единственную свою надежду на существование, почувствовали всю прелесть такой бесчеловечности, проявленной на том, что было самым необходимым для их существования.

XXVII. 1. Юстинианом совершено столько преступлений, что целого века нехватило бы, чтобы рассказать обо всех них. 2. Да будет дозволено мне выбрать несколько примеров из всей этой массы, рассказ о которых совершенно ясно обрисует всем будущим поколениям полностью весь его характер, показав, что был он двуличен и что ему не было никакого дела ни до бога, ни до священнослужителей, ни до законов, ни до того народа, о котором он должен был заботиться; что он не думал ни об уважении к кому бы то ни было, ни о пользе государства, ни о том, чтобы делом и словом послужить ему или чтобы под каким-нибудь предлогом постараться оправдать свои преступления. Ничто из этого ему не приходило на ум; его интересовало только одно: как бы ему ограбить деньги со всей земли. Я начну вот с чего. 3. Он сам назначил архиереем в Александрию некоего человека по имени Павла. Случилось, что в это время префектом Александрии был некто Родон, родом из Финикии. 4. Юстиниан поручил ему во всем содействовать Павлу со всяким старанием, с тем, чтобы ни одно из его, Павла, требований не осталось бы невыполненным. 5. Он думал, что таким образом ему удастся уговорить александрийских еретиков присоединиться к исповеданию Халкедонского собора. 6. Был некий Арсений, родом из Палестины, который был принят императрицей Феодорой в число самих близких к ней лиц и поэтому получил большое влияние; он собрал огромное богатство, так что дошел до высокого звания сенатора, хотя был он самый грязный человек. 7. Был он самаритом, но, чтобы не потерять приобретенную им власть, он решил прикрыться именем христианина. 8. И вот, его отец и брат, полагаясь на его влияние живя в Скифополе и скрывая свою отческую веру, с его согласия совершали невыносимые преступления против всех христиан. 9. Поэтому граждане восстав против них, подвергли их обоим самой безжалостной смерти, а отсюда произошло много бед для жителей Палестины. 10. Тогда ни Юстиниан, ни императрица не сделали Арсению никакого зла, хотя именно он был главным виновником всех этих неприятных событий, но запретили ему впредь появляться во дворце, потому что из-за него они постоянно осаждались жалобами со стороны христиан. 11. Этот Арсений, думая, что он вновь заслужит расположение императора, немного спустя отправился вместе с Павлом в Александрию, чтобы во всем быть ему помощником и всеми силами содействовать в убеждении александрийцев. 12. За то время, когда он был лишен доступа во дворец, он усиленно показывал свою преданность ко всем христианским догматам. 13. Этим он вызвал неудовольствие Феодоры, так как в этих вопросах она придерживалась, как я указал в предыдущих рассказах, других взглядов, чем император. 14. Когда они прибыли в Александрию, то Па-

вел передал на казнь Родону некоего Псоя, диакона, говоря, что он один мешает ему выполнить волю императора. 15. Руководясь письмами императора, частыми и очень настойчивыми, Родон решил казнить этого человека, и он, подвергнутый жестокой пытке, вскоре умирает. 16. Когда это известие дошло до императора, то он, под сильнейшим и настойчивым влиянием императрицы, возложил всю вину за это дело на Павла, Родона и Арсения, как будто забыв о всех данных им приказаниях этим людям. 17. Назначив Либерию, одного из патрициев города Рима, префектом Александрии, он послал туда нескольких чтимых иереев, с тем, чтобы они произвели расследование по этому делу; в числе их был и римский архидиакон Пелагий, являясь представителем от лица римского папы Вигилия, который возложил на него это поручение. 18. Расследовав это дело об убийстве, они тотчас низложили Павла, лишив его архиерейства: бежавшему в Византию Родону император приказал отсечь голову, а его деньги конфисковал, хотя Родон предъявил 13 писем, которые ему написал император, неоднократно и со всей настойчивостью повелевая во всем подчиняться Павлу, если он прикажет что-либо сделать, и ни в чем не противодействовать ему, чтобы он мог относительно исповедания веры выполнить то, что было решено (на соборе). 19. Арсения, согласно решению Феодоры, Либерии посадил на кол, а император постановил конфисковать его имущество, хотя он не мог обвинить его в чем-либо, кроме совместного проживания с Павлом. 20. Правильно ли он тут поступил или нет, этого я сказать не могу, но сейчас покажу, ради чего все это я рассказал. 21. Спустя некоторое время Павел прибыл в Византию и, преподнеся нашему императору 700 фунтов золота, просил его возвратить ему епископский престол, говоря, что он был лишен его противозаконно. 22. Юстиниан милостиво принял деньги и держал этого человека в большой чести и обещал, что очень скоро он назначит его александрийским архиереем, хотя это место было занято уже другим: при этом Юстиниан делал вид, будто он ничего не знает, что тех, кто жил с ним и кто решился ему служить, он же сам велел казнить и их имущество конфисковал. 23. Августейший император усиленно и настойчиво старался выполнить это дело, и относительно Павла определенно считалось, что он непременно получит опять эту епископию. 24. Но (папа) Вигилий, находившийся тогда в Византии, несмотря на приказание императора, решил ни в каком случае не уступать ему и, ссылаясь на точку зрения Пелагия, говорил, что для него невозможно, раз теперь вновь поднимается вопрос об этом процессе, отказаться от высказанного от его имени Пелагием суждения. 25. Таким образом, ясно, что этот император не заботился ни о чем другом, кроме возможности грабить и отнимать деньги. Я хочу рассказать еще сле-

дующий случай. 26. Был некто Фаустин, родом из Палестины, бывший в прежнее время самаритом, но по необходимости, боясь закона, принявший имя христианина. 27. Этот Фаустин дошел до звания сенатора и получил власть (префекта) над этой областью. Вскоре он был отрешен от этой должности и когда вернулся в Византию, то некоторые из священнослужителей стали обвинять его, донеся, что будто бы он тайно принадлежит к секте самаритов и по отношению к христианам, жившим в Палестине, позволил себе совершить ряд поступков. 28. Юстиниан сделал вид, будто он исполнен гнева и возмущен тем, что в то время, как он занимает престол римского императора, подвергается с чьей бы то ни было стороны осмеянию христово имя. 29. Сенаторы, производя расследование этого дела, наказали Фаустина изгнанием, под сильнейшим давлением императора. 30. Но получив от Фаустина столько денег, сколько хотел, император, тотчас же подвергнув это решение вторичному рассмотрению, признал его не имеющим силы. 31. Фаустин вновь получил прежнее (сенаторское) звание, был принят императором в число друзей и, назначенный заведующим (прокуратором) императорскими имениями в Палестине и в Финикии, еще с большей смелостью и безопасностью для себя стал делать все, что ему было угодно. 32. Так вот каким образом Юстиниан считал нужным сохранять христианское православие; хотя я привел не много примеров, но даже из этого краткого изложения можно вполне вывести надлежащее заключение. 33. А как он без зазрения совести изменял законы, раз за это ему были предложены деньги, я расскажу в самых коротких словах.

XXVIII. 1. Был в городе Эмесе некий Приск, который замечательно хорошо научился подделывать чужие подписи; он был удивительно искусный специалист в этом гнусном деле. 2. Много лет тому назад церковь Эмесы одним из виднейших граждан города была сделана наследницей его имущества. 3. Этот человек, по своему званию патриций, по имени Маммиан — человек славного рода и исключительно богатый. 4. В правление Юстиниана вышеупомянутый Приск получил поручение произвести обследование всех домов этого города; и вот, если он находил какой-нибудь дом, цветущий богатством и вполне подходящий, чтобы с него можно было взыскать крупные суммы, то тщательным образом разузнавал о предках владельцев этого дома и, найдя их старинные письма, составлял как будто бы от их имени целый ряд документов, в которых они заявляли, что обязаны возратить крупные суммы денег Маммиану, как полученные ими от него в качестве ссуды под залог их имущества. 5. Этих обязательств по таким поддельным документам собралось не меньше, чем на 10000 фунтов золота. 6. Затем, чудесным образом подделав подпись того человека,

который тогда, когда был еще жив Маммиан, — человека, пользовавшегося большой славой за свою справедливость и за другие достоинства, который, сидя на площади, составлял все документы для граждан, закрепляя каждый из них собственноручной подписью, — римляне называют такого человека «табеллионом» (нотариусом), — так вот, подделав его подпись, Приск передал все документы заведывавшим делами церкви в Эмесе, договорившись с ними, что ему будет дана часть полученных таким образом, денег. 7. Но на их пути стоял закон, который для всех других видов судебных дел устанавливал срок давности в 30 лет, а для некоторых немногих, в том числе так называемых закладных, этот срок удлинялся до 40 лет. Тогда они придумывают следующее. 8. Отправившись в Византию и преподнеся этому императору большую сумму денег, они просили его помочь им в выполнении этого дела: погубить граждан, которые никогда и никому не были должны. 9. Получив эти деньги, Юстиниан без всякого промедления издает закон, по которому для судебных дел церквей о принадлежащем им имуществе устанавливается новый срок давности, не тот, который был до сих пор предписан, но удлиняется до 100 лет, и что это постановление должно иметь законную силу не только в Эмесе, но и во всей Римской империи. 10. Провести в жизнь это дело в Эмесе император поручил некоему Лонгину, человеку энергичному и обладающему огромной физической силой, который впоследствии был в Византии начальником над народом. 11. Заведующие делами церкви, сначала предъявив иск на основании вышеназванных документов к кому-то из граждан, получили тотчас же право да взыскание 200 фунтов золота с этого человека, так как он ничего не мог противопоставить в свою защиту ввиду столь большой давности и неведения того, что тогда происходило. 12. В великой печали сидели все люди, особенно же самые знатные из жителей Эмесы, отданные на произвол доносчиков и клеветников. 13. Когда же это бедствие постигло уже очень многих из граждан, то по божьему промыслу суждено было случиться следующему. 14. Приску, творцу этого гнусного дела, Лонгин приказал принести все документы, а когда он стал отказываться сделать это, он изо всей силы дал ему по уху. 15. Не выдержав удара столь сильного человека, он упал навзничь; дрожа и будучи в крайнем страхе, подзревая, что Лонгин уже все это дело заметил, он во всем сознался ему. Таким образом вся эта гнусность была вынесена на свет и всей этой ябеде суждено было увидеть конец. 16. Юстиниан не только для римлян постоянно, чуть ли не каждый день, издавал все новые и новые законы, но этот император старался разрушить и те законы, которые почитали евреи. 17. Если случалось, что по времени праздник пасхи у них приходился раньше, чем у христиан, он не поз-

волял иудеям справлять его в установленное время, совершать в эти дни поклонение своему богу или выполнять свои священные обряды. 18. И многих из них под предлогом, что они в это время вкушают мясо агнца, обвинив в нарушении государственных законов, поставленные на эту должность магистраты штрафовали на большие суммы. 19. Я знаю бесчисленное количество других подобного рода дел Юстиниана; я не стану их перечислять, так как нужно же положить конец рассказу. Ведь уж и из того, что сказано, достаточно ясно можно составить себе представление о характере этого человека.

XXX. 1. А обращал ли он какое-либо внимание на пользу государства, это может стать ясным для всякого из его мероприятий по отношению к почте и к разведчикам. 2. Бывшие раньше римские самодержцы очень заботились о том, чтобы все сообщалось им возможно скорее и доходило без всякого промедления: как то, что совершается врагами в той или другой области, так и происходящие по городом восстания или какое-либо иное неожиданное бедствие; одним словом, они хотели, чтобы им становилось быстро известным то, что происходит повсеместно во всей Римской империи со стороны ли магистратов или кого бы то ни было другого; наконец, чтобы те, кто пересылает им ежегодные доходы, могли делать это без всякого промедления и опасности. В заботах об этом императоры повсеместно организовали быстрое почтовое сообщение следующим образом. 3. На расстоянии однодневного пути, который может пройти человек налегке, они устроили станции, иногда восемь, иногда меньше, но обычно число их не было никогда меньше пяти. 4. На каждой такой стоянке содержалось до 40 лошадей; соответственно количеству коней на всех стоянках находились и конюхи. 5. Так как лошади были очень хорошие, то благодаря частым сменам едущие, на которых возлагались все те поручения, о которых я только что говорил, иной раз, бывало, в один день на таких перекладных совершали десятидневный путь. Притом и владельцы имений, расположенных всюду, даже в глубине страны, делались от этого очень зажиточными. 6. То продовольствие, которое оставалось у них от прошлого года, они ежегодно продавали государству на содержание лошадей и конюхов. За это они получали крупные суммы. 7. В результате этого государство всегда получало наложенные на каждого подати, и в свою очередь те, кто доставлял это продовольствие, сами тотчас же за него получали наличные деньги. И это давало возможность совершаться всему как следует к пользе государства. 8. Так шли дела прежде. Но этот властитель, прежде всего уничтожив почтовые станции от Халкедона до Дакибизы, заставил всех отправляющихся из Византии прямо вплоть до Гелленополя, чего они вовсе не хотели, плыть на кораблях.

9. А плыть им приходилось на таких маленьких суденышках, на каких обыкновенно здесь переезжают через пролив. И если, случалось, поднималась буря, им приходилось подвергаться большим опасностям. При неотложной необходимости торопиться им не было никакой возможности подстергать благоприятный момент или выжидать, когда наступит спокойствие на море. 10. Затем почтовый тракт в прежнем виде он оставил только на дороге, которая вела к границам Персии, на всем же остальном Востоке вплоть до Египта, на дорогах длиною целого дневного пути, он оставил по одной только станции, да и то на них содержались не кони, а ослы в небольшом количестве. 11. Поэтому известия обо всем, что случалось в каждой области, приходили поздно и много времени спустя после нужного момента; а так как о событиях сообщали с опозданием, то делу, понятно, никак нельзя было помочь. Что же касается помещиков, то запасы продовольствия у них гнили или бесцельно лежали, и для хозяев от них не было никакой пользы. 12. Относительно разведчиков дело обстоит вот как. В прежнее время много людей, получая содержание от государства, шли в пределы врагов и проникали даже в самый дворец персидского царя, под видом ли торговли или под другим каким предлогом; они до точности расследовали все и, вернувшись в пределы Римской империи, могли сообщать начальникам тайные планы врагов. 13. Начальники же, предупрежденные, принимали свои меры и поэтому для них ничего не случалось непредвиденного. Такие же методы были применяемы издревле и мидянами. Как говорят, Хозрой, введя более высокую оплату работы разведчиков, пожал богатые плоды такой предусмотрительности. 14. От него ничего не было скрыто, что делается у римлян. Юстиниан же, не потратив на них ни единой монеты, даже самое имя разведчиков уничтожил в Римской империи, вследствие чего ему пришлось совершить много ошибок. Между прочим, из-за этого врагами была захвачена Лазика, так как римляне совершенно не были осведомлены, куда пойдет персидский царь со своим войском. 15. В прежние времена обычно на государственный счет содержалось очень много верблюдов, которые следовали за римским войском, если оно шло против врагов, и везли для него все необходимое. 16. Вследствие этого ни крестьянам не приходилось в принудительном порядке возить эстафеты, ни у войска никогда не было недостатка во всем необходимом. Но Юстиниан уничтожил и их почти всех. Поэтому теперь, когда римское войско направляется против неприятелей, оказывается невозможным, чтобы у римского войска было все, что сейчас требуется. 17. Так относился он к тому, к чему он в интересах государства должен был бы прилагать особое усердие. Кстати будет вспомнить и об одной из его шуток. 18. В числе юристов в Кесарии был не-

кий Эвангел, человек неглупый, который, воспользовавшись благоприятным для себя стечением обстоятельств, оказался обладателем всякого рода богатств, и, между прочим, стал крупным землевладельцем. 19. Впоследствии он купил приморскую деревню, называвшуюся «Порфиреоном», за 300 фунтов золота. Узнав об этом, император Юстиниан тотчас отнял у него это имение, заплатив ему лишь малую часть его стоимости, причем произнес такую фразу, что Эвангелу, будучи юристом, нет никакого блага в том, что он будет обладателем такой («порфиродостойной») области. 20. Но будет говорить об этом: достаточно и того немногого, о чем я упомянул сейчас. 21. Из нововведений Юстиниана и Феодоры в придворной жизни надо отметить следующие. Издревле сенат, являясь к императору, обычно приветствовал его следующим образом. Кто был родом патриций, целовал его в правую часть груди, 22. а император, отпуская его, целовал его в голову; все же остальные уходили, преклонив перед императором правое колено. 23. Приветствовать и поклоняться императрице — такого обычая не было. При Юстиниане же и Феодоре все являвшиеся к ним на прием, не исключая и тех, которые носили высокое звание патрициев, падали перед ними ниц, вытянувши во всю длину руки и ноги, затем, облобызав и ту и другую ногу у обоих императоров, они поднимались. 24. Таким образом, и Феодора не отказывалась от такого поклонения. Она считала вполне желательным для себя, чтобы к ней являлись послы персов и других варваров, и одаряла их ценными подарками, как будто бы она была носительницей власти в Римской империи, — дело, небывалое во все времена. 25. В прежнее время те, кто являлся во дворец, приветствовали самого государя именем императора, а его супругу — императрицей, а из остальных высших магистратов каждого они приветствовали именем той должности, какую он в данное время занимал. 26. Теперь же, если кто-нибудь в беседе с Юстинианом или Феодорой употреблял слово император или императрица, а не называл их владыкой и владычицей, магистратов же, какую бы высокую должность они ни занимали, не постарается назвать их рабами, то такого человека считали совершенно невоспитанным, дерзким и несдержанным на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление (против этикета) и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость. 27. В прежние времена не много и не часто люди бывали во дворце. Но с того времени, как Юстиниан и Феодора приняли власть, магистраты и прочие (виднейшие) люди все должны были непрерывно пребывать во дворце. 28. Дело в том, что в старину магистраты имели право судить и совершать законные действия самостоятельно. 29. Поставленные начальники выполняли обычные обязанности, оставаясь в своих присутственных местах,

а подчиненные, не видя и не слыша по отношению к себе никакого принуждения, понятно, не надоедали императору. 30. Эти же властители, захватывая на горе и гибель своих подданных все дела в свои руки, заставляли всех магистратов, как самых последних рабов, вечно сидеть возле себя. Почти каждый день можно было видеть суды по большей части безлюдными, а в приемной императора толпу, оскорбления, великую толкотню и вечное и сплошное раболепство. 31. Те, которые считались наиболее близкими лицами к Юстиниану и Феодоре, непрерывно целыми днями, иногда и большую часть ночи, простаивали там в приемной, без сна и без еды, и, нарушая все привычные сроки жизни, безвременно погибали. Вот во что обращалось у них их кажущееся счастье! 32. А те люди, которые были свободны от всех забот, вели между собою разные речи о том, куда девались богатства Римской империи. 33. Одни утверждали, что все перешло к варварам, другие говорили, что император держит их спрятанными во многих тайниках. 34. И вот, когда Юстиниан, если он человек, отойдет в другой мир, или если он, владыка демонов, освободится от этого брэнного тела, те, которые тогда еще случайно останутся в живых, узнают о нем всю правду.

(пер. С. П. Кондратьева)

Текст воспроизведен по изданию: Проконий. Тайная история // Вестник древней истории. 1938. № 4 (5). С. 279–355.

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

О ПОСТРОЙКАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Не с целью выставить напоказ все свои достоинства, не вследствие самоуверенности в своем красноречии, не гордясь знанием всех упоминаемых местностей, решил я теперь приступить к составлению данной истории: я не обладаю никакими качествами, которые дали бы мне подобную смелость. 2. Но не раз приходило мне на ум, виновницей скольких и сколь больших благ бывает история для государств: она передает потомкам память о деяниях их предков и, борясь со временем, которое стремится скрыть под покровом забвения все, что сделано раньше, она постоянно своими похвалами в глазах тех, которые ее читают, возвеличивает достоинство и, непрерывно борясь с низостью, этим подрывает силу последней. 3. Поэтому для нас нужно заботиться об одном, чтобы совершенно очевидно было то, что совершено и кем из людей оно совер-

шено. А это вполне возможно и для человека, чей голос не проливает гладко потоки красноречия. 4. Помимо всего этого история показывает, что подданные, окоторых проявлена заботливость, становятся расположенными к своим благодетелям и у большинства из них рождается и живет чувство благодарности; те же, которые, бывает, в нужный для них момент получили от своих владык щедрую помощь, сохраняют в памяти потомства бессмертной славу великих достоинств их государей. 5. Поэтому-то многие из позднее живущих, соревнуясь со славой своих предков, стремятся проявить высшую доблесть и перед лицом тяжкого страха бесславия стараются, естественно, удержаться от позорящих их поступков. Почему я делаю такое вступление, я сейчас объясню.

6. В наше время явился император Юстиниан, который, приняв власть над государством, потрясаемым <волнениями> и доведенным до позорной слабости, увеличил его размеры и привел его в блестящее состояние, изгнав из него уже издавна насилувавших его варваров, что выяснено мною со всеми подробностями в моих книгах, написанных о войнах. 7. Говорят, что некогда Фемистокл, сын Неокла, хвалился тем, что благодаря своей прозорливости город, бывший до тех пор маленьким, он сделал большим и могучим. 8. Император же с величайшим искусством сумел промыслить себе целые новые государства. В самом деле, целый ряд областей, бывших уже чужими для римской державы, он подчинил своей власти и выстроил бесчисленное количество городов, не бывших раньше. 9. Найдя веру в бога в прежнее время нетвердой и принужденной идти путями разных исповеданий, стерев с лица земли все пути, ведущие к этим <еретическим> колебаниям, он добился того, чтобы она стояла теперь на одном твердом основании истинного исповедания. 10. Кроме того, поняв, что законы не должны быть неясными вследствие ненужной их многочисленности и, явно один другому противореча, друг друга уничтожать, император, очистив их от массы ненужной и вредной болтовни, с великой твердостью преодолевая их взаимные расхождения, сохранил правильные законы. Сам, по собственному побуждению простив вины злоумышляющим против него, нуждающихся в средствах для жизни преисполнив до пресыщения богатствами и тем преодолев унижительную для них злосчастную судьбу, добился того, что в империи воцарилась радость жизни. 11. Так как римская держава со всех сторон подвергалась нашествиям варваров, он усилил ее количеством войск и укрепил все ее окраины строительством крепостей. 12. Многие иное было мною описано в других моих книгах; какие же блага [для империи] созданы им его строительством, это будет предметом описания в данном труде. Из тех, кого мы знаем по слухам, говорят, лучшим государем был персидский царь Кир, и для своих еди-

ноплеменников он был главным виновником создания их могущества. 13. Я не знаю, был ли этот Кир таким, каким описал его афинянин Ксенофонт в книге о его воспитании: 14. может быть, искусство писателя благодаря изяществу стиля смогло в большой степени приукрасить его деяния. 15. Если же кто внимательно всмотрится в правление нашего императора Юстиниана (я думаю, если кто назовет его прирожденным императором, он это скажет совершенно правильно, так как он, говоря словами Гомера, «милостив к нам, как отец»), этот человек признает, что Кир и его держава были сравнительно с ним игрушкой. 16. Это мнение подтвердит самый размер его империи, о чем я говорил недавно, ставшей более чем вдвое большей и размерами страны и другими силами; те же, которые злокозненно строили против него заговоры вплоть до убийства его, не только живы до этого времени и спокойно владеют своим достоянием, хотя они явно были изблечены в этих преступлениях, но даже стоят во главе римских войск, даже больше: записанные в списки консулов носят самое высокое в империи звание. 17. Но теперь, как я уже сказал, мне нужно обратиться к делу строительства этого императора, чтобы люди позднейшего времени, видя величину и количество его построек, случайно не прониклись недоверием: как возможно, чтобы все это было сделано одним человеком? 18. Ведь многое из ранее совершенного, не закрепленное словом истории, подтверждающей это, вызывает к себе недоверие в силу своих чрезмерных достоинств. Пусть же основой всего моего рассказа будет, естественно, прежде всего то, что создано в Византии. 19. Ведь, приступая к началу дела, надо, по словам поэта, дать издалека блестящий фасад.

20. Некогда в Византии городская толпа и подонки общества восстали против императора Юстиниана и произвели тот мятеж, который получил название «Ника»; его я подробно и неприкровоенно описал в моих книгах о войнах. 21. Показывая, что не против одного только императора, но в своем беззаконии они подняли руки и против бога, они дерзнули сжечь и церковь христианскую [византийцы называют ее храмом Софии («Премудрости»), дав такое ей название как наиболее приличествующее богу]; попустил господь совершить им такое беззаконие, в предвидении, с какой красотой этот храм будет перестроен в будущем. 22. Тогда эта церковь лежала обращенная пожаром в прах и пепел; немного же позднее император Юстиниан отстроил и изукрасил ее с такой пышностью, что, если бы кто-нибудь раньше, показав изображение того, что теперь мы видим перед собою, спросил любого из христиан, хотел ли бы он, чтобы церковь эта была уничтожена и вновь явилась такою, (как сейчас), он, думаю, тотчас же взмолился бы увидеть эту церковь разрушенной, с тем чтобы

она была перестроена в ее теперешнем виде. 23. И вот император со всем рвением приступил к строительству, не жалея никаких средств; со всей земли он собрал каких только мог мастеров. 24. Анфемий из Тралл, в искусстве так называемой механики и строительства самый знаменитый не только из числа своих современников, но даже из тех, кто жил задолго до него, служил рвению императора, организуя порядок работ мастеров, подготовляя заранее нужные в будущем изображения. 25. Вместе с ним работал другой архитектор, по имени Исидор, родом из Милета, во всех отношениях человек знающий и подходящий, чтобы содействовать императору Юстиниану. Даже в этом самом сказалась божья милость к императору: ибо заранее были им предуготовлены люди, которые должны были императору быть наиболее полезными для совершения задуманного им дела. 26. И, конечно, всякий должен был бы прийти в восхищение перед умом императора, потому что из всех людей для выполнения самых ответственных дел он сумел выбрать наиболее подходящих людей.

27. Этот храм представлял чудесное зрелище, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем — совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его частью и входя в его состав, он настолько выдается над ним, что с него можно видеть весь город, как на ладони. 28. Его длина и ширина так гармонично согласованы, что его вообще нельзя назвать ни очень длинным, ни сверх меры широким. 29. Несказанной красотой славится он. Блеском своих украшений прославлен он и гармонией своих размеров; нет в нем ничего излишнего, но нет и ничего нехватящего, так как он весь во всех своих частях, в надлежащей мере являясь более пышным, чем обычно, и более гармоничным, чем можно ожидать от такой громады, наполнен светом и лучами солнца. 30. Можно было бы сказать, что место это не извне освещается солнцем, но что блеск рождается в нем самом: такое количество света распространяется в этом храме. 31. Передняя часть храма (конечно, это то место, обращенное на восток, где в святая святых совершается таинство служения богу) выстроена следующим образом. 32. Строение поднимается с земли не по прямой линии, но несколько отступает назад от боковых стен небольшим изгибом; а с середины оно вновь поворачивает назад и, идя в виде полукруга, что сведущие в этих делах люди называют полуцилиндром, поднимается отвесно вверх. 33. Крыша этого сооружения разрешается как четвертая часть шара; возвышаясь над ней, на прилегающих частях здания поднимается другое, более мощное сооружение,

в виде полумесяца, удивительное по красоте, но в общем вызывающее страх вследствие кажущейся опасности такого соединения. 34. Ведь кажется, что оно держится не на твердом основании, но возносится в небо не без опасности для тех, кто находится в храме. Между тем, все это устроено здесь с исключительной устойчивостью и безопасностью. 35. По обе стороны этого сооружения с самого основания идут колонны; они тоже стоят не прямыми рядами, но, как в хоре, стоя друг против друга, загибаются внутрь в виде полукруга, и сверху на них покоится это лунообразное сооружение. 36. Против восточной стороны стоит стена, имеющая двери для входа в храм, а по обеим ее сторонам стоят полукругом колонны, и на них сверху точно так же, как было указано выше, покоится сооружение. 37. Посередине храма высятся четыре сделанных человеческими руками постаментов, которые называют стереобатами: два из них обращены на север, два другие — на юг; они стоят друг против друга и совершенно похожи один на другой. И та и другая пара имеют посередине по четыре колонны. 38. Эти постаменты сложены из огромных каменных глыб огромной высоты, великолепно подобранных и искусно подогнанных друг к другу. Можно подумать, что это отвесные утесы горы. 39. На них поднимаются арки со всех четырех сторон; края их сходятся подвое и крепко приделаны к верху этих постаментов, остальная же часть арки, гордо поднявшись кверху, витает в беспредельной высоте. 40. Из этих арок две, обращенные на восток и на запад, поднимаются прямо в воздухе, остальные же две имеют снизу подставленную стену с очень маленькими колоннами. 41. Над ними высятся круглое, выгнутое сооружение; отсюда всегда появляется первая улыбка дня. 42. Оно, на мой взгляд, как бы витает над всей землей, и все это сооружение постепенно поднимается кверху, сознательно задержавшись настолько, чтобы те места, где, кажется, оно отделено от здания, были проводниками большого количества лучей света. 43. И никаким языком, как бы он ни был многословен и красноречив, нельзя будет всего этого описать. Соединение арок, созданное в виде четырехугольника, дает возможность закончить сооружение между ними в виде четырех треугольников. 44. Низ каждого из этих треугольников, твердо опираясь на взаимное сплетение арок, образует внизу острый угол, а затем, поднимаясь кверху, расширяясь посередине, они заканчиваются кругом, который поднимается тут, образуя новые углы. 45. Огромный сфероидальный купол, покоящийся на этом круглом здании, делает его исключительно прекрасным. 46. И кажется, что он покоится не на твердом сооружении вследствие легкости строения, но золотым <полу> шарием, спущенным с неба, прикрывает это место. 47. Все это, сверх всякого вероятия искусно соединенное в высоте, сочетаясь друг с

другом, витает в воздухе, опираясь только на ближайшее к себе, а в общем оно представляет замечательную единую гармонию всего творения. Все это не позволяет любующимся этим произведением долго задерживать свой взор на чем-либо одном, но каждая деталь влечет к себе взор и очень легко заставляет переходить от одного к другому. 48. При рассматривании всегда приходится быстро переводить свой взор с одного предмета на другой, так как рассматривающий никак не может остановиться и решить, чем из всей этой красоты он более всего восхищается. 49. Но даже и так, обращая на все свое внимание, перед всем <от изумления> сдвигая брови, зрители все-таки не могут постигнуть искусства и всегда уходят отсюда подавленные непостижимостью того, что они видят. Но достаточно об этом.

50. Император Юстиниан совместно с архитекторами Анфемием и Исидором создал устойчивость и безопасность столь высоко поднявшего свою главу громадного храма многими способами. Мне кажется, что обо всех из них узнать — дело недоступное, а передать словами — невозможное. Одно только в настоящее время я опишу, что может служить доказательством величия и искусства всего произведения. Дело вот в чем. 51. Постаменты (стереобаты), о которых я недавно упоминал, выстроены не так, как остальные части здания, а следующим образом. 52. Они сделаны в виде четырехугольника из нескольких рядов камней, твердых по природе, по отделке полированных; те из них, которые должны занимать наружную поверхность сторон этих постаментов, обрезаны в виде прямых углов; если же им полагается занимать середину, они обделаны в виде квадратов. 53. Их связывает не известка, которую называют асбестом, не асфальт, слава и гордость Семирамиды в Вавилоне, одним словом, ничто подобное, но свинец, влитый в промежутки; он всюду их заполняет, плотно сливается с камнями и связывает их между собою. Вот как было здесь это сделано. 54. Теперь перейдем к другим частям храма. Чистым золотом выложен потолок, соединяя с красотой и великолепии; соревнуя в блеске, его сияние побеждает блеск камней (и мраморов). 55. С той и другой стороны — две галереи; своим строительством они ничем не отделяются от храма, даже делают размер его ширины еще большим; в длину они вместе с храмом доходят до самого его конца, но по высоте они ниже. 56. И у них потолок является куполом, а украшением — золото. Одна из этих галерей назначена для молящихся мужчин, другая для женщин, пришедших с тою же целью. 57. Ничем они не отличаются друг от друга, и нет между ними разницы, и их подобие служит для храма красотой и украшает его их тождество. 58. Кто может стать повествователем (красоты) гинекея в верхних этажах храма? Кто опишет многочисленные галереи

или крытые перистилю, которыми окружен храм? 59. Кто исчислил бы величье колонн и мраморов, которыми украшен храм? Можно было бы подумать, что находишься на роскошном лугу, покрытом цветами. 60. В самом деле, как не удивляться то пурпурному их цвету, то изумрудному; одни показывают багряный цвет, у других, как солнце, сияет белый; а некоторые из них, сразу являясь разноцветными, показывают различные окраски, как будто бы природа была их художником. 61. И всякий раз как кто-нибудь входит в этот храм, чтобы молиться, он сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но божьим соизволением завершено такое дело; его разум, устремляясь к богу, витает в небесах, полагая, что он находится недалеко и что он пребывает особенно там, где он сам выбрал. 62. И это случается не только с тем, кто в первый раз увидел этот храм, но такое впечатление возникает постоянно у каждого, как будто с этого начинается у всякого его обозрение. 63. Никого никогда не охватывало пресыщение от этого созерцания, но находящиеся в храме люди радуются тому, что они видят, а уходя восхваляют его в своих беседах о нем. 64. Сверх этого рассказать со всей точностью о тех сокровищах храма, которые император Юстиниан посвятил сюда, о золотых сосудах, о серебряных вещах и драгоценных камнях невозможно. Я предлагаю читающим эти строки сделать вывод на основании одного только следующего факта: 65. то место храма, которое является наиболее священным и доступно только для священников и которое называют алтарем, имеет <престол> в 40 000 фунтов серебра.

66. Таковы были отдельные части Константинопольской церкви, которую создал император Юстиниан и которую обычно называют «великой». В своем очень кратком изложении я, так сказать, пальцем указывал, перечисляя все то, что я считал наиболее достойным упоминания. 67. Не одними деньгами создал ее император, но и своими заботами и мыслями, связанными с трудами, создал всеми другими выдающимися качествами своего великого духа, как я сейчас это и укажу. 68. Из арок, о которых я упоминал выше (архитекторы называют их «лорами»), одна, которая обращена к востоку, поднималась уже с той и другой стороны, но посередине не была еще вполне закончена, еще ждала последнего завершения. 69. И вот фундаменты (стереобаты), над которыми стояла вся эта постройка, не вынеся громадности налегших на них сооружений, как-то лопнули, и казалось, что вот-вот они развалятся. 70. Сотрудники Анфемия и Исидора, испуганные случившимся, доложили об этом обстоятельстве императору, уже не имея никакой надежды на свое искусство. 71. Тотчас же император — не знаю, под чьим наитием, думаю, по божьему соизволению: ведь он не был архитектором — велел довести закругление этой арки до конца. Она, гово-

рил он, поднимаясь на собственном своем основании, не будет нуждаться в подпирающем ее постаменте. 72. Если бы мой рассказ не имел за собой свидетелей, я уверен, что меня сочли бы льстецом и не заслуживающим никакого доверия, но так как есть много свидетелей случившегося тогда, то мне нечего бояться окончить свой рассказ. 73. Строители стали делать то, что им было приказано, а эта арка стояла совершенно невредимо, поднявшись высоко в небо, подтвердив на опыте справедливость прозорливого мнения императора. 74. Вот что было сделано с этой аркой; а вот что случилось с другими арками, обращенными на юг и на север. 75. Эти так называемые «лоры» (арки), высоко поднятые при строительстве храма, доходя чуть не до неба, во всех своих нижних частях испытывали тяжкую нагрузку. И вот у бывших здесь колонн стали выпадать маленькие камни, как будто их кто выскабливал. 76. Вновь пришедшие в уныние от этого случая строители сообщили императору о том, что у них в данное время произошло. 77. И вновь император придумал следующее против этого несчастья. Верхние части этих колонн, соприкасающиеся с арками, которые испытывали на себе нагрузку, он велел тотчас же снять и вновь поставить много позднее, пока не исчезнет совсем влажность постройки над ними. 78. Инженеры так и сделали, и постройка в дальнейшем прошла совершенно спокойно. И по этому делу император имеет свидетелей.

II. 1. Перед зданием сената есть площадь; византийцы называют эту площадь Августеон. Тут есть настил из камней не меньше, чем в семь рядов, четырехугольной формы. Они все уложены в виде спуска ступенями, причем каждый ряд настолько меньше нижнего и настолько отступает от него, что каждый из камней, выступающий в своем ряду, образует ступень и собирающаяся здесь толпа народа может сидеть на них, как на скамейках. 2. На этом каменном настиле поднимается колонна невероятной величины; она не является монолитной, но по окружности составлена из громадных камней; по краям они являются прямоугольными, а друг с другом они связаны искусством каменщиков. 3. Чудесная бронза, вылитая в виде картин и венков, везде окружает эти камни, в смысле крепости связывая их, в смысле красоты прикрывая их, приблизительно во всем имея одинаковую форму с колонной, особенно вверху и внизу ее. 4. Эта бронза по своему цвету много слабее, чем чистое золото, по цене же она почти равна серебру. 5. Наверху этой колонны стоит огромный бронзовый конь, обращенный к востоку, — произведение, заслуживающее и осмотра и большого описания. Он похож на собирающегося двинуться; в его позе явное устремление вперед. 6. Одна из передних его ног — конечно, левая — поднята в воздух, как будто он собирается ступить на находящуюся перед ним землю,

другая твердо опирается на камень, на котором стоит конь, с тем чтобы сделать следующий шаг; задние же ноги у него так напряжены, что, когда им придется двинуться, они тотчас же готовы. 7. На этом бронзовом коне восседает фигура императора колоссальных размеров. Его статуя одета в «одеяние Ахиллеса». 8. Так называется то одеяние, которое на нем надето. На нем высокие башмаки, а нога от лодыжки без поножей. 9. На нем надет панцирь, как в героические времена; голову ему покрывает шлем, дающий представление, что он движется: такой блеск, как будто молния, исходит от него. 10. Если бы говорить языком поэзии, то это сияет осенняя звезда. Его лицо обращено к востоку, и, думаю, он правит конем, направляя его против персов. 11. В левой руке он держит шар: художник хотел этим показать, что ему служат вся земля и море. У него нет ни меча, ни копья, никакого другого оружия; только крест у него поставлен над шаром в знак того, что им одним он получил и власть над империей, и победу над врагами. 12. Правая рука его протянута по направлению к востоку; и, вытянув пальцы, он как бы приказывает находящимся там варварам сидеть спокойно дома и не двигаться за свои пределы. Вот что там было изображено.

13. Рядом с большим храмом была сгоревшая в прежнее время церковь во имя Ирины; император Юстиниан выстроил ее таких больших размеров, что из всех храмов Византии, исключая храма Софии, она была самой огромной. 14. Между этими двумя церквами находился странноприимный дом, предназначенный для людей, впавших в бедность и болезнь и дошедших до крайности, если к лишению имущества у них прибавилась еще болезнь тела. 15. Этот дом в стародавние времена выстроил один богобоязненный муж, по имени Самсон, но и это здание не уцелело от ярости мятежников и сгорело вместе с обеими церквами. 16. Император Юстиниан вновь отстроил его, по красоте сооружения сделав его более достойным внимания и значительно большим по числу комнат. Он подарил ему ежегодные доходы на большие суммы, чтобы могли тут врачеваться страдания большего числа людей, впавших в безысходное несчастье. 17. Менее всего когда-либо чувствуя пресыщение или удовлетворение в служении богу, он выстроил напротив этого странноприимного дома еще два новых, в домах так называемых Исидора и Аркадия, причем императрица Феодора, конечно, помогала ему в этом благочестивейшем из дел. 18. Все же остальные храмы, которые этот император выстроил во имя Христа, столь велики по числу, столь огромны по величине, что невозможно в простом рассказе подробно передать о них. 19. Мне не хватило бы целого века в одном рассказе перечислить их поименно и воспеть каждый из них. Я считаю, что довольно говорить об этом.

III. 1. Теперь следует начать с храмов богородицы Марии. Это, как я знаю, желательно для императора, да и совершенно ясно, правильный ход рассказа идет так, что от бога нам нужно перейти к его матери. 2. Много церквей во имя богородицы повсюду в Римской империи было выстроено императором Юстинианом, столь великолепных и огромных и созданных с таким невероятным количеством золота и денег, что, если бы кто стал рассматривать их одну за другой, мог бы себе представить, что это было его единственным устремлением, и что, занятый этим, он только на это и потратил все время своего правления. 3. Так вот теперь, как я и сказал, я приступаю к описанию храмов, бывших в Византии. Один из храмов во имя богородицы он построил перед крепостными стенами в местечке, называемом Влахернами: ведь ему нужно приписать все то, что было сделано дядей его Юстином, так как во время его правления император Юстиниан имел полную свободу распоряжаться всем, как он хотел. Храм этот находится на берегу моря и считается самым священным и почитаемым. Он очень длинный; ширина его пропорциональна его длине; и нижние и верхние этажи его высятся на глыбах паросского мрамора, стоящих тут обделанными в виде колонн. 4. В остальных частях храма колонны стоят прямыми рядами, посередине же они отступают внутрь. 5. Всякий, кто входит внутрь этого храма, может особенно удивляться, видя, как эта громада не производит впечатления, что может обвалиться, а его великолепие чуждо безвкусицы.

6. Второй храм он воздвиг в местечке, называемом «Пеге» (источник): Здесь есть густая роща из кипарисов, луг с мягкой землей, покрытый яркими цветами, сад, в изобилии приносящий плоды всякого времени года, источник, спокойно бьющий из глубины земли чистой и вкусной водою; все это вполне соответствует святости места. 7. Такова местность вокруг храмовой ограды; что же касается самого храма, то для его описания не так легко найти соответствующие слова или начертать его в своем воображении, или даже шепотом передать в своем рассказе. 8. Будет достаточно сказать одно только то, что большинство храмов превосходит он красотой и величием. 9. Оба эти храма были им выстроены перед стенами города: первый, Влахернский, у берега моря, второй очень близко от так называемых «Золотых Ворот», которые находятся на краю укреплений, с тем чтобы оба эти храма были непреодолимою охраною для крепостных стен города. 10. Кроме того он выстроил еще храм во имя богородицы в Герайоне, который теперь называют Гиероном («Святилищем») и который не так легко описать на словах.

11. В той части города, которая называется Девтерон («Вторая»), император выстроил храм, достойный всеобщего почитания и во всех отношениях за-

мечательный, во имя святой Анны, которую некоторые считают матерью богородицы и мамкою Христа. 12. Поскольку бог пожелал стать человеком, он позволяет высчитывать свое родство и в третьем колене и составлять свои генеалогии по линии матери, подобно простому человеку. 13. Недалеко от этого храма, на улице, проходящей по окраине города, им выстроен чтимый всеми храм во имя мученицы Зои.

14. Храм во имя архангела Михаила он нашел в Византии небольшой и крайне невидный, менее всего соответствующий достоинству архангела: он был выстроен неким сенатором из числа бывших в прежнее время патрициев, вполне соответствующий маленькой комнате дома, при этом не очень богатого. 15. Поэтому император начисто разрушил его до самого основания, чтобы ничего не осталось от него, напоминая о прежнее его безобразии. 16. Затем он выстроил огромный храм, такой, какой мы видим теперь, придав ему удивительную красоту. 17. Храм этот имеет четырехугольную форму, причем длина его ненамного превосходит его ширину. На краю той стороны, которая обращена на восток, с той и другой стороны воздвигнута толстая стена из камней, сложенных в большом количестве и старательно отделанных, посередине же она отступает, образуя выгиб внутрь. И с той и с другой стороны храм поддерживают разноцветные от природы колонны. Противоположная стена, обращенная к западу, разрезана дверями, ведущими в храм.

IV. 1. Свою веру по отношению к апостолам Христа император показал следующим образом. Прежде всего он выстроил храм Петра и Павла, не бывший прежде в Византии. Он был воздвигнут около императорского дворца, который в прежнее время назывался дворцом Гормизды. 2. Этот свой личный дом он сделал благодаря великолепию постройки таким, что он казался и действительно был достоин считаться царскими палатами; когда же он стал римским самодержцем, он соединил его с другими дворцовыми постройками. 3. Тут же выстроен и другой храм во имя славных святых Сергия и Вакха. Наискось к нему был пристроен другой храм. 4. Оба эти храма не обращены друг к другу фасадами, но стоят наискось друг к другу, соединенные между собою и взаимно похожие; у них общие входы, одинаково и все остальное, даже фундаменты, и ни тот, ни другой не является ни лучше, ни хуже ни по красоте, ни по величине. 5. Одинаково каждый из них побеждает свет солнца блеском своих мраморов, одинаково оба они всюду насыщены изобилием золота и могут гордиться количеством приношений. В одном только они отличаются, б. У них обоих во всю длину — у одного все идет прямыми линиями, у другого колонны по большей части стоят полукругом. 7. У них есть перед главным входом одна га-

лерей, названная нартексом (сводчатая галерея, «тростник») за свою длину. Общие у них и все пропилеи, и залы, и дверь, ведущая во внутренние помещения (месаулон), и их связанность с дворцом. 8. И настолько восхитительны оба эти храма, что совершенно очевидно они являются украшением как всего города, так в не меньшей степени и дворца.

9. Затем он сделал следующее, показывая, что он высоко чтит всех апостолов. В Византии издревле был храм, посвященный всем апостолам. Вследствие продолжительного времени пришедший уже в разрушение, он вызывал подозрение, что больше уже не выстоит. 10. Разобрав его, император Юстиниан приложил старание не столько восстановить его в прежнем виде, сколько и по величине и по красоте сделать его более достойным внимания. 11. Свое стремление он выполнил следующим образом. Были проведены две прямые линии, посередине пересекающиеся друг с другом наподобие креста; первая прямая шла с востока на запад, пересекающая ее вторая линия была обращена с севера на юг. 12. Огражденные извне по периферии стенами, внутри, и наверху и внизу, они были украшены колоннами. На этих двух прямых, там, где они соединяются, — а это как раз приходится посередине их обеих — установлено место, доступное только для церковнослужителей, которое они, как и естественно, называют алтарем и ризницей. 13. Стороны прямой, лежащей поперек, идущие в ту и другую сторону, являются между собой одинаковыми; у той же прямой, которая обращена на запад, одна часть больше другой настолько, чтобы образовалась форма креста. 14. Что же касается крыши, находящейся наверху так называемого святилища, то она сделана совершенно одинаковой с той, которая находится посередине храма Софии, и отличается от нее только меньшими размерами. 15. Четыре арки высоко поднимаются кверху и соединены между собою так же, как в храме Софии; поднимающееся над ними круглое сооружение прорезано окнами, а находящееся наверху полушарие создает впечатление, что оно витает в воздухе, а не покоится на твердом основании, хотя выстроено оно с соблюдением полной безопасности. 16. Средняя часть крыши сделана следующим образом: на четырех сторонах, как мною сказано, сделаны <купола>, величиною одинаковые с средним, с тем только отличием, что нижняя часть полушария у них не имеет оконных прорезов. 17. Когда императором было воздвигнуто это святилище, апостолы ясно показали всем, что они вполне довольны оказанной им императором почестью и горды <этим сооружением>. 18. Тела апостолов Андрея, Луки и Тимофея, бывшие прежде невидимыми и совершенно скрытыми, тогда проявились перед всеми, не с тем, думаю, чтобы поставить под сомнение веру императора, но чтобы позволить ему определенно

видеть их, к ним подойти и прикоснуться и для себя получить отсюда пользу и поддержку в жизни.

19. Император Констанций построил этот храм в честь и во имя апостолов, назначив, чтобы тут были гробницы как его самого, так и тех, кто будет царствовать после него, не только для мужчин, но и для женщин. Этот обычай сохраняется и до нашего времени. Здесь же было положено и тело отца императора, Константина. 20. Но что тут находятся тела апостолов, на это не было сделано никаких указаний, и казалось, ни одно место здесь не позволяло думать, что оно предоставлено телам святых. 21. Но когда в наше время император Юстиниан стал перестраивать этот храм, каменщики вырыли весь фундамент, для того чтобы здесь не оставалось ничего некрасивого. И тут перед ними явились три деревянных гроба, оставленных прежде, по-видимому, без внимания. По находящимся на них надписям было ясно, что это тела апостолов Андрея, Луки и Тимофея. 22. С радостью увидели их и сам император, и все христиане; было назначено в честь их торжественное шествие и служба. Совершив в их честь полагающиеся священные обряды и, обрядив гробы, вновь скрыли их в земле, не оставив этого места неотмеченным или заброшенным, но устроив его со всяким благоговением и посвятив его телам апостолов. 23. Ясно, что и апостолы, отвечая, как я сказал, на тот почет, который им оказал император, проявили ныне <свое благоволение> к людям. 24. Там, где император проявляет свое благочестие, божественные существа не избегают принимать участие в человеческих делах, но любят вмешиваться и держаться в общении с людьми.

25. Кто бы мог умолчать о храме Акакия? Так как он пришел в ветхость, то император, разобрав его до самого фундамента, перестроил его, придав ему удивительную величину. В этом храме всюду высятся огромные белые мраморные колонны, пол покрыт приблизительно таким же мрамором. От всего этого исходит такой блеск, что можно подумать, будто весь храм засыпан снегом. 26. Перед ним выстроены две галереи, одна из них в виде крытой колоннады (перистиля), другая обращена на площадь. 27. Я, было, совсем упустил упомянуть о церкви мученика и святого Платона, поистине достойной святости места и очень чтимой, недалеко от площади, которая носит имя императора Константина. Равным образом и о храме мученика Мокия, величина которого превосходит все остальные храмы. 28. Кроме того и о храме мученика Фирса, а также о священном участке святого Феодора, лежащем в местечке, называемом Ресиём, равно и о храме мученицы Феклы, который лежит у городской гавани, названной так по имени Юлиана, и о храме святой Феодоты в городском предместье, так называемом Гебдомон («Седьмой»). 29. Все эти храмы наш им-

ператор еще в правление дяди своего Юстина вновь выстроил от первого до последнего камня: обо всем этом нелегко рассказать тому, кто это описывает, невозможно по достоинству и восхищаться тому, кто ими любит. 30. Ход моего рассказа заставляет меня перейти к описанию храма святого Агафоника; это выше моих сил: нет у меня ни голоса, ни способности найти подходящие слова для описания этих сооружений. 31. Поэтому я прекращаю на этом свои описания; рассказать о его красоте и о его великолепии во всех отношениях я предоставляю другим, у которых свежа еще способность к изложению и окончательно не устали они еще от этих перечислений.

V. 1. И другие храмы, и священные участки в так называемом Анапле и на противоположном берегу император нашел недостойными, чтобы были они посвящены кому-либо из святых; точно так же и вокруг залива, который местные жители называют Керас («Рог») от имени Кероссы, матери Византа, основателя города. По отношению к ним всем император проявил щедрость, соответствующую его царскому достоинству. Об этом я сейчас буду говорить, предварительно сказав, как и чем море украшает Византию.

2. В довершение ко всему другому богатству и роскоши города также и море красиво омывает его, особенно образуя заливы и проливы и изливаясь в глубокие морские бассейны. Этим оно делает город исключительно красивым; спокойным убежищем своих заливов привлекает он мореплавателей; изобильно поступают сюда предметы питания, и богат он всем тем, что необходимо для нужд жизни. 3. Его окружают два глубоких моря: с одной стороны Эгейское, с другой — так называемый Эвксинский Понт; они сходятся на восточной стороне города. Столкнувшись здесь, смешав свои потоки, они с силой врываются вглубь земли, стремительностью своего течения они разрывают материк и красиво окружают город. 4. Три узкие полосы моря его окружают; связанные между собой, для красоты его и пользы они здесь расположены; плавать по всем ним — высшее удовольствие; любоваться ими — одно восхищение, а чтобы пристать с кораблями — нет гаваней лучших. 5. Средний поток, выходя из Эвксинского Понта, прямо стремится к городу, чтобы служить ему украшением; досталось на долю ему разделить на две стороны оба материка. 6. Волнуясь и как бы кичась, что он касается берегов Азии и Европы, он подходит к городу. 7. И кажется, видишь ты перед собой реку, текущую спокойным потоком. То, что лежит налево у него, на большое пространство по ту и другую сторону стиснуто высокими берегами, открывая здесь восхищенному взору жителей столицы роши, красоту лугов и всего остального, что лежит на противоположном материке. 8. Расширяясь здесь, он отходит от города в южном

направлении, отстраняя от него Азию возможно дальше. 9. Но даже и в этом случае он продолжает своими водами омывать город вплоть до западной его стороны. Третий поток, находящийся на правой стороне первого, начинается от так называемого местечка «Сики» и по большей части проходит по северной части города, где в конце концов он и впадает в залив. 10. Так море венком окружает город, остается лишь небольшой промежуток, который заполняет земля, и кажется, будто она <как лента> связывает в этом месте венки моря. 11. Залив этот постоянно спокоен, и нет на нем никогда волнения, как будто бы положен здесь предел для бури и всяким бурным волнам запрещено здесь появляться из почтения к городу. 12. Если случается, что в зимнюю пору бурные ветры дуют на морях и обрушиваются на пролив, то плывущие здесь корабли, как только достигнут входа в залив, в дальнейшем могут идти без кормчего и становиться на якорь где угодно без всяких мер предосторожности. 13. Берега этого залива по периметру составляют более сорока стадий, и в любом месте он может считаться гаванью. Действительно, корма ставших здесь на якорь кораблей обращена к морю, а носы находятся на земле, как будто и земля и море, эти элементы природы, спорят между собою, который из них в большей степени может проявить по отношению к городу свою услужливость и предупредительность.

VI. 1. Таково расположение этого залива. Император Юстиниан сделал еще более бросающейся в глаза его красоту, возведя вокруг него ряд построек. 2. На левой стороне залива он выстроил церковь святого мученика Лаврентия; прежде она была незначительной и, можно сказать, полною мрака; он ее перестроил и, говоря кратко, явил ее в том виде, в каком мы видим ее теперь. 3. Перед ней в местности, называемой Влахернами, он воздвиг в честь богородицы тот храм, о котором я недавно рассказывал. 4. Затем он построил новый храм святым Приску и Николаю; византийцы очень любят собираться и проводить здесь свое время, отчасти глубоко почитая этих святых, бывших их родичами, отчасти восхищаясь красотой храма и местности: император, преодолев стремительное течение моря, над бурными волнами глубоко в море заложил фундамент и на нем поставил храм.

5. На краю этого залива, на высоком, почти отвесном месте, издревле стоял храм, посвященный Косме и Дамиану. Когда император Юстиниан как-то был тяжело болен, и казалось, что он умирает, к нему, покинутому врачами, так как все равно, думали они, он является трупом, явились в видении эти святые и сверх всякого ожидания и человеческого вероятия спасли его, поставили на ноги. 6. Воздавая им мудро признательность, насколько и чем это возможно для людей, он переделал и перестроил все прежнее здание их храма, бывшее некра-

сивым, бедным и недостойным таких святых, сделав храм блестящим и красотой и величиной, дав ему много света, и щедро посвятил им многое, чего раньше тут не было. 7. Все те, которые бывают подвержены болезням более сильным, чем искусство врачей, отказавшись от человеческого лечения, прибегают к единственной оставшейся у них надежде: сев на барку (египетское судно), они плывут по заливу к этому храму. 8. И при самом уже начале своего плавания они видят перед собою этот храм, стоящий как на акрополе, вознесенный благодарностью императора и дающий им возможность ласкаться надеждой, исходящей отсюда.

9. По другую сторону залива император выстроил новый храм, не существовавший раньше, почти у самого берега залива и посвятил его мученику Анфимию. 10. У фундамента храма спокойно катятся волны тихого моря, образуя чудеснейшее место. 11. Не поднимаются тут бурные волны, которые затем с шумом разбивались бы о камни фундамента; не шумят они тут высоко, как это бывает в море, и разбившись не катятся назад, все покрытые пеной, но спокойно катятся они, тихо касаются земли и бесшумно поворачивают назад. 12. Отсюда начинается ровная и очень высокая зала, всюду украшенная мраморами и колоннами, с чудесным видом на море. 13. За ней идут галерея и храм; внутри он выстроен в виде четырехугольника. Он поднимается высоко, украшенный великолепием мрамора и золота, разлитого повсюду. 14. Его длина настолько превосходит ширину, сколько пространства на его восточной стороне занимает недоступное <для обычных людей> святое место, где по закону полагается совершать таинство служения богу. Вот что было там выстроено.

VII. 1. На противоположном конце, приблизительно у самого устья залива, он выстроил храм Ирины мученицы. Я даже не могу в достаточной мере описать, с каким великолепием весь он был выстроен императором. 2. Соревнуясь с морем в придании красоты заливу, он создал эти храмы, как будто на нити ожерелья драгоценные украшения. Но раз уж пришлось мне упомянуть об этом храме Ирины, то я считаю вполне своевременным описать также и то, что здесь произошло. 3. Издревле покоились здесь останки святых мужей, числом не менее сорока: они были римскими воинами из двенадцатого легиона, который в древние времена стоял в армянском городе Мелитене. 4. Когда каменщики стали раскапывать землю, как я только что об этом упоминал, они нашли деревянный ящик — гроб с надписью, обозначающей, что в нем находятся останки этих людей. 5. И то, что сознательно было скрыто до тех пор, ныне бог явил воочию перед народом, с одной стороны, внушая всем убеждение, что в высшей степени угодны ему дары, приносимые императором, а с другой — имея наме-

рение еще большей милостью ответить на достойную и благородную деятельность этого мужа. 6. Император Юстиниан сильно страдал физически, так как жестоко поразившая его опухоль колена болями сводила его чуть ли не в гроб. И в этом он сам был более всех виноват. 7. Во все те дни, которые предшествуют празднику пасхи и называются постом, он вел такой суровый образ жизни, который был непривычен не только для императора, но и для всякого другого, каким бы то ни было образом занимающегося государственными делами. 8. Он всегда оставался без пищи по два дня; при этом постоянно он поднимался с ложа на рассвете, бодрствуя в заботах о государстве, всегда и делом и словом руководя самолично государственными делами и в течение утра, и в полдень, а зачастую и всю ночь. 9. Поздно мочью он ложился у себя на ложе, но очень часто сейчас же вставал, как бы сердясь и негодуя на мягкие подстилки. 10. Когда же он принимался за пищу, то он не прикасался ни к вину, ни к хлебу, ни к чему другому, являющемуся съедобным, но питался только овощами, и при этом грубыми, долгое время выдержанными в соли и в уксусе, а питьем для него служила чистая вода. 11. Но и этим он никогда не насыщался досыта: когда подавались ему блюда, он, только попробовав от тех, которыми он в это время питался, остальное отсылал назад, не поев их в достаточной мере. 12. Вследствие этого болезнь императора, достигшая высшей своей силы, преодолела искусство врачей, наблюдавших за ним, и долгое время императору пришлось страдать от этих болей. 13. В течение этого времени он услышал, что были найдены останки мучеников. Тогда он, отвергнув человеческое искусство, решил в этом направлении разрешить свое положение, поручив дело своего здоровья своей вере в <новооткрытые мощи>, надеясь в столь тяжелом своем положении получить помощь в истинной вере. 14. И лишь только священники приложили чашу к колену императора, тотчас исчезает страдание, высшей волей принужденное покидать тела, отдавшие себя на служение богу. Не допуская здесь ничему оставаться под сомнением, бог явил великое знамение этого чуда. 15. Из останков этих святых внезапно потек елей, наполнил весь деревянный ковчег и залил ноги императора и все его пурпурное одеяние. 16. Поэтому его хитон, залитый таким образом, сохраняется во дворце как свидетельство того, что случилось тогда, и как спасение для тех, которые впоследствии впадут в неизлечимые болезни.

VIII. 1. Так различными постройками украсил император Юстиниан залив, называемый Керас («Рог»). В равной мере и берега двух других потоков, о которых я говорил только что перед этим, он довел до величайшей красоты, создав там следующие постройки. 2. Он воздвиг два храма во имя архангела Ми-

хаила; они стояли один против другого по обеим сторонам пролива: один на том месте, которое называется Анаплом, с левой стороны для тех, которые плывут в Эвксинский Понт, а другой на противоположном берегу. 3. Древние обитатели называли этот берег Проохтами, потому, думаю, что он намного выступает вперед сравнительно со всем остальным берегом, теперь же он называется «Брохи»: вследствие невежества местных жителей за долгий период времени было испорчено его старое имя. 4. Священники обоих этих храмов, видя, что от времени они пришли в разрушение, и боясь, как бы каждую минуту они на них не упали, обратились к императору с просьбой возобновить их в том же виде, в котором они были раньше. 5. В правление нашего государя было невозможно, чтобы не только в Византии, но и повсюду, во всей Римской империи какая-либо церковь или строилась вновь, или пришедшая в разрушение перестраивалась не на средства императора. 6. И вот император, получив такой повод приступить к постройке, тотчас снес до основания оба эти храма, чтобы ничего не осталось от прежних их недостатков. Храм на Анапле был перестроен следующим образом: 7. воспользовавшись выступом скал и выгнув полукругом берег внутрь в виде гавани, он превратил берег моря в площадь. 8. Являющееся крайне спокойным здесь море вплотную подходит к земле. 9. Живущие у моря торговцы на своих грузовых лодках пристают к краю каменной дамбы и с палуб своих судов продают свои товары тем, которые находятся на земле. 10. За этой приморской площадью идет крытая зала храма. Цветом своих мраморов эта зала подобна то разноцветным зрелым плодам, то снегу. 11. Те, которые гуляют здесь, наслаждаются красотой мраморов, радуются чудесному виду на море, с чувством гордости вдыхают двойной поток воздуха, идущий и с вод моря и с холмов, находящихся на земле. 12. Храм окружает круглая галерея, прерывающаяся только на восточной его части. Посередине находится храм сияющий мириадами оттенков разноцветных камней. 13. Потолок храма в виде купола поднимается высоко в небо. Кто бы достойным образом мог все перечислить и рассказать о высоких, идущих в высоту, как бы по воздуху, галереях этого строения, о внутренних покоях, о красоте мраморов, которыми повсюду покрыты и стены и пол? 14. Сверх того огромно и количество золота, повсюду разлитого по храму, как бы сросшегося с ним. 15. Этими словами я описал и храм Иоанна Крестителя, который в честь его император Юстиниан недавно воздвиг в так называемом Гебдоме. 16. Оба эти храма поразительно похожи друг на друга, с одним исключением: храм Иоанна Крестителя находится не у моря.

17. Таков был храм, выстроенный в честь архангела <Михаила> в Анапле.

18. На противоположной же стороне, недалеко от морского берега находится

место, ровное по своей природе, но высоко поднятое благодаря ряду наслоений камней. 19. Там и воздвигнут храм архангелу <Михаилу,> поразительный по своей красоте, первый по величине, по ценности достойный того, чтобы быть посвященным Михаилу архангелу и быть воздвигнутым императором Юстинианом. 20. Находящийся недалеко от этого храма храм богородицы за много времени до этого пришел в разрушение; император перестроил его таким же образом. Если бы я захотел приводить доказательства и подробно рассказать о его достоинствах, мне бы потребовалось много времени. Теперь следует давно уже ожидаемая от меня часть моего повествования.

IX. 1. На этом берегу находился еще в древности замечательный дворец. Его целиком император Юстиниан посвятил богу, заменив следующим образом приистекающее отсюда временное удовольствие плодом истинного благочестия. 2. В Византии была целая толпа женщин, которая в руках сводников вела против воли распутный образ жизни; это была принудительная проституция. 3. Так как содержатели домов терпимости всегда кормили их исключительно нищенски, то каждой из этих женщин приходилось вести развратный образ жизни, без разбора отдаваясь незнакомым, первым встречным мужчинам. 4. Издревле здесь, в Византии, был большой союз содержателей домов терпимости, которые производили торговлю делами разврата не только в специальных домах, назначенных для такого занятия, но и публично на площади продавали чужую молодость и красоту, стыд и скромность <молодежи>, делая своими рабами. 5. Тогда император Юстиниан и императрица Феодора (в делах благочестия они всегда действовали сообща) решили сделать следующее: 6. изгнав даже самое имя бандырей, они освободили государство от скверны разврата, а женщин, ведших столь несчастный образ жизни по великой своей бедности, они освободили от такой распущенности, свойственной только рабам, дав им возможность жить независимо, жизнью свободной, умеренной и скромной. Они устроили это следующим образом. 7. На том берегу пролива, по правую руку плывущим в так называемый Эвксинский Понт, был прежде дворец; они устроили в нем великолепный монастырь, верное убежище и на будущее время для женщин, раскаивающихся в прежней своей жизни. 8. Здесь, получив возможность заниматься делами благочестия и служением богу, они были бы в состоянии вполне очиститься от прегрешений своей развратной жизни. 9. Поэтому и это жилище женщин, одноименно с их занятием здесь, они назвали «монастырем Раскаяния» — Метаноей. 10. Большими денежными доходами одарила императорская чета этот монастырь, много домов, исключительно выдающихся красотой и дорогой пышностью, они выстроили здесь,

чтобы были они местом отдохновения для женщин, чтобы ничто не могло их заставить поколебаться в избранном ими скромном и благочестивом образе жизни. Вот так-то было сделано все это.

11. Если плыть отсюда в Эвксинский Понт, то на самом берегу пролива высится отвесная скала, на которой стояла маленькая часовня Пантелеймона-мученика; с самого начала она была выстроена небрежно и за долгое время существования пришла в упадок. Император Юстиниан снял ее оттуда и выстроил там необыкновенно великолепный храм, который существует еще и поныне; мученику этим он воздал почет, а проливу придал красоты, создав два эти храма высоко на том и на другом его берегу. 12. Напротив этого храма, в местности так называемой Аргиронии, с древних времен был странноприимный дом для нищих, которым болезнь нанесла неисцелимые повреждения. Этот дом, от времени уже крайне попортившийся, император подновил со всяким тщанием, чтобы и в будущем для этих несчастных и страдающих он был местом успокоения. 13. Ближе от этого места есть берег, носящий имя Мохадиион, который ныне называется Гиером («Священным храмом»). 14. Здесь император выстроил еще храм во имя архангела <Михаила>, вызывающий исключительное чувство уважения к святости имени и из всех храмов архангела <Михаила>, о которых я говорил раньше, по достоинству не уступающий ни одному. 15. Воздвиг он и храм мученику Трифону, положив на него много труда и времени, но доведя его со всем тщанием до несказанной красоты; выстроен он на той улице города, которая носит название Пеларга (аист). 16. Кроме того он построил храм во имя мучеников Мины и Миния в Гебдоме. При входе в так называемые «Золотые Ворота», налево стояла церковь святой Ии мученицы; император, застав ее уже в состоянии разрушения, восстановил со всей щедростью. 17. Таковы работы, совершенные императором Юстинианом и касающиеся храмов в Византии. Перечислить же все его труды в отдельности по всей Римской империи является огромным трудом и совершенно невыполнимым в рассказе. 18. Так вот, когда мне придется упоминать отдельно имя какого-либо города или местечка, там будет своевременным описать и храмы, им воздвигнутые.

Х. 1. Такова была строительная деятельность императора Юстиниана, имевшая отношение к храмам в Константинополе и в его предместьях. 2. Что же касается воздвигнутых им других зданий, то перечислить и рассказать о каждом из них в отдельности не так-то легко. Поэтому я скажу вообще, что очень многие и наиболее замечательные части города и дворца, погибшие в пожаре и разрушенные до основания, он выстроил все вновь и придал им более блестящий и красивый вид; мне показалось, что говорить об этом сейчас со

всеми подробностями нет никакой нужды. 3. Обо всем этом со всею точностью мною рассказано в моих книгах «О войнах». В данный момент я только укажу, что вход и пропилеи дворца и так называемая Халка вплоть до так называемого «Дома Ареса» (арсенала?), а вне дворца — бани Зевксиппа, большие галереи и те, которые по обе стороны шли вплоть до площади, носящей имя Константина, — все это создание нашего императора. 4. Кроме того император, совершенно переделав дом, носящий имя Гормизды, находившийся рядом с дворцом, и придав ему другой, более блестящий вид, чтобы он как следует соответствовал дворцу, включил в состав Палатия, который стал благодаря этому тем более обширным и тем более замечательным.

5. Перед дворцом есть площадь, украшенная колоннами и крытыми галереями. Эту площадь византийцы называют Августеоном. В своем предшествующем рассказе я упоминал о ней, когда после описания храма Софии я указывал на созданную из бронзы статую императора, поставленную на очень высокой колонне, сложенной из камней. 6. На восточной стороне этой площади находится здание сената, творение императора Юстиниана, по своей роскоши и всякого рода украшениям превосходящее всякий дар рассказа. 7. Сюда в день нового года сходится созываемый римский сенат, проводит здесь ежегодно праздничный день, справляя раз навсегда установленный законами государства обычай. 8. Перед зданием сената стоят шесть колонн; между двумя из них находится стена сената, обращенная к западу, остальные четыре — несколько в стороне; все они с виду белые, по величине, думаю, они являются первыми на всей земле. 9. Эти колонны образуют галерею с закругленным в виде купола потолком; все верхние части этой галереи украшены блестящим мрамором в виде колонн; стоящие наверху в большом количестве статуи и изображения придают чудесную расцветку этой галерее.

10. Недалеко от этой площади находится жилище императора. Почти весь новый дворец, как мною уже сказано, является созданием императора, передать же о нем в рассказе нет никакой возможности; для будущих наших потомков будет достаточно знать, что все это — творение нашего императора. 11. И подобно тому как говорится: «мы узнаем льва по его когтям», так величие этого дворца мои читатели будут знать из описания его входа, а этот вход — то, что называют Халкой. 12. Стоят перпендикулярно огромной высоты четыре стены в виде четырехугольника, во всем остальном равные между собою, только по длине две из них, именно обращенные к югу и к северу, несколько короче других. 13. Угол каждой из этих стен поддерживает выдающийся вперед простеночный столб, сложенный из хорошо обделанных камней, вместе с этой сте-

ной поднимающийся от основания до самого верху. Он тоже четырехугольный и прилегает к стене одной только стороной, не рассекая тем красоту этого места, но придавая ему красоту гармонией подобия. 14. Наверху над ними поднимаются восемь арок; из них четыре поддерживают находящийся посередине всего сооружения потолок, закругляющийся в высоте в виде сферического купола. Из остальных арок две опираются на стену, обращенную к югу, две другие — на стену, обращенную к северу, поддерживают находящуюся между ними крышу, выгнувшуюся высоко в виде купола. 15. Весь потолок чудесно украшен картинами, не нарисованными при помощи восковых красок, расплавленных и закрепленных там, но составленными из маленьких камешков, ярко сияющих различными цветами естественных красок; такими камешками хорошо передаются кроме всего прочего также и фигуры людей. 16. Каково же содержание этих картин, я сейчас расскажу. С той и с другой стороны изображены война и битвы, изображено взятие многочисленных городов Италии и Ливии. Император Юстиниан одержал эту победу при посредстве своего военачальника Велизария, который и является перед лицом императора, приводит к нему войско целым и невредимым, преподносит ему военную добычу, царей и царства и все то, что вызывает изумление среди людей. 17. Посередине стоят император и императрица Феодора. В выражении лица их обоих видна радость, они справляют праздник победы над царем вандалов и царем готов, которые приведены к ним и стоят перед ними как военнопленные. 18. Вокруг них стоят римские сенаторы, все полные праздничной радости. Это веселье обозначают камешки, блистающие на их лицах различными яркими красками. 19. С гордостью улыбаются они императору, воздавая ему ввиду важности им совершенного почести, равные божеским. Блеском мраморов одета там вся внутренняя часть вплоть до находящихся вверху камешков (мозаики), и не только все то, что возвышается над землею, но даже сплошь и самый пол. 20. И некоторые из этих мраморов подобны смарагду (зеленому цвету) спартанского камня, иные подражают пламени огня. Большинство — белого цвета, и не только простого, но он отливает иногда волнами голубого цвета, как будто разлившегося внутри его. Такова была эта Халка.

XI. 1. Если плыть из Пропонтиды к восточной части города, то по левую руку будут общественные бани. То, что называется банями Аркадия, служит для украшения Константинополя, как бы велик и блестящ ни был этот город. 2. Здесь наш император выстроил крытую залу; она выдавалась вперед из линии города и всегда предназначалась для тех, которые, совершая по ней прогулки, вели между собой беседы, и для того, чтобы служить пристанью для пе-

реплывающих. 3. При восходе солнце освещает ее своими лучами, повернувшись же к закату, оно обычно оставляет ее в тени. Ее омывает спокойное море; мягко колышутся текущие волны, разливаясь около нее, как будто это река, текущая из моря; таким образом, те, кто гуляет по ней, могут вести беседы с плывущими по воде. 4. Море имеет здесь бездонную глубину; поэтому вплоть до самого фундамента залы оно является судоходным. Ввиду исключительного существующего здесь спокойствия моря, люди, находящиеся на воде и на суше, легко вступают во взаимную беседу. 5. Таково соседство моря с этой залой; оно украшает ее своим собственным видом, оно овеивает ее нежными потоками воздуха, исходящими от него. 6. Колоннами и чудесным мрамором украшен пол этой залы, и им покрыто все, что поднимается кверху. Цвет этих блестящих мраморов исключительно белый; они сияют приблизительно так же, как лучи солнца. 7. Эту залу украшают и очень многочисленные статуи: одни бронзовые, другие высеченные из камня — красота для созерцания, которая заслуживала бы долгого рассказа. Можно себе представить, что это произведения или афинянина Фидия, или сикионца Лисиппа, или Праксителя. 8. Тут на колонне стоит статуя императрицы Феодоры. Эту статую поставил ей город в благодарность за создание залы. Статуя очень красива, но уступает красоте самой императрицы, так как человеческому искусству, будет ли то словесное выражение или подражание в статуе, совершенно невозможно передать очарование ее красоты. 9. Колонна — пурпурного цвета, и тем даже прежде самого изображения она явно показывает, что несет на себе статую императрицы.

10. Относительно того, какие труды положил император, чтобы снабдить город водою, я сейчас расскажу. Особенно сильно страдала от недостатка воды столица в летнюю пору, хотя в остальное время она имела ее достаточно. 11. Так как в это время бывают жары, то источники меньше, чем в другие времена года посылают воды из недр земли, и ее меньше попадает в систему городских водопроводов. 12. Поэтому император придумал следующее. Ниже царской галереи, где ведут свои судебные дела риторы, докладчики и все другие, которые ведают этими делами, есть очень большая зала, очень длинная и имеющая достаточную ширину; она украшена колоннами в виде четырехугольника. Ее фундамент построен не на земляной почве, а возведена она на скале. 13. Эту залу окружают четыре галереи, с каждой ее стороны. Эту залу и одну из галерей, которая обращена к югу, император Юстиниан углубил на большую глубину, и из вод, пропадающих от излишка в другие времена года, он, как полагается, сделал запас на лето. 14. Когда потоки воды, текущие по водопроводу, были многоводны, то созданные с этой целью цистерны с удоволь-

ствием принимали воду, не находившую применения; когда же вода становилась желанной, своевременно для нуждающихся позволялось ею пользоваться (из запаса). 15. Так император Юстиниан сделал, что византийцы уже не испытывали нужды в питьевой воде.

16. В разных местах выстроил он и дворцы. Новый дворец он выстроил в Герее, который теперь называется Гиероном («Святилищем»), и в так называемых Юкундианах («Место удовольствий»). Рассказать об их великолепии вместе с точностью указаний их технического выполнения, передать об их величии, выраженном рассказом, нашедшим соответствующие прекрасные слова, я считаю совершенно невозможным. 17. Достаточно будет сказать, что это были подлинные дворцы; при их создании присутствовал и их строительством лично руководил император Юстиниан; не было здесь ничего упущено из виду, кроме денег. Огромность их расхода больше, чем это можно выразить словами. 18. Затем он искусно создал и защиту для гаваней, которой прежде не было. Застав берег, подвергавшийся и с суши и с моря тяжким случайностям, ветрам и бурному прибою, он для спасения плавающих устроил вот что. 19. Приготовив бесчисленное количество очень больших <камней в виде> ящиков, он наискось к берегу набросал их в море с обеих сторон гавани, всегда накладывая ряды этих камней одни на другие в определенном порядке; таким образом он вывел две боковые стены со дна этой бездны вплоть до поверхности воды, поддерживаемые которой плавают корабли. 20. Затем он навалил сюда огромные обломки скал. Их потрясало бурное течение, об них разбивались удары бушующего моря и порывы жестокого ветра, налетавшего в зимнюю пору, внутри же стен все оставалось спокойным, так как между стенами оставался один только проход в гавань для кораблей. 21. Тут он выстроил храмы, о которых я говорил раньше (13, 9), галереи, площади, общественные бани и, можно сказать, все другое, так что все вместе было ничуть не меньше, чем дворцы в городе. 22. Он выстроил и другую гавань на противоположном материке, недалеко от находящегося там Герее, в местечке, названном по имени Евтропия; он сделал ее такой же, как и другие гавани, о которых я недавно упоминал.

23. Таково в коротких словах строительство, проведенное императором Юстинианом в столице. Одно, оставшееся мною здесь нерассказанным, я сейчас изложу. 24. Так как император имеет здесь свое местопребывание, то вследствие огромности империи в этот город из всех стран собирается самая разнообразная масса людей. 25. Каждый из них является сюда или по своим делам, или руководимый надеждой, или в ожидании счастья; иные, у кого домашние дела были в плохом положении, чтобы просить помощи у императора; это те,

которые живут в городе вследствие какого-либо насилия, либо гнетущего их <сейчас>, либо их преследующего, либо им грозящего. 26. Ко всем другим тяжелым условиям их жизни присоединяется еще неимение крова, так как они вследствие долгого пребывания здесь не в состоянии его оплачивать. 27. Император Юстиниан и императрица Феодора избавили их от такого безвыходного положения. Очень близко от моря, где местность называется «Стадионом» (думаю, что некогда она была предоставлена для проведения каких-либо состязаний), они выстроили огромные странноприимные дома, чтобы они согласно с обстоятельствами времени были для них удобным пристанищем.

(пер. С. П. Кондратьева)

Текст воспроизведен по изданию: Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9). С. 208–225.

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ

КОНСТАНТИНА, ВО ХРИСТЕ, ЦАРЕ ВЕЧНОМ, ВАСИЛЕВСА, РОМЕЕВ К СЫНУ СВОЕМУ РОМАНУ, БОГОВЕНЧАННОМУ И БАГРЯНОРОДНОМУ ВАСИЛЕВСУ. Мудрый сын радуется отцу, и нежно любящий отец восхищается разумом сына, ибо господь дарует ум, когда настает пора говорить, и добавляет слух, чтобы слышать. От него сокровище мудрости, и от него обретается всякий дар совершенный. Он возводит на трон василевсов и вручает им власть надо всем. Ныне посему послушай меня, сын, и, восприняв наставление, станешь мудрым среди разумных и разумным будешь почитаться среди мудрых. Благославят тебя народы и восславят тебя сонм иноплеменников. Восприми, что тебе должно узнать в первую очередь, и умно возмись за кормило царства. Поразмысли о настоящем и вразумись на будущее, дабы соединить опыт с благоразумием и стать удачливым в делах. Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений и чтобы ты не погрешил против общего блага. Сначала — о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден: [какой] и каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. Затем — о хищном и ненасытном их нраве и что они в своем безумии домогаются получить, потом — также и о различиях меж иными народами, об [их] происхождении, обычаях и образе

жизни, о расположении и климате населенной ими земли, о внешнем виде ее и протяженности, а к сему — и о том, что случилось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками. После всего этого — о том, какие в нашем государстве, а также во всем царстве ромеев в разные времена появлялись новшества. Все это я продумал наедине с собой и решил сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого из народов; как вести с ними дела и приручать их или как воевать и противостоять [им], ибо [тогда] они будут страшиться тебя как одаренного; будут бегать от тебя, как от огня; замкнутся уста их, и будто стрелами будут поражать их твои речи. Ты будешь казаться страшным для них, и от лика твоего дрожь объест их. И вседержитель укроет тебя своим щитом, и вразумит тебя твой создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя на пьедестале неколебимом. Престол твой, как солнце, — перед ним, и очи его будут взирать на тебя, ни одна из тягот не коснется тебя, поскольку он избрал тебя, и исторг из утробы матери, и даровал тебе царство свое как лучшему из всех, и поставил тебя, словно убежище на горе, словно статую золотую на высоте, вознес, словно город на горе, чтобы несли тебе дань иноплеменники и поклонялись тебе населяющие землю. Но ты, о господи, боже мой, коего царство вечно и несокруσιμο, да пребудешь указующим путь рожденному мною благодаря тебе, и да будет блюстительство лика твоего на нем, а слух твой да будет склонен к его молитвам. Пусть охраняет его рука твоя, и пусть он царствует ради истины, и пусть ведет его десница твоя. Пусть направляются пути его пред тобою, дабы сохранять заповеди твои. Неприятели да падут перед лицом его, и да будут лизать прах враги его. Да будет осенен корень рода его кроной плодородия, и тень плода его пусть покроет царские горы, так как благодаря тебе царствуют василевсы, славя тебя в веках.

1. О пачинакитах: насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев

Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты [обязан] знать; обрети разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем. А если я воспользовался ясной и общедоступной речью, как бы беспечно текущей обыденной прозой, для изложения предстоящего, не удивляйся нисколько, сын мой. Ведь не пример каллиграфии или аттикизирующего стиля, торжественного и возвышенного, я старался представить, а заботился более, чтобы через простое и обиходное повествование наставить тебя в том, о чем, по моему мнению, тебе

не должно пребывать в неведении и что легко тебе может доставить тот разум и мудрость, которые обретаются в длительном опыте.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиарияс подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т.е. заложников, и апокрисиария, которые придут в бого-хранимый этот град вместе с исполнителем сего дела и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты.

2. О пачинакитах и росах

[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время когда росы удалятся от своих [семей], — напад, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться. [Знай], что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытаскивая свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню.

4. О пачинакитах, росах и турках

[Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь

ясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю.

(пер. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева)

Текст воспроизведен по изданию: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. Наука, 1991. С. 11–36.

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

О ЦЕРЕМОНИЯХ

Книга II

Глава 15-я

Второй прием Ольги Русской

Девятого сентября, в среду состоялся прием, во всем сходный с вышеописанными, по случаю прибытия Русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою; она остановилась на том месте, где логофет обычно предлагал вопросы. Позади ее вошли апокрисиарии Русских князей и торговые люди и стали внизу у завес; последующее совершилось подобно вышеописанному приему. Выйдя снова через сад, триклин кандидатов и тот триклин, в котором стоит балдахин и производятся магистры, княгиня прошла через онопод и Золотую руку, т. е. портик Августея, и села там. Когда царь по обычному чину вошел в дворец, состоялся второй прием следующим образом. В триклине Юстиниана было поставлено возвышение, покрытое багряными шелковыми тканями, а на нем поставлен большой трон царя Феофила и сбоку царское золотое кресло. Два серебряных органа двух частей (= димов) были поставлены внизу за двумя завесами, духовые инструменты были поставлены вне завес. Княгиня, приглашенная из Августея, прошла через апсиду, ипподром и внутренние переходы того же Августея и, вошедши, села в Скилах. Государыня воссела на вышеупомянутый трон, а невестка ее на кресло. Вошел весь кувуклий и препозитом и остиариями были введены ранги; ранг 1-й — зосты; ранг 2-ой — жены магистров; ранг 3-й — жены патрикиев; ранг 4-й — жены протоспафариев служащих; ранг 5-й — прочие

жены протоспафариев; ранг 6-й — жены спафарокандидатов; ранг 7-й — жены спафариев, страторов и кандидатов. Затем вошла княгиня (введенная) препозитом и двумя остиариями, причем она шла впереди, а за нею следовали, как Сказано выше, ее родственницы-княгини и избраннейшие из ее прислужниц. Ей был предложен препозитом вопрос от имени Августы, и затем она вошла и села в Скилах. Государыня, вставши с трона, прошла через лавсиак и трипетон, вошла в кенургий и через него в свою опочивальню. Затем княгиня со своими родственницами и прислужницами вошла через триклин Юстиниана, лавсиак и трипегон в кенургий и здесь остановилась для отдыха. Когда царь воссел с Августою и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина кенургия и, сев по приглашению царя, высказала ему то, что желала.

В тот же день состоялся званый обед в том же триклине Юстиниана. Государыня и невестка ее сели на вышеупомянутом троне, а княгиня стала сбоку. Когда стольником были введены по обычному чину княгини и сделал! земной поклон, княгиня, немного наклонив голову на том месте, где стояла, села за отдельный стол с зостами по чину. На обеде присутствовали певчие церковей св. апостолов и св. Софии и пели царские славословия. Были также всякие сценические представления. В Золотой палате состоялся другой званый обед; там кушали все апокрисиарии Русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди... После того как царь встал из-за стола, был подан десерт в аристирии, где был поставлен малый золотой стол, стоящий (обыкновенно) в пектапиргии, и на нем был поставлен десерт на блюдах, украшенных эмалью и дорогими камнями. И сели царь, царь Роман Багрянородный, багрянородные дети их, невестка и княгиня, и дано было княгине на золотом блюде с дорогими камнями 500 мил., шести приближенным женщинам ее по 20 мил. и 18-прислужницам по 8 мил. Октября 18-го, в воскресенье, состоялся званый обед в Золотой палате, и сел царь с Руссами, и опять был дан другой обед в пентакувуклии св. Павла, и села государыня с багрянородными детьми ее, невесткою и княгинею, и дано было княгине 200 мил., племяннику ее 20 мил., священнику Григорию 8 мил., 16 приближенным женщинам ее по 12 мил., 18 рабыням ее по 6 мил., 22 апокрисиариям по 12 мил., 44 купцам по 6 мил. и двум переводчикам по 12 мил.

Текст воспроизведен по изданию: Известия государственной академии материальной культуры. № 91. М. ОГИЗ, 1934. С. 48.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ФЕОФАНА

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЦАРЕЙ

КНИГА VI

Самодержавное правление Константина

1. Двадцатого декабря третьего индикта года 6454 остался его зять Константин единоподержавным правителем. Он сразу возвел Варду, сына Фоки, в сан магистра и как человека, в течение долгого времени не раз выказывавшего мужество в войнах, назначил его домашником схол; командующим военным флотом он поставил Константина Гонгилу и стратиархами-людей из числа достойных. Затем он сделал патриkiem и великим этериархом Василия, по прозванию Петин, а Мариана из рода Аргиров, сняв с него монашеское облачение, – патриkiem и комитом конюшни. Он также назначил Мануила Куртикия патриkiem и друнгарием виглы. Трех последних постиг вскоре справедливый суд божий, ибо взбунтовались они против помазанника господня, в беззаконии подняли на него руку и возжелали царской власти. Они были уличены в оскорблении величества и жалкой смертью закончили свою жизнь. Полнее и подробней я сообщу о них в следующем рассказе.

2. Через сорок дней, двадцать седьмого января, Константин, который не доверял царю Стефану и его брату Константину, опасался, как бы они и с ним не сотворили того же самого, и полагал, что раз уж они не пожалели родного отца, то не пожалеют и его, пригласил к себе братьев. Когда те сидели за столом еще с набитыми ртами, на них набросились Торники, а также патрикий Мариан и другие приготовленные для этого люди, братьев удалили из дворца, поселили на ближайших островах и постригли в монахи.

3. Вскоре они испросили разрешения навестить отца, явились на остров Прот и, увидев Романа в монашеском платье, были охвачены невыносимой скорбью, и отец сказал им со слезами: "Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против меня". Затем братьев отправили в ссылку: Стефана-на Приконис (прежде он назывался Неврией и был переименован выходцами из Самоса по кувшину, который дали, согласно оракулу. Когда пришли они на остров и, умиловив Бога, сели за завтрак, а воды достать не могли, одна женщина сказала им: "Если есть у вас кувшин, дам воды". Получив же воду, согласно оракулу, попросили и землю. Когда же получили и ее, назвали остров по кувшину и стали изображать кувшин на серебряных монетах), с Прикониса-на Родос, с Родоса-в Митилену; Константина же-на Тенедос, а оттуда – на Са-

мофракию. Там он замыслил бунт, убил протоспафария Никиту, сторожившего его по царскому указу, но и сам был заколот своими стражниками. Его тело перенесли и с почестями похоронили в гробнице, где покоилась его первая супруга, Елена именем. Михаила же, сына царя Христофора, багрянородный Константин, сняв с него царские сандалии, сделал клириком, магистром и ректором. Тех же, кто приложил руку к низвержению царя Романа, вот что постигло. Магистр Василий был доставлен в город, проведен в процессии, изгнан и окончил свою жизнь изгнанником в слезах и страхе за свою жизни. Мариана же предала иудиной смерти жена, сбросившая на его голову каменную плиту. Стратиг Диоген умер дурной смертью, пронзенный копьями двух черных слуг Малелеина. Куртикий отправился на Крит и утонул вместе с дромомом. Кладона уличили в мятеже, отрезали ему нос и отрубили уши. То же случилось с Филиппом и другими.

4. Видит царь во сне, как два евнуха в белом взяли его за руки и голым повели в Трикимвал. Циканистр же был весь в огне, а поджигало его множество черных слуг. Видит он и Богородицу, направляющуюся к нему и убеждающую евнухов проявить милосердие. И, облачив в одежды, привела его Богородица к Тропике. Черные слуги привели в оковах убиенного кира Константина и митрополита Ираклии Анастасия и бросили их в тот огонь. И в день, когда видел царь сон, в тот же день скончались оба. А царь Роман послал во все монастыри и лавры, а также в святой город и в Рим и пригласил к себе святых монахов числом триста. И в великий четверг снял хитон и платье, в кое был облачен, предстал перед всеми в церкви, а когда собрался священник поднять святой божий хлеб, держа книгу с записанными там своими грехами, огласил их перед всеми собравшимися. Монахи возглашали "Господи помилуй" и проливали слезы, а он каждому из них каялся и просил прощения, и все монахи дали ему прощение, и вкусил он причастия. А когда направились они к престолу, Роман вручил мальчику веревку и бич, и тот бил его по ногам, приговаривая: "Иди к престолу, жалкий старец". И когда все уселись, сел и царь, сетуя и стеная. Книгу же, где записаны были его грехи, он запечатал и отправил почтенным старцам, кои там не присутствовали, и в том числе святому Дермокаиту. Послал он и два кентинария монахам на Олимп, дабы молились за спасение его души. Получил Дермокаит и книгу, и деньги и повелел всем монахам поститься две недели и молиться за грехи его. И как-то ночью стоял Дермокаит и молился, и был ему глас: "Победило человеколюбие божие". Услышав же в третий раз сей глас, взял он книжку, распечатал и увидел, что чиста она и без единой буквы. И призвал всех монахов и показал ее, и все восславили Бога. И составив от-

пущение грехов, все монахи отправили его Роману, и похоронено оно было вместе с царем.

5. Когда Роман находился на острове, патриарх Феофилакт и патрикий и паракимомен Феофан задумали думу снова вернуть царя во дворец. Сообщив об этом царю Роману и добившись его согласия, они стали ждать момента, чтобы осуществить свое намерение. Но заговор был раскрыт, доведен до сведения Константина, и он наказал заговорщиков. Патрикия Феофана он сослал, а протоспафария Георгия, пинкерна и примикирия Фому велел высечь, остричь и потом уже отправил в ссылку.

6. В декабре месяце шестого индиктасоставлен был заговор против царя Константина, заговорщики хотели вернуть во дворец находившегося на острове царя Стефана. Михаил Дяволин донес о нем Константину, и царь, схватив заговорщиков, велел одним отрезать нос и уши, других-жестоко избить и, посадив на ослов, в процессии провести по городу, после этого отправил их в ссылку.

7. Пятнадцатого июня шестого индикта на острове Прот скончался царь Роман. Его тело доставили в город и похоронили в собственном его монастыре.

8. Я не успел рассказать об одной весьма примечательной истории. После того как царей Стефана и Константина по повелению Багрянородного Константина удалили из дворца, были разграблены дома бывшего домашнего сход Иоанна Куркуаса, магистра Романа Саронита, а также многих других, это принесло их владельцам разорение и нищету. Константину больно было видеть, как неожиданно-негаданно превратились они в бедняков, и он приказал епарху Феофилу собрать и вернуть им их имущество. Тот же обвинил в преступлении своего протосакелария и некоего Зонару именем (прирожденного вора и негодяя) и захватил их дома; постаравшись на славу, он все присвоил себе, потешил свою ненасытную душу, а пострадавшим отдал едва десятую часть. Кто опишет безграничное коварство и злокозненность этого коварного мужа? Он стал порчею и гибелью Ромейского государства. В каком только зле не оказывался он первейшим! А каялся и заверял, будто он человек надежный и прямой. Как гласит молва, он преуспевал во всех делах с помощью демонов, так что даже сам царь Константин не раз решал удалить его, но сделать этого не мог и осыпал его еще большими благодеяниями и дарами. Что же до лъстивости, заискиваний, неверного нрава и мерзкой беспримерной жадности, о них я расскажу дальше.

9. Оставшись единодержавным властителем, Константин назначил своего протовестиария Василия (незаконного сына прежнего царя Романа) патрикием, паракимоменом и управляющим синклитом. Василий был человеком умным

и рассудительным, который весьма удачно и примерно во всех делах помогал царю. Человеколюбивый Константин замыслил совершить обмен пленными с тарсийцами и вызволить из плена захваченных врагами Христа ромеев, которые уже давно терпели беды в оковах и горестях. И послал он уже упомянутого магистра и бывшего domestика схол Иоанна Куркуаса, мужа умного, рассудительного и опытного в государственном управлении, а вместе с ним и магистра Косьму, мудрого знатока законов, первого из городских судей. Они совершили обмен у реки Ламос, и не случилось при этом никаких происшествий и хитростей. Сделав это, они вернулись и были милостиво встречены Багрянородным Константином.

10. Перед глазами царя стояли несправедливости и поборы, коим при тесте его Романе подвергали несчастных жалких бедняков стратиги, протонотарии, воины, пешие и конные. Поэтому он послал благочестивых и добродетельных мужей облегчить несчастным беднякам тяжкий гнет неуместных взиманий. В Анатолик он отправил магистра Романа Саронита, в Опсикий-магистра Романа Муселе, в Фракисий- патрикия Фотия, в Армениак-Льва Агеласта, точно так же и в другие фемы; и они по повелению самодержца дали беднякам маленькую передышку. И это с божьим содействием подвиг и заслуга царя. Он пекся о подданных, словно орел, собравший под крылом свой выводок. Никогда не гневался ни на архонтов, ни на средних людей, ни на простых, хотя, как он видел, многие из них совершали немало проступков и против него самого, и против государства. Но в подражание Христу он платил им благодеяниями и дарами и по справедливости воздавал Судящему. Эпарха города Феофила, мужа ученого и сведущего в государственных законах, он возвел в сан патрикия и назначил квестором, а эпархом вместо него сделал протоспафария Константина, в то время мистика и наставника философов, человека достойного своими делами и ученостью (никто из синклитиков не мог сравниться с ним в мудрости и знаниях). И украсил тот свою должность благозаконием и справедливостью.

11. Патриарх Феофилакт был болен и близок к смерти, но, немного оправившись, не оставил своих мерзких безобразий, не прекратил рукополагать архиереев за мзду, заниматься лошадьми и разными глупостями. Но вновь одолела его болезнь, и он завершил свою жизнь, пробыв патриархом двадцать четыре года. Вместо него рукополагается Полиевкт, прославившийся аскетической жизнью, монашествующий с молодых ногтей и отличавшийся во всяческой добродетели и правоверном учении. И многие признавали и считали его новым Иоанном Златоустом. Казалось, он и на самом деле был им. И, глядя на него,

радовался и ликовал прекраснoлюбивый царь Константин, что встретил такого мужа в своей жизни.

12. Боголюбивый и прекраснoлюбивый царь Константин нашел подобного себе нравом патрикия и препозита Иосифа (был он человеком в государственном служении рассудительным, умом птицы проворнее) и назначил его сначала сакелларием, а потом друнгарием флота, который отдал ему в полное подчинение.

13. Я собирался поведать о прекраснoлюбии и благодетельности Константина, о рвении и старании его во всех делах, о том, как по благочестию и справедливости радел он о спасении своих подданных. Но не достойна моя речь этого мужа, я боюсь хвалить и лучше помолчу. Впрочем, кое-что из многого следует упомянуть.

14. Найдя все дело в небрежении и запустении, а мужей доблестных в презрении и унижении, Константин, человек боголюбивый и прекраснoлюбивый, предпочел боязливым и трусам мужественных и храбрых, которых отдал под начало магистра и доместика схол Варды Фоки и обеспечил победу Ромейской державе. Много было в нашем государстве достохвальных и прекрасных знаний, словесного искусства и науки, однако не знаю уж, по какой причине никто о них не заботился и не радел, так что же придумывает сей истинно любомудрый ум? Знал он, что как деяние, так и созерцание приближают нас к Богу, причем деяние подобает делам гражданским, а созерцание-умственным, а потому позаботился, чтобы одно помогало другому и чтобы дело укрепилось риторическим искусством, а созерцание-философией и природным познанием сущего. Он отобрал лучших наставников и преподавание философии поручил прото-спафарию Константину, в то время мистика, риторики- митрополиту Nikeи Александру, геометрии- патрикию Никифору, зятю епарха Феофила Эротика, астрономии-асикриту Григорию. Великую заботу и попечение оказывал самодержец и ученикам, ежедневно делил с ними стол и пищу, давал деньги и вел с ними радужные беседы. Прошло немного времени, и благодаря милости и разуму самодержца они овладели великими науками и искусствами, и из них выбирал и назначал Константин судей, секретарей, митрополитов, украсил и обогатил мудростью Ромейское государство.

15. Он обновил и привел в порядок царские одеяния и попорченные временем короны и венцы, украсил Вуколеон привезенными из разных мест статуями и устроил там пруд с рыбами. Он разведal и разузнал обо всех узниках, содержащихся в тюрьмах города и фем, и освободил их от оков, и все восславили спасителем доброго и хриstopодобного царя Константина. Добродетель же

и знание почитал как ни один из прежних императоров, и если находил человека со знаниями или прирожденного законника, его возвышал и сажал в высокое кресло. И воцарились повсюду справедливость и благозаконие, и как истинный философ предан им был Багрянородный. Видя, как растет жадность ненасытных людей, как чиновники, являющиеся в области и земли, притесняют несчастных бедняков, как разбоем, разными способами присваивают себе имения динатов, он решил эти имения отобрать назад. Как же поступает сей мудрейший муж? Собрав синклит, его решением постановляет тех, кто со времени его провозглашения разбогател, купил, получил в дар или захватил в областях земли или поля, изгнать без денежного возмещения; и умерил этим немного порчу и корыстолюбие ненасытных людей.

16. Мягкий и добрый властитель, Константин не отказывался самолично решать споры, жалобы и тяжбы людей, к нему обращавшихся, однако с готовностью заседал и вместе с судьями. У его трона толпились судьи и адвокаты, но он отвергал их ложные доводы. Ничто не укрывалось от его острого ума, ни ложь в соединении с истиной, ни приданная речи убедительность, ни составленные втайне изысканные писания, которые обличем истины обманывали даже самых дельных людей. Проученные страхом перед разбирательством, они сами становились для обидчиков судьями на процессе.

17. Следует рассказать, как заботился царь о государственных делах, о его бесконечных усовершенствованиях и трудах по управлению. Отовсюду слали ему письма стратеги, царские протонотарии, должностные лица в селах, областях, городах. Кроме того, отправлялись послания вождям племен, и он, читая их, сразу схватывал смысл и определял, как быть с теми, что с Востока, и с теми, что с Запада. Он проглядывал письма с быстротой птицы и при этом еще принимал послов, отправлял послания чиновникам, отменял опрометчиво сделанные нововведения. И был сей Константин советником, радетелем, стратегом, воином, военачальником, предводителем. Кто сможет рассказать и поведать о его совершенствах?

18. Нужно поведать и о пристанище для болящих. Видя, сколь оно мало, царь разместил его в огромных зданиях, дабы собрать всех страдающих такой болезнью. Велев умащать мазями их плоть, постоянно предоставляя им средства к жизни, он оставил потомкам вечную по себе память.

19. Нужно рассказать и о конюшне, переделанной им в приют для стариков. Недалеко за всеудивительнейшей Великой церковью находилась конюшня для лошадок патриарха Феофилакта. Глядя на нее, добрый царь решил, что не

по праву стоит здесь это здание, и, перестроив, превратил его в приют для стариков, и распорядился ежегодно выдавать его обитателям пищу и одежды.

20. Нужно сообщить и о кровле Девятнадцати лож. Видя, что она прогнила, грозит рухнуть и находится в полном беспорядке, он ее восстановил, а поскольку золоченый потолок от времени протек, он его убрал и сделал новый, красивый. Он соорудил восьмиугольные своды, снабдил их окнами, разнообразными резными украшениями в виде виноградных лоз, листьев и всяких деревьев. Все окропил золотом и такую красоту сотворил, что смотревшие на них приходили в восторг.

21. Своему сыну царю Роману соорудил дворец больше императорского, возведя от основания его палаты. Многообразие его зданий поражало рассудок и ум, вызывало изумление у зрителей. В Тетраконхе апостола Павла он изобразил разные фигуры и старые украшения удалил, новые изготовил и много выставил там фигур и статуй из золота.

22. Живописное же искусство сей муж знал так хорошо, как, я полагаю, никто другой ни до него, ни после. Многих из им занимающихся он наставлял и при этом оказался прекрасным учителем, и не только оказался им, но и внушал всеобщее восхищение. И великое чудо было в том, что владел искусством, которому никогда не учился. А кто расскажет о наставлениях Багрянородного мастерам? Наставлял он и каменотесов, и плотников, и позолотчиков, и серебрodelов, и железodelов. И всегда во всем оказывался царь самым лучшим.

23. Прекраснолюбивый царь построил серебряные ворота Христотриклиния, его рвение соорудило также серебряный стол для приема гостей и украшения столовой (красу ему придавали многоцветные материалы, плиты и природный цвет), и доставлял стол званым гостям больше радости, чем сладость пищи.

24. И соорудил перед своим покоем порфирную чашу-вместилище для воды, кою окружил мраморными колоннами с сияющей гладью поверхности. И что же эта благородная душа? Приставил к водопроводящей трубке серебряного орла, не вперед глядящего, а повернувшего голову набок, вытянувшего шею и словно из-за какого-то зверя насторожившегося и напрягшегося, лапами же топтавшего и давившего змею. И разные искусно выполненные иконы мозаичной работы поместил Константин в прихожей царского покоя.

25. Да и кораблестроению не остался чужд самодержец. Он распорядился строительством военных судов, из каких бревен делать запоры и стыки, как подгонять их одно к другому.

26. Что же до дворца Иерии, представляю умом своим, для каких только радостей и услад соорудил его Багрянородный! Прежде там было место погребения халкидонян, ныне же дворец возвышается четырьмя апсидами, углами образуя другие царские здания. Трудно выразить, какие наслаждение и радость испытывает человек, вкушая там отдохновение, овеванный дуновениями летних ветров и благоуханиями.

27. Что можно сказать о дворцах, возведенных в других местах? Они затмевали и превосходили Иерию не только видом и красотой, но и ароматом прелести (ибо восстановил царь их красу), источаемой от самого фундамента. Таков был сооруженный вблизи храм Апостолов, красивый на вид, прекрасный на удивление. Уступая прежнему величиной, он много превосходил его блеском внутреннего убранства. А что сделал верный царь? Произвел в патрикии Феодора Велону, поскольку тот содействовал ему в строительстве сего прекрасного и сиятельного храма.

28. Ну а о святых покрывалах, кои подарил общему алтарю, огромному и удивительнейшему, кто расскажет? Сколько туда ни приходил, ни разу не являлся к Богу с пустыми руками, но одаривал богатыми приношениями, золотыми изделиями, жемчугами, драгоценными камнями и тканями. Они украшают и озаряют святая святых и возвещают о дарителе Константине.

29. Расскажем о походе Василия Эксамилита, стратига Кивириотов. Когда воинские суда со знатными агарянами на борту вышли из Тарса, и этот патрикий Василий, стратиг Кивириотов, телом-юноша, умом-седой старец, многоопытный не по возрасту, узнал, что приближаются они к ромейской земле, надеются взять ее, словно птичье гнездо, он двинул против них свои немногие суда, явно малочисленные для борьбы с таким множеством врагов. Но его дух и решимость стоили всего множества вражеских кораблей, а отвага в соединении с разумом заменяли многих союзников, и вот столкнулись противники, сошлись военные корабли и начали битву те и другие. На кораблях подняли боевой клич, суда сталкивались в схватке, и все это продолжалось, пока сам стратиг Василий не ворвался в центр и не пробрался в гущу строя врагов Христа. Когда это случилось, и жидкое пламя со всех сторон полилось на вражеские корабли, агаряне сразу потерпели поражение, были разбиты, связаны и взяты в плен, при этом были захвачены все их предводители, начальники и кади, Их отправили в город к счастливому Константину, и он провел их в процессии по ипподрому.

30. Поскольку Гесперия подняла мятеж и сбросила с себя ярмо ромейской власти, самодержец Константин послал войско против лонгивардов и неаполитанцев, командовать которым назначил патрикия Иоанна. Те, кому уготовано было жительство в Лонгивардии и в Калаврии, осмелели и обнаглели потому, что находились вдали от царственного города. По этой причине они постоянно учиняли мятежи и настолько вышли из повиновения, что заключили союз с агарянами и мечом и железом принялись опустошать ближайшие города, крепости и селения. Неаполитанцы же, отрекшись от покорности Христу, согласились им служить и открыто обратились к мятежу. Не пожелал Багрянородный допустить, чтобы сей взбунтовавшийся и еще более обнаглевший народ покорил подвластные ромеям племена, отправил на борьбу с ним фракийское и македонское войско и боевыми судами, оснащенными жидким огнем, обуздал его самонадеянность и глупость. Патрикий Мариан Аргир с ромейским войском напал на Неаполь с суши и моря, они предали огню все на суше, заперли все выходы к морю и обложили врагов со всех сторон. А те, гнетомые и униженные голодом и пленением, обратились с просьбами и мольбами к царю Константину, рабствуя перед ним, как изначально. Так поступили лонгиварды и калаврийцы. Поэтому и сицилийские варвары заключили мирные соглашения.

31. Нельзя не восхититься и войной с африканцами. С ними сразу вступили в бой, сошлись в сражении и корабли. Когда задул сильный ветер, нам союзник и помощник, варварам-противник и враг, африканцы потерпели поражение и утонули вместе с оружием и кораблями. И запросил их эмир мира у царя. И не только они одни обещали царю покорность, также и варвары, населяющие Галлию, всем миром изъявили преданность багрянородному царю и отправили к нему посольство с роскошными дарами и заложниками. Всех их привела судьба под власть и ярмо Багрянородного.

32. Эмир Египта, прослышав о великой победе ромеев, о морском сражении и о поражении врагов Христа, в дружеских письмах отрекся от вражды и обещал союз. И эмир Персии, который не раз имел дело с ромейским войском и терпел от него поражения в разных боях и стычках, тоже связывает себя с царем узами дружбы. Царь посылает ему заложников. А они, прибыв в эту иссушенную землю, преклонились, припали к гробнице апостола Фомы, зажгли царские светильники, которые везли с собой, и стали закупать драгоценные камни и жемчуга. Ибо наряду с другими великими свершениями, самодержец отличался тем, что собирал их, копил и употреблял на достойное.

33. Расскажем и о Хрисотриклинии, который искуснейший царь превратил в многоцветный и душистый розарий, где тончайшие разноцветные камешки

воспроизводили краски живых цветов. Заключенные в извилистые сплетения, обретавшие вид сочетанием, они производили несравненное впечатление. Он увенчал его серебром, как бы заключил в оправу и доставил смотрящим ненасытную усладу.

34. Еще более, чем своих детей, самодержец любил граждан и очень о них заботился. Особенно он отличал отпрысков благородных семей. И одних из них украшал чинами, других удостоивал щедрых даров, приглашал на трапезы и пиршества, и любовь к нему росла еще быстрее его благорасположения. Этих людей он предпочитал многочисленным телохранителям и стражам, ибо были они верны, преданны и предпочитали царя собственному спасению.

35. Расскажем о приеме Багрянородного во время брумалий. Был такой обычай у старых царей, и Багрянородный поддержал его. В день, на который приходится буква его имени каппа, он справлял пышное празднество и делал его весьма многолюдным. Он принимал весь синклит за роскошными и разнообразными трапезами, умножая блеск празднества щедрейшими благодеяниями, раздавал шелковые покрывала, серебряные монеты без числа, пурпурные одеяния, благовония индийских дерев, коих никто не видывал и не слыхивал.

36. Всякий знает, что музыка-божье изобретение и человеческой природе полезна. И что же сей благочестивый и великодушнейший царь? Он ею занимался и непрерывно воспевал в ней Бога. И потому светлые торжества торжествовались, праздники мучеников справлялись, дни памяти святых пастырей и учителей сиятельно отмечались. Настолько был благодетелен сей муж, что сам составлял хоры певчих, назначал регентов, сам первым приходил к ним, слушал пение, ублажал и радовал свою душу.

37. Как никто другой из верующих до него Константин любил и светлейшей памятью почитал дарование Златоуста, хвалил сочетание его речей и стилей, последовательность его периодов и энфимем, коими тот сиятельно и прекрасно возвеличивал вестника покаяния.

38. Как ни один отец любил он своего сына, царя Романа, и прежде всего увещевал его питать благочестие к Богу, а потом уже обучал и слову, и нраву, и походке, и смеху, и платью, и умению сидеть и стоять по-царски. Потому-то и был Багрянородный удостоен божественных явлений и предрек сыну: "Коли это соблюдешь, долго будешь царствовать над ромеями".

39. И в жены своему сыну царю Роману дал девушку от благородных родителей, дочь Кратера, телом красивую, видом прекрасную, душой чистую, Анастасию именем. И по достоинству была она названа Багрянородным Фео-

фано, как от Бога явленная и избранная. И совершились свадебные торжества во всеудивительном триклинии Юстиниана Ринотмета. И засияли радость и веселие для Багрянородного и августы Елены, что обвенчали сына с девой из древнего рода.

40. Когда августа Елена терзалась болезнью, добролюбивый царь относился к ней с прежним расположением и любовью и выполнял любое ее желание. А просила августа, чтобы царь даровал недавно сооруженному ею странноприимному дому и дому престарелых в древнем Петрии, так называемом Еленин, имения, хрисовулы и назначил выплаты из казны. И Багрянородный с радостью выполнил ее просьбу. И можно было видеть, как ликует и радуется она душой и телом, что одарил он ее беспредельной любовью и богатством. А более всего довольна была, видя, что ее сын-царь Роман и дочери Зоя, Феодора и Агафа пребывают в радости вместе с ней и царем Константином. И он сам чтит и любил их, особенно же Агафу, потому как неустанно прислуживала она ему в болезни, и передавал через нее царь распоряжения секретными архонтам; и представляла она собой посредницу, и не только представляла, но и была признана и являлась ею на деле.

41. Магистр и domestik схол Варда Фока вошел в старческий возраст и обессилел, поэтому Багрянородный снял его с должности, а domestikом вместо него назначил патрикия и стратига Анатолика Никифора, его возлюбленного сына, отличившегося и прославившегося во многих сражениях. А тот сладкими и льстивыми речами ублажил свое войско и двинулся на врагов-агарян, и не падало духом его войско, вело себя на чужбине как на родной земле. Никто не прятался, не пьянствовал, не покидал, как это бывает, строй, но все разом двинулись на врага, щитами оборонялись, копьями сражались и разбили агарян наголову. И можно себе представить, какой восторг и удивление вызвал у всех победоносный Никифор, изничтоживший и гнавший войска и отряды безбожного Хамвада, как славили и восхищались они удачей славного победителя, испепелявшего огнем города, села и земли, бравшего полон и заставившего агарян жить в мире с ромеями. Явившись же к верному Константину, он был удостоен от него похвал и почестей, кои в древние времена получали римские полководцы.

42. Царь Константин не дал рухнуть ни одному из отцовских строений, в том числе и большой бане, очень вместительной, истинному чуду в нашем государстве, сооруженной в Марине его отцом Львом. Прежде она была заброшена и по небрежению и легкомыслию пришла в плачевное и жалкое состояние, так что кроме фундамента ничего уж и видно не было. Сей же Константин, находивший в отцовских деяниях такую же радость и усладу, как и в своих соб-

ственных, решил ее обновить, восстановил и не только возвел в прежнем виде, но соорудил много краше, всю ее разукрасил и доставил моющимся прежнее удовольствие. Она приводит в изумление чужестранцев и поражает своих.

43. Царь Константин назначает епархом и отцом города Феодора Велону, мужа достойного и ученого, опытного в законах и одаренного. Его благочинием и справедливостью получали тяжущиеся хлеб без пахоты.

44. Патрикия же и паракимомена Василия посылает Багрянородный с войском и множеством оружия в поход против безбожного Хамвада. Укрепленный его боговдохновенными советами, тот покинул царский дворец и Византии, явился в земли врагов Христа и прежде всего разрушил Самосату-город, издавна населенный сирийцами, расположенный на берегу Евфрата, нерушимый, многолюдный и богатствами изобильный. И двинулось на них войско во главе с предводителем варваров. Чванясь от врожденной наглости, варвары хвастались, что и без боя добудут победу. Но, сойдясь с ромейским войском, не выдержали его натиска, обратились в бегство, и всяк старался, как мог, унести ноги. И сняли ромеи доспехи с мертвецов, заключили в оковы пленных и много собрали всякой добычи. И все пошло на общий театр и триумф на ристалище.

45. Стратигом в Анатолик вместо его брата Никифора царь назначает сына магистра Варды Фоки патрикия Льва (мужа превосходного и в борьбе с врагами-агарянами отличившегося). Братья бились за христиан, шли на врагов, разили их, и не могли те вынести их натиска.

46. Случился большой и страшный пожар вблизи храма святого Фомы, так что сгорел портик, выходящий к Железным воротам. Самодержец же в великой своей доброте, любя и опекая граждан, как детей своих, всех утешил и восстановил сгоревшие здания. И граждане восхваляли и благословляли царя как нового Бога и благодетеля.

47. Тогда турки, совершая набеги на ромеев, в праздник святой пасхи подошли к городу, взяли в полон всех фракийцев и захватили большую добычу, царь немедленно послал преследовать их доместика экскувитов Пофоса Аргира с его тагмой, а также стратигов Вукелариев, Опсикия и Фракисия. Услышал Бог молитву Багрянородного, напали они ночью на турок, поразили их, победили, взяли добычу и полон. А те, устыдившись сокрушительного поражения и бегства, вернулись в свою землю.

48. Расскажем также об устрашающем знамении божием и предвозвещании кончины Константина Багрянородного. Говорят, когда царь родился, на небе сорок дней звездой сверкала комета, а ныне, в то время как он болел

и кончался, снова показалась звезда, на этот раз с тусклым и неярким свечением. В течение многих дней являлась она на небе и удостоверяла, что сотворен Багрянородный Константин высшей силой. И знают об этом многие из людей благомысленных, которые поведали об этом не ведавшим, что даже стихии удручены кончиной Багрянородного. Многие из царских деяний ускользнули от моего внимания, но прибавлю к сказанному только одно последнее и этим завершу повествование.

49. Питал царь желание и стремление посетить гору Олимп, взглянуть там на святых отцов, сподобиться их драгоценных молитв, перемены места и благорастворением воздуха поправить свое здоровье. А снедала царя тайная болезнь, из-за нее был предан заботам врачей и очень хотел посетить Олимп. Одержимый таким желанием, он, сев на дромон, отправился в Вифинскую землю и Приет (местные жители называют его Пренет, по имени исконного вифинского божества), а оттуда в Никею, город издревле богатый и многолюдный. Затем он приходит в лежащий у подножия гор монастырь имени почитаемого там мученика Афиногена. Тамошний настоятель показал царю писанную киноварью грамоту его отца. При этом сказал следующее: "Благочестивый царь Лев останавливался в монастыре по пути к предгорьям Олимпа, чтобы помолиться о ниспослании ему сына-наследника, тогдашний настоятель монастыря Петр предрек ему рождение сына-наследника, и что его сын посетит Олимп под конец своей жизни". Багрянородный узнал руку своего отца Льва и сказал, что истинно было прорицание монаха. А оттуда царь пришел в предгорья Олимпа, того самого Олимпа, который прежде отдал во владение мисам, ибо издревле обитали на нем мисы. А оттуда с трудом пройдя по опасным, каменистым, извилистым тропам, добрался царь к кельям святых отцов, увидел их, обнял и, запасшись на дорогу их душеспасительными молитвами, отправился в Прусу, город древнего вифинского царя, соорудившего его в память подвигов и битв выдающихся царей того времени. Недалеко от города он увидел теплые источники воды, в которые погрузился. В тех местах, как гласят мифы, блуждал Геракл в поисках Гила, чтобы отомстить кровью за совершенное Гилом убийство.

50. Узнав от святых отцов, что живет на вершине Олимпа старец-чудотворящий подвижник, царь поспешил к нему. Просветленный божественным озарением старец, зная, что идет к нему царь, вышел из своей кельи, пал ниц и сказал: "Благослови". А на вопрос царя, кто он, откуда и как здесь оказался, сказал: "Узнав, что шествует ко мне твоя царственность, поспешил к тебе". Понял царь, что старец-божий посланец, запасся на дорогу его молитвами и, зная о скором конце своей жизни, вернулся в кельи святых отцов, откушал с ними и поспешно

спустился к морю. И никто не заметил, что он болен. А его источала изнутри и терзала брюшная болезнь и лихорадка.

51. О законы смертной природы и перемены судьбы, к ним обращаю я свои плачи и сетования! Покинув кельи, он тотчас пустился в плавание и прибыл в царственный город весь в страданиях и мучениях от постигшего его недуга. Когда одолел грозного царя недуг и исчезли надежды на жизнь, не осталось никого, кто бы не оплакал и не пожалел Багрянородного-царя доброго, сладкого, приветливого, доступного, спокойного, какими еще словами назвать сего мужа тем, к кому он был душевно привязан. Находясь, по всей видимости, уже при последнем издыхании, царь назначил своего сына Романа самодержавным царем и поручил его заботам патрикия и препозита Иосифа, коего клятвами обязал оберегать сына своей опытностью и радением. А был сей муж ревностен, праведен и верен, в государственных делах-орла стремительней, что же до нелицеприятия-благочестив и справедлив как никто другой.

52. Августа Елена, ее дети, патрикий и паракимомен Василий и китониты, как увидели, что испускает дух и отходит царь Константин, с жалобами и стенаниями окружили его ложе, оросили его слезами и принялись оплакивать столь великого государя. Пользы от этого не было никакой, и они только омочили царское тело пустыми и никчемными слезами. Со всех сторон они окружали царское ложе и испускали стенания, царь же до самого конца оставался сладок и щедр; рядом расположились хоры святых и праведных монахов, мучеников и иерархов, которые и вручили его всесвятой дух в руки ангелов. Отерев тело, вскоре выставили его в Девятнадцати ложах. Они почтили покойника песнопениями и тут же перенесли тело в Халку, где прощальным поцелуем поцеловали его и архиереи, и иереи, и магистры, и патрикий, и весь синклит. Тут возгласил по обычаю церковный распорядитель: "Иди царь, зовет тебя царь царствующих, господь господствующих", и вся толпа закричала, завопила, застенала, а когда тот произнес эти слова в третий раз, царя сразу же подняли, вынесли из царских домов на дорогу и доставили в храм Святых апостолов, причем весь синклит шел в процессии, придавая торжественность шествию погребальным пением.

53. А что сказать о собравшемся народе и толпе граждан! Одни взирали на царское тело сверху, другие смотрели на него вблизи, третьи высовывались и глазели на погребальное ложе из окон высоких домов и зданий, кто-то плакал про себя и сотрясался от затаенных стенаний, кто-то исходил в воплях, кто-то рыдал еще горестнее, опечаленный и гнетомый общим несчастьем, кто-то испускал слезы ручьями, увлажняя и орошая позолоченное ложе. Процессия по-

дошла к храму Святых апостолов, окруженное свитой царское тело поместили в церкви, и патрикий и паракимомен Василий собственноручно обвязал, как это делают с покойниками, его всесвятое тело. А когда готов был гроб для царя, его захоронили вместе с царем Львом, его отцом. Даже после смерти и погребения остался предан отцу его любезнейший сын.

54. А был багрянородный царь Константин ростом высок, кожей молочно-бел, с красивыми глазами, приятным взором, орлиным носом, широколиц, розовощек, с длинной шеей, прям как кипарис, широкоплеч, доброго нрава, приветлив со всеми, нередко робок, любитель поесть и выпить вина, сладкоречив, щедр в дарах и вспомоществованиях. От рождения до смерти он прожил пятьдесят пять лет, два месяца и... дней, а скончался пятнадцатого ноября, третьего индикта 6469 года от сотворения мира, оставив самодержцем Романа и августой Елену – мать Романа.

(пер. Я. Н. Любарского)

Текст воспроизведен по изданию: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. М.: Наука, 1992. С. 182–193.

АННА КОМНИНА

АЛЕКСИАДА

ВВЕДЕНИЕ

Поток времени в своем неудержимом и вечном течении влечет за собою все сущее. Он ввергает в пучину забвения как незначительные события, так и великие, достойные памяти; туманное, как говорится в трагедии, он делает явным, а очевидное скрывает. Однако историческое повествование служит надежной защитой от потока времени и как бы сдерживает его неудержимое течение; оно вбирает в себя то, о чем сохранилась память, и не дает этому погибнуть в глубинах забвения.

Это осознала я, Анна, дочь царственных родителей Алексея и Ирины, рожденная и вскормленная в Порфире. Я не только не чужда грамоте, но, напротив, досконально изучила эллинскую речь, не пренебрегла риторикой, внимательно прочла труды Аристотеля и диалоги Платона и укрепила свой ум знанием четырех наук (следует открыто заявить, и это не является бахвальством, о том, что мне дали природа и стремление к знанию, о том, что мне свыше уделено богом и что я приобрела со временем). И вот я решила в этом сочинении поведать о деяниях своего отца, ибо нет оснований обойти их молчанием и дать по-

току времени увлечь их в море забвения; я расскажу о его деяниях после вступления на престол и о тех, которые он совершил до увенчания диадемой, находясь на службе у других императоров.

2. Я приступаю к рассказу не с целью выставить напоказ свое умение владеть слогом, а чтобы столь величественные деяния не остались неизвестными для потомков. Ведь даже самые значительные дела исчезают в мраке молчания, если их не сохраняет для памяти историческое повествование.

Мой отец, как это явствует из самих его поступков, умел властвовать, а в необходимой мере и подчиняться властвующим. Я решила описать его деяния и испытываю страх: не заподозрили бы меня, не подумали бы, что под видом рассказов о своем отце, я превозношу себя самое и не сочли бы все содержание моей истории за ложь и восхваление, когда я буду восхищаться его делами. Если же сам отец даст к тому повод и факты принудят меня осудить те или иные его поступки (не из-за него самого, а ради сути дела), то и тогда могут найтись насмешники, которые приравняют меня к Хаму, сыну Ноя, ведь насмешники на всех косятся по своей злобности и зависти, не замечают ничего хорошего и, говоря словами Гомера, «обвиняют невинного». Когда кто-нибудь берет на себя труд историка, ему следует забыть о дружбе и неприязни и сплошь и рядом с величайшей похвалой отзываться о врагах, если они этого заслужили своими подвигами, и порицать самых близких людей, если к тому побуждают их поступки. Поэтому не надо проявлять нерешительность ни в порицании друзей, ни в похвалах врагам. Одних мои слова больно заденут, другие согласятся со мною. Но тех и других я хочу убедить в своей правоте, призвав в свидетели сами дела и тех, кто был их свидетелем.

Ведь отцы и деды некоторых ныне здравствующих людей были очевидцами описываемых событий.

3. Главное же, что побудило меня приступить к описанию деяний отца, заключается в следующем: у меня был муж, с которым я сочеталась законным браком, кесарь Никифор из рода Вриенниев, человек, намного превосходивший окружающих и необыкновенной красотой своею, и большим умом, и красноречием. Он казался настоящим чудом всем, кому довелось видеть или слышать его. Но чтобы повествование не сбилось со своего пути, расскажу обо всем по порядку.

Будучи во всех отношениях выдающимся человеком, он участвовал в войнах вместе с моим братом, самодержцем Иоанном, водившим войско в поход против различных варварских народов, вторгшихся в Сирию, и возвратившим

под свою власть Антиохию. Кесарь и в тяжких трудах не пренебрегал литературными занятиями и написал различные сочинения, достойные памяти. Но своим основным долгом он считал, повинувшись императрице, описывать все то, что касалось моего отца, самодержца ромеев Алексея, и излагать в книгах деяния его царственности. Делал он это тогда, когда обстоятельства позволяли ему, забыв о войне и отложив в сторону оружие, обратиться к писанию и литературному труду. Свое повествование он начал со старых времен, и в этом подчинился он повелению госпожи, а именно с самодержца ромеев Диогена, и дошел постепенно до того, о ком собирался писать. При Диогене мой отец только достиг цветущего юношеского возраста, до этого же он не был еще и юношей и не совершил ничего достойного описания, если только кто-нибудь не вздумает превозносить его детские забавы.

Такова была, как это показывает само сочинение, цель кесаря. Но не свершились его надежды, не закончил он свою историю, а остановился, доведя рассказ до времени императора Никифора Вотаниата. Не позволили ему обстоятельства продолжать свое сочинение, и этим был нанесен ущерб событиям, оставшимся вне повествования, что лишило удовольствия читателей. Поэтому я сама решила описать подвиги моего отца, дабы столь великие деяния не пропали для потомства.

Все, кому приходилось читать сочинение кесаря, знают, какой гармонией и изяществом обладал его слог. Однако, не завершив, как я сказала, своего повествования, он набросал его начерно и привез нам с чужбины полузаконченным. Увы, он привез вместе с ним и смертельную болезнь, которую приобрел там из-за безмерных страданий толи в результате постоянных военных трудов, толи по причине несказанной заботы о нас — ведь заботливость была ему свойственна, а тяжкие труды кесаря не имели конца. К тому же губительные колебания климата приготовили ему смертельный напиток. Тяжело больной, отправился он воевать в Сирию и Киликию; затем сирийцы передали его, разбитого недугами, киликийцам, киликийцы — памфилийцам, памфилийцы — лидийцам, Лидия — Вифинии, а Вифиния — царственному городу и нам. В это время у него от многочисленных невзгод уже распухли внутренности. Совершенно не имея сил, он хотел, тем не менее, поведать обо всем, что с ним произошло. Однако он не мог этого сделать и из-за болезни и потому, что я препятствовала ему, опасаясь, как бы рассказами он не разбередил своих ран.

4. Дойдя до этого места, я почувствовала, как черная ночь обволакивает мою душу, а мои глаза наполняются потоками слез. Какого советчика потеряли ромеи! Сколько он приобрел тонкого опыта в делах! Какое знание науки! Сколь

многосторонняя эрудиция (я говорю как о христианских, так и о светских науках)! Какое изящество сквозило во всей его фигуре, а его внешность, как утверждали люди, была достойна не земного владыки, а напоминала о божественной, о высшей доле.

Что касается меня, то с самих, как говорится, «порфирных пеленок» я встречалась со многими горестями и испытала недоброжелательство судьбы, если не считать за улыбнувшееся мне доброе счастье то обстоятельство, что родитель и родительница мои были императорами, а сама я выросла в Порфире. В остальном, увы, были лишь волнения и бури. Орфей своим пением привел в движение камни, леса и вообще всю неодухотворенную природу, флейтист Тимофей, исполнив Александру воинскую мелодию, побудил македонца тотчас взяться за меч и щит. Рассказы же обо мне не приведут в движение вещи, не сподвигнут людей к оружию и битве, но они могут исторгнуть слезы у слушателей и вызвать сострадание не только у одухотворенного существа, но и у неодушевленной природы. Я скорблю по кесарю; его неожиданная смерть ранила меня в самую душу.

Все предыдущие горести можно сравнить с этим огромным несчастьем, как капли с Атлантическим океаном или волнами Адриатического моря. Более того, те горести, видимо, только предваряли скорбь: до меня как бы заранее доходили дым от печи огненной, жар этого несказанного пекла, пламень ежедневно пылающего страшного пожара. О невидимое, но испепеляющее пламя! Пламя, которое распространяется тайно, горит не истощаясь и иссушает сердце. Внешне кажется, что мы остаемся неопаленными, хотя пламя проникает до мозга костей, до самых глубин души. Однако, вижу я, чувства мои увели меня в сторону от предмета повествования: кесарь предстал передо мною, и скорбные воспоминания о кесаре влили в меня огромную скорбь.

Смахнув с глаз слезы и взяв себя в руки, я продолжу повествование и, как говорится в трагедии, буду иметь двойной повод для слез, в несчастье вспоминаемая о несчастьях. Ведь вести рассказ о таком императоре — значит вызвать воспоминания о добродетели этого великого человека и о его чудесных подвигах, а эти воспоминания исторгают у меня горячие слезы, и я рыдаю вместе со всей вселенной. Воспоминание о нем и рассказ о его царствовании для меня — источник слез, для других — напоминание о понесенной утрате. Итак, следует начать повествование о моем отце с того места, откуда это всего удобнее сделать, а удобнее всего оттуда, откуда мой рассказ будет наиболее ясным и соответствующим законам исторического сочинения.

КНИГА III

3. Внешность обеих царственных особ Алексея и Ирины была бесподобной и неподражаемой. Живописец не сумел бы изобразить их, если бы он даже смотрел на этот прообраз красоты, скульптор не привел бы в такую гармонию неодушевленную природу, а знаменитый канон Поликлета показался бы вовсе противоречащим принципам искусства тому, кто сравнил бы с творениями Поликлета эти изваяния природы (я говорю о незадолго до того увенчанных самодержцах). Алексей был не слишком высок, и размах его плеч вполне соответствовал росту. Стоя, он не производил потрясающего впечатления на окружающих, но когда он, грозно сверкая глазами, сидел на императорском троне, то был подобен молнии: такое всепобеждающее сияние исходило от его лица и от всего тела. Дугой изгибались его черные брови, из-под которых глаза глядели грозно и вместе с тем кротко. Блеск его глаз, сияние лица, благородная линия щек, на которые набегал румянец, одновременно пугали и ободряли людей. Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь — весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление. В этом муже сочетались красота, изящество, достоинство и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен. Поток доводов он увлекал слух и душу, был великолепен и необорим в речах, так же как и в бою, одинаково умел метать копьё и очаровывать слушателей.

Моя мать, императрица Ирина, была в то время еще очень юной: ей не исполнилось тогда и пятнадцати лет. Она была дочерью Андроника, старшего сына кесаря, происходила из знатной семьи и возводила свой род к знаменитым Андронику и Константину Дукам. Она была подобна стройному, вечноцветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом, расширяясь и сужаясь где нужно. Приятно было смотреть на Ирину и слушать ее речи, и поистине нельзя было насытить слух звучанием ее голоса, а взор ее видом. Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы, как у скифянок, а лишь немного отступало от идеальной формы круга. По щекам ее расстился луг, и даже тем, кто смотрел на нее издали, он казался усеянным розами. Голубые глаза Ирины смотрели с приятностью и вместе с тем грозно, приятностью и красотой они привлекали взоры смотрящих, а таившаяся в них угроза заставляла закрывать глаза, и тот, кто взирал на Ирину, не мог ни отвернуться, ни продолжать смотреть на нее. Я не знаю, существовала ли на самом деле воспетая древними поэтами и писателями Афина, но мне часто приходится слышать, как передают

и повторяют следующее: не был бы далек от истины тот, кто назвал бы в то время императрицу Афиной, которая явилась в человеческом облике или упала с неба, окруженная небесным сиянием и ослепительным блеском. Еще более удивительным ее качеством, которого нельзя найти ни у какой другой женщины, было то, что она могла одним своим взглядом смирить дерзость мужей и вдохнуть мужество в людей, охваченных страхом. Уста ее большей частью были сомкнуты, и, молчащая, она поистине казалась одухотворенной статуей красоты, живым изваянием гармонии. Во время же речи ее рука, двигаясь в такт словам, обнажалась до локтя, и казалось, что ее пальцы и руки неким мастером выточены из слоновой кости. Зрачки ее глаз напоминали спокойное море и светились синевой морских глубин. Белки ее глаз блистали вокруг зрачков, распространяя необоримую прелесть и доставляя взору невыразимое наслаждение. Таков был облик Ирины и Алексея.

Что же касается моего дяди Исаака, то он был такого же роста, как и брат, да и в остальном не очень от него отличался. Лицо у него было несколько бледным, борода росла не слишком густо, реже, чем у брата, особенно на щеках. Оба брата нередко, когда их не одолевали заботы о делах, занимались охотой. Впрочем, охоте они предпочитали воинские дела. В наступлении Исаак, даже когда он сам командовал войсками, никому не позволял идти впереди себя, и стоило ему завидеть ряды противников, он забывал обо всем, как молния бросался в гущу врагов и мгновенно рассекал их фаланги. Поэтому-то он не раз был взят в плен, сражаясь в Азии с агарянами. Единственное за что мой дядя достоин порицания в военных делах — это за неукротимость в бою...

5. ...Самодержец с раннего детства получил хорошее воспитание, всегда с вниманием относился к увещаниям своей матери и имел в сердце страх божий, поэтому он мучился угрызениями совести из-за грабежа, которому войска, вступившие в столицу, подвергли город и его жителей. Ведь совершенно гладкий путь может довести человека, который не испытывает никаких неудач, даже до безумия; напротив, оступившись, богобоязненный и разумный человек испытывает в душе страх божий, приходит в смятение и боится, особенно если он совершил великие дела и достиг большого могущества. Его беспокоит страх, как бы, идя путем невежества, дерзости и наглости, он не навлек на себя божий гнев и не скатился с вершины власти, которой только что овладел. Ведь так именно и случилось некогда с Саулом — за нечестивость этого царя бог расколол его царство.

Таковыми мыслями мучился Алексей, ибо опасался навлечь на себя божий гнев. Он считал себя источником зла, которое причинил городу каждый из его

воинов (сколько этого сброда нахлынуло тогда в город!), угрызался и мучился, как будто сам совершил все эти чудовищные злодеяния. Власть, могущество, пурпурные одежды, диадема, усыпанная драгоценными камнями, золотое платье, украшенное жемчугами, были для него ничем в сравнении с неопишуемым несчастьем, обрушившимся тогда на царицу городов, а ужасы, которые постигли в то время город, при всем желании никто не в состоянии описать! Повсюду тогда подверглись грабежу храмы и святилища, государственное и частное имущество, а крики и вопли раздавались со всех сторон и оглушали граждан. Можно было подумать, что происходит землетрясение. Думая об этом, Алексей терзался и мучился душой и не был в состоянии справиться с нахлынувшим на него потоком печали, ибо он умел быстро осознавать дурные поступки. Алексей знал, что обрушившиеся на город бедствия были делом рук и воли других, тем не менее он прекрасно понимал, что сам дал повод к началу несчастий, хотя виновниками того, что он поднял восстание, были уже упомянутые рабы. Однако Алексей приписывал всю вину себе и горячо желал исцелить рану; ведь лишь после такого исцеления и очищения смог бы он управлять империей, а также успешно руководить войском и военными операциями.

И вот он является к своей матери, делится с ней достойными одобрения душевными муками и просит указать ему способ исцелиться и избавиться от угрызений совести. Мать обняла своего сына и с радостью выслушала его слова. С его согласия она призвала патриарха Косьму (тогда он еще не отрекся от престола), некоторых высших должностных лиц из святого синода и из монашеского сословия. Император предстал перед ними как подсудимый, как виновный, как скромный проситель, как любой из людей, подчиняющихся власти и ожидающих приговора, который произнесет суд. Он рассказал обо всем, не умолчав ни о первых своих замыслах, ни о заговоре, ни о своих действиях, ни о причине восстания. Он изложил все это со страхом и доверием, горячо просил у них исцеления и был готов принять эпитимию. Судьи же подвергли эпитимии не только Алексея, но также всех его родственников по крови и тех, кто принимал участие в восстании, велел им для умиловления бога поститься, спать на земле и соблюдать соответствующие обряды. Подвергшиеся эпитимии ревностно выполняли все условия. Жены их также не могли оставаться без эпитимии (а как же иначе? Ведь они любили своих мужей) и добровольно приняли на себя бремя покаяния. В то время можно было видеть, как весь дворец наполнился слезами и горем, горем не позорным, не свидетельствующим о душевной слабости, а похвальным, доставляющим высшую, беспредельную радость. Самодержец — таково его благочестие — не ограничился этим: под императорскую

пурпурную одежду он надел власяницу, которая в течение сорока суток касалась кожи его тела. По ночам он лежал на голой земле, подложив только камни под голову, и оплакивал, как и следовало, свои прегрешения. Когда прошел срок эпитимии, он уже чистыми руками коснулся государственных дел.

6. Более чем себя, желал видеть Алексей у кормила государства свою мать. До поры до времени он держал свой замысел в тайне, ибо опасался, как бы, узнав о его намерении, мать не покинула дворец, ведь, как ему было известно, она стремилась к возвышенному образу жизни. Как бы то ни было, во всех случаях он решительно ничего не предпринимал без ее совета, но, посвящая ее в свои замыслы, пользовался помощью матери и постепенно незаметно приобщал ее к управлению государством; иногда же он и открыто говорил, что без ее ума государственные дела придут в расстройство.

Таким образом он еще больше привязывал к себе мать, препятствуя ей выполнить ее намерение. Она, однако, думала о последнем прибежище и мечтала о монастыре, в котором могла бы провести в благочестивых размышлениях остаток дней своих. Таково было ее желание, об исполнении которого она постоянно молилась. Лелея такую мысль и стремясь к возвышенному образу жизни, она, тем не менее, как никакая другая женщина, была любящей матерью. Она хотела вместе с сыном перенести бурю, обрушившуюся на империю, и как можно лучше управлять кораблем — все равно, дуют ли ему попутные ветры или со всех сторон обрушиваются на него волны; тем более что ее сын, вступив на корму, только недавно взялся за кормило и никогда раньше не имел дела с такими волнами и ветром. Этими словами я намекаю на разнообразные и страшные бедствия, обрушившиеся на империю. И вот материнская любовь увлекла ее, и она стала править совместно со своим сыном-императором, а случалось, и одна брала в свои руки бразды правления и успешно, безошибочно управляла государственной колесницей. Ведь она была женщиной умной, обладала к тому же истинно царским складом ума и владела искусством властвовать. В то же время она мечтала посвятить свою жизнь богу.

В августе того же индикта переправа Роберта вынудила Алексея выступить из столицы. Тут он и обнаружил свой тайный замысел, безраздельно передав в руки матери всю самодержавную власть. О своем решении он поставил всех в известность хрисовулом, Каждый пишущий историю должен рассказывать о деяниях и распоряжениях великих мужей отнюдь не в общих чертах; напротив, о подвигах следует говорить как можно более подробно, а содержание постановлений излагать. Поэтому и я, следуя такому правилу, изложу содержание упомянутого хрисовула, опуская только красоты стиля его составителя.

Вот текст хрисулу: «Никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью, и нет защиты надежней ее, когда предвидится опасность или грозят какие-либо иные бедствия. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся для детей опорой и неборимыми стражами. Такой и проявила себя на деле по отношению к нашей царственности наша святочтимая мать и госпожа, которая с моего самого раннего возраста была для меня всем: и кормилицей и воспитательницей. И хотя ее имя было занесено в список синклита, материнская любовь стояла у нее на первом месте, а доверие к сыну оставалось непоколебимым. В наших разделенных телах видна единая душа, которая милостью Христа сохраняется неразделенной и поныне. Ледяные слова „мое“ и „твое“ не произносились между нами, и что еще важно, ее постоянные и непрерывные молитвы достигли ушей господа и возвели меня на вершину власти. Но и после того как я принял императорский скипетр, она не отказалась разделять труды моей царственности и отстаивать то, что было полезно и мне и государству. Моя царственность готовится ныне с божьей помощью выступить против врагов Романии и усердно занимается сбором и организацией войска; очень заботит меня также управление ведомствами и делами граждан. И вот я нашел надежный оплот самодержавия и решил поручить управление всеми этими делами моей святочтимой и достойнейшей матери. Настоящим хрисулом моя царственность ясно повелевает следующее: все те письменные распоряжения, которые она сделает благодаря своей многоопытности в житейских делах, впрочем, презираемых ею (независимо, сделаны эти распоряжения по докладу председателя секретов или подчиненных ему чиновников, или же всякого другого человека, чьей обязанностью является подготовка докладов, просьб и решений, касающихся скидки казенных недоимок), пусть все эти распоряжения будут иметь такую же незыблемую силу, как если бы они исходили от светлой власти моей царственности и написанное имело источником мои собственные слова. Все исходящие от нее решения и приказы, письменные и устные, мотивированные и немотивированные, если они только будут иметь ее печать с изображением Преображенья и Успенья, должны расцениваться как идущие от моего владычества уже потому, что на них стоит „В месяц“ того, кто будет в то время председателем секретов. Моя святочтимая мать по праву императора будет вольна поступать, как ей заблагорассудится, в вопросах продвижения по службе и назначения преемников, чиновников секретов и фем, а также распределения титулов, постов и даров из недвижимости. Если кто-нибудь получит назначение в секрет или фему, будет возведен на пост, назначен преемником или удостоен высшего, среднего или низшего титула, то

пусть это остается навсегда незыблемо и неизменно. Моя мать будет полностью распоряжаться увеличением содержания чиновникам, прибавками к выдачам, скидкой „обычных“ налогов и уменьшением или полной отменой жалованья, короче говоря, все ее письменные и устные приказы должны беспрекословно выполняться.

Ее слова и повеления следует рассматривать как исходящие от моей царственности, они не могут быть отвергнуты, а напротив, должны иметь законную силу и оставаться незыблемыми на будущее. Ни сейчас, ни в будущем никто не имеет права потребовать отчета и призвать ее к ответу — ни ее помощники, ни сам лагофет секретов — вне зависимости от того, покажутся им действия моей матери разумными или неразумными. Ибо не подлежит никакому отчету то, что будет сделано на основании настоящего хрисовула».

7. Таково было содержание хрисовула. Разве не удивительно, с каким почтением отнесся к своей матери мой отец, который уступил ей право распоряжаться всеми делами, оставил за собой только титул императора и, как бы выпустив из своих рук бразды правления, лишь бежал рядом с императорской колесницей, управляемой его матерью. Алексей сделал это, несмотря на то, что он уже миновал период юношества и вступил в возраст, когда людям подобного права более всего свойственно властолюбие. Он взял на себя войны и сражения против варваров, а матери доверил распоряжение всеми делами, гражданскую власть, заботы о сборе податей и о государственных расходах.

Может быть, найдется человек, который станет порицать это распоряжение моего отца, доверившего женщине управление государством; если бы он, однако, знал образ мыслей этой женщины, ее добродетель, ум и энергию, то отказался бы от порицаний и вместо того стал выражать восхищение. Ведь моя бабушка была настолько искусна в своих действиях, с такой ловкостью упорядочивала и устраивала государственные дела, что могла бы управлять не только Ромейской державой, но и всеми другими царствами подлунного мира. Она обладала большим опытом; познав природу многих вещей, видела истоки и результаты, как начинается и во что выливается всякое событие, понимала причину гибели и расцвета. Она умела быстро принимать нужное решение и уверенно достигать цели. Будучи такой умной женщиной, она обладала красноречием, вполне соответствующим ее уму. Она владела даром слова, но была немногословна, не растягивала свои речи, в то же время вдохновение не покидало ее слишком скоро. Она вовремя умела начать речь и весьма своевременно ее кончить. Она заняла императорский трон уже в пожилом возрасте, когда обостряется мысль человека, достигает расцвета его ум и вместе с тем возрас-

тает опыт, — а именно это и обеспечивает успех правлению. Люди такого возраста обычно, как говорится в трагедии, не только способны говорить умнее молодых, но и действовать с гораздо большим успехом. И в прежнее время, будучи еще молодой женщиной, она являла собой поистине чудо, ибо в юные годы обладала умом седовласого старца. Люди, имеющие глаза, чтобы видеть, по самому ее облику могли догадаться о присущих ей добродетели и чувстве собственного достоинства.

Как я говорила, мой отец, придя к власти, взял на себя труды и тяготы войны, так что матери оставалось лишь наблюдать за битвами со стороны; ее он сделал госпожой, а сам как раб повторял и исполнял отданные ею приказания. Император чрезвычайно любил свою мать и ни в чем не отступал от ее воли (вот каким любящим сыном был Алексей!). Свою десницу сделал он слугой желаний матери, подчинил слух ее голосу и принимал или отвергал все то, что принимала или отвергала его мать. Положение было таково, что он обладал только внешними признаками власти, она — самой властью. Она издавала законы, распоряжалась и управляла всем, а он лишь утверждал ее письменные и устные распоряжения, первые — рукой, вторые — голосом; он был для нее, как говорится, инструментом власти, а не самим властителем. Он был доволен всем, что она решала и определяла, не только потому, что подчинялся ей как матери, но и потому, что считался с ней как со знатоком искусства властвовать. Ведь Алексей был убежден, что она во всех областях достигла совершенства и намного превосходит людей своего времени умом и умением вести дела.

8. Таким был пролог царствования Алексея, ведь в это время его едва ли можно было с полным правом назвать самодержцем, ибо самодержавная власть им самим была отдана матери. Пусть кто-нибудь другой, следуя правилам энциклопедии, воздаст хвалу отечеству этой удивительной матери и ее роду, который она вела от знаменитых Адриана Далассина и Харона, и пусть он направит ладью своего повествования по морю достоинств ее предков. Мне же, пишущей историю, следует характеризовать ее не по роду и крови, а по нраву, добродетели и тем качествам, которые должны интересовать историка. Вновь возвращаясь к матери Комниных, следует сказать, что ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она была украшением человеческой природы. Она изменила к лучшему и привела в похвальный порядок женскую половину дворца, которая с момента пришествия к власти известного Мономаха и до самого воцарения моего отца пребывала в разврате и предавалась распутству. Можно было видеть, как во дворце тогда установился похвальный распорядок, ибо императрица отвела определенное время для испол-

нения божественных гимнов, для трапезы и для приема чиновников и сама служила всем примером в соблюдении этого распорядка; дворец в это время, казалось, скорее походил на святой монастырь.

Такой была эта необыкновенная и поистине святая женщина. Как солнце превосходит звезды, так и она своим целомудрием превосходила издавна прославленных и воспетых женщин древности. А какими словами описать ее жалость к беднякам и щедрость к нуждающимся? Ее дом был пристанищем для всех бедных родственников, для всех чужестранцев. Священников и монахов она особенно почитала, приглашала их к себе обедать и никогда не садилась за стол без монахов. Ее наружность, зеркало ее души, говорила о почтении к ангелам и страшила самих демонов; люди неразумные и падкие до наслаждений не смели даже взглянуть на нее, а целомудренным она казалась ласковой и приветливой. Она знала меру сдержанности, серьезности, так что ее сдержанность не переходила в дикую свирепость, а мягкость — в распущенность и невоздержанность; скромность была свойственна ей как раз в той степени, в какой человеколюбие соединяется с величием души. Она была склонна к размышлениям и постоянно обдумывала новые замыслы — не губительные, как шептались некоторые, для общего блага, а, напротив, спасительные, которые должны были в прежней целостности возродить идущее к гибели государство и, насколько можно, восстановить пришедшее в упадок благосостояние. Занимаясь управлением государством, она нимало не пренебрегала монашескими занятиями и большую часть ночи пела священные гимны, истощая себя бодрствованием и усердной молитвой. Утром же, иногда со вторыми петухами, она приступала к управлению государством, занималась приемом государственных чиновников, разбирала просьбы обращающихся за помощью; секретарем у нее был Григорий Генесий. Если какой-нибудь оратор пожелал бы сочинить на эту тему энкомий, каких бы только древних знаменитых и славных своей добродетелью людей обоего пола не оттеснил бы он на второе место, для того чтобы, как это принято у составителей энкомиев, эпихейремами, энтимемами, сравнениями с другими людьми превознести до небес ту, которую хвалит. Однако рамки исторического сочинения не дают такой возможности его автору, поэтому, если я, ведя речь об этой императрице, о великом говорю не так, как оно того заслуживает, пусть не скажет слова осуждения никто из тех, кто знает ее добродетель, величие во всем и остроту ума. Мне же следует вернуться в своем повествовании назад, ибо, говоря об императрице, я немного отклонилась от темы...

9. Император Алексей видел, что империя находится в состоянии агонии: восточные земли подвергались опустошающим набегам турок. Не лучше обстояли дела и на Западе, где Роберт не останавливался ни перед чем, чтобы водворить в императорский дворец явившегося к нему Лжемихаила (это последнее кажется мне скорее предлогом: на самом же деле Роберту не давало покоя сжигавшее его властолюбие). Найдя Михаила, Роберт «под предлогом Патрокла» раздул в большой пожар тлевшую до тех пор искру властолюбия и стал усиленно вооружаться для войны против Ромейской державы. Он оснащал драконы и диеры, доставал в приморских областях триеры, сермоны и другие многочисленные грузовые суда, а также собирал на материке большие силы для предстоящей войны. Вот почему находился в затруднении благородный юноша Алексей. Не зная, против кого сначала обратить свое оружие, он огорчился и досадовал, в то время как враги, один опережая другого, стремились навязать ему войну.

У Ромейской империи не было тогда достаточно войска (всего имелось не более трехсот воинов, да и те — слабосильные и совершенно неопытные в бою хоматинцы и немногочисленные варвары-чужеземцы, носящие обычно мечи на правом плече), а чтобы вызвать союзников из других стран, в императорской казне не было денег. Очень уж неумело распоряжались военными делами императоры — предшественники Алексея, которые довели до весьма плачевного состояния Ромейское государство. Как я слышала от воинов и некоторых пожилых людей, ни одно государство испокон веков не оказывалось в столь бедственном положении. Трудным было положение самодержца, терзаемого многочисленными заботами. Тем не менее он — благородный, бесстрашный, имеющий большой военный опыт — хотел вывести из бури к безопасному берегу государственный корабль и был уверен, что восставшие против него враги, как разбивающиеся о скалы волны, с божьей помощью обратятся в пену...

КНИГА VI

2. Здесь я немного прерву течение своего рассказа, чтобы поведать, каким образом Алексей одержал победу над павликианами. Император не мог позволить себе вернуться во дворец, не одолев мятежников, и, как бы обеспечивая одной победой другую, наказанием манихеев завершил круг своих подвигов. Ведь нельзя было допустить, чтобы эти потомки павликиан омрачали его славные победы над западными врагами. Однако Алексей не хотел достичь своей цели битвами, ибо не желал, чтобы обе стороны понесли на войне большие потери (императору издавна были известны жестокость и свирепость этих людей

к врагам), поэтому он стремился наказать лишь главных виновников, а остальных включить в состав своего войска.

Император преследовал свою цель хитро. Зная отвагу и воинский пыл манихеев, Алексей опасался, как бы, придя в отчаяние, они не замыслили какого-нибудь зла. Ведь до тех пор они спокойно жили в своем отечестве и не совершали еще грабительских набегов. И вот на обратном пути в Византий Алексей отправил письмо, в котором приглашал еретиков к себе, завлекая их обещаниями всяких благ. Павликиане же, зная о его победе над кельтами, опасались, как бы это письмо не обмануло их благими надеждами. Тем не менее, хотя и против своей воли, они отправились к императору.

Алексей подошел к Мосинополю и остановился в окрестностях города, ожидая прихода павликиан, но делая вид, что задерживается там из-за каких-то иных причин. Когда павликиане прибыли, Алексей сказал, что хочет-де на них посмотреть и записать имя каждого. С грозным видом воссел он на троне и приказал предводителям манихеев двигаться не беспорядочно, а группами по десять человек (общий смотр он обещал устроить на следующий день), затем, когда их перепишут, входить в ворота. Там уже стояли наготове воины, чтобы отбирать у еретиков коней и оружие, а их самих связывать и заключать в специальные тюрьмы. Манихеи, которые шли позади, находились в полном неведении относительно того, что происходит впереди, и входили в ворота, не зная, что ожидает каждого из них. Таким образом Алексей захватил павликиан и конфисковал их богатства, которые распределил среди своих доблестных воинов, разделявших с ним тяготы и опасности битв...

3. ...Вернувшись в царицу городов, он не мог снести того, что стал предметом разговоров людей, вкривь и вкось толкующих его поступки, поэтому созвал во Влахернском дворце собрание и великий синедрион, желая предстать там сначала в качестве обвиняемого и таким образом оправдать свои действия. И вот собрался весь синклит, военачальники и священническое сословие, которые с нетерпением ожидали, чем станет заниматься это большое собрание. А состоялось там не что иное, как расследование клеветнических слухов относительно императора. На этом собрании присутствовали попечители святых монастырей, перед ними находились книги (называемые «бревиями»), в которых были записаны сокровища каждого храма. Внешне казалось, что сидящий на троне император был судьей, на самом же деле он сам собирался предстать перед следствием. И вот стали выяснять, какие пожертвования святым обителям издавна совершались разными лицами и что затем было оттуда взято, в том числе самим самодержцем. Когда же стало очевидным, что ничего не было взя-

то, кроме золотых и серебряных украшений с гробницы императрицы Зои и другой немногочисленной и почти не употреблявшейся для службы утвари, самодержец открыто объявил себя обвиняемым и предложил любому из присутствующих быть его судьей. А через некоторое время он уже другим тоном сказал:

«Я застал государство, окруженное со всех сторон варварами, не имевшее сил оказать сопротивление врагам, которые наседали на него. Вы знаете, какие опасности я пережил, едва не став жертвой варварского меча. Ведь враги, наступавшие со всех сторон, во много раз превосходили нас своей численностью. Вам известно о вторжениях персов и набегах скифов, и вы не забыли о копьях, которые точили против нас в Лонгивардии. Не было ни денег, ни оружия, а круг наших владений сузился, можно сказать, до неделимого центра. В то же время вы знаете, насколько с тех пор увеличилось наше войско, как оно было обучено, собрано отовсюду и спаяно в единое целое. Вы также знаете, что для всего этого потребовалось много денег, что все взятое в церквах было, как говорил знаменитый Перикл, «употреблено на необходимые цели» и истрачено ради поддержания вашей чести. А если некоторым недовольным кажется, что я поступил вопреки канонам, то в этом нет ничего удивительного. Ведь мы знаем, что и царственный пророк Давид, поставленный перед той же необходимостью, вкусил вместе со своими воинами святых хлебов, хотя и не позволено было мирянину касаться пищи, предназначенной для священнослужителей. Кроме того, следует заметить, что священные каноны в некоторых случаях допускают продажу священной утвари ради выкупа пленных. Если же я, в то время как наша земля была поработана и висела угроза захвата городов и самого Константинополя, вынужден был посягнуть на небольшое количество утвари, являющейся священной, и воспользоваться ею для освобождения пленников, то этим я не доставил зложелателям никакого повода для сколько-нибудь обоснованных обвинений». После этих слов он переменял характер своей речи, объявил себя виновным и стал осуждать самого себя. Затем он приказал вновь раскрыть бревнии, чтобы стало ясным, сколько утвари было взято. Алексей сразу же распорядился, чтобы чиновники податного ведомства выплачивали секрету Антифонита значительную сумму денег. Это и до сих пор остается незыблемым, ибо там находится гробница упомянутой императрицы. Он приказал также каждый год из императорской сокровищницы выплачивать Халкопратийской церкви такую сумму, которой бы хватило на жалованье людям, певшим в божественном храме богородицы.

4. В это время был раскрыт заговор против самодержца, составленный вождями синклита и высшими командирами войска. Об этом донесли самодержцу, и нашлись обвинители, которые уличили соучастников этого заговора. Хотя козни заговорщиков были раскрыты, и по закону им полагалось тяжкое наказание, самодержец предпочел не подвергать их этому наказанию, а только конфисковать имущество и сослать главных виновников, ограничив этим кару за участие в заговоре...

8. Как говорилось выше, император вместе с перешедшими на его сторону латинянами — графами Бриена — первого декабря седьмого индикта победителем возвращается в столицу и застаёт императрицу, страдающую от родовых мук в том здании дворца, которое издавна было предназначено для рожениц-императриц. Это здание было названо «Порфира», благодаря чему по всему миру получило распространение слово «порфирородный». Ранним утром в субботу у них родилась девочка, как утверждали, очень похожая на отца. Это была я.

Как я некогда слышала от императрицы — моей матери, за три дня до прибытия самодержца (он возвращался с войны против Роберта после многочисленных битв и тяжких трудов), уже находясь в родовых муках, она запечатлела на своем животе знак креста и сказала: «Обожди, дитя, прибытия своего отца». Протовестиарисса же — ее мать — стала браниться: «Откуда ты знаешь? — сердито сказала она. — Может быть, он вернется через месяц. Как ты выдержишь тогда такие мучения?» Вот что сказала ее мать. Однако приказание императрицы было исполнено, что явно свидетельствовало о том расположении к родителям, которое я питала еще в чреве матери и которое проявилось в будущем. Ведь и впоследствии, когда я выросла и стала разумной, я нежно любила как мать, так и отца. Многие люди могут рассказать о моей любви к родителям, и прежде всего те, кому известны мои дела. Их показания подтверждаются моими муками и трудами ради родителей, а также теми опасностями, которым я подвергала себя из любви к ним, пренебрегая почестями, деньгами и самой жизнью. Меня настолько воспламеняла любовь к родителям, что я неоднократно готова была отдать за них душу. Однако хватит об этом, пусть повествование возвратится к событиям, которые произошли после моего рождения.

С чрезвычайной пышностью были исполнены все церемонии, полагающиеся при рождении детей в императорской семье. Вожди синклита и войска совершили, разумеется, славословие, принесли дары и оказали почести, все выражали самую большую радость, танцевали, пели; близкие же по крови императрице буквально не могли найти места от счастья. По прошествии нескольких дней родители удостоили меня венца и императорской диадемы.

В то время Константин — сын императора Михаила Дуки, о котором я часто упоминала, еще царствовал вместе с самодержцем — моим отцом, вместе с ним подписывал красными чернилами дарственные грамоты, в процессиях сопутствовал ему с тиарой на голове, в славословиях же упоминался на втором месте; а так как и мне должны были совершаться славословия, то распорядители славословий стали называть имена Константина и Анны одновременно. И так продолжалось долгое время, о чем позже я нередко слышала от своих родственников и родителей. По-видимому, это было предвестником последующих событий моей жизни — счастливых или же, наоборот, несчастных.

Затем у императоров родилась вторая девочка, очень похожая на родителей, облик которой носил отпечаток той добродетели и ума, что воссияли впоследствии. Но император и императрица страстно желали мальчика, и их молитвы исполнились: в одиннадцатом индикте рождается у них мальчик. Родители были очень рады, и, так как мечта осуществилась, у них не осталось и следа от горя. Все подданные, видя радость императоров, тоже ликовали, поздравляли друг друга и были очень довольны. Императорский дворец был преисполнен тогда веселья, и не осталось в нем места для печали и забот; доброжелатели радовались от глубины души, некоторые же лишь делали вид, что испытывают радость. Ведь подданные обычно враждебно относятся к властителям, но в большинстве случаев притворством и лестью стараются заслужить расположение могущественных людей. Как бы то ни было, ликование в то время стало всеобщим.

У ребенка была смуглая кожа, широкий лоб, худые щеки, нос не курносый, но и не орлиный с горбинкой, а правильной формы. Его темные глаза, насколько это можно заметить у младенца, свидетельствовали об остром уме. Желая возвести мальчика в императорское достоинство и оставить ему в наследство Ромейское государство, родители в Великой божьей церкви удостоили его святого крещения и венца. Вот что было с нами, порфирородными, с момента нашего рождения. О том же, что случилось с нами дальше, будет рассказано в надлежащем месте.

КНИГА X

5. ...Так, как описано выше, продолжалось правление самодержца... Не успел он немного отдохнуть, как до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода, зная неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предло-

гом легко нарушают свои же договоры. Алексей непрестанно повторял это и никогда не ошибался. Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе. Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт, по имени Петр, по прозвищу Кукупетр, отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти ко гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франкии, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян».

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас через Дакию...

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения...

6. Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок, император посоветовал ему дожидаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь. За ним последо-

вало около десяти тысяч норманнов. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд.

Султан, узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь. Турки снова устроили засаду, чтобы схватить их. Самодержец, получив точные сведения об этом избиении, не мог допустить, чтобы

и Петр был пленен. Поэтому он немедленно послал за Константином Евфорвином Катакалоном, о котором я уже много раз упоминала, погрузил на военные корабли большое войско и отправил его через пролив на помощь Петру. Турки, увидев приближение Катакалона, обратились в бегство. Катакалон же, насколько не медля, взял Петра и его людей, а их было наперечет, и доставил невредимыми к императору.

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он снова попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям; он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неужгодно, чтобы они поклонились гробу господню.

Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить ее себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили все это движение; они обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб господень, и продавали свои земли.

7. Некто Гуго, брат короля Франкии, кичившийся, как Новат, своей знатностью, богатством и силой, собираясь у себя на родине в путь к гробу господню и стремясь заранее обеспечить себе блестящую встречу, велел передать императору такие безумные слова: «Знай, — сказал он, — император, что я — царь царей и самый великий из живущих под небом. Поэтому, когда я прибуду, ты должен встретить меня с подобающей торжественностью и оказать прием, достойный моего происхождения».

Это услышал император. В это время дукой Диррахия был Иоанн, сын севастократора Исаака (о нем говорилось выше), а дукой флота — Николай Маврокатакалон; он расставил корабли вокруг порта Диррахия на известном расстоянии друг от друга и сам выезжал из города, наблюдая за морем, чтобы ни один пиратский корабль не мог проплыть незамеченным. Им обоим самодержец тотчас же отправил по письму, где приказывал дуке Диррахия ожидать прибытия Гуго с суши или с моря, немедленно известить о его появлении императора и встретить Гуго с подобающей торжественностью, а дуке флота — не ослаблять своего внимания, не поддаваться беспечности и быть все время настороже.

...Император принял Гуго с почетом, всячески выражая ему свою благоклонность, дал много денег и тут же убедил стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву.

8. Но весь этот рассказ про Гуго — только вступление. Не прошло и пятнадцати дней, как Боэмунд, о котором часто упоминалось выше, высадился на берег у Кавалиона с многочисленными графами и с войском, ни с чем не сравнимым по величине. Местность эта находится вблизи Виусы (таковы названия мест в тех краях). Пусть не упрекают меня в том, что я пользуюсь варварскими именами, которыми приходится пятнать ткань исторического повествования, — ведь и Гомер не считал зазорным приводить ради исторической точности имена беотийцев и названия разных варварских островов.

По пятам Боэмунда прибыл к берегам Лонгивардии граф Брабанта. Он тоже решил переплыть пролив и нанял за шесть тысяч золотых статиров пиратский корабль, очень большой, трехмачтовый, с двумястами гребцов и с тремя лодками на буксире. Опасаясь ромейского флота, он отплыл не к Авлону, как все остальные латиняне, а, отчалив, слегка отклонился в сторону, воспользовался попутным ветром и направился прямо к Химаре.

...Представление о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы руководствуемся канонами, законами и евангельской догмой: «не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель». Но варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови господней, взирая на убийство, и сам становится «мужем крови», как в псалме Давида. Таковы эти варвары, одинаково преданные и богу и войне. Так и этот, скорее воин, чем священнослужитель, надел священное облачение и, взяв в руки весло, устремился в морской бой, начав битву сразу и с морем и с людьми. Наши же обычаи, как я уже говорила, следуют... Аарона, Моисея и нашего первого епископа.

9. В это же время граф Готфрид с другими графами и с войском, состоявшим из десяти тысяч всадников и семидесяти тысяч пехотинцев, тоже совершил переправу и, дойдя до столицы, расположил свое войско на берегу Пропонтиды; оно растянулось от моста, находящегося вблизи Космидия, до самого Святого Фоки. Император настаивал на том, чтобы Готфрид переправился через Пропонтиду, тот же откладывал со дня на день и, приводя причину за причиной, оттягивал время. На самом деле он дожидался прибытия Боэмунда и остальных графов. Ибо если Петр с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения гробу господню, то все остальные графы,

и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу (об этом я часто вспоминала выше); лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей.

Но император, уже давно знакомый с их коварством, письменно приказал наемным войскам и их командирам расположиться отрядами на территории от Афиры до Филея (это прибрежная местность у Понта) и быть настороже; если же будут посланы люди от Готфрида к Боэмунду или к идущим сзади графам или от них к Готфриду, то преградить им путь.

Между тем произошло следующее. Император призвал к себе нескольких графов, спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву. Этот разговор занял много времени из-за природной болтливости латинян и их любви к долгим речам; по их лагерю пронесся ложный слух, что император велел задержать графов. Тотчас же на Византий двинулись густые фаланги; они сразу же разрушили до основания дворцы у Серебряного озера и начали штурмовать стены Византия без гелепол (их не было у латинян). Полагаясь на свою многочисленность, они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом, недалеко от храма, сооруженного некогда одним из императоров в честь великого святителя Николая.

При виде латинских фаланг не только городской сброд Византия, трусливый и не знающий военного дела, но и преданные императору люди принялись стенать, плакать и бить себя в грудь. Они вспоминали тот четверг, когда был взят город, и боялись, что нынешний день станет им возмездием за то, что было прежде. Все, кто был знаком с военным делом, сбегались в беспорядке к императорскому дворцу. Однако сам император не вооружался; он не надел чешуйчатого панциря, не взял щита и копья, не опоясался мечом, а остался спокойно сидеть на императорском троне, ободряя всех веселым взглядом, вселяя надежды в души своих приближенных и советуясь с родственниками и военачальниками о том, что предпринять.

Прежде всего он запретил кому бы то ни было выходить из города и вступать в бой с латинянами — отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть), отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни. Поэтому он много раз посылал гонцов к латинянам, убеждая их прекратить бой. «Побойтесь, —

говорил он, — бога, в этот день принесшего себя в жертву за всех нас, не отвергнувшего ради нашего спасения ни креста, ни гвоздей, ни копий — удела преступников. Если же вы стремитесь в бой, то и мы будем готовы к нему на другой же день после святого воскресения». Но они не только не послушались самодержца, а еще тесней сомкнули свои фаланги и стали метать стрелы с такой силой, что даже ранили в грудь одного из стоявших у императорского трона. При виде этого большинство из тех, кто стоял по обе стороны от императора, отступили назад. А он продолжал бесстрашно сидеть, ободряя и ласково упрекая их, так что изумление охватило всех. Когда же Алексей увидел, что латиняне дерзко подступают к стенам и не внимают его разумным советам, то прежде всего послал за своим зятем Никифором, моим кесарем, и приказал ему взять лучших воинов, опытных стрелков из лука, и расставить их на стене. Он велел подвергнуть латинян сильному обстрелу, но не целиться, а метить главным образом мимо, чтобы не убивать, а только устрашить латинян множеством стрел. Как я уже сказала выше, он боялся нарушить святость дня и не желал братоубийственной бойни.

Других отборных воинов, вооруженных в большинстве своем луками и длинными копьями, он послал открыть ворота возле Святого Романа и изобразить стремительное наступление на латинян, соблюдая при этом следующее построение. Каждого вооруженного копьем воина самодержец приказал прикрыть с обеих сторон двумя пельтастами и медленно двигаться в таком порядке, а небольшое число опытных лучников велел выслать вперед, чтобы они издали обстреливали кельтов из лука, часто обращаясь то в одну, то в другую сторону. Когда оба строя сблизятся, лучники должны были тотчас же во весь опор устремиться на латинян, дать знак другим лучникам, следующим за ними, закидать стрелами не всадников, а их коней — отчасти для того, чтобы сдерживать натиск кельтов, которые на раненых конях не смогут уже так быстро мчаться на ромеев, отчасти же — и это главное — чтобы не убивать христиан. Воины с готовностью выполнили приказ императора, открыли ворота и, то устремляясь на латинян во весь опор, то сдерживая коней уздой, убили многих; в тот день были ранены и несколько наших воинов.

Но оставим их. Как я уже сказала, мой господин, кесарь, с опытными лучниками расположился на башнях, чтобы обстреливать варваров. Все они имели меткие и дальнометные луки — ведь все это были юноши, не уступавшие во владении луком гомеровскому Тевкру. А лук кесаря был воистину луком Аполлона. Кесарь не тянул тетиву к груди, как те гомеровские эллины, и не прилаживал стрелу к луку, чтобы показать, подобно им, свое охотничье искусство,

но, как Геракл, слал смертельные стрелы из бессмертного лука и, наметив цель, поражал ее без промаха, стоило лишь ему захотеть. В любое время, в битвах и сражениях, он поражал любую цель и наносил рану именно в то место, в какое направлял стрелу. Он так сильно натягивал лук и так быстро слал стрелу, что превзошел, казалось, в стрельбе из лука и самого Тевкра и обоих Аяксов. Но, глядя на латинян, которые, прикрываясь щитами и шлемами, дерзко и безрассудно подступали к городским стенам, он при всем своем искусстве, хотя и натягивал лук и прилаживал стрелу к тетиве, однако, уважая святость дня и храня в душе приказ самодержца, нарочно метал стрелы не целясь, то с недолетом, то с перелетом.

Воздержавшись ради такого дня от меткой стрельбы в латинян, кесарь все же обратил свой лук против одного дерзкого и бесстыдного латинянина, который не только метал множество стрел в стоявших наверху, но и выкрикивал на своем языке какие-то дерзости. Не напрасно полетела стрела из рук кесаря; она пробила щит, прошла через чешуйчатый панцирь сквозь руку и вонзилась в бок. И вот он, безгласный, уже лежал на земле, как сказал поэт, а к небу поднялись голоса тех, кто прославлял кесаря, и тех, кто оплакивал убитого. После этого завязалась жестокая и страшная битва; упорно сражались и всадники вне города и те, кто стоял на стенах. Самодержец ввел в бой свои собственные войска и обратил латинские фаланги в бегство.

На другой день Гуго, придя к Готфриду, посоветовал ему подчиниться воле императора и дать клятву хранить незапятнанную верность, если он не хочет вновь испытать на собственном опыте военный опыт самодержца. Но Готфрид сказал ему с порицанием: «Ты вышел из своей страны, как царь, с большими богатствами и войском, и сам низвел себя с такой высоты на положение раба, а теперь, будто совершив великий подвиг, ты приходишь советовать то же самое и мне». Гуго ответил: «Нам надо было оставаться в своей стране и не зариться на чужую; но мы дошли до этих мест и очень нуждаемся в покровительстве императора, нас не ждет ничего хорошего, если мы не подчинимся ему». Гуго ушел без всякого результата. Самодержец же, узнав, что идущие позади графы уже приближаются, послал к Готфриду некоторых из своих лучших военачальников с войсками, поручив им убедить Готфрида переправиться через пролив. Когда их увидели латиняне, они, не выждав ни мгновенья и даже не узнав их намерений, бросились в бой. В ожесточенной битве, завязавшейся между ними, было много убитых с той и с другой стороны; ранены были также воины самодержца, которые дерзко напали на него. Так как императорские войска сражались с большим упорством, латиняне обратились в бегство. Таким образом,

спустя некоторое время Готфрид подчинился воле императора. Придя к нему, он дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором. Поклявшись в этом, он получил много денег и стал гостем и сотрапезником императора. После пышных пиров он переправился через пролив и разбил свой лагерь под Пелеканом. Самодержец же распорядился, чтобы им в изобилии доставлялось всякое продовольствие.

...Когда все, в том числе и Готфрид, были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин подошел к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упреком: «Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить императору. Да и не в обычае у ромейских императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, поклявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны». Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрый взглядом, проговорил про себя на родном языке: «Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников».

От императора не ускользнуло движение губ латинянина. Подозвав одного из переводчиков с латинского языка, он спросил его о значении сказанного. Узнав смысл слов, он до времени ничего не сказал латинянину, но сохранил его слова в памяти. Когда же все прощались с императором, он подозвал к себе этого надменного и бесстыдного латинянина и спросил, кто он такой, откуда происходит и какого рода. Тот ответил: «Я — чистокровный франк знатного рода и мне известно одно: в той местности, откуда я родом, есть храм на перекрестке, сооруженный в древние времена. Туда приходит каждый, кто хочет сразиться на поединке. Вооруженный для единоборства, он просит там помощи у бога и остается в ожидании того, кто отважится принять его вызов. Я тоже провел долгое время на этом перекрестке, ожидая того, кто сразится со мной, но никто не дерзнул».

Император, выслушав его, сказал: «Если раньше ты искал и не находил битвы, то теперь пришло твое время насытиться битвами. Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине вместе с гемилохитами, ибо я давно уже знаю, как сражаются турки». Этот совет он давал не только ему; всем другим он тоже говорил о том, что ждет их в пути, и советовал, когда бог пошлет им победу, не поддаваться порыву и не преследовать варваров, чтобы не попасть в засаду и не погибнуть.

11. ...Позвав к себе Боэмунда, император и ему предложил принести обычную у латинян клятву. Боэмунд понимал свое положение, знал, что не происходит от знатных предков и не имеет ни денег, ни, вследствие этого, большого войска — с ним пришли лишь немногочисленные кельты; кроме того, Боэмунд вообще был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца. Тогда император выделил одну комнату во дворце и устлал весь пол разного рода ценностями, одеждами, золотыми и серебряными монетами и другими, менее дорогими вещами. Комната оказалась настолько заполненной, что из-за множества вещей нельзя было сделать ни шагу. Император приказал тому, кто должен был показать все это Боэмунду, открыть двери внезапно. И вот Боэмунд, пораженный зрелищем, воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда тот: «Это все пожаловал тебе сегодня император».

Боэмунд принял богатства с огромной радостью и, поблагодарив, отправился отдыхать в отведенные ему покои. Когда же ему принесли дары, он, забыв о своем прежнем восхищении, сказал: «Никогда я не ожидал такой обиды от императора. Возьмите это все и отнесите тому, кто вас послал». Император же, зная непостоянный нрав латинян, ответил ему народной поговоркой: «Пусть злоба его обратится против него же». И вот Боэмунд, который недавно сам с негодованием от всего отказался, узнав об ответе императора и увидев слуг, потребовавших назад ценности, изменил тактику, весело взглянул на слуг и, подобно полипу, преобразился в одно мгновение. Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег. Но, выделяясь среди латинян необычайной ловкостью, он обладал общим им всем природным качеством — непостоянством. Те самые богатства, от которых он отказался, принял теперь с большой радостью.

Настроен он был очень враждебно. Не владея никакими землями, он покинул родину для вида — ради поклонения гробу господню, на самом деле — чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы (ведь он следовал заветам своего отца). Но пустив, как говорится, в ход все средства, он сильно нуждался в деньгах. Самодержец, зная его злобу и недоброжелательство, искусно старался устранить все, что могло способствовать его тайным замыслам. Поэтому, когда Боэмунд, думая перехитрить хитрого, хотел получить восточный доместикат, он его не получил. Император боялся, что, обретя власть и подчинив таким образом всех графов, он в будущем

легко сможет склонять их ко всему, что задумает. Однако, не желая дать понять Боэмунду, что его замыслы уже раскрыты, император тешил его добрыми надеждами, говоря: «Еще не время, своей энергией и верностью ты достигнешь и этого».

Поговорив с графами и милостиво наделив их всевозможными дарами и титулами, он на другой день воссел на императорский трон. Позвав к себе Боэмунда и всех других графов, он рассказал им о том, что их ждет в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, какими обычно пользуются турки, научил, как нужно выстроить войско и как расположить засады, а также остерег их далеко преследовать турок, когда те обратят тыл. Смягчив дарами и речами дикий нрав латинян, дав им полезные советы, император побудил их к переправе.

...Самодержец тоже, конечно, хотел выступить вместе с кельтами против варваров, но опасался их неисчислимого множества. Поэтому он решил отправиться в Пелекан, чтобы, находясь вблизи Никеи, знать, как идут дела у кельтов, и вместе с тем следить за вылазками турок и за положением в самой Никее. Он считал для себя позором не отличиться каким-нибудь воинским подвигом и решил, если представится удобный случай, самому захватить Никею, а не получать ее от кельтов во исполнение клятвы. Но этот замысел он от них скрывал. Обо всех своих приготовлениях и о том, для чего они нужны, знал он один, свой план он доверил одному лишь Вутумиту. Его Алексей отправил с поручением привлечь на свою сторону варваров в Никее, обещав им всякие блага и полное прощение и в то же время пригрозив, что их ждут всяческие беды и что они станут жертвой мечей, если их захватят кельты. Император давно знал надежность и предприимчивость Вутумита в подобных делах. Так начались и так развивались эти события.

КНИГА XI

1. ...Варвары, находившиеся в Никее, много раз обращались к султану за помощью. Пока он медлил, осада города продолжалась уже много дней от восхода до заката. Видя свое тяжелое положение, варвары отказались от прежних намерений и предпочли лучше обратиться к императору, чем попасть в руки кельтов. Поэтому они позвали к себе Вутумита, который во многих посланиях обещал им всяческие блага от самодержца, если они сдадут ему Никею. Тот совершенно недвусмысленно сообщил им о дружелюбии императора, показал письменные обещания на случай, если они сдадут ему крепость, и был с радостью принят турками, которые отказались уже от мысли противостоять такому

множеству врагов и решили, что лучше добровольно отдать город императору и получить взамен деньги и титулы, чем стать жертвой мечей.

Вутумит не провел в городе и трех дней, как прибыл Исангел и стал штурмовать стены заранее подготовленными гелеполами. В это время разнесся слух о приближении султана. Узнав об этом, турки ободрились и тотчас выслали Вутумита из города. Султан же, выделив часть войска, послал его для наблюдения за действиями Исангела, приказав своим воинам не уклоняться от боя, если они встретятся с кем-либо из кельтов. Воины Исангела, издали заметившие турок, завязали бой. Тогда и остальные графы, в том числе Боэмунд, получив известие о нападении варваров, взяли у каждого графа по двести воинов и, составив из них большой отряд, тут же послали его на помощь Исангелу. Настигнув варваров, кельты преследовали их до самого вечера.

Но султан не пал духом. На рассвете он вооружился и занял со всем своим войском долину у стен Никеи. Кельты, узнав об этом, хорошо вооружились и, как львы, бросились на него. Завязалась тяжелая и страшная битва. В течение целого дня бой шел с равным успехом, когда же солнце «склонилось ко мраку», турки обратились в бегство и ночь положила конец сражению. Много воинов пало с той и с другой стороны: немало было убито, но большинство — ранено.

Кельты, одержав блестящую победу, возвращались, наколов головы врагов на копья и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою. Так поступили и такое замыслили латиняне. Султан же, видя бесчисленное множество латинян, отвагу которых он испытал в сражении, передал туркам — защитникам Никеи — следующее: «Поступайте впредь, как сочтете нужным». Он наперед знал, что они предпочтут отдать город императору, чем попасть в руки кельтов...

2. Император тщательно все обдумал и пришел к выводу, что латиняне, несмотря на их невероятное множество, ни в коем случае не смогут взять Никею. Поэтому он велел соорудить разного рода гелеполы, причем большую часть не так, как обычно эти машины сооружают, а по своему собственному замыслу (этим он вызвал всеобщее восхищение) и послал их графам. Как уже было сказано, император, переправившись через пролив с имевшимися у него войсками, находился в Пелекане, недалеко от Месампел, где некогда был воздвигнут храм великомученика Георгия.

Самодержец хотел выступить вместе с латинянами против безбожников-турок. Но понимая, что неисчислимое войско франков нельзя даже сравнить с отрядом ромеев, и зная непостоянство латинян, он, взвесив все обстоятель-

ства, отказался от своего намерения. Да и не только поэтому: он наперед видел, насколько латиняне ненадежны, неверны слову, как Еврип, устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей. Вот из каких соображений самодержец воздержался в то время от исполнения своего намерения. Он решил не идти вместе с кельтами, а помогать им так, как если бы он был с ними.

Зная прочность стен Nikeи, он считал, что латиняне не смогут овладеть городом. Когда же он узнал, что султан по прилегающему к Nikeе озеру легко доставляет туда большие военные силы и всевозможное продовольствие, он решил овладеть озером. Построив такие челны, какие могли держаться на воде озера, он доставил их на повозках и спустил на воду у Киоса. На челны же он погрузил вооруженных воинов во главе с Мануилом Вутумитом и, чтобы они производили впечатление большого войска, дал им больше, чем надо, знамен, а также трубы и барабаны.

Так распорядился самодержец относительно озера. С суши он призвал к себе Татикия и Циту с двумя тысячами отважных пельтастов и послал их к Nikeе, приказав сразу же по высадке на берег захватить крепость кира Георгия, погрузить на мулов весь запас стрел, спешиться вдали от стен Nikeи, дойти пешком до башни Гонат, разбить там лагерь, а затем вместе с латинянами по общему сигналу штурмовать стены. Татикий, прибыв со своим войском к Nikeе, сообщил кельтам план императора. Они все тотчас же вооружились и с громкими криками бросились на приступ.

Воины Татикия слали множество стрел, часть кельтов пробивала стены, часть непрерывно метала камни из орудий. И вот варвары, напуганные зрелищем императорских знамен на озере и звуками труб Вутумита (он тем временем послал к ним вестников напомнить про императорские обещания), пришли в такое смятение, что не отваживались даже выглянуть из-за зубцов городских стен. Потеряв уже надежду на помощь султана, они решили, что лучше всего сдать город самодержцу и вступить в переговоры с Вутумитом, который сказал им все, что положено, и показал хрисовул, врученный ему прежде императором. Выслушав текст хрисовула, где император обещал не только простить их, но и щедро одарить деньгами и титулами сестру и жену султана (которая, как говорили, была дочерью Чакана), а также вообще всех никейских варваров, они, ободренные обещаниями, позволили Вутумиту войти в город. Он немедленно известил Татикия письмом: «Добыча уже в наших руках, нужно готовиться к штурму стен, пусть и кельты делают то же самое, но не доверяй им

ничего, кроме круговой атаки стен; скажи им, что с восходом солнца нужно окружить стены и начинать штурм».

К этой хитрости Вутумит прибег для того, чтобы кельтам казалось, будто город взят им с боя, и чтобы задуманный самодержцем план передачи города остался в тайне. Император не хотел, чтобы кельты узнали о действиях Вутумита. На другой день с двух сторон раздались боевые крики: кельты с жаром кинулись на приступ на суше, а Вутумит, взобравшись на предстенное укрепление, утвердил там скипетр и знамена и приветствовал самодержца звуками горнов и труб. Так все ромейское войско вступило в Никею...

3. Самодержец, все еще находясь под Пелеканом и желая получить клятву от графов, которые не поклялись ему, написал Вутумиту, чтобы тот посоветовал всем графам не трогаться в путь на Антиохию, не вступив в договор с императором, — в этом случае они получают еще более щедрые дары. Раньше всех других, едва услышав о деньгах и подарках, склонился на предложение Вутумита Боэмунд, который посоветовал и другим отправиться к императору: такая была его неудержимая страсть к наживе. Когда графы прибыли в Пелекан, самодержец торжественно встретил их и удостоил своей заботы. Затем, собрав их, он сказал: «Вам известно, какую клятву вы мне принесли, если вы ее еще не нарушили, посоветуйте принести клятву тем, кто этого не сделал». Графы тотчас же позвали тех, кто еще не клялся; те собрались и принесли клятву.

Однако племянник Боэмунда, Танкред, отличавшийся независимостью характера, твердил о том, что он обязан верностью только одному Боэмунду и намерен хранить ее до самой смерти. Все окружающие и даже родственники императора принялись убеждать его, а он с притворным равнодушием взглянул на палатку, в которой сидел самодержец (подобной по величине никто никогда не видел), и сказал: «Если ты дашь ее мне, полную золота, и к тому же все, что ты дал остальным графам, то и я принесу клятву». Палеолог, очень ревностно относившийся к императору, не смог стерпеть притворных слов Танкреда и с презрением оттолкнул его. Неукротимый Танкред бросился на Палеолога. При виде этого император сошел с трона и встал между ними. Боэмунд тоже удержал племянника и сказал: «Не подобает бесстыдно нападать на родственников императора». Тогда Танкред, устыдившись, что он точно пьяный бросился на Палеолога, уступил уговорам Боэмунда и тоже дал клятву...

4. Что же было потом? Латиняне вместе с ромейским войском подошли к Антиохии по так называемому «Быстрому потоку», оставив без внимания окрестные области. Они выкопали ров у городских стен, сложили снаряжение и

начали осаду города, продолжавшуюся три месяца. Турки, напуганные нахлынувшим на них бедствием, обратились к султану Хорасана с просьбой прислать им большое войско, чтобы помочь антиохийцам и прогнать латинян, осаждающих город...

КНИГА XII

3. ...Императрица обладала таким характером, что не хотела быть на людях, большей частью оставалась у себя дома и занималась своими делами — я имею в виду чтение книг святых мужей, молчаливые размышления, а также благотворительность и благодеяния людям, особенно тем, которые, как она заключала по их внешности и образу жизни, служили богу и проводили время в молитвах и антифонных песнопениях. Когда какие-либо обязанности императрицы по необходимости заставляли ее показываться на людях, она исполнялась стыда, и румянец сразу же покрывал ее щеки. Ведь и любомудрая Феано, когда кто-то, указывая на ее обнаженную руку, сказал шутливо «Какая красивая рука», ответила: «Но она не предназначена для всеобщего обозрения». Императрица же, моя мать, воплощение достоинства, сосуд святости, не только не любила выставлять на всеобщее обозрение свою руку и лик, но даже не желала, чтобы звук ее голоса достигал слуха людей, не входивших в ее обычное окружение. Такова была ее необыкновенная стыдливость. Но так как даже боги, как говорят, не могут сопротивляться необходимости, она была вынуждена сопровождать самодержца во время его частых военных походов.

Природная стыдливость удерживала ее во дворце, а страсть и пламенная любовь к самодержцу заставляли ее против воли покидать императорские покои. К тому были разные причины. Первая из них — постигшая Алексея болезнь ног, которая требовала большой заботы о нем. Боли в ногах причиняли ему огромные страдания, и Алексей не выносил ничьих прикосновений, кроме моей госпожи и матери. Она заботливо ухаживала за ним, искусно касалась его тела и облегчала боль в его ногах. Пусть никто не обвинит меня в бахвальстве — я восхищаюсь его нравственными качествами, и пусть никто не заподозрит, что я неверно оцениваю самодержца, — я говорю истину. Император считал все, что касалось его и его особы, чем-то второстепенным по сравнению с благополучием городов. Ничто не могло отвратить его от любви к христианам: ни боль, ни наслаждения, ни военные поражения и ничто другое, большое или малое, ни солнечный жар, ни зимняя стужа, ни варварские набеги. Алексей был нечувствителен к подобным вещам, и хотя его тело было ослаблено целым сонмом болезней, он поднимался на защиту отечества.

Второй и главной причиной, заставившей императрицу сопровождать самодержца, было следующее: повсюду тогда возникали многочисленные заговоры, и Алексей нуждался в постоянном присмотре и поистине многоглазом страже. Ведь ночь, как и день, была полна опасностями для императора, вечер встречал его новыми бедами, и еще большими несчастьями грозило ему утро, — свидетель тому бог. Разве не нуждался император в тысячеглазом страже, когда столько негодяев злоумышляли против него: одни метали в него стрелы, другие точили мечи, а третьи, не в силах ничего предпринять, пускали в ход болтливые языки и злословие? Какого еще союзника надо было ему иметь при себе, если не ее, самой природой предназначенную быть его советчицей? Кто позаботился бы о самодержце и взял бы под подозрение заговорщиков лучше императрицы, способной найти благо для Алексея и тем более заметить козни его врагов? Моя мать была всем для моего господина и отца: ночью — неусыпным оком, днем — славным стражем, во время еды — хорошим противоядием и спасительным лекарством против зла, которое можно причинить через пищу. Таковы были причины, пересилившие природный стыд этой женщины и давшие ей смелость предстать перед глазами мужчин.

Тем не менее она и тогда не отказалась от своего обычного благочиния, но благодаря выражению глаз, молчаливости и всему своему поведению осталась незамеченной большинством людей. О том, что императрица следует за войском, свидетельствовали лишь носилки, установленные на двух мулах и покрытые сверху царским покрывалом; а ее божественное тело было укрыто от взоров. Всем было известно только, что больному императору обеспечен наилучший уход и что у него есть бдительный страж, неусыпное око, не дремлющее ни при каких обстоятельствах. И мы, преданные самодержцу люди, старались оберегать его и, постоянно бодрствуя, всем своим умом и сердцем в меру наших сил помогали госпоже, моей матери. Об этом я написала специально, имея в виду насмешников и клеветников. Ведь они обвиняют даже невинного (об этом свойстве человека знала уже гомеровская муза), презирают благородные дела и упрекают безупречное.

В происходившем в это время походе (император предпринял наступление против Боэмунда) она участвовала и добровольно и недобровольно. Ведь не следовало императрице участвовать в нападении на варварское войско. Почему? Да потому что это дело Томириды, массагетки Спарефры, но никак не моей Ирины. Ее мужество заключалось в другом, и она была вооружена не копьем Афины и не шлемом Аида, чтобы искусно отражать несчастья и превратности жизни (а императрица знала, сколь много их обрушивается на императоров), ее

щитом, панцирем и мечом были, следуя Соломону, деятельный характер, непримиримость к страстям и искренняя вера. Так была вооружена моя мать для войн подобного рода; в остальном, в полном соответствии со своим именем, она была настроена весьма миролюбиво.

Так как императору предстояло сражение с варварами, он решил подготовиться к войне, возымел намерение укрепить одни крепости, усилить оборону других и вообще стремился принять все необходимые меры против Боэмунда. Вместе с собой взял он и императрицу, частично в своих собственных интересах по уже упомянутым причинам, частично потому, что еще не угрожала никакая опасность, и время войны не пришло.

И вот она, захватив все имеющиеся у нее в золотой и иной монете деньги, а также другие ценности, выступает из города. В продолжение всего пути она щедрой рукой награждала на дорогах всех нищих, одетых в козьи шкуры или голых, и ни один проситель не ушел от нее с пустыми руками. И даже тогда, когда императрица достигала предназначенной для нее палатки, она, войдя в нее, не ложилась сразу отдыхать, а широко открывала двери для просителей. Ведь эти люди имели открытый доступ к Ирине и могли свободно видеть и слышать ее. Она не только снабжала бедняков деньгами, но и давала им благие советы. Если она видела, что какой-нибудь нищий обладает здоровым телом, но ведет праздную жизнь, она побуждала его заняться трудом, чтобы он добывал себе все необходимое, а не предавался лени из-за своей нерадивости и не бродил от двери к двери, выпрашивая подаяние. Ничто не могло отвлечь императрицу от этих дел. Известно, что Давид растворял свое питье слезами, а императрица, казалось, ежедневно смешивала и пищу, и питье с состраданием.

Многое я могла бы рассказать об императрице, если бы свидетельства дочери не показались неправдоподобными и льстивыми по отношению к матери. А тем, кто питает подобные подозрения, я расскажу о делах, служащих лучшими доказательствами...

5. Новая беда опять грозила самодержцу, на этот раз уже не от простого народа. Некие мужи, чванящиеся доблестью и славой рода, снедаемые жаждой убийства, покушались на жизнь самодержца.

Дойдя до этого места своего повествования, я останавливаюсь в удивлении, откуда только свалилось на императора такое множество бед. Ведь не было ничего, поистине ничего, что бы так или иначе не обратилось против него. Непрерывно происходили внутренние волнения и вспыхивали восстания извне. Не успевал самодержец подавить внутренний мятеж, как пожар восстания

охватывал все внешние области. Казалось, сама судьба как неких самородных гигантов порождала варваров и внутренних тиранов. И все это, несмотря на милосердное и человеколюбивое управление Алексея, несмотря на то, что он всех и каждого осыпал своими благодеяниями. Своих он постоянно щедро одаривал и жаловал им почетные титулы, а варварам, откуда бы они ни были, не давал никаких поводов и оснований для войн, лишь сдерживал их, когда они приходили в волнение. Только плохие полководцы во время мира умышленно побуждают к войне своих соседей. Ведь мир является целью всякой войны. Постоянно предпочитать войну миру ради..., постоянно пренебрегать благой целью — дело безумных полководцев, демагогов, людей, уготовляющих гибель городу.

Император Алексей поступал как раз наоборот, он ревностно заботился о мире, имея... старался сохранить, а не имея его, нередко проводил бессонные ночи в думах о том, как его возвратить. По природе своей он был человеком мирным и становился воинственным лишь тогда, когда его принуждали обстоятельства. Что касается Алексея, я могла бы смело сказать, что императорское достоинство на долгое время покинувшее ромейский двор, возвратилось лишь при нем и как бы впервые нашло приют в Ромейской державе.

Но, как я сказала в начале этой главы, меня поражает обилие военных забот, обрушившихся на императора. Все — можно было видеть — пришло в волнение как внутри, так и за пределами государства. Император Алексей во время разгадывал скрытые и тайные замыслы врагов и при помощи всевозможных ухищрений ликвидировал опасность, он боролся как с внутренними тиранами, так и с внешними врагами-варварами, благодаря своему острому уму всегда предупреждая козни заговорщиков и срывая их планы. Уже по самому положению дел я могу судить о судьбе империи в то время. Все чужеземные племена пылали злобой к Ромейской империи, иотовсюду нахлынули на нее бедствия, потрясшие само тело государства. Если человека постигают бедствия, со всех сторон одолевают враги, а плоть изнуряет внутренний недуг, провидение побуждает его к борьбе с надвигающимися отовсюду бедствиями. То же самое можно было наблюдать и в этом случае.

Варвар Боэмунд, о котором я неоднократно упоминала, готовился двинуть сильнейшее войско против ромейского трона и в то же время, как уже говорилось в начале главы, поднимала голову толпа тиранов. Во главе заговора стояли всего четыре человека — братья по прозвищу Анемады, один по имени Михаил, второй — Лев, третий... четвертый... Они были братьями как по рождению, так и по духу. Все они единодушно желали одного: убить самодержца и захва-

тить императорский скипетр. К ним присоединились и другие высокородные мужи: Антиохи, отпрыски знатного рода, Эксазины, Дука и Иалий, превосходившие всех когда-либо живших людей своей любовью к битвам, кроме того, Никита Кастамонит, некий Куртикий и Георгий Васибеки. Все это были люди, занимавшие первые места в военном сословии; из числа же членов синклита заодно с заговорщиками был Иоанн Соломон.

Михаил — главный из четырех Анемадов — лицемерно объявил, что Соломон будет помазан на императорский трон благодаря его богатству и знатности рода. Соломон занимал видное место в синклите, но был самым низкорослым и самым легкомысленным из всех, кто поддавался обману вместе с ним. Он считал, что превзошел учение Аристотеля и Платона, на самом же деле был далек от философской науки, и легкомыслие помрачило его ум. И вот он, как бы подгоняемый Анемадами, на всех парусах пустился к царственному городу. Но Анемады во всем обманывали его. Ведь на самом деле сторонники Михаила не имели в виду возвести его на императорский трон — куда там! — они лишь пользовались в своих целях его легкомыслием и богатством. Они выкачивали из него золото, морочили ему голову обещаниями престола и совершенно приручили к себе. В истинные их намерения входило, если только все пойдет хорошо и судьба улыбнется им, оттолкнуть его локтем и оставить «трепыхаться на море», а самим захватить скипетр, уделив Соломону лишь малую толику славы и выгод. В разговорах, которые велись с ним о заговоре, они умалчивали об убийстве самодержца, не упоминали ни об оружии, ни о войне, ни о битвах, дабы не отпугнуть Соломона, который, как им было известно, испытывал страх перед какими бы то ни было войнами. И вот такого мужа они приняли в свои объятия, как самого главного. Кроме того, к их заговору присоединились Склир и Ксир, исполнявший в то время должность епарха Константинополя.

Соломон, как говорилось выше, человек легкомысленный, вовсе не понимал намерений Эксазина, Иалия и Анемадов и считал, что Римская империя уже у него в руках, поэтому он стал посвящать кое-кого в свои планы и обещанием даров и титулов привлекать на свою сторону. Однажды к нему зашел «корифей драмы» Михаил Анемад и, увидев, что Соломон с кем-то беседует, спросил, о чем идет речь. Соломон же со свойственным ему простодушием ответил: «Этот человек попросил у меня титул и, получив обещание, согласился примкнуть к нашему заговору». Михаил осудил его за глупость; увидев, что Соломон совсем не умеет держать язык за зубами, он испугался и перестал посещать его дом.

6. Между тем воины — я говорю об Анемадах, Антиохах и их сообщниках — продолжали готовить покушение на жизнь императора, намереваясь осуществить задуманное убийство самодержца сразу же, как представится благоприятный случай. Так как божественное провидение не оберегало их, а время шло, то они, боясь быть уличенными, решили, что настал долгожданный случай.

Проснувшись однажды утром, самодержец почувствовал желание подсластить горечь своих многочисленных забот и стал вместе с некоторыми из родственников играть в затрикий (эта игра изобретена изнеженностью ассирийцев и от них перешла к нам). Заговорщики же, вынашивая планы убийства, взяли в свои злодейские руки оружие и собрались через императорскую опочивальню проникнуть к императору. Эта императорская опочивальня, где спали императоры, расположена в левой стороне дворцового храма Богоматери (многие называли его именем великомученика Димитрия); с правой же стороны храма находилась атрий с полом, выложенным мрамором. Выходящие туда ворота храма были открыты для всех желающих. Через них-то и решили заговорщики проникнуть внутрь храма, а затем взломать двери императорской опочивальни, войти в нее и мечом заколоть самодержца. Вот что замыслили эти кровавые убийцы против человека, не причинившего им никакого зла. Но бог расстроил их планы. Кто-то сообщил самодержцу о готовящемся, и он сразу же призвал к себе всех заговорщиков. Первыми приказал император доставить во дворец Иоанна Соломона и Георгия Васибеки и поместить их вблизи той комнаты, где он сам находился вместе с родственниками. Он желал кое о чем допросить их, ибо, давно зная их простодушие, надеялся легко выведать у них о заговоре то, что ему было нужно. Однако, несмотря на неоднократные вопросы, они все отрицали.

В это время выступает вперед севастократор Исаак и, обращаясь к Соломону, говорит: «Тебе хорошо известна доброта моего брата-императора. Сообщи о заговоре, и ты немедленно получишь прощение, но если ты откажешься это сделать, будешь подвергнут мучительному допросу». Соломон внимательно посмотрел на севастократора и, увидев окружающих его варваров с обоюдоострыми мечами на плечах, задрожал от страха, сразу же сообщил обо всем и назвал имена сообщников, но поклялся, что ничего не знал о замышлявшемся убийстве. Затем их отдали стражникам, которым было поручено охранять дворец, и заключили каждого в отдельном помещении. Остальных заговорщиков император также подверг допросу. Они во всем сознались, не умолчали и о замышлявшемся убийстве. Когда выяснилось, что все это устроено воинами, а особенно главой заговора Михаилом Анемадом, смертельно ненавидевшим самодержца, император приговорил всех их к изгнанию и лишению имущества.

Роскошный дом Соломона был отдан Августе. Но она, оставаясь верной себе, исполнилась жалости к супруге Соломона и подарила ей этот дом, не взяв оттуда даже самой малости. Соломон находился в тюрьме в Созополе. Анемада же и его приспешников Алексей приказал, как главных виновников, с обритыми головой и бородой провести через площадь, а затем выколоть им глаза. Актеры схватили их, набросили на них мешки, украсили их головы «коронами» из бычьих и овечьих кишок, водрузили на быков — не на спины, а на бока — и провезли через дворцовый двор. Впереди них прыгали жезлоносцы, громко распевая насмешливую песенку, подходящую к этой процессии. Она была сложена на народном языке, и ее смысл был таков: песенка эта имела цель побудить весь народ... и посмотреть на этих украшенных рогами тиранов, которые точили мечи на самодержца.

Посмотреть на это стеклись люди всех возрастов. И мы, императорские дочери, скрыто вышли, чтобы полюбоваться на это зрелище. Когда собравшиеся увидели Михаила со взором, устремленным ко дворцу, с руками, в мольбе воздетыми к небу, который жестами просил отрубить ему руки и ноги и отсечь голову, ни одно живое существо не могло удержаться от слез и стенаний, а особенно мы — дочери императора. Я, желая избавить Михаила от этих страданий, неоднократно просила свою мать-императрицу взглянуть на процессию. По правде сказать, я заботилась об этих мужах в интересах самодержца, чтобы он не лишился столь славных воинов, а особенно Михаила, которому был вынесен самый суровый приговор. Видя, что несчастье заставило Михаила смириться, я, как уже говорилось, стала понуждать мать выйти, в надежде, что этим мужах, находившимся уже на краю гибели, удастся спастись. Ведь актеры стали двигаться медленней, стараясь дать возможность убийцам получить прощение. Но императрица медлила (она сидела с самодержцем, и они вместе пред ликом богоматери молились богу), тогда я спустилась и в страхе остановилась в дверях. Не решаясь войти, я кивком головы вызвала императрицу. Уступив моим настояниям, она поднялась наверх, взглянула на процессию и, увидев Михаила, исполнилась жалости к нему; заливаясь горячими слезами, вернулась она к самодержцу и стала настойчиво просить его сохранить глаза Михаилу.

Император сразу же отправляет человека, который должен был остановить палачей. Вестник спешит и застает осужденных еще внутри так называемых «рук», никто, пройдя дальше них, не может быть избавлен от казни. Императоры, соорудив на хорошо видимом отовсюду месте, на высокой каменной арке эти бронзовые «руки», установили такое правило: если кто-нибудь, осужденный законом на смерть, окажется внутри них и в это время его настигнет весть

о милосердии самодержца, то он освобождается от наказания. «Руки» символизировали объятия, в которые император вновь принимает осужденных, протягивая им руку и не выпуская их из рук своего милосердия. Если же осужденные прошли дальше этих «рук», значит, и императорское владычество как бы оттолкнуло их от себя. Таким образом, участь подлежащих наказанию людей зависит от судьбы; и я считаю, что она является божественным приговором и ее следует призывать на помощь. Весть о прощении застаёт их внутри «рук», и несчастные избавляются от опасности, или же они проходят дальше «рук» и теряют всякую надежду на спасение. Я целиком полагаюсь на божественное провидение, которое и тогда избавило этого мужа от ослепления. Кажется, сам бог внушил тогда нам милосердие к Михаилу. Вестник спасения быстро вошел под арку, где были установлены бронзовые «руки», передал тем, кто вел Михаила, грамоту, дарующую прощение, взял Михаила с собой, повернул назад, подошел к башне, сооруженной рядом с дворцом, и запер в ней Михаила. Такой ему был дан приказ.

КНИГА XIII

4. ...Вернемся вновь к императору. С наступлением весны Августа из Фессалоники вернулась в царственный город, а самодержец, продолжая путь, прибыл через Пелагонию в Девол, расположенный у подножия тех труднопроходимых горных проходов, о которых я уже говорила.

Задумав новый план борьбы с варварами, Алексей решил отказаться от открытого сражения. Поэтому, не желая вступать в рукопашный бой, он оставил неприступные долины и непроходимые дороги в качестве нейтральной зоны между обоими войсками и расположил крупные силы под командой преданных ему людей на гребнях холмов. Он разработал новый план действий, согласно которому его люди не должны были иметь возможности легко добираться до Боэмунда, и оттуда к ним не могли доставляться письма и передаваться приветы, ведь благодаря этим последним очень часто завязывается дружба. А отсутствие общения, как говорит Стагирит, разрушило много дружеских союзов. Зная Боэмунда как человека, исполненного коварства и энергии, Алексей, хотя и желал, как говорится, сразиться с ним лицом к лицу, тем не менее не переставая измышлял иные способы и средства борьбы.

Мой отец-самодержец не боялся опасностей и много их испытал на своем веку. Однако он во всем руководствовался разумом и, несмотря на свое горячее желание вступить в бой, по названной уже причине стремился одолеть Боэмунда иными средствами. Ведь, как мне кажется, полководец не должен во всех

случаях стремиться оружием одержать победу, но иногда, когда время и обстоятельства это позволяют, может для завоевания полной победы нуть хитрости. Насколько мне известно, полководцы часто обращаются к помощи не только мечей и сражений, но и мирных договоров. Да и вообще бывают случаи, когда врага лучше одолеть коварством. Вот и тогда самодержец, по видимому, затевал хитрость.

Желая вызвать разногласия между графами и Боэмундом, потрясти или же вовсе разорвать их боевой союз, он, как на сцене, разыгрывает следующее. Алексей призывает к себе севаста Марина из Неаполя (этот Марин происходил из рода Маистромилиев; обманутый лживыми словами и обещаниями, он в то время не слишком твердо придерживался клятвы, которую дал императору, тем не менее самодержец решился открыть ему свой тайный замысел относительно Боэмунда), вместе с ним Рожера (это знатный франк) и Петра Алифу, мужа, знаменитого своим воинским искусством, соблюдавшего непоколебимую верность самодержцу. Призвав их к себе, Алексей попросил у них совета, как лучше всего одолеть Боэмунда, а также спросил их о наиболее преданных Боэмунду людях, которых тот любит и ценит. Узнав о них, Алексей сказал, что нужно всевозможными хитростями привлечь этих людей на свою сторону. «Если нам удастся, мы с их помощью внесем раздор во все кельтское войско», — вот что сообщает император уже упомянутым мужам. У каждого из них он просит по одному человеку из числа наиболее преданных и умеющих держать язык за зубами слуг. Они сказали, что с готовностью отдадут ему своих лучших слуг.

После того как люди явились, Алексей, как на сцене, разыгрывает следующее: он составляет как бы ответные письма к некоторым наиболее близким Боэмунду людям, изображая дело так, будто бы те писали Алексею, домогались его дружбы и открывали ему тайные замыслы тирана. Он посылает им эти письма, будто бы выражая свою благодарность и благосклонно принимая их преданность. Этими людьми были: Гвидо — родной брат Боэмунда, некий славный муж по имени Коприсиан, кроме того, Ричард и Принципат, храбрый муж, занимавший высшие должности в войске Боэмунда, и многие другие. Этим людям направил Алексей фальшивые письма.

Ни от кого, ни от Ричарда, ни от кого другого не получал император никаких писем с изъявлениями верности и преданности. Он сам по собственному почину сочинил все письма. Эта инсценировка имела следующий смысл: если слух о предательстве столь высокопоставленных мужей, которые будто бы отвернулись от Боэмунда и перешли на сторону императора, дойдет до ушей тирана, тот сразу же придет в неистовство, проявит свою варварскую природу,

станет с ними дурно обращаться и вынудит их порвать с ним. Таким образом, благодаря ухищрению Алексея они сделают то, что им самим даже не пришло бы в голову: восстанут против Боэмунда. Как я полагаю, стратиг знал, что вражеское племя сильно тогда, когда оно едино и спаяно, но бунтующее и разделенное на враждующие партии, оно становится слабее и представляет собой легкую добычу для противника. Таков был глубокий замысел самодержца, и в этих письмах содержалось затаенное коварство.

Свой замысел Алексей приводит в осуществление следующим образом. Он посылает фальшивые письма, приказав гонцам вручить каждому латинянину предназначенное ему письмо. В этих посланиях он не только выражал благодарность, но и сулил подарки, царские дары и давал многочисленные обещания. Алексей увещевал их и в будущем сохранять и проявлять преданность ему и не иметь от него никаких тайн. Алексей также отправил вслед верного человека с приказом скрытно следовать за гонцами, когда те приблизятся к вражескому лагерю, обогнать их, явиться до них к Боэмунду, выдать себя за перебежчика, сказать, что перешел к Боэмунду, так как ему ненавистна мысль остаться у императора, и постараться снискать дружбу тирана. В знак своей преданности он должен был недвусмысленно уличить тех мужей, которым были направлены письма, и сказать, что де тот-то и тот-то (назвав их по имени) нарушили верность Боэмунду, стали преданными друзьями императора, заботятся о его благе и что следует остерегаться, как бы они внезапно не привели в исполнение злой умысел, который давно питают против Боэмунда. Он должен был также принять меры к тому, чтобы Боэмунд не причинил никакого зла гонцам с письмами. Ведь император заботился, чтобы посланные им люди остались невредимы, а дела Боэмунда пришли в расстройство.

8. ...В это время императору из письма Алексея стало известно, что Боэмунд прислал послов с предложением мира. Зная о постоянных кознях своих приближенных, видя, как они ежечасно поднимают восстания, и испытывая гораздо больше ударов со стороны внутренних врагов, чем внешних, император решил прекратить биться на два фронта. Превращая, как говорится, необходимость в доблесть, он предпочел заключить мир с кельтами и не отклонять просьб Боэмунда; ведь Алексей боялся двигаться дальше по причине, о которой уже говорилось выше. Поэтому он остался на месте, обороняясь против двух противников, а дуке Диррахия приказал письменно сообщить Боэмунду следующее: «Ты знаешь, сколько раз я был обманут, доверившись твоим клятвам и речам. Если бы священной евангельской заповедью не предписывалось христианам прощать друг другу обиды, я бы не открыл свой слух для твоих речей.

Однако лучше быть обманутым, нежели нанести оскорбление богу и преступить священные заповеди. Вот почему я не отклоняю твоей просьбы. Итак, если ты действительно желаешь мира и питаешь отвращение к глупому и бессмысленному делу, за которое принялся, и не хочешь больше радоваться виду христианской крови, пролитой не ради твоей родины, не ради самих христиан, а лишь ради твоей прихоти, то приходи ко мне вместе с теми, кого пожелаешь взять с собой, ведь расстояние между нами невелико. Совпадут наши желания или не совпадут, достигнем мы соглашения или нет, в любом случае ты вернешься, как говорится, в целости и сохранности в свой лагерь».

9. Услышав это, Боэмунд потребовал, чтобы император дал ему в качестве заложников знатных людей, и заверил, что их до его возвращения будут содержать в норманнском лагере на свободе под наблюдением графов. Иначе, говорил Боэмунд, он не решится явиться к самодержцу. Император призвал к себе неаполитанца Марина, славного своим мужеством франка Рожера (оба они люди здравомыслящие и хорошо знакомые с нравами латинян), Константина Евфорвина — человека большой силы и благородного нрава, никогда не терпевшего неудач при выполнении приказов императора, и некоего Адралеста, знавшего кельтский язык, и отправил их к Боэмунду с приказом всеми возможными способами воздействовать на Боэмунда и убедить его по собственной воле явиться к самодержцу, с тем чтобы сообщить свои пожелания и высказать просьбы. Если его просьбы — должны были передать послы — придутся по душе самодержцу, желания Боэмунда будут, естественно, удовлетворены, если же нет, то Боэмунд невредимым вернется в свой лагерь. Дав такие наставления послам, император отправил их в путь, и они двинулись по дороге к Боэмунду.

Боэмунд, узнав о прибытии послов, стал опасаться, как бы они, увидев тяжелое положение его войска, не сообщили о нем императору, поэтому он на коне встретил послов вдали от лагеря. Послы передали ему слова самодержца таким образом: «Император говорит, что он вовсе не забыл о тех обещаниях и клятвах, которые дал ему не только ты, но и все графы, проходившие тогда через империю. Как видишь, не добром обернулось для тебя нарушение тех клятв». Выслушав это, Боэмунд сказал: «Достаточно об этом. Если у вас есть еще какое-нибудь сообщение от императора, я хочу его выслушать».

На это послы ответили ему: «Император, желая спасти тебя и твое войско, передает тебе через нас следующее: „Как известно, несмотря на все свои тяжкие труды, ты не смог овладеть Диррахием и не добился никакой выгоды для себя и для своих людей. Если ты не желаешь окончательно погубить себя и свое войско, иди к моей царственности, без страха открой все свои желания

и выслушай в ответ мое суждение. Если наши мнения совпадут, — слава богу! Если нет, то я невредимым отправлю тебя обратно в твой лагерь. Более того, те из троих людей, которые пожелают пойти на поклонение гробу господню, благополучно придут к нему под моей охраной, а тот, кто предпочтет удалиться на свою родину, получит от меня щедрые дары и вернется домой“».

На это Боэмунд сказал им: «Теперь я в действительности убедился, что император послал ко мне людей, способных привести и выслушать доводы. Я хотел бы получить от вас полную гарантию, что не буду неуважительно принят самодержцем. Пусть самые близкие его родственники встретят меня за шесть стадий до города, а когда я приближусь к императорской палатке и буду входить в двери, пусть он поднимется с императорского трона и с почтением примет меня. Император не должен упоминать ни о каких заключавшихся ранее между нами договорах и вообще устраивать суд надо мной, и я буду иметь свободу по своему желанию высказать все, что захочу. К тому же император должен взять меня за руку и предоставить место у изголовья своего ложа, я же войду в сопровождении двух воинов и не буду преклонять колен и склонять головы перед самодержцем». Выслушав его слова, упомянутые выше послы отказались принять требование Боэмунда, чтобы император поднялся с трона, и отклонили его как чрезмерное. И не только это: они отвергли его просьбу не преклонять колен и не склонять головы в знак почтения императору. Что же касается остального, то послы не отказались, чтобы несколько дальних родственников Алексея вышли на определенное расстояние, встретили направляющегося к императору Боэмунда и оказали ему услуги и почтение, чтобы он вошел в палатку в сопровождении двух воинов и чтобы император взял его заруку и предоставил ему место у изголовья своего походного ложа. После этого разговора послы удалились туда, где им было приготовлено место для отдыха. Послов охраняли сто сержантов, чтобы, выйдя ночью, они не увидели тяжкого положения войска и не стали с большим пренебрежением относиться к Боэмунду.

На следующий день Боэмунд вместе с тремястами всадниками и всеми своими графами прибыл на то место, где он накануне беседовал с упомянутыми послами. Затем, в сопровождении знатных людей — числом шесть человек — он отправился к послам, а остальных оставил ожидать его возвращения. Боэмунд с послами вернулся к обсуждению прежней темы, и, так как Боэмунд продолжал настаивать на своих требованиях, один весьма высокопоставленный граф, по имени Гуго, сказал ему следующее: «Мы явились воевать с императором, но еще никто не поразил врага своим копьем; оставь эти разговоры, заменим мир войной». Обе стороны выдвигали многочисленные доводы, и Боэмунд

был тяжело уязвлен тем, что не все его требования, предъявленные послам, будут удовлетворены. Некоторые из них они приняли, на другие ответили отказом; Боэмунд уступил и, как говорится, превратив необходимость в доблесть, потребовал от послов клятву, что будет принят с почетом и что, если самодержец и не пойдет навстречу его желаниям, то невредимым отправит его обратно в лагерь. Перед ними положили святые евангелия, и Боэмунд потребовал выдать его брату Гвидо заложников, чтобы тот держал их под стражей до его возвращения. Послы согласились на это и в свою очередь потребовали клятву, что заложникам гарантируется безопасность. Боэмунд ответил согласием, и они обменялись клятвами. Здесь Боэмунд передал заложников (севаста Марина, Адралеста и франка Рожера) своему брату Гвидо, чтобы тот, безразлично, заключит Боэмунд мирный договор с императором или нет, согласно клятве, невредимыми отправил их к самодержцу.

10. ...Император протянул руку вошедшему в палатку Боэмунду, взял его за руку, обратился к нему с подобающим царям приветствием и посадил вблизи императорского трона. О Боэмунде можно сказать в двух словах: не было подобного Боэмунду варвара или эллина во всей ромейской земле — вид его вызывал восхищение, а слухи о нем — ужас...

11. Самодержец бегло и глухо напомнил Боэмунду о прошлом и перевел беседу в другое русло. Боэмунд же, чья совесть была неспокойна, постарался избежать ответа на его слова и сказал лишь следующее: «Я явился сюда не держать ответ. Ведь и у меня есть что сказать. Но так как бог привел меня сюда, я всецело полагаюсь на твое владычество». Император же на это: «Оставим прошлое. Если ты хочешь заключить со мной мир, то, во-первых, должен стать одним из подвластных моего владычества; во-вторых, сообщить об этом своему племяннику Танкреду и приказать ему передать моим посланцам Антиохию, согласно прежнему нашему соглашению, а кроме того, сейчас и в будущем соблюдать все то, о чем мы тогда договорились между собой». Когда император высказал и выслушал это и многое другое, Боэмунд, который остался прежним и нисколько не изменился, произнес: «У меня нет возможности дать тебе такое обещание». А в ответ на другие требования императора он попросил, согласно договоренности с послами, разрешения вернуться к своему войску. Император сказал ему: «Лучше меня самого никто не сможет безопасно доставить тебя обратно». Сказав это, он во всеуслышание приказал начальникам войска приготовить им коней, чтобы отправиться к Диррахию.

Услышав это, Боэмунд пошел в предназначенную ему палатку и попросил свидания с моим кесарем Никифором Вриеннием, возведенным тогда в сан

паниперсеваста. Тот приходит к Боэмунду и, пустив в ход все свое красноречие (никто не мог с ним сравниться в публичных выступлениях и беседах), убеждает его согласиться с большинством условий императора. Взяв Боэмунда за руку, он приводит его к императору. На следующий день Боэмунд по своему собственному выбору и усмотрению принес клятву и заключил договор. Вот его содержание.

12. «Преыдуший договор, который я заключил с твоим боговенчанным владычеством, когда останавливался вместе с многочисленным франкским войском в царственном городе, направляясь из Европы в Азию для освобождения Иерусалима, стал недействителен в результате превратностей судьбы; поэтому пусть он будет отменен и не имеет силы, ибо фактически он расторгнут самим изменившимся положением вещей. Твоя царственность не должна иметь ко мне никаких притязаний и опираться на пункты и условия прежнего договора. Ведь, когда я объявил войну твоему от бога владычеству и нарушил соглашение, вместе с ним потеряли силу и обвинения твоего владычества против меня. Теперь же, как бы раскаявшись, подобно объятому ужасом рыболову, я вновь обрел разум и чуть ли не стал благоразумнее благодаря твоему копыю. Поскольку ты решил взять меня под свою десницу и сделать своим вассалом, я, помня поражения и битвы прежнего времени, намереваюсь заключить с твоим владычеством новый договор в том, что становлюсь вассалом твоего скипетра, или, говоря яснее и четче, слугой и подвластным.

И вот отныне согласно этому второму договору, который я желаю соблюдать вечно, в чем клянусь богом и всеми его святыми, при свидетельстве которых произносится и пишется это соглашение, я буду верным человеком твоей царственности и твоего горячо любимого сына — императора Иоанна Порфирородного. Я выступлю с оружием в руках против любого противника твоего владычества, вне зависимости от того, будет ли поднявший на тебя руку христианского рода или же врагом нашей веры, из числа тех, кого мы называем язычниками.

Итак, из того, что содержалось в упомянутом ранее договоре, я извлекаю, считаю действительным и твердо сохранию только один пункт, удовлетворяющий обе стороны — вашу царственность и меня: я буду слугой и вассалом твоей царственности и царственности твоего сына; в то время как остальные пункты договора упразднены, я как бы восстанавливаю это потерявшее силу соглашение и, что бы ни случилось, не буду отменять его. Не будет причины, ни явного или тайного средства, благодаря которым я мог бы оказаться нарушителем договора и нынешнего соглашения. Но по хрисовулу твоей царствен-

ности я получаю в восточных областях землю, которая будет теперь ясно здесь названа; в хрисовуле твое владычество подпишется красными чернилами, с него будет снята и вручена мне копия; принимая данную мне землю как дар вашей царственности и владея на основании хрисовула этим даром, я в качестве вознаграждения за эти земли и города приношу свою верность вашей царственности: твоей, великого самодержца кира Алексея Комнина, и твоего трижды дорогого сына и императора кира Иоанна; эту верность я обещаю сохранять неизменной и непоколебимой как надежный якорь.

Для того чтобы яснее повторить свое обещание и сохранить имена подписавших соглашение, повторяю: я, Боэмунд, сын Роберта Гвискара, вступая в соглашение с вашим владычеством, решил твердо придерживаться этого соглашения с вашей царственностью (т. е. с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и твоим порфирородным сыном — императором) в том, что буду истинным и верным вассалом, пока дышу и принадлежу к числу живых. Я выступлю с оружием в руках против всех врагов, которые появятся в будущем у вас и вашей царственности — навеки священные августы-императоры Ромейской державы. И если вы мне прикажете, я буду со всем своим войском безоговорочно служить вам и делать все, что будет необходимо. Если же появятся враги у вашего владычества, если только они не будут подобны бессмертным ангелам, не будут неуязвимы для наших копий и тела их не будут стальными, и если я буду здоров и свободен от войны с варварами и турками, я сам во главе войска буду сражаться в войне за вас. Если же мне помешает, как это часто случается с людьми, тяжелая болезнь или война настоятельно потребует моего участия, тогда я обещаю оказать вам сильную поддержку, отправив своих самых храбрых людей, которые восполнят мое отсутствие. Ведь истинная верность, в которой я сегодня клянусь вашей царственности, и состоит в том, что я, как уже говорилось, буду сам или же через своих людей неуклонно выполнять условия договора.

Я клянусь соблюдать договор в целом и в частностях и верно оберегать ваше владычество и вашу жизнь — я подразумеваю здешнюю, земную жизнь. За вашу жизнь я буду стоять с оружием в руках, как кованая железная статуя. Я распространяю эту клятву на ваше императорское достоинство и ваши императорские тела, если только будет замышляться против них зло каким-нибудь нечестивым врагом, которого я смогу уничтожить и отвратить от злого дела. Это относится также ко всем вашим землям и городам, большим и малым, к островам и вообще ко всей находящейся под вашим скипетром территории, на суше и на море, от Адриатического моря до всего Востока, и вдоль Большой

Азии, где простираются ромейские пределы. Кроме того, я соглашаюсь — да услышит господь это соглашение и станет его свидетелем — никогда не захватывать и не присваивать никакой отошедшей сейчас или ранее под вашу власть области, города или острова, и вообще никакой территории на Востоке и Западе, которой владела или владеет сейчас константинопольская империя; исключения составляют те области, которые были определенно подарены мне вашим от бога владычеством и которые поименно будут перечислены в настоящем письменном соглашении. Но если мне удастся захватить землю, бывшую некогда владением этой империи и изгнать оттуда ее властителей, то я должен позволить вам распоряжаться ею по своему усмотрению. В том случае если вы пожелаете, чтобы я как ваш вассал и верный слуга управлял захваченной землей, пусть будет так. Если же нет, то я без всяких колебаний передам ее тому, кого пожелает назначить ваша царственность. Ни от кого другого я не соглашусь принять землю, город или городок, которые некогда находились под властью империи; все, что было вашим, захваченное в результате осады или без осады, вновь станет вашим, и я не буду по этому поводу иметь ни малейших претензий.

Я не возьму клятвы ни с одного христианина и не дам ее никому, я не заключу никакого соглашения, которое могло бы принести вред и нанести ущерб вам и вашей империи. Я не стану без твоего согласия вассалом другого человека или другого государства, большого или малого; одна власть у меня, которой я обещаю служить: твоя царственность и царственность твоего трижды дорогого сына. А если явятся ко мне люди твоей царственности, поднявшие мятеж против твоего владычества, и пожелают служить мне, то я буду их ненавидеть, отвергну их предложения и, более того, выступлю против них с оружием в руках. Остальных же варваров, желающих встать под мои знамена, я приму, однако не от своего лица, а заставлю их принести клятву тебе и твоему трижды дорогому сыну; их земли я возьму от имени вашей царственности и обещаю поэтому беспрекословно выполнять все приказы, касающиеся этих земель. Это относится к городам и землям, которые находились ранее под ромейским скипетром.

Что же касается тех земель, которые никогда не были в повиновении у Романии, то я клятвенно обещаю, что все их, как доставшиеся мне без войны, так и в результате войны и сражений, я буду расценивать как данные мне вашей царственностью, будь они турецкими или армянскими, или, как сказали бы люди, знающие наш язык, языческими или христианскими. Если же ко мне явятся какие-либо выходцы из этих племен и пожелают служить мне, то я приму их только при том условии, что и они станут людьми вашей царственности. На них будут распространяться мой договор с вашей царственностью и принесенные

мною клятвы. Те из них, кого вы, навеки священные императоры, пожелаете подчинить моей власти, пусть будут подчинены мне, тех же, кого вы пожелаете, чтобы я послал к вашему владычеству, я с их согласия отправлю; если же они не захотят и откажутся служить вам, то и я не приму их.

С племянником моим Танкредом, если он не пожелает отказаться от ненависти к вашей царственности и не освободит из-под своей власти города вашей империи, я буду вести непримиримую борьбу. После того как, пожелает он того или не пожелает, города будут освобождены, я, с разрешения вашего владычества, буду властвовать над тем, что даровано мне хрисовулом и что будет здесь точно перечислено. Другие же города, в том числе Лаодикия в Сирии, за исключением дарованных мне, будут присоединены к вашим владениям. Я никогда не приму беженцев из вашей империи, отправлю их назад и заставлю вернуться в вашу империю.

К тому же, дабы сделать договор более надежным, я в добавление к вышесказанному обещаю следующее. Чтобы это соглашение навеки осталось незыблемым и непоколебимым, я согласен представить поручителями моих людей, которые должны будут по моему праву владеть дарованными мне твоей царственностью земель, городами и городками (которые будут здесь поименно перечислены). Я их обяжу страшной клятвой хранить истинную верность вашему владычеству и точно соблюдать все, чего требуют ромейские законы и что записано в настоящем договоре. Я заставлю их поклясться небесными силами и неотвратимым гневом божьим в том, что, если я (да не быть этому! Не допустите этого, о Спаситель, о справедливость божия!) когда-нибудь замыслю что-либо против вашей царственности, они прежде всего будут на протяжении сорока дней всеми способами стараться обратить меня, возгордившегося, к верности вашей царственности. Это произойдет, если это вообще может произойти, только тогда, когда безумие и бешенство обуяют меня, или я явно лишусь рассудка. Если же я буду упорствовать в своем безумии, неуклонно отвергая их увещевания, и бурный поток бешенства охватит мою душу, они отрекутся от меня и передадут вашему владычеству свою руку, мысль и землю, которой владели по моему праву; они заберут их из-под моей власти и вручат вам и вашей стороне. Они будут обязаны клятвой сохранять верность, покорность и преданность, какие и я согласился блюсти по отношению к вам; если же они узнают о каких-либо заговорщиках и смутьянах, то с оружием в руках должны будут выступить за вашу жизнь и земную честь и непрестанно сражаться за ваши царственные особы, дабы не понесли они ущерба ни от какого врага. Я клянусь и призываю в свидетели бога, людей и высших ангелов, что я,

обязав их страшными клятвами, заставлю совершать и делать все, что в их силах. Что же касается ваших крепостей, городов, земель и вообще всех областей, находящихся под вашей властью, которые расположены на Западе или лежат на Востоке, то мои люди клятвенно признают то соглашение, которое я заключил с вами. Они будут это делать как при моей жизни, так и после смерти. Ваше владычество будет в их лице иметь подвластных себе людей и пользоваться ими как верными слугами.

Те из моих людей, которые оказались здесь и находятся со мной, немедленно принесут клятву верности и заключат соглашение с вами, севастами: с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и с твоим порфирородным сыном — императором. Что же касается тех из моих всадников и тяжеловооруженных воинов, именуемых у нас обычно каваллариями, которые сейчас отсутствуют, то пусть твоя царственность отправит человека в Антиохию, и они принесут там ту же самую клятву; посланный твоей царственностью примет ее. Я же, со своей стороны, клянусь тебе в этом, заставлю этих мужей дать клятву и заключить то же соглашение без всяких изменений.

К тому же я соглашаюсь и клянусь в том, что если ваша царственность пожелает поднять оружие и начать войну с теми, кто владеет городами и землями, принадлежавшими некогда константинопольской империи, то и я сделаю то же самое и с оружием в руках выступлю против них. С теми же, против кого у тебя нет желания выставить войска, не будем воевать и мы. Ведь мы решили во всем служить вашему владычеству и ставить всякое свое деяние и желание в зависимость от воли твоей царственности.

Если же перебежчики — сарацины и исмаилиты — явятся к твоей царственности и сдадут свои города, то я не буду им препятствовать и стараться привлечь их на свою сторону, за исключением тех, что обратятся к твоему владычеству, вынужденные сделать это моим оружием, и, доведенные до крайности, в момент опасности будут пытаться перейти к тебе, чтобы обеспечить себе спасение. Но всех этих и тех, кто, опасаясь франкского оружия и стремясь избежать грозящей смерти, призовет на помощь вашу священную царственность... не по этой причине будете вы претендовать на пленных, но, разумеется, только на тех, которые явятся в услужение к вам добровольно, а не вынужденные сделать это нашими трудами и усилиями. К тому же я согласен с тем, что те воины, которые пожелают вместе со мной переправиться из Лонгивардии через Адриатическое море, должны дать клятву и согласиться служить твоей царственности; клятву у них всех примет, разумеется, человек вашего владычества, которого вы для этой цели сами отправите на противоположный берег Адриатического моря.

Если же кто-нибудь откажется дать клятву, то я вообще не позволю ему переправиться, как не желающему быть нашим единомышленником.

Нужно также, чтобы подаренные мне твоим от бога владычеством по хрисовулу области и города были обозначены в настоящей записи... Все эти земли, как дарованные мне до конца жизни божественным владычеством, перечисляются и в хрисовуле вашей царственности; после же моего переселения из этого мира они должны будут вернуться под власть нового Рима, царицы городов, Константинополя; при этом я должен через вас, вечна священнх августов императоров, в чистоте хранить непоколебимую верность и доброе расположение к владычеству и престолу этого города и быть слугой и вассалом императорского жезла.

Я соглашаюсь и клянусь в этом богом, почитаемым в антиохийской церкви, что антиохийским патриархом не будет человек нашего племени, но тот, кого ваша царственность назначит из сынов великой константинопольской церкви; ваш посланец займет антиохийский престол и будет делать все, что подобает первосвященнику в хиротонии и других церковных делах согласно привилегиям этого престола.

Были также отторгнутые вашей царственностью от владений князя города Антиохии области, которые вы пожелали целиком взять под свою власть... Это все области, которые ваша царственность отняла от владений князя Антиохии и, отделив их, включила в круг своих владений. Я доволен тем, что мне даровано, и не оспариваю то, что отнято.

Я буду придерживаться прав и привилегий, которые получил от вас, и не буду претендовать на те, которые не получил. Я не переступлю границ, но, как уже говорилось, до конца жизни останусь в пределах дарованной мне территории, владея и пользуясь ею. После моей смерти (и это уже было записано выше) эти области вновь будут присоединены к тому государству, из которого они мне были выделены. Выражая последнюю волю, я прикажу управляющим и своим людям, чтобы они отдали все упомянутые земли под власть Ромейской державы, не тщились получить их обратно и не затевали из-за них никаких распрей. Я клянусь и подтверждаю свое соглашение в том, что они без промедления и колебаний выполняют приказ...

Нельзя оставить здесь без упоминания вопрос об Эдессе и талантах, назначенных мне твоим хранимым богом владычеством для ежегодной выплаты, — я имею в виду двести литр в монетах чеканки Михаила. Ведь, кроме прочего, священным хрисовулом вашей царственности мне было отдано и графство...

в целом вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями, причем графская власть вручена не только мне, но по священному хрисовулу я имею право передать ее тому, кому сам пожелаю, если, разумеется, тот, кто ее получит, будет подчиняться приказам и воле вашей царственности как вассал той же власти и той же империи и будет разделять, и признавать мое соглашение с вами.

Вместе с тем с этого времени, после того как я стал вашим человеком и принадлежу к сфере вашего владычества, я должен получать из императорской казны в качестве ежегодного дара двести талантов в монетах настоящего качества, имеющих изображение прежнего императора кира Михаила. Они будут доставляться мне послом, которого я буду с письмом посылать к вам в царственный город из Сирии, чтобы он получал для меня эти деньги.

Вы, навеки священные императоры, севасты и августы Ромейской державы, будете, разумеется, соблюдать все, записанное в хрисовуле вашей священной царственности, и будете выполнять свои обещания. Я, со своей стороны, подкрепляю свой договор с вами следующей клятвой. Я клянусь страстями недоступного страданиям спасителя нашего Христа, непобедимым крестом его, который он принял ради спасения всех, и этими святейшими евангелиями, уловившими весь мир в свои тенета; держа их в руках и мысленно присовокупляя к ним крест Христа драгоценный, терновый венок, гвозди и копьё, пронзившее его божественный животворный бок, я клянусь тебе, могущественный и святой наш император господин Алексей Комнин, и разделяющему с тобой власть трижды дорогому киру Иоанну Порфирородному в том, что буду придерживаться всех соглашений и слов, слетевших с моих уст, и во все времена буду соблюдать их. Я клянусь, что забочусь сейчас и впредь буду заботиться о благе вашего владычества, что не допущу и мысли о ненависти и коварстве по отношению к вам, но останусь верен заключенным мною соглашениям, никоим образом не преступлю данной вам клятвы, не откажусь от обещаний и не буду замышлять ничего недружелюбного — ни я сам, ни все те, кто находится в моей власти и входят в состав моего воинства. Но мы облачимся в доспехи и выступим с оружием и копьями в руках против твоих врагов, а твоим друзьям протянем руку. Я буду всегда мыслить и поступать на благо и ради чести Ромейского государства. Пусть мне помогут в этом бог, крест и святые евангелия».

Такое было записано, и даны клятвы в присутствии поставивших свои подписи свидетелей в сентябре месяце второго индикта в конце 6617 года...

КНИГА XIV

1. Таким образом исполнилось желание самодержца, и Боэмунд заключил приведенное выше письменное соглашение, поклявшись евангелием и копьем, которым безбожники пронзили бок нашего спасителя. Затем Боэмунд обратился с просьбой позволить ему вернуться на родину, а всех своих воинов поручил власти и усмотрению самодержца, попросив щедро снабдить их всем необходимым и разрешить перезимовать в пределах Ромейской державы; когда же кончится зима и они придут в себя от многих и тяжелых трудов, позволить им отправиться туда, куда они пожелают. Это попросил он и сразу же склонил самодержца к своим просьбам. Боэмунд был возведен в сан севаста, получил много денег и отправился обратно к своему войску. Боэмунда сопровождал Константин Евфорвин, по прозванию Катакалон, который должен был уберечь Боэмунда от наших воинов, а главное, позаботиться об удобном и безопасном месте для войскового лагеря, выслушать и удовлетворить просьбы воинов. По прибытии в лагерь Боэмунд передал войско людям, специально с этой целью направленным самодержцем, взошел на монеру и отправился в Лонгивардию. После этого он прожил не более шести месяцев и разделил общую участь...

3. Как снежные вихри, заботы одна за другой обрушивались на императора: на море властители Пизы, Генуи и Лонгивардии готовили флот для опустошения побережья, а по суше уже вновь подходил с востока к Филадельфии и приморским областям эмир Шахиншах. Поэтому Алексей решил выйти из царственного города и обосноваться в месте, откуда он мог бы вести войну на два фронта. И вот он прибывает на Херсонес, отовсюду — с суши и с моря — вызывает к себе воинов и располагает большое войско за Скамандром вплоть до Адрамития и даже Фракия. Стратигом Филадельфии был в то время Константин Гавра, и в городе находилось достаточное число людей для обороны. Стратигом Пергама, Хлиар и соседних с ними городов был полуварвар Монастра, чье имя неоднократно упоминалось в моей истории, стратигами прочих приморских городов — другие мужи, выдающиеся своей отвагой и военным опытом. Самодержец много раз приказывал им постоянно быть начеку и рассылать во все стороны наблюдателей, чтобы они узнали о набегах варваров и немедленно о них сообщали.

Обеспечив таким образом безопасность Азии, император обратился к войне на море и приказал морякам завести корабли в гавани Мадита и Кили, неусыпно стеречь пролив и в ожидании франкского флота бдительно охранять морские пути; в это время другие моряки должны были плавать вокруг остро-

вов, охранять их и вместе с тем не упускать из виду Пелопоннеса, надежно охранять его.

Собираясь задержаться на некоторое время в этих краях, император велел построить для себя в удобном месте жилище и провел там зиму. Когда флот, снаряженный в Лонгивардии и других областях, отчалил и вышел в море, его командующий отобрал пять диер и отправил их для захвата пленных и добычи сведений о действиях императора. Но по прибытии в Авид оказалось, что лишь одна диера вернулась назад, а остальные были захвачены вместе с гребцами. Благодаря этой диере командующие упомянутыми флотами получили сведения о самодержце и узнали, что он тщательно укрепил подступы с моря и с суши и проводит зиму на Херсонесе, чтобы вдохнуть мужество в сердца своих людей. Не будучи в состоянии противостоять ухищрениям самодержца, они повернули кормила кораблей и направились в другую сторону.

Однако некий кельт из числа пливших вместе с командующими на своем корабле, весьма быстроходной монере, отделился от остального флота и направился к Балдуину. Он нашел Балдуина осаждающим Тир, рассказал ему о тех действиях самодержца, о которых говорилось выше (думаю, что он отправился с согласия командующих), и сообщил, что ромейский флот, как уже было сказано выше, захватил посланные на разведку дромоны. Без краски стыда он также сообщил Балдуину, что предводители кельтского флота, видя готовность самодержца к бою, повернули назад, ибо сочли, что лучше отступить ни с чем, нежели потерпеть поражение в сражении с ромейским флотом. Вот что сказал Балдуину этот кельт, охваченный дрожью и еще не избавившийся от страха перед ромейским флотом. Такие события произошли с кельтами на море.

Но на суше бедствия не миновали самодержца и несчастья не прошли мимо него. Дело в том, что некий Михаил из Амастриды, правитель Акруна, замыслил мятеж, захватил город и стал безжалостно опустошать соседние земли. Узнав об этом, самодержец выслал против него Георгия, сына Декана, во главе изрядного войска. После трехмесячной осады Георгий захватил город и немедленно отправил мятежника к самодержцу. Самодержец поручил командование крепостью другому, а Михаилу, нахмутив брови, пригрозил суровыми карами и, вынеся для виду смертный приговор, вселил ужас в этого человека; вскоре, однако, он избавил воина от страха. Еще не успело солнце скрыться за горизонтом, как узник оказался свободным и, приговоренный к смерти, получил бесчисленные дары. Таковую доброту мой отец-император проявлял постоянно, и тем не менее позже он встретился со всеобщим недоброжелательством; так, некогда и творец всего сущего, господь, пролил в пустыне дождь манны,

накормил людей в горах, провел их, не обмочивших и ног, по морю, а позже был отвергнут, испытал издевательства, побои и в конце концов был осужден на крест безбожниками. Но, повествуя об этом, я исторгаю из себя слезы прежде слов и испытываю мучительное желание рассказать о недоброжелателях императора и перечислить их имена, однако я унимаю свой язык и бьющееся сердце и непрестанно повторяю про себя слова поэта: «Сердце, смирись: ты гнуснейшее вытерпеть силу имело». Вот что хотела я рассказать об этом бессовестном воине.

Между тем часть войска, отправленного султаном Шахиншахом, двигалась через район Синая, а часть шла по территории, называемой собственно Азией. Константин Гавра, в то время правитель Филадельфии, узнал об этом, вместе со своим войском подошел к Кельвиану и встретил там варваров. Он сам первый во весь опор бросился на варваров, приказав остальным следовать за ним, и одержал победу. Султан, пославший турок, узнал о поражении столь многочисленного войска и отправил послов с предложением мира, заверяя самодержца, что всегда желал мира между мусульманами и ромеями. Султан давно слышал о доблести, которую самодержец проявлял в борьбе с врагами, а теперь, испытав ее на себе и узнав «по кромке ткань» и «по когтям льва», был вынужден идти на заключение мирного договора.

Когда послы из Персии прибыли, император с грозным видом воссел на троне, а командиры выстроили в ряд воинов, собранных из разноязыких стран, и варваров-секироносцев и подвели послов к императорскому трону. Алексей задал им полагающиеся в таких случаях вопросы о султанах, выслушал, что султан передал ему через послов, и признался, что с радостью заключил бы мир со всеми. Он расспросил послов о предложениях султана, нашел, что не все его требования приемлемы для Ромейской державы и, стараясь придать своим словам наибольшую убедительность, в длинной речи удачно возражал послам и убеждал их пойти навстречу его желаниям. Затем он отпустил послов в приготовленную палатку, предложил им подумать и обещал назавтра заключить договор, если они всей душой согласятся с его доводами. Так как послы, по видимому, с готовностью приняли предложения самодержца, на следующий день был заключен договор. Император думал не только о себе, но и о Ромейской империи. Алексей заботился об общем благе больше, чем о своем, и во всех действиях имел в виду пользу для ромейского скипетра; он желал, чтобы соглашение оставалось в силе и в будущем, после его смерти. Однако самодержец не достиг цели: после его смерти все изменилось и пришло в замешательство. Но в то время недовольство улеглось, и все шло к прочному миру. С ...

и до конца века Алексея мы жили в мире; но все блага исчезли вместе с императором, и все старания Алексея оказались после его смерти напрасными из-за тупоумия тех, кто наследовал скипетр.

7. Таким образом это произошло, и Константинополь наполнился слухами о подвигах императора. И действительно, с какими только бедствиями, посланными судьбой во вред ему и Ромейскому государству, не встретился император! В каких несчастиях не побывал! Но его добродетель, бдительность и энергия были опорой и защитой против всех бед. Ни одному из императоров, от древних до нынешних, не приходилось сталкиваться со столь запутанными делами, с такой испорченностью нрава самых различных людей, с какими, как мы видели, встретился самодержец в своем государстве и за его пределами. Может быть, дела ромеев находились в столь плачевном состоянии по божьей воле (ведь я не склонна связывать нашу судьбу с движением звезд), может быть, Ромейская держава оказалась в таком тяжком положении из-за безрассудства прежних императоров, во всяком случае во время правления моего отца происходило множество бедствий и неурядиц. В один и тот же момент ополчились на него скиф с севера, кельт с запада, исмаилит с востока; не говорю уже об опасностях, подстерегавших его на море, о варварах, господствовавших на море, и о бесчисленных пиратских кораблях, построенных гневом сарацин или воздвигнутых корыстолюбием ветонов и их недоброжелательством к Ромейской державе. Все они с вождедением смотрели на Ромейскую империю. Ведь по своей природе империя — владычица других народов, поэтому ее рабы враждебны к ней и при первом удобном случае один за другим — с моря и с суши — нападают на нее. Прежде, до нашего правления, положение не было столь трудным и тяжелым, но как только на императорскую колесницу взошел мой отец, тотчас отовсюду хлынули потоки бедствий: пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена.

Может быть, кто-нибудь, кому попадет в руки моя история, прочтя эти слова, скажет, что мой язык подкуплен природой? Клянусь теми опасностями, которые испытал император ради благоденствия ромеев, клянусь трудами и страданиями, которые он вытерпел ради христиан, что я говорю и пишу это не ради лести отцу. Ведь, когда я вижу промахи своего отца, я преступаю закон природы и придерживаюсь истины, ибо считаю, что как мне ни дорог отец, но истина дороже. Как некогда сказал один философ, из двух друзей лучше предпочесть истину. Я следую за самым ходом вещей, рассказываю и повествую о событиях, ничего не прибавляя от себя и ничего не опускаю. Доказательство

этому налицо: я описываю события не тысячелетней давности. До сих пор живут и здравствуют люди, знавшие моего отца; они рассказывают о нем, и от них я почерпнула немало для моей истории, одни помнят и рассказывают одно, другие — другое, но все они согласны между собой. Да и сама я в большинстве случаев находилась с отцом и сопутствовала матери; мне не пришлось жить домоседкой, наслаждаясь тенью и роскошью. Клянусь моим господом и божьей матерью, с самых пеленок на меня обрушились страдания, горести и бесконечные несчастья как внешние, так и внутренние. Умолчу о своих телесных недугах: пусть расскажут о них слуги женской половины.

Но чтобы описать беды, обрушившиеся на меня, когда мне не было и восьми лет, чтобы перечислить, скольких врагов родила мне человеческая испорченность, нужна прелесть Исократы, велеречивость Пиндара, стремительность Полемона, Каллиопа Гомера, лира Сапфо или что-нибудь еще более действенное. Не было бедствий, ни малых, ни больших, ни близких, ни дальних, которые сразу же не обрушились бы на меня. С тех пор и поныне поток несчастий затопляет меня; до настоящего времени, когда я пишу это сочинение, бушует море бедствий, и одна за другой набегают волны.

Однако незаметно для себя я увлеклась рассказом о своих страданиях. Теперь же, осознав это, я возвращусь, как бы отплыв назад, к моей первоначальной теме. Как говорилось, то, о чем я повествую, частично было известно мне самой, частично я различными способами узнала от тех, кто участвовал в походах вместе с самодержцем и с оказией пересылал нам сведения о событиях войны, но чаще я сама слышала рассказы самодержца и Георгия Палеолога. Таким путем я получила много сведений, однако главным образом я собрала их во время правления третьего императора после моего отца, когда уже не было лжи и лести к его деду — ведь все льстят тому, кто в настоящее время восседает на троне, а перед умершим не заискивают, говорят голую правду и передают все как было.

Скорбя о собственных несчастьях, оплакивая трех императорских особ: отца-самодержца, госпожу мать-императрицу и, о горе, своего супруга-кесаря, я держусь вдали от жизни и посвящаю себя книгам и богу. Доступ ко мне закрыт даже людям низкого звания, не говоря уже о близких моего отца и о тех, от которых я могла бы узнать то, что им случилось услышать от других. Клянусь душами блаженных самодержцев, вот уже тридцатый год, как я не видела людей моего отца, не встречалась и не беседовала с ними, ибо одни из них умерли, другие [из-за неустойчивого положения вещей] боятся. Властители осудили меня на чрезвычайно нелепое положение: видеть меня никто не может,

а ненавидят многие. Что же касается полученных мною исторических сведений, то, свидетель бог и его всевышняя мать — моя госпожа, я собрала их из простых, совершенно безыскусных сочинений и узнала от стариков, которые были воинами в то время, когда мой отец взял в свои руки ромейский скипетр, но, встретившись с несчастьями, сменили мирские волнения на мирную монашескую жизнь. Попавшие в мои руки сочинения обладают простым, незатейливым слогом, придерживаются истины; написаны они без всяких ухищрений и риторической выпренности. Рассказы стариков по своему языку и смыслу были такими же, как эти сочинения. По ним судила я об истинности своей истории, сравнивая и сопоставляя свое повествование с их рассказами, а их рассказы с тем, что я нередко слышала от своего отца и от дядей с отцовской и материнской стороны. Из всего этого и выросло древо истины ...

Усмирив внешних врагов и подавив восстания тиранов, Алексей обратил свое внимание на суды и законы, ведь он великолепно разбирался как в военных, так и в мирных делах. Он улаживал дела сирот, охранял права вдов, сурово относился ко всякой несправедливости и лишь изредка позволял себе отдых на охоте и в часы досуга. Кроме всего прочего, он поступал как истинный философ и в другом отношении: он обуздывал свое тело и делал его покорным своей воле. Большую часть времени он отдавал трудам, а затем отдыхал от трудов. Но досуг был для Алексея тоже трудом: он состоял в чтении и изучении книг и в строгом следовании завету «исследуйте писания». Охота и игра в мяч имели для моего отца второстепенное и третьестепенное значение еще тогда, когда он был молод и это чудовище, болезнь ног, подобно извивающейся змее, не набросилось на него и, как говорится в проклятии, не ужалило его в пятку. Когда же болезнь началась и стала развиваться, Алексей увлекся гимнастическими упражнениями, верховой ездой и другими забавами; в этом отношении он следовал наставлениям врачебной науки, согласно которой от постоянной верховой езды рассасывается стекающая жидкость и облегчается тяжесть, давящая на тело. Как я говорила выше, эту болезнь мой отец приобрел не по какой иной причине, как из-за трудов и страданий, принятых им на себя ради славы ромеев.

КНИГА XV

3. ...Я полагаю, что мужество в том и заключается, чтобы с умом добиваться победы, ведь отвага и энергичность без разума — качества отрицательные: это дерзость, а не храбрость. Мы проявляем храбрость в посильной борьбе и дерзость — в непосильной. Так что, когда опасность нависает над нами, (мы избегаем) открытого сражения и в этом случае ведем войну другого рода, и стараемся одолеть врага без помощи оружия. Первой доблестью полководца явля-

ется умение добиться победы, не подвергая себя опасности. «Так и возница искусством одним побеждает возницу», — говорит Гомер. Победу, связанную с опасностью, имеет в виду и поговорка «кадмова победа». Мне кажется вполне разумным также и во время самой битвы применять военные хитрости и каверзы, если только войско по своей силе уступает вражескому. Каждый желающий может почерпнуть из истории, что победы бывают не одинаковы и не единообразны, а издавна и поныне достигаются различными способами, так что победа одна, средства же, которыми ее завоевывают полководцы, различны и многообразны по своей природе. Одни из некогда прославленных полководцев, по видимому, побеждали противников при помощи силы, другие для достижения победы нередко прибегали к иным средствам. Что же касается моего отца-императора, то иногда он побеждал противников силой, иногда умом, а случилось, что в ходе самой битвы выдумывал какой-нибудь хитрый план, отважно осуществлял его и добивался победы. То прибегая к военной хитрости, то действуя силой, он нередко совершенно неожиданно воздвигал трофеи. Ведь это был человек, менее чем кто-либо другой боявшийся опасностей, и опасности постоянно подстерегали его, но в одних случаях он встречал их с открытой головой и вступал в бой с варварами, в других притворялся, что уступает врагу, и делал вид, что боится, если, конечно, в этом была необходимость и этого требовали обстоятельства. Коротко говоря, он побеждал, отступая, и брал верх, преследуя; падая и низвергая, он подобно триболе всегда принимал прямое положение.

Вновь заговорив об этом, я хочу отвести от себя упрек в хвастовстве; как я неоднократно говорила в свое оправдание, эти слова рождает не преданность отцу, а существо дела. Разве интересы истины мешают мне одинаково любить отца и истину? Ведь я решила писать правду и к тому же правду о доблестном муже. Если же случилось так, что он оказался отцом автора, то пусть его имя войдет в мое сочинение как нечто побочное, а повествование придерживается природы истины. Ведь я уже имела случаи проявлять любовь к отцу и этим заточила копья и наострила мечи многих своих врагов. Об этом знают те, кому знакомы мои дела. Но в историческом сочинении я не преступлю границ истины. Одно время — для дочерней любви, и тогда я проявила мужество, другое — для истины, и если оно наступило, я не стану им пренебрегать. А раз, как я сказала, и это время выдает во мне любящую дочь, то я не хотела бы, чтобы людское недоброжелательство затемнило истину. Однако вернемся к нити моего повествования.

7. ...После того как ромеи прибыли в Филомилий, повсюду, как говорилось выше, освободили тех, кто находился под владычеством варваров; поме-

стив пленных, женщин, детей и всю добычу в центр строя, они двинулись в обратном направлении медленно, ступая ленивым «муравьиным» шагом. Многие были больны, многие женщины беременны; если одна из них собиралась рожать, то по знаку самодержца раздавался сигнал трубы, который заставлял всех застыть на месте, и тотчас весь строй останавливался. Как только самодержец узнавал, что роды кончились, раздавался другой необычный сигнал — призыв к выступлению, который побуждал всех продолжать путь. Если же кто-нибудь находился при смерти, то происходило то же самое: самодержец сам приходил к умирающему и призывал к нему священников пропеть отходный молебен и причастить умирающего. Таким образом, над умирающим совершались все полагающиеся обряды, и самодержец не позволял строю двинуться ни на шаг до тех пор, пока тело не клали в гроб и не хоронили. Когда же наступало время завтрака, Алексей призывал к себе женщин и мужчин, ослабевших от болезней или старости, отдавал им большую часть пищи и заставлял поступать так же своих сотрапезников. И напоминала его трапеза некое божественное пиршество — не было во время нее никаких музыкальных инструментов, ни флейт, ни тимпанов и вообще никакой назойливой музыки.

Взяв на себя заботу об этих людях, он по прибытии на Дамалис (дело было вечером) отказался от торжественного въезда в город, не пожелал ни императорской процессии, ни театральной пышности, а, как это и было нужно, назначил на следующий день переправу войска. Взойдя на монеру, он в час, когда зажигаются светильники, прибыл во дворец.

На следующий день он целиком ушел в заботы о пленных и чужеземцах. Детей, лишившихся родителей, испытывающих горечь сиротской доли, он отдал своим родственникам и другим людям, известным ему своей благочестивой жизнью, а также игуменам святых монастырей. Он приказал им воспитывать этих детей не как рабов, а как свободных, обучая их всем наукам и знакомя со священным писанием. Некоторых же детей он отдал в приют, который сам учредил, сделав из него скорее школу для желающих учиться. Руководителям этого приюта он наказал давать детям общее образование. В прилегающей к акрополю части города, там, где находится выход к морю, Алексей нашел огромной величины храм великого апостола Павла и соорудил там второй город — внутри царицы городов. Храм наподобие акрополя стоял на самом высоком месте города...

8. Затем, на ... году его царствования, появилась громадная туча еретиков. Это был новый вид ереси, ранее незнакомый церкви. Соединились между собой два издавна известные злейшие и мерзостнейшие учения: нечестивость манихе-

ев (так их можно называть), которую мы именовали также павликианской ересью, и бесстыдство мессалиан. Это и было учение богомилов, образовавшееся от слияния мессалианской и манихейской ереси. По всей видимости, оно существовало еще до вступления моего отца на престол, но не обнаруживало себя — ведь племя богомилов весьма искусно умеет облачаться в личину добродетели. Человека со светской прической не увидеть среди богомилов: зло скрывается под плащом и клобуком. Вид у богомила хмурый, лицо закрыто до носа, ходит он с поникшей головой и что-то нашептывает себе под нос. Но сердцем он — бешеный волк. И вот это-то опаснейшее племя извлек, как извлекают тайными заклинаниями притаившуюся в норе змею, и вывел на свет мой отец. Он отложил свои многочисленные заботы о западных и восточных делах и обратился к вопросам духовного свойства. Ведь Алексей во всех отношениях был выше всех: в искусстве обучения он достигал больших успехов, чем профессиональные учителя, в битвах и походах превосходил тех, кто вызывал восхищение воинской доблестью.

Слух о богомилах уже разнесся повсюду. Был некий монах Василий, который весьма ловко распространял нечестивое учение богомилов. У Василия было двенадцать учеников, которых он именовал апостолами; он привлек к себе также и учениц — женщин, безнравственных и мерзких, и повсюду, таким образом, сеял заразу. Как огонь, охватывало зло многие души. Не вынесла этого душа императора, и он занялся расследованием ереси. Некоторые из богомилов были доставлены во дворец, и все они называли Василия учителем, главой и руководителем богомильской секты. Один же из них, некий Дивлатий, на допросе не хотел сознаться и лишь после того как был подвергнут пыткам показал на упомянутого Василия и на тех, кого тот избрал себе апостолами. Многим лицам поручил самодержец розыски Василия, и вот объявился главный служитель Сатанаила Василий — человек в монашеском одеянии, с иссохшим лицом, безбородый, высокого роста, весьма ловкий в распространении нечестивого учения.

Самодержец, желая убеждениями принудить Василия раскрыть перед ним свои самые затаенные мысли, призывает его к себе, воспользовавшись благочестивым предлогом. При появлении Василия Алексей поднялся с места, посадил его возле себя и разделил с ним трапезу, затем, опустив леску и насадив на крючок приманку, он дал проглотить ее прожорливому чудовищу. Весь яд влил он в глотку этого мерзкого монаха. Вместе с тем он всяческим образом делал вид, что хочет стать его учеником, и не только он сам, но и его брат — севастократор Исаак. Алексей притворился, будто готов принять слова Василия за глас божий и полностью подчиниться ему, если только мерзейший Василий позабо-

тится о спасении его души. «Почтеннейший отец (император обмазал сладостью чашу, чтобы одержимый бесом изрыгнул свою желчь), — говорит он, — я восхищаюсь твоей добродетелью и желаю познать проповедуемое твоей святостью учение, ибо наше, можно сказать, плохо и не ведет к добродетели». Василий сначала притворялся: будучи настоящим ослом, он напяливал на себя львиную шкуру и не поддавался на эти речи, тем не менее он возгордился от почестей — ведь император даже посадил его с собой за стол. Во всем помогал Алексею и вместе с ним устраивал эту инсценировку его брат — севастократор. В конце концов Василий выложил учение своей секты. Каким образом это происходило?

Помещение, где находились императоры вместе с этим негодяем, открыто говорившим и выкладывавшим все, что у него было на душе, отделялось от женской половины занавесом; за этим занавесом писец и записывал все, что говорилось. Болтун разглагольствовал, как учитель, император изображал из себя ученика, а в это время секретарь записывал поучения Василия. Все — дозволенное и недозволенное — говорил этот богомерзкий муж, не умолчав ни об одной из своих богопротивных догм. Он с презрением отзывался о нашем богословии, клеветал на все церковное управление и, о ужас, святые храмы именовал храмами бесов; он также порицал и объявил дурным почитание тела и крови того, кто был первым архиереем и первой жертвой.

Что же дальше? Император сбрасывает маску и поднимает занавес. Собрался весь синклит, сошлось воинство, присутствовало и высшее духовенство. На патриаршем троне царицы городов восседал тогда блаженнейший среди патриархов кир Николай Грамматик. Огласили богопротивное учение Василия — улики были неопровержимыми. Обвиняемый ничего не отрицал, но сразу же вступил в открытый спор; он уверял, что готов к огню, бичеванию и любому виду смерти — ведь эти погрязшие в заблуждении богومилы считают, что могут безболезненно перенести любое наказание, ибо ангелы якобы вынесут их из самого костра. Хотя все порицали Василия за нечестие и в том числе те, кто разделял его гибельное учение, сам он — мужественнейший богомил — оставался непреклонным. Несмотря на то, что Василию угрожал и костер, и другие беды, он не отступал от беса и находился в объятиях своего Сатанаила. В то время как Василий пребывал в заключении, император неоднократно приглашал его к себе и призывал отказаться от нечестивого учения, тем не менее тот оставался равнодушным к призывам императора...

9. ...Самодержец вызвал отовсюду учеников и единоверцев Василия — прежде всего уже упомянутых двенадцать учеников — и выяснил их образ

мыслей. Были они в полном смысле слова учениками Василия. Ведь зараза проникла и в знатные семьи и охватила множество народа. Вот почему он сразу же приговорил к сожжению всех еретиков: и корифея и хор. Когда уличенные в богомилстве были собраны вместе, одни из них продолжали отстаивать свое еретическое учение, другие полностью отказывались от него, решительно возражали обвинителям и высказывали свое отвращение к богомилской ереси. Так как самодержец не мог питать к ним доверия, то, для того чтобы какой-нибудь христианин не затесался среди богомилов, а богомил не ускользнул от него под видом христианина, он изобрел некий новый способ, благодаря которому можно было обнаружить истинных христиан.

На следующий день Алексей воссел на свой императорский трон. В тот день присутствовали многие члены синклита, священного синода и наиболее достойные из числа ученых назиреев. Все обвиняемые в богомилской ереси были выведены на середину, и самодержец приказал вновь подвергнуть допросу каждого из них. Одни признали себя богомилами и ревностно отстаивали свою ересь, другие же решительно отпирались, называли себя христианами и ничего не признавали, когда их обвиняли. Тогда Алексей, нахмутив брови, сказал: «Сегодня будут зажжены два костра, в центре одного из них в землю будет вбит крест; затем каждому будет предоставлен выбор: желающие умереть в христианской вере, отделившись от остальных, взойдут на костер с крестом, а придерживающиеся богомилской ереси будут брошены в другой костер. Ведь лучше самому умереть как христианину, чем, оставаясь жить, подвергнуться преследованиям как богомил и возмущать совесть многих людей. Итак, пусть каждый идет, куда захочет». Сообщив такое богомилам, император сделал вид, что покончил с этим делом. Обвиняемых немедленно взяли и увели, а в это время собралась большая толпа стекшегося отовсюду народа. В месте под названием Циканистр разожгли костры в семь раз, как говорит певец, сильнее, чем их обычно разжигали. Огонь поднялся до небес; в одном из костров находился крест. Так как все обвиняемые должны были быть сожжены, каждому был предоставлен выбор вступить в тот костер, который он пожелает. Те, кто придерживался православия, увидели всю безвыходность своего положения и подошли к костру с крестом, чтобы принять истинно мученическую смерть. Нечестивцы же, придерживавшиеся мерзкой ереси, обратились к другому костру. Когда они готовы были все вместе броситься в костры, присутствующие стали жалеть христиан, которые должны были стореть, и выражали сильное недовольство императором, не зная о его намерении. Но приказ императора предупредил палачей и не дал им свершить своего дела. Получив, таким обра-

зом, надежные доказательства того, кто является истинным богомилом, император отпустил с многочисленными наставлениями ложно обвиненных христиан. Богомилов же он вновь заключил в тюрьму, отделив нечестивого Василия от остальных апостолов. Некоторых из них он сам ежедневно призывал к себе, поучал, увещевал отречься от мерзкой веры, других же по его приказу ежедневно посещали наиболее достойные из священников и наставляли их в православной вере, убеждая отречься от богомильской ереси. Одни из еретиков исправились и были освобождены из-под стражи, другие в ереси окончили свою жизнь в тюрьмах, хотя и имели полный достаток в пище и одежде.

10. Василия же, как истинного ересиарха и к тому же совершенно не раскаявшегося, все члены священного синода, наиболее достойные назиреи и сам занимавший тогда патриарший престол Николай приговорили к сожжению. С ними был согласен и самодержец, который, помногу и часто беседуя с Василием, убедился в его дурном нраве и знал, что он не отрекся от ереси...

11. Но что говорить об этом? Я чувствую, что отошла от нити своего рассказа. Тема моего повествования предписывает мне двойную задачу: описать и вместе с тем оплакать все то, что пришлось претерпеть самодержцу, рассказать о его трудах и сложить скорбную песнь о том, что истерзало мое сердце. Теперь я хочу поведать о его смерти и о крушении счастья на земле. Однако мне приходят на ум некоторые из отцовских речей, которые отвлекают меня от моей истории и ввергают в скорбь и стенания. Ведь я часто слышала его речи и слышала, как он однажды прервал мою мать-императрицу, когда та велела мудрым людям рассказать в историческом сочинении потомкам о его деяниях, многочисленных подвигах и трудах. «Пусть они лучше, — говорил император, — оплакивают мою судьбу и скорбят о постигших меня бедствиях».

Не прошло и полутора лет со времени возвращения самодержца из похода, как его постигла новая страшная болезнь, которая готовила ему смертельную ловушку, а если говорить правду, — уничтожение и гибель всему. Поскольку этого требует важность моей темы и поскольку я с пеленок была любящей дочерью, я решаюсь преступить законы исторического повествования и рассказать — хотя и не испытываю большого желания это делать — о кончине самодержца.

Однажды во время конных ристаний поднялся сильный ветер, по этой причине ревматизм Алексея как бы отхлынул и, покинув его конечности, перешел в плечо. Большинство врачей вообще не подозревало о той угрозе, которая нависла над нами. Но Николай Калликл — так он именовался — стал для нас пророком страшных бедствий; он сказал, что следует опасаться, как бы бо-

лезнь, перейдя с конечностей на другую часть тела, не поставила бы под угрозу жизнь больного. Мы, однако, не могли и не желали этому поверить.

Ни один врач, кроме Калликла, не рекомендовал тогда очистить с помощью слабительного тело Алексея. Его организм не привык к слабительному и совершенно не был приучен принимать лекарства. Учитывая это, большинство врачей, и особенно Михаил Пантехн, категорически отвергали предложение очистить тело Алексея. Калликл же, предвидя будущее, решительно говорил им: «Сейчас вещество ушло из конечностей и обрушилось на плечо и шею. Впоследствии же, если его не изгнать из тела слабительным, оно войдет в какой-нибудь важный для жизни орган, а то и в само сердце, и причинит непоправимый вред». По приказу моей госпожи я присутствовала при этом разговоре, чтобы разобраться в предложениях врачей, слышала их речи и была согласна с доводами Калликла. Возобладало, однако, мнение большинства. Мало-помалу приступ ревматизма, мучивший тело императора обычное число дней, ослабел, и к больному вернулось здоровье.

Но не прошло и шести месяцев, как на императора обрушилась губительная болезнь, причиной которой, возможно, были удручавшие его повседневные дела и множество государственных забот. Я часто слышала, как он говорил императрице, жалуясь ей на свою болезнь: «Что это за недуг, затрудняющий мое дыхание? Мне хочется вздохнуть глубоко, полной грудью и избавиться от боли, мучающей мое сердце. Часто пытаюсь я это сделать, но ни разу не смог хоть немного освободиться от тяжести, гнетущей меня. Как будто огромный камень лежит у меня на сердце и прерывает дыхание, и я не могу понять причины, от которой у меня появился этот недуг. И еще я скажу тебе, дорогая моя, разделяющая со мной мои страдания и мысли: на меня часто нападает зевота, не дающая мне вдохнуть воздух и доставляющая мне страшные муки. Если ты знаешь, что это за новое несчастье постигло меня, скажи». Когда императрица слушала подобные речи и узнавала о его страданиях, то казалось, что это она сама страдает от той же болезни и это у нее перехватывает дыхание — так трогали ее слова самодержца.

Она постоянно приглашала самых сведущих врачей, заставляла их определять вид болезни и просила выяснить непосредственные и косвенные причины недуга. Они щупали его артерии, признавали, что находят в каждом ударе пульса признаки всякого рода ненормальностей, но не могли определить их причины. Врачам был известен образ жизни императора — не изнеженный, а, напротив, благоразумный, умеренный, какой ведут гимнасты и воины, при котором не могут появиться дурные соки — следствие неумеренного образа

жизни. Поэтому они объясняли стеснение в его груди другой причиной, считая, что непосредственным источником его болезни являются не что иное, как тяжкие заботы и постоянные непрерывные горести, из-за которых его сердце разогревается и притягивает к себе из всего тела излишнее вещество. Поэтому-то страшная болезнь и обрушилась на самодержца, не дает ему передышки и как петля душит его.

С каждым днем болезнь становилась все сильнее и нападала на него не через определенные промежутки времени, а постоянно и непрерывно, так что самодержец уже не мог ложиться на бок и был не в состоянии без усилий вдыхать воздух. Тогда были вызваны все врачи, и болезнь императора стала предметом их изучения. Они разошлись между собой во мнениях, каждый ставил свой диагноз и старался в соответствии с ним лечить больного. Как бы то ни было, состояние самодержца оставалось тяжелым. Ни одного вдоха не мог он сделать свободно. Чтобы вообще иметь возможность дышать, он должен был все время сидеть прямо, если же он ложился на спину или на бок, то, увы, наступало удушье. И малого количества воздуха не мог он втянуть при вдохе или выпустить при выдохе. Даже когда сон из сострадания спускался к нему, то и тогда испытывал он удушье. Так что все время — и когда он бодрствовал и когда спал — угроза удушья висела над ним...

Петля как бы следовала за самодержцем, вернее, она сопутствовала ему и не переставая душила. Так как не было никакого средства против этой болезни, император удалился в южную часть дворца. Когда он чувствовал стеснение в груди, он находил единственное облегчение в движении. Императрица сумела сделать это движение непрерывным: прикрепив к императорскому ложу с обеих сторон — у головы и ног — деревянные ручки, она велела слугам высоко над полом носить ложе и, сменяя друг друга, пещься о самодержце.

Затем самодержец перешел из Большого дворца в Манганы. Но и это ничего не дало для спасения императора. Видя, что болезнь постоянно возвращается, и потеряв всякую надежду на помощь от людей, императрица еще усердней стала обращаться с мольбой к богу. В каждом храме она велела зажечь множество свечей и непрерывно исполнять гимны, она делала подарки жителям всех внутренних и приморских областей, побуждала к усердным молитвам монахов, которые обитали в горах и пещерах или в других местах и вели отшельническую жизнь, просила молиться о самодержце всех болящих, содержащихся в тюрьмах, и несчастных, которые благодаря ее дарам стали богатейшими людьми.

...Бедствия одно за другим обрушивались на нас в то время. Ни эскулапы, ни мы, хлопотавшие вокруг самодержца, ни ... не знали, куда обратить свои взоры; все говорило о близкой гибели. Все остальное время прошло для нас в волнениях и бурях; устоявшийся порядок расшатался, ужас и опасность нависли над нами. Августа всегда проявляла мужество перед лицом опасности, а в то время вела себя особенно мужественно: она подавляла свои страдания и стояла, как олимпийский победитель, борясь с жесточайшей болью. Видя самодержца в таком состоянии, императрица терзалась душой и мучилась сердцем, но напрягала волю и стойко переносила бедствия; она была смертельно ранена, страдания проникали до мозга костей, тем не менее она не поддавалась горю. И все же слезы катились из ее глаз, красота ее лица увяла, и душа еле держалась в теле...

Император, хотя и находился при смерти, и страдания одолевали его, был как бы сильнее смерти, <...> он проявлял заботу об императрице и вместе с одной из своих дочерей старался унять ее волнение. Это была его третья дочь — порфирородная Евдокия. Мария же делала то же, что и та, другая Мария, но в отличие от нее, она сидела не в ногах, а у изголовья моего господина и, желая облегчить его страдания, давала ему пить воду, но не из чаши, а из кубка, чтобы ему было легче глотать — ведь у Алексея были воспалены нёбо, язык и горло. Тогда император обратился с твердыми, мужественными и, увы, последними своими увещеваниями. «Что ты, — сказал он, — изводишь себя горем по поводу моей кончины, зачем ты заставляешь меня заранее переживать грозящую мне смерть? Почему ты не подумаешь о себе и об ожидающих тебя бедствиях, вместо того чтобы погружаться в море печали, нахлынувшее на тебя?» Вот что он сказал императрице и еще более разбередил ее рану.

Я со своей стороны делала все, что можно, и, клянусь всеведущим богом перед лицом своих еще здравствующих друзей и будущих читателей моего сочинения, что ничем тогда не отличалась от помешанных, целиком отдавшись своему страданию. Я забросила тогда и философию и науку: то я ухаживала за отцом — наблюдала за биением пульса и прислушивалась к его дыханию, то занималась матерью, в которую старалась вдохнуть силы.

Но <...> области совершенно неизлечимы ... самодержец не мог очнуться из последнего обморока, и душа Августы рвалась последовать за ним. Так была <...> и на самом деле, говоря словами псалма, «Объяли меня муки смертные». И я почувствовала тогда, что лишаясь рассудка <...> я сходила с ума и не знала, что со мной будет и куда мне обратиться, видя императрицу, погруженную в море бедствий, и самодержца с его непрерывными обмороками, двигающего-

ся к концу своего жизненного пути. Придя в себя после второго обморока, благодаря моей любимой сестре Марии, которая брызгала ему в лицо холодной водой и розовыми духами, самодержец отдал императрице те же приказы. Затем он упал в третий обморок <...> и перестановка императорского ложа, казалось хлопотавших вокруг него и меня и мы переместили прикованного к постели самодержца в другую часть пятиэтажного здания в надежде, что он вдохнет свежего воздуха и очнется из обморока. Эта часть дворца выходила на север, и комнаты не были дверьми.

Тем временем наследник престола уже тайно явился в предназначенную для него комнату; узнав о ... императора, он поторопился с выступлением и поспешил в Большой дворец. В это время город <...> пришел в волнение, но не совсем <...> Императрица же сказала сквозь рыдания: «Пусть провалится все — диадема, империя, власть, владычество, троны, господство; начнем скорбный плач». И я, забыв обо всем на свете, зарыдала вместе с ней, заплакали и <...> рвали на себе волосы и выпускали скорбные крики. Но мы привели ее в чувство. Император находился при последнем издыхании и, как говорится, уже выпускал дух. Императрица, еще одетая ... и пурпурные сандалии, бросилась на землю у изголовья Алексея <...> терзалась и не знала как <...> воспаление сердца. В это время возвратились пульс императора <...> биение артерии <...> но, скрыв всю серьезность положения, внушили всем окружающим добрые, но ничем не оправданные надежды. Они сделали это с определенным умыслом, ибо знали, что, как только уйдет из жизни император, испустит дух и императрица. Но императрица со своим здравым умом не знала, верить ей или не верить. Она хорошо знала их искусство, верила им и в то же время не могла поверить, ибо видела, что жизнь самодержца «на мечном острие распростерта»; не зная, к чему склониться, она нередко обращала свой взор на меня и, как это она постоянно делала в критические моменты, просила оракула и ждала, что я ей возведу.

Моя госпожа и самая любимая из моих сестер Мария, украшение нашего рода, женщина твердого характера, воплощение всех добродетелей, стояла между самодержцем и императрицей и рукой то и дело мешала смотреть на самодержца. Я вновь положила свою правую руку на кисть императора и наблюдала за пульсацией крови, ее же, то и дело хватавшуюся руками за голову... покрывало (в этих обстоятельствах она намеревалась сбросить с себя императорское одеяние) столько раз я удерживала ее ощущая пульс. Но я ошиблась ибо то, что показалось мне ... было не силой но так как дыхания большая работа артерии и легких прекратилась. Отняв руку от тела самодержца, и к императрице вновь положила руку на кисть удушье. Она несколько раз делала мне знаки,

ибо хотела, чтобы я сообщила ей о пульсе императора. Когда же я опять коснулась его кисти и поняла, что последние силы покидают Алексея и пульс исчез, я склонила голову, в бессилии и изнеможении устремила свой взор на землю, не произнося ни слова, закрыла глаза руками и, отступив назад, зарыдала. Императрица поняла, что это означает, и в полном отчаянии огласила весь дворец жалобным криком.

Но как я расскажу о бедствии, постигшем всю вселенную? Как я оплачу свои несчастья? Императрица сбросила с себя императорское покрывало, ножом под корень обрезала свои волосы, сорвала с ног пурпурные сандалии и потребовала обычные черные. Она хотела сменить также порфиру на черное платье, но под руками не было плаща. У третьей из моих сестер — уже давно встретившейся с несчастьями вдовства — были платья, подходившие ко времени и обстоятельствам. Из них императрица и взяла для себя одежду, облачилась в нее и накинула на голову простое темное покрывало. В это время самодержец отдал богу свою святую душу, и закатилось мое солнце. В ... те, кто не был подавлен горем, подняли плач, стали бить себя в грудь, испускать скорбные крики, вознося свои голоса к небу оплакивая благодетеля, все им ...

И теперь не могу понять, действительно ли я живу, пишу историю и вспоминаю смерть самодержца. Я протираю глаза, чтобы убедиться, не сон ли это; может не сон, а некое исступление, умопомешательство, странная и удивительная болезнь, постигшая меня. Как могу я оставаться в живых после его кончины и ... как я не испустила дух вместе с ним, как душа не отлетела от моего тела, как чувства не покинули меня и я не погибла. А если этого не произошло, то как я только не спрыгнула с высокой крутой скалы и не бросилась в морские волны?

Я описала свою жизнь величайшими бедствиями. Но как говорится в трагедии: «Нет такого страдания и посланного богами несчастья, груз которых я не вынесла бы на своих плечах». И действительно, по воле бога я стала средоточием всех бед. Я лишилась светоча вселенной — великого Алексея, но душа осталась хозяином моего несчастного тела. Погас и другой великий светоч, вернее, сияющая луна, гордость и слава Востока и Запада, императрица Ирина, но я живу и вдыхаю воздух. Несчастья, следовали одно за другим, удары судьбы постигали меня непрерывно, но самым тяжелым горем, которое я испытала, была смерть кесаря; и я пережила столь злосчастные события. За несколько дней болезнь взяла верх, искусство оказалось бессильным, я погрузилась в море отчаяния и была недовольна тем, что душа еще теплится в моем теле. Если бы я не была сделана из стали или какого-нибудь подобного материала и будучи чужой, я немедленно погибла бы. Но, сохраняя жизнь, я умираю тысячу смертей.

О Ниобе ... я слышала удивительные рассказы ... от горя превратившейся в камень и после превращения в бесчувственную природу ее страдания были бессмертны и в бесчувственной природе. Но я воистину еще более злосчастлива, чем она, потому что после своего последнего самого большого несчастья я осталась жить, чтобы ощутить и другие горести. Превратиться в бездушный камень лучше ... слезы текли, я осталась ... будучи, таким образом, нечувствительна к несчастьям. Пережить такие несчастья, вынести во дворце такие страшные злодеяния со стороны людей хуже несчастий Ниобы... бедствия, достигнув такой степени прекратились. После смерти императора и императрицы, гибели кесаря и этих страданий оказалось достаточно, чтобы источить мою душу и тело. Ныне подобно рекам, стекающим с высоких гор и потоки несчастий... как бы в один водяной вал... затопляющий мой дом. Но кончу свое повествование, дабы, описывая печальные события, я не пришла в еще более смятенное состояние.

(пер. Я. Н. Любарского)

Текст воспроизведен по изданию: Анна Комнина. Алексиада. СПб.: Алетейя, 1996. С. 54–433.

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

ХРОНОГРАФИЯ

ЗОЯ И ФЕОДОРА. КОНСТАНТИН IX

I. Итак, царская, власть перешла к двум сестрам, и впервые наше время стало тогда свидетелем превращения женских покоев в царский совет. Гражданские и военные согласно признали над собой власть женщин и подчинились им с большей охотой, чем если бы ими стал сурово повелевать какой-нибудь степенный муж.

Я не знаю другого рода столь же любезного Богу, и, думая об этом, удивляюсь, как могло случиться, что корень их древа утвердился и возрос не по закону, но кровью и убийствами, само же древо пышно расцвело и дало прекрасные побеги, каждый с царским плодом, несравненным по красоте и величине. Но это только отступление от моего повествования.

II. Поначалу сестры решили царствовать сами, не стали назначать новых правителей и немедленно вводить новшества в установившиеся порядки. Они только сместили с постов родственников узурпатора, остальных же людей, им

верных и с детства преданных, оставили на государственной службе. А те, опасаясь навлечь на себя в будущем обвинения в неоправданных нововведениях, неразумных решениях и незаконных действиях, усердно занимались военными и гражданскими делами и оказывали должные почести им обеим.

III. Царские церемонии они обставляли для сестер так, как это было в обычае и при прежних самодержцах. Обе царицы восседали на царском троне как бы в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону Феодоры, рядом стояли равдухи, воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой на правом плече, подальше — самые преданные царю люди и распорядители; их окружала другая стража, рангом пониже первой, самой верной, все с почтительным видом и потупленными взорами; за ними располагался совет и избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, выстроенные по рядам и на определенном расстоянии друг от друга. Тут все и происходило: разрешение тяжб, споры по казенным делам, назначение податей, прием послов, прения, соглашения и все прочее, что было предметом царских забот. Речи держали большей частью должностные лица, но при необходимости и сами царицы спокойным голосом отдавали приказания или отвечали на вопросы, иногда следуя наставлениям сведущих людей, иногда по собственному разумению.

IV. Тем, кто их не знал, хочу поведать и о характерах обеих цариц. Старшая, Зоя, была в мыслях скорой, а в речи медлительной. Феодора же — как раз наоборот: решения принимала медленно, но, начав говорить, разглагольствовала уверенно и живо. Зоя не отступала от своей воли, и рука ее была готова с одинаковой легкостью дарить и то, и другое, я говорю о жизни и смерти, и была она в этом деле, как волны морские, поднимающие корабль ввысь и вновь бросающие его в пучину. О Феодоре же такого сказать нельзя, — нрав у нее был спокойный и как бы немного вялый. Первая отличалась щедростью и была способна за один день вычерпать море золотых россыпей, а другая выдавала монеты по счету, ибо неоткуда было ей черпать в изобилии, да и душу в этом отношении она имела более воздержанную.

V. Поскольку цель моя ныне не славословить, а писать истинную историю, скажу прямо: ни одна из них по складу ума не годилась для царской власти, они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам большей частью примешивали женские пустяки. То, что старшая из сестер многие годы щедро многих одаривала (за это ее многие славят и поныне), дало повод хвалить ее людям, ею благодетельствованным, но именно из-за этого, а не из-за чего другого, устремилось все к гибели и ухудшилась донельзя участь Ромейской державы. Оказывать благодеяния — высшая добродетель царей. Ес-

ли это делают с разбором, если учитывают обстоятельства, положение и особенности каждого человека, такой образ действия достоин подражания; если же все это во внимание не принимается, остается одно пустое расточительство.

VI. Сестры были непохожи по характеру, а по виду различались еще больше. Старшая от природы была полнее, роста не очень высокого, с широким разрезом глаз под грозными бровями и носом с еле заметной горбинкой, волосы у нее были русые, и все тело сверкало белизной. Прожитые годы не оставили на ней много следов. Тот, кто стал бы любоваться соразмерностью частей ее тела, не зная на кого смотрит, мог бы счесть ее совсем юной: кожа ее не увяла, но везде была гладкой, натянутой и без единой морщины. Феодора же была выше ростом и более сухощавой, с маленькой головой, не подходящей к ее фигуре; была она, как уже говорилось, разговорчивей и подвижней. Взгляд Феодоры был не суров и приятен, глядела она с улыбкой и пускалась в разговоры по любому поводу.

VII. Такими были они обе характером и внешностью. Царская же власть тогда, казалось, обрела величие и еще большее достоинство: многие люди неожиданно, как на сцене, вознеслись ввысь, и раздачи производились большие, чем когда-либо, особенно благодаря Зое, которая не только отверзла все источники в царской сокровищнице, но дала излиться каждому ручейку, который там таился. Но эти богатства были не дарованы, а разграблены и расхищены, а все происходящее и высочайший взлет на самом деле оказались началом упадка и унижения государства. Но было это, как в гаданиях, доступно лишь людям проницательным.

VIII. Вознаграждения, предназначенные воинам, и средства для войска без надобности отдавались другим (я говорю о толпе льстецов и о свите цариц), будто именно ради них наполнял деньгами царскую казну самодержец Василий.

IX. Многим кажется, что окружающие нас народы только теперь впервые вдруг двинулись на нас и неожиданно вторглись в ромейские пределы, но, как мне представляется, дом рушится уже тогда, когда гниют крепящие его балки. Хотя большинство людей и не распознало начала зла, оно коренится в событиях того времени: из туч, которые тогда собрались, ныне хлынул проливной дождь. Однако довольно об этом.

Раздумья августы Зои о том, кого возвести на царский престол

X. О последующих событиях расскажу еще более правдиво и ясно. Для благородного и разумного правления и попечения о государстве нужно было немедля найти мужа доблестного и в делах испытанного, способного уразуметь

не только настоящее, но и просчеты прошлого и во что они могут вылиться, умеющего предвидеть будущее и загодя подготовиться к любым ударам и нашествиям. Однако властолюбие без властителя, мнимая свобода, безотчетность и стремление урвать себе побольше превратили мужскую твердыню дворца в женское обиталище.

XI. Но не многие люди держались тогда такого мнения. Одна за другой возникали точки зрения, иногда совпадающие, иногда противоположные: одни полагали, что власть должна принадлежать Феодоре, поскольку она — спасительница народа и не познала мужа, иным более подходящим для царства казалась другая сестра, ибо она уже и так заняла первое место и щедростью отличалась необыкновенной; так как мнения разделились, старшая сестра, заручившись поддержкой большинства, вновь взяла в свои руки всю власть и затем уже стала думать и разбираться, кто из чинов в синклите или из воинского сословия наиболее знатен родом и счастливой судьбой отмечен.

XII. Среди прочих выделялся тогда некий муж по имени Константин, вида несравненного, происходящий из знаменитой местности Даласа, который, казалось, самой природой был создан для бремени власти. Ему не исполнилось еще и десяти лет, как молва уже сулила ему высшую долю; императоры опасались Константина и закрывали ему доступ во дворец, а Михаил Пафлагонец даже заключил его под стражу из страха не столько перед ним самим, сколько перед льнувшим к нему народом — ведь при одном виде этого человека город приходил в волнение и готов был ради него на что угодно. И вот Михаил держал его в тюрьме, а воцарившийся вслед за ним племянник, едва утвердившись на престоле, лишил Константина всякой надежды на престол: облачил в монашеские одежды и отправил к черноризцам; руководили им при этом не добрые побуждения, не желание приблизить Константина к Богу, но злая воля, намерение преградить ему путь к желанной цели. Константин смирился, но тут обстоятельства снова посулили ему власть, а перед глазами встал недавний пример того, как меняют одежды: впервые царица сделала это по принуждению, а во второй раз уже сама. По какому-то случайному поводу его пригласили во дворец и представили Зое. В беседе с ней он был скуп на слова, с достоинством рассуждал о царской власти и ничем не хотел поступиться в своих благородных убеждениях. Поэтому многим он показался человеком неприятным, с тяжелым характером, вызвал к себе недоверие и не оправдал ожиданий.

XIII. Кости бросили наново. Новый избранник был не очень приметного состояния, но имел достойную и внушающую доверие внешность. Исполняя секретарские обязанности у царя Романа, он был не только полезен царю, но

и весьма любезен царице, которую в конце концов обвинили в тайной с ним связи. Роман был не слишком ревнив и потому остался глух к слухам подобного рода, но Михаил удалил его из дворца и под предлогом более высокого назначения отправил из города. Теперь Зоя вспомнила об этом человеке, он был призван во дворец и беседовал с царицей, применяясь к ее вкусам и желаниям. Все уже склонялось в его пользу, но неожиданная болезнь унесла его из жизни и разрушила все надежды.

XIV. Скипетр же был уготован сыну Феодосия Константину, последнему по порядку побегу от корня древних Мономахов. Я посвящу этому самодержцу большой рассказ, когда пушусь в плавание по морю его царствования, ибо он находился у власти дольше всех прочих царей, правивших после Василия, и совершил больше других императоров, причем кое в чем он их превзошел, а кое в чем оказался много ниже их. Ибо что мешает мне говорить истину? Сразу после его воцарения я стал его ближайшим помощником, был возведен на высшие должности, посвящен в важнейшие дела, так что хорошо знал, что он делал открыто и что вершил втайне. Вот почему повествование о нем будет длиннее рассказов о других императорах.

Каким образом император Константин был возведен на престол августом

XV. Но оставим пока это. Расскажу, как, какие причины и какие судьбы привели его к царской власти. Занимая благодаря родовитости высокое положение, обладая большими богатствами и отличаясь красотой, этот человек был для многих весьма почтенных семей завидным женихом. Сначала он женился на дочери одного очень знатного мужа, а когда жена умерла от болезни, сразу был опутан узами второго брака. Дело было так. Самодержец Роман, в то время еще человек частный, но весьма чтимый благодаря положению и ожидавшей его высокой доле, полюбил этого мужа за цветущий возраст и блестящую родословную и привил его к древу своего рода, как прекрасный черенок к плодоносной оливе. Речь идет о единственной дочери его сестры Пульхерии, состоявшей в браке с Василием Склиром (тем самым, которого позже судьба лишила глаз). Соединившись с ней, Константин благодаря такому родству вознесся над другими, но высших должностей не получил, так как приближенные самодержца Василия терпеть не могли Константина и перенесли свою ненависть на его сына. Его отец, уличенный в мятежных замыслах, как бы передал в наследство сыну ту ненависть, которую питали к нему цари, и по этой причине ни самодержец Василий, ни Константин не возводили его на гражданские должности, открестились от него и, хотя никакого зла ему не чинили, лучшей участи не достаивали.

XVI. Воцарившийся затем Роман тоже милостями его не осыпал (обманывался царь в своих суждениях!), тем не менее держал его в царском дворце, и если уж ничем другим, то свойством с Романом Константин был весьма возвышен. Его лицо цвело красотой, сам он был для нашего времени, как весенний плод, его речь была полна очарования, и он вел беседу, как никто другой. Вот почему царица его полюбила и непрестанно хотела видеть его и слышать. А он ублажал ее разными способами, искусно делал то, что, по его мнению, доставляло ей удовольствие, покорила ее окончательно и снискал ее царские милости. В них со всех сторон полетели стрелы клеветы, и их тайные беседы порой уже не приносили им прежней радости.

XVII. Поэтому он казался вероятным претендентом на престол, и Михаил, воцарившийся после Романа, относился к нему с подозрением, хотя на первых порах никак не проявлял своей ревности, был благожелателен и лишь позднее, придумав какие-то обвинения и выискав лжесвидетелей, изгнал Константина из столицы и в наказание предназначил ему для обитания остров Митилену, где тот мыкал семилетнее горе и прожил весь срок царствования Михаила. Ненависть к Константину получил в наследство и другой Михаил.

XVIII. Когда власть перешла в руки благородной царицы, она, как я уже говорил, опасаясь невзгод судьбы, искала себе поддержку не вдалеке, а вблизи, но из людей, ее окружавших, одного сочла недостойным из-за низкого звания, другого отвергла из-за бесславного рода, третьего заподозрила в коварстве. Один за другим рождались тогда всякие толки, и царица, отвергнув всех прочих, мечтала об одном лишь Константине, открылась свите и домочадцам, а когда увидела, что все они, как один, стоят за этого мужа, сообщила свою волю и высшему совету. Синклитики тоже сочли, что это решение от Бога, и Константин был вызван из ссылки.

XIX. Оттуда он выехал без всякой торжественности, но когда приблизился к городу, его ждало роскошное пристанище — был разбит царский шатер, вокруг стояла царская стража, и еще до вступления во дворец Константину была уготована торжественная и великолепная встреча. Отовсюду стекались к нему толпы людей всех возрастов и состояний, они выкрикивали славословия, и казалось, будто справлялось тогда в столице всенародное празднество, а рядом с первым и царственным возник некий другой город; городская толпа высыпала до самых стен, повсюду ликование, сборища... Когда все, как положено, было готово к его приему, Константину велели войти, и он в сопровождении торжественной процессии вступил в священный царский дворец.

XX. Общепринятых законов о браке преступать было нельзя, и патриарх Алексей их не нарушил, но под давлением обстоятельств и, можно сказать, воли Божьей уступил и, хотя сам не возложил руки на венчающихся, обнял их, уже сочетавшихся браком и обвенчанных. Не знаю уж, поступил он, как подобало священнослужителю или льстецу и применяясь к обстоятельствам.

XXI. И стало это событие для цариц концом свободной жизни и самодержавного правления, а для Константина Мономаха — началом и первой ступенью царствования. Царицы после трех месяцев совместного правления лишились власти, а Константин... но о нем подожду, скажу прежде несколько слов для внимательных слушателей.

XXVII. Многие пишущие историю царей удивляются, почему никто из императоров не пользовался до конца своих дней доброй славой, но у одних лучшими были первые годы, другие достойней вели себя к концу жизни, одни предпочитали проводить время в удовольствиях, другие же сначала решали вести себя как философы, но затем постыдно отступались от своих намерений и предавались безобразной жизни. Меня же скорее удивило бы, если бы случилось обратное. Может быть, и можно встретить, да и то в редких случаях, частного человека, жизнь которого с первого и до последнего момента шла по одной прямой линии, однако муж, сподобившийся от Всевышнего участи правителя, к тому же и живущий долгие годы, конечно, не смог бы распоряжаться властью всегда прекрасно и безупречно, и если человеку частному для добродетельной жизни достаточно природы его души и изначального жизненного состояния, ибо на его долю выпадает мало испытаний и обстоятельства не меняют его души, то как можно сказать это о царе, жизнь которого и на миг не оставляют тяжкие заботы? Она — как море, успокаивающееся и затихающее лишь на мгновенье, а в остальное время волнующееся и вздымающееся волнами, и бурлящее то от борея, то от апарктия, то от другого несущего бурю ветра, — я сам много раз видел это. Поэтому, если они недостаточно мягки, их укоряют, если уступают человеколюбию, приписывают им неведение, если беспокоятся о делах, упрекают в суетности, если они вынуждены защищать бя вводить строгости, клеветуют, что-де все это — гнев и злоба. Если что они и совершат скрытно, то скорее люди не заметят гору Афон, нежели их тайных поступков. Поэтому ничего удивительного, что безупречной жизни не было ни у одного из императоров.

XXVIII. Только моему самодержцу, и никакому другому, пожелал бы я такой доли, но не от нашей воли зависит ход событий, поэтому смилуйся надо мной, божественная душа, и если я не соблюду меры, а открыто и правдиво

расскажу об этих временах, прости мне и это. Ни об одном из твоих добрых деяний я не умолчу, все их выставлю на обозрение, но если что было тобой сказано и иного, то и это предам гласности в своем сочинении. Это — для него.

XXIX. Взяв власть в свои руки, Константин стал вершить дела без надлежащей твердости и осмотрительности. Видимо, еще до воцарения он рисовал в своем воображении картины необыкновенного и невиданного в нашей жизни блаженства, а также представлял себе перемены и перетасовки без всякого смысла и порядка, и, едва получив царство, сразу начал осуществлять свои фантазии. В то время как у Ромейской державы есть два стража — чины и деньги, а кроме того, еще и третий — разумное о них попечение и раздачи со смыслом, он сразу же принялся опустошать казну и подчистил ее до последней монетки. Что же касается чинов, то их тут же, не имея оснований, получили особенно те, кто приставал с просьбами к Константину или же вызывал его смех уместно сказанным словом. Хотя гражданские чины расположены в определенном порядке и существуют неизменные правила возведения в них, первые он смешал, другие упразднил и чуть ли не весь рыночный сброд причислил к синклиту, причем даровал эти милости не каким-то отдельным лицам, но всех скопом одним указом возвел на самые почетные должности. Поэтому поводу устроены были тогда торжества и празднества, и весь город ликовал, радуясь тому, что к власти пришел самый щедрый царь, и настоящее казалось куда лучше прошлого. Дело в том, что у людей, ведущих изнеженную жизнь в столице, мало понятия об общем благе, да и те, у кого такое понятие есть, забывают о долге, когда получают то, что им любо.

XXX. Зло, однако, стало постепенно обнаруживаться, когда столь желанные раньше блага, раздаваемые теперь направо и налево, потеряли значение для тех, кто их приобретал; но в то время это еще не доходило до сознания людей, и поэтому все расточалось и тратилось без всякой надобности. Я хорошо знаю, что это даст повод многим будущим историкам хвалить Константина, но я привык каждое дело, имеет ли оно видимость доброго или кажется дурным, не только рассматривать само по себе, но и исследовать его причины и возможные результаты, особенно если к таким мыслям побуждает предмет моего рассказа. А то, что я рассудил лучше, чем они об этом напишут, показал сам опыт.

XXXI. Такое, можно сказать, мальчишество было первым проявлением характера императора; что же касается другой его черты, то я и прежде хвалил ее в Константине и не менее высоко ценю ныне: он ни перед кем не был кичливым и грозным, не разговаривал выпендренно и заносчиво, не мстил прежним своим недоброжелателям и тем, кто вел себя неразумно при его воцарении; он про-

стил всем своим хулителям, и прежде всего примирился с теми, к кому, казалось, должен был питать больше всего зла.

XXXII. Константин был наделен истинным даром завоевывать сердца подданных, умел найти подход к каждому, всякий раз использовал средства, пригодные, по его мнению, именно для этого человека, и действовал с большим искусством, при этом не морочил людей, не разыгрывал перед ними комедий, но искренне старался доставить им приятное и таким образом привлечь их к себе.

XXXIII. Его речь была полна очарования, он охотно и часто улыбался и веселое выражение лица сохранял не только в забавах, когда это было уместно, но и во время серьезных занятий. Он сходил с людьми характера простого и не надутыми от важности. Если же кто являлся к нему, выставя напоказ душу озабоченную, делая вид, будто понимает больше других и пришел дать совет и поразмыслить вместе с царем о пользе дела, то такого человека Константин считал дурным и полной своей противоположностью, поэтому в разговорах с царем люди приспособлялись к особенностям его нрава, и если кто-нибудь приходил к нему с чем-нибудь серьезным, то дела сразу не выкладывал, но или предварял его какими-нибудь шутками, или же перемежал одно другим и как бы заставлял больного проглотить горькое лекарство, примешивая к нему сладости.

XXXIV. После многих бурь и волнений (я говорю о его страданиях в изгнании), причалив к царской гавани, Константин, казалось, очень нуждался в отдохновении и покое, и поэтому любезны ему были люди с лицом не хмурым, способные увеселить его душу своими рассказами и предвещать на будущее все самое приятное.

XXXV. Константин не слишком преуспел в науках, даром красноречия не обладал, но ревностно относился к тому и другому; со всех концов страны собрал он в царском дворце прославленных людей, в большинстве своем уже глубоких стариков.

XLVII. Этот самодержец не постиг природы царства, ни того, что оно род полезного служения подданным и нуждается в душе, постоянно бдящей о благом правлении, но счел свою власть отдыхом от трудов, исполнением желаемого, ослаблением напряжения, будто он приплыл в гавань, чтобы уже не братья больше за рулевое весло, но наслаждаться благами покоя; он передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя, а своим законным жребием счел жизнь, полную удовольствий и радо-

стей, — такие уж свойства получил он от природы и еще больше развил их в себе, ибо царская власть была для этого хорошей почвой.

XLVIII. Как первые приступы развивающейся болезни не меняют здоровый и полный сил организм, так и тогда небрежение императора едва только ощущалось, ибо царство при смерти еще не было и доставало ему и дыхания, и силы. И продолжалось это до тех пор, пока все увеличивающееся и дошедшее до предела зло не разрушило и не привело все в смешение. Но об этом еще рано. Император, который редко думал о делах, но часто об удовольствиях и развлечениях, стал причиной многих болезней в то время еще здорового тела государства.

XLIX. В значительной мере способствовал такой его неумеренности и безмерно легкомысленный нрав императриц, удовольствия и развлечения которых пришлось Константину по душе. Участие в их забавах он именовал службой и не только ни в чем не хотел им противоречить, но и сам придумывал для них всевозможные увеселения. Впрочем, когда Константином стали руководить другие побуждения, он сразу нанес царицам обиду, хотя супруга Зоя ее не заметила, — не знаю, то ли она скрывала свою ревность, то ли из-за возраста уже не питала этого чувства.

Восстание росов (и мятеж Торника)

XC. Не успели подавить мятеж, как началась война с варварами. Неисчислимое, если можно так выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду. Туча, неожиданно поднявшаяся с моря, затянула мглой царственный город. Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они без всякого повода со стороны самодержца пустились в плаванье и двинулись на нас походом.

XCI. Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами. Когда умер вселявший в них ужас самодержец Василий, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин и завершилось благородное правление, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений; когда же после недолгого правления он умер и власть перешла к неизвестному Михаилу, варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубали где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все в тайне, собрали большой флот и готовы

были двинуться на Михаила. Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть же досталась Константину, и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца.

ХСII. Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статиров на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из их кораблей. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благовидный предлог для войны. Поэтому, когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями.

ХСIII. Морские силы ромеев в то время были невелики, а огненосные суда, разбросанные по прибрежным водам, в разных местах стерегли наши пределы. Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем, выстроил их в противоположащей гавани напротив варварских челнов и сам вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противоположащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить. И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

ХСIV. Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли впе-

ред, копейщики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремилось к нашим судам. Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырявить ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись.

ХСV. В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство. Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, переместило воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбороздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузато пленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море.

ХСVІ. Разгромив таким способом варваров, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец. Все кругом говорили — я вник в эти разговоры и не обнаружил в них ничего серьезного и никаких оснований для пророчеств — итак, говорили, что царя ждут многие напасти, как внешние — от варваров, так и от своих, прежде покорных подданных, но что все они его минуют, ибо добрая судьба придет на помощь самодержцу и легко разрушит все козни. Да и сам царь с гордостью рассказывал о пророчествах и гаданиях, касавшихся его царствования, вспоминал о видениях и необычных снах, одни из которых видел сам, о других узнал с чужих слов и толкований, и говорил по этому поводу удивительные вещи. Поэтому и тогда, когда беда уже надвигалась и все остальные боялись и с ужасом ожидали будущего, он уповал на счастливый исход, умерял страхи окружающих и оставался беспечным, будто ничего дурного и не случилось.

ХСVІІ. Мне, однако, ничего не известно о пророческом даре Константина, и я отношу его поведение за счет легкомыслия и беспечности души. В самом

деле, люди осторожные и знающие, что и незначительные причины могут привести к большим несчастьям, обычно беспокоятся по любому пустяковому поводу, а коли беда уже пришла, страшатся исхода событий, пугаются каждого неприятного известия и не могут прийти в себя, даже если все снова стало хорошо. С другой стороны, люди простоватые не умеют различить начало грядущих бед, не пытаются устранить причины несчастий, но, предаваясь удовольствиям, мечтают наслаждаться ими вечно, склоняют к тому же самому всех окружающих, и, чтобы этих беззаботных не тяготили никакие заботы, предрекают им скорое избавление от неприятностей. Есть и третий, лучший род душ, которых подкрадывающаяся беда не застаёт врасплох, не оглушает гремящим со всех сторон громом, не наполняет робостью и не превращает в рабов, напротив, даже среди всеобщего отчаяния они не склоняются перед несчастьями и черпают силы не в материальной опоре, а уповая на мужество ума и высший суд. Такого, однако, мне не пришлось видеть в людях моего поколения — для нас уже и то хорошо, когда человек умеет как-то предвидеть беду, старается устранить ее причины, а если уж она пришла, защищается. Что же до самодержца, то он нередко презирал опасность и этим внушал многим мысль, что знает об исходе событий из высших источников и потому ни о чем не волнуется и не беспокоится.

СII. Неподалеку от столицы обитало тогда множество выходцев из Македонии, в большинстве своем бывших жителей Адрианополя, все люди коварные, на уме имевшие одно, а на языке другое, которые и задумать готовы были любую нелепость, и осуществить способны что угодно, искусные притворщики, а между собой верные сообщники. Самодержец считал, что лев уже укрощен и лишен когтей, и потому пребывал в беспечности, а македоняне, решив, что настал, наконец, удобный момент для восстания, которого они так долго ждали, поскольку давно были согласны в своих намерениях, коротко переговорили друг с другом, воспламенили несусветную отвагу в Торнике, утвердились в верности отважным своим планам и, выведя его ночью из города (в этом предприятии участвовало всего несколько человек, да и те — люди совершенно безвестные), отправились в Македонию. Для того чтобы преследователи не перерезали им дорогу и не настигли сзади, они каждый раз распрягали и убивали казенных лошадей. Проделав таким образом без передышки весь путь, прибыли они в глубь Македонии и, обосновавшись, будто в цитадели, в Адрианополе, сразу принялись за дело.

СIII. Им надо было собрать войско, но поскольку не было в запасе ни денег, ни чего-либо другого, что могло заставить военачальников стянуть в одно

место отряды и подчиниться воле заговорщиков, они первым делом разослали во все стороны разносчиков слухов, и те, подходя к каждому воину, уверяли, что царь уже умер, а пришедшая к власти Феодора всем другим предпочла Льва из Македонии, человека разумнейшего, деятельного и к тому же наследника славного рода. Благодаря этой уловке сочинителям выдумки удалось за несколько дней собрать войско со всего запада. Заставила же их объединиться не только эта выдумка, но и ненависть к самодержцу, который мало их ценил и уважал, относился к ним подозрительно из-за бунта, учиненного ранее, и собирался вскоре подвергнуть их наказанию. Вот почему они решили не ждать, пока на них нападут, и нанести удар первыми.

СIV. Объединившись вопреки всем ожиданиям и придя к единому мнению, они выбрали Льва царем, насколько позволила обстановка, представили церемонию провозглашения, облачили его в царские одежды и подняли на щите. Он же, получив знаки царского достоинства, вообразил, будто и на самом деле стал императором, а не просто, как на сцене, ломает комедию, и начал повелевать выбравшими его, как истинный властитель и царь, да они и сами хотели, чтобы он правил ими, как полагается. Торник не мог привлечь к себе толпу раздачами и деньгами и потому обеспечил ее послушание, снизив подати, а также разрешив отправляться в набеги и забирать себе всю добычу. Что же касается вельможных людей и синклитиков, то он разом произвел все назначения, одним доверил командование войсками, другим определил место вблизи царского трона, третьих назначил на высшие должности. Обязанности при этом были распределены по их и его желанию и в соответствии со способностями каждого. После этого Лев немедля двинулся на столицу. Таким образом, македонцы собирались предупредить намерения императора и напасть на него, прежде чем он успеет перебросить против них восточную армию. Рассчитывали они и на столичных жителей, надеясь, что те не станут помогать царю и не выступят против них; как было известно македонцам, те и сами обижались на самодержца за несправедливости, которые он начал им чинить, были недовольны его поведением, а на престоле желали бы видеть царя-воина, способного и жизнью ради них рискнуть, и варварские набеги отразить.

CV. И действительно, македонцы еще и не приблизились к стенам города, а уже примкнуло к ним по дороге множество добровольцев и явилась толпа воинов из горных областей; все жители вплоть до самой столицы сочувствовали и содействовали их намерениям. Так обстояли дела мятежников, у самодержца же все получалось не так, как надо: собрано не было ни наше войско, ни союзническое, если не считать небольшого отряда из иноземцев, который обычно

шествует в царских процессиях; что же касается восточной армии, то ее и на местах не было, и потому не могла она собраться быстро по сигналу, чтобы прийти на помощь очутившемуся в опасности самодержцу. Стояла же она в глубине Ивирии, отражая натиск какого-то варварского племени. Поэтому и пребывал царь в отчаянии и надежды питал разве что на стены, под защитой которых находился; по этой причине он и занялся ими — велел восстанавливать запущенные участки и плотно уставлять стены камнеметными орудиями.

CVI. Как раз в этот момент у царя так развилась болезнь суставов, что руки совершенно расслабли, а ноги не могли ходить и разламывались от невыносимой боли. Вконец испортился и расстроился также его желудок, и все тело Константина медленно угасало и разлагалось. Царь не мог двигаться и выходить к народу, и городской люд, решив, что он уже умер, устраивал в разных местах сборища и рассуждал о том, что нужно бежать из города и податься к мятежнику. Вот почему Константин, преодолевая себя, должен был время от времени говорить с народом или же издали показываться ему и видом своим свидетельствовать, что он жив.

CVII. В таком состоянии находился император; мятежник же вместе с войском, вихрем примчавшись к столице, расположился на ночлег перед городом, и было все происходящее не войной и противоборством, а самой настоящей осадой и приступом. Как говорили мне воины и некоторые пожилые люди, никогда прежде ни один мятежник не доходил до такой наглости, чтобы установить орудия перед городской стеной и, войском своим опоясав столицу по всей округности, нацелить луки на ее защитников. Ужас обуял всех жителей, и город, казалось, будет вот-вот сдан. Между тем мятежник, остановившийся невдалеке от стен города, разбил лагерь и торжественно там расположился, но провел в нем лишь небольшую часть ночи, а потом верхом выехал из лагеря, приказав то же самое своему войску, спешившись, прошел вперед, и наутро македонцы стояли уже перед стенами не вперемежку и не в куче, но построенные к сражению и в боевом порядке. А чтобы еще и устрашить нас, людей невоенных, были они все тяжело вооружены: те, что рангом повыше, облачились в поножи и панцири и коней своих покрыли доспехами, остальные же вооружились, кто чем мог.

CVIII. Что же до мятежника, то он на белом коне вместе с отборными всадниками и лучшей частью войска находился в самом центре строя. Окружали его легковооруженные воины — все меткоразящие, подвижные и стремительные, остальные же силы расположились по обе стороны под командой военачальников; лохи при этом сохраняли свое построение, но, чтобы строй растя-

нулся, разделены они были на отряды не по шестнадцати человек, а меньше, и потому воины стояли не плотно и не щит ко щиту. Толпа за ними казалась наблюдателям со стены огромной и бесчисленной. Эти люди тоже были разделены на отряды; они маршировали, гарцевали на конях, но производили впечатление не воинской силы, а скорее беспорядочной толпы.

СIX. О них — так. В это время оказавшийся в осаде самодержец, желая показать врагу, что он еще жив, украсил себя царскими одеждами и расположился вместе с царицами на одном из выступающих ярусов царского дворца; Константин едва дышал, тихо стонал и мог видеть только часть войска, стоявшую неподалеку и прямо перед его глазами. Приблизившись вплотную к городской стене, враги построились в боевые ряды и прежде всего обратились с речами к находившимся на стене, по порядку перечислили все беды, которые принес им Константин, и те, которые их минуют, если царя схватят, но непременно постигнут, если его отпустят. Они просили горожан открыть ворота и впустить в столицу хорошего и достойного императора, который-де и с ними обойдется человеколюбиво, и Ромейскую державу возвысит победоносными войнами с варварами.

СХ. Те, к кому обращались македонцы, в ответ не то что слова доброго не сказали, а осыпали их и их главаря самыми отборными ругательствами и оскорблениями; таким образом, расчеты мятежников на простой народ не оправдались, и они начали выкрикивать зловещие угрозы по адресу царя и то высмеивали его за его телесную немощь, то обзывали окаянным и любителем нечестивых забав, пагубой для города и гибелью для народа и добавляли еще другие несурезицы и оскорбления. Многие македонцы — а племя это самонадеянно и дерзко, приучено не столько к воинской простоте, сколько к площадному паясничанью — сошли с коней, на виду у всех устроили хоровод и стали разыгрывать сочиненные тут же комические сценки про императора, при этом притоптывали ногой в такт песне и пританцовывали. Царь видел их кривляния, слышал крики (стоя рядом с Константином, я то ужасался их речам, то находил слова утешения для царя) и, терпя поношения от их слов и от постыдного действия, не знал, что ему делать.

СХI. В это время некоторое число горожан вышло за стены и стало теснить вражескую конницу. Одни пускали камни из пращей, другие метали стрелы; те притворились бегущими, увлекли их за собой и, неожиданно повернув коней, перебили их мечами и копьями. Какой-то вражеский воин, владеющий искусством стрелять из лука на скаку, незаметно для нас подъехал к стенам города, прицелился прямо в царя и выстрелил. Стрела легко рассекла воздух, но,

поскольку император успел чуть отклониться в сторону, оцарапала бок одного из царских слуг, юноши отнюдь не безвестного. Мы перепугались, а самодержец, переменяв место, сел подальше от вражеских рядов. До самого полудня вели македонцы те лживые речи, о которых я уже говорил, не только сами ораторствовали, но и нас выслушивали, и то льстили, то угрожали. Потом, повернув коней, они отправились в свой лагерь, чтобы снарядить орудия и немедля осадить город.

СХII. Придя в себя, царь решил во что бы то ни стало раздобыть воинов для отпора врагу, рвом преградить ему путь в город и стеной защититься от его натиска, а самому устроиться где-нибудь подальше, чтобы не слышать поношений и не подвергаться оскорблениям. Сперва дурно рассудив, затем поделившись своей мыслью с кое-какими людьми, в военном деле не смыслящими, и, наконец, получив одобрение большинства, царь первым делом разузнал, кто из воинского племени сидит по тюрьмам, освободил и вооружил этих людей, дал им луки и копья и подготовил к битве. Помимо этого, он присоединил к армии и множество городских жителей — все они добровольно влились в отряды, так как война для них была не хуже любой другой забавы. Всю ночь они окапывали рвом пространство перед городом и сооружали там укрепление, а наутро, прежде чем враг появился у стен столицы, царь выстроил лучших из наших воинов — конников и легковооруженных, поставил их прямо напротив неприятеля, снабдил каждого оружием для обороны и разбил всех по отрядам. Сам же снова уселся на высоком месте, чтобы издали наблюдать за происходящим.

СХIII. Враги ничего этого не видели, а когда подошли поближе и наткнулись на сплошную стену наших отрядов, попридержали коней и пожелали выяснить, откуда это вдруг у нас собралось такое войско (они боялись, как бы не подошли к нам на помощь силы с востока), а когда поняли, что войско наше — лишь жалкий сброд, когда увидели, что ров неглубок и легко преодолим, — только посмеялись над глупостью императора и, решив, что наступил долгожданный момент, сомкнули ряды, с боевым кличем устремились в бой, без труда преодолели ров, тут же обратили в бегство строй наших воинов, бросились за ними в погоню и многих убили — кого мечами, а кого копьями. Но большей частью наши сами в сумятице сталкивали друг друга с коней, падали на землю и были растоптаны и растерзаны. Бежали тогда не только оказавшиеся вне городских стен, но и находившиеся около императора, ибо решили, что мятежник вот-вот войдет в город и всех погубит.

СХIV. Если не говорить о провидении, то ничто уже не мешало мятежникам войти в город и без труда добиться желанной цели; защитники ворот поки-

нули свои посты и сами искали себе защиту, а горожане или разбежались по домам, или готовились выйти навстречу узурпатору. Торник, однако, поостерегся вступить в город, а вернее — понадеялся, что мы сами пригласим его в столицу, введем во дворец в сопровождении царской процессии и еще понесем перед ним зажженный факел. Поэтому-то он и отложил до следующего дня вступление в город, а пока что сам верхом объезжал один за другим отряды своего войска и везде кричал, чтобы прекратили убийства и не пятнали себя кровью братьев, а если видел кого-нибудь, размахивающего пикой или готового метнуть копье, останавливал его руку и вызволял жертву.

CXV. Тут царь, (а его, будто обреченного на гибель, уже все покинули), услышав крики и увидя, как мятежник старается помешать убийствам, обратился ко мне и сказал: «Одно только очень меня тревожит: этот посягнувший на власть хитрец призывает к человеколюбию и кротости, как бы не снискал он себе этим Божью помощь».

CXVI. Когда сестра (я имею в виду старшую, Евпрепия была приговорена к ссылке), рыдая, стала склонять его к бегству и советовала бежать в какой-нибудь из божьих храмов, Константин свирепо на нее посмотрел и сказал: «Если при мне кто остался, уведите ее, пусть оплакивает сама себя и не размягчает мне душу, удача (и тут он снова обратился ко мне) будет сопутствовать мятежнику только сегодня, а потом она ускользнет от него, как песок из-под ног, и дела примут совсем иной оборот».

CXVII. Затем, взяв немалое число пленных, узурпатор в боевом строю вернулся в свой лагерь. Самодержец же, не придумывая никаких новых хитростей против врага, привел в порядок крепостные ворота, заручился поддержкой городского люда (он похвалил его за проявленную преданность, а на будущее предложил за нее даже награду, будто победителю в состязании) и спокойно переносил осаду. Тем временем мятежник, проведя эту единственную ночь в лагере, с рассветом во главе войска устремился к царскому престолу, якобы его уже ожидавшему; вместе с собой он привел связанных пленников, которых поставил перед стенами и подучил, что кричать в нужный момент. Разойдясь по разным местам, пленники видом своим и криками старались вызвать жалость у защитников города, при этом они и слова не сказали царю, но просили народ не дать пролиться крови братьев и соплеменников, не позволить глазам своим узреть скорбное зрелище, как рассекают их наподобие жертв, не навлечь на себя великой беды и не пренебречь таким самодержцем, какого никогда и в помине не было, в чем сами они могли хорошо убедиться. Ведь он, говорили они, мог обойтись с нами, как с врагами, и убить, тем не менее до сих пор отклады-

вает казнь и отдал наши души на вашу милость. Сочиняли они к тому же и всякие ужасы про нашего царя, который-де сначала до небес вознес город в надеждах, а потом сбросил с облаков на скалы. Вот главное, о чем говорили пленные. Ну, а народ им на это отвечал тем же, что и раньше.

СХVIII. Дальше события развивались следующим образом. Во врагов с внутренней стены полетели тяжелые камни, но миновали цель и ни в кого не попали. Тогда наши воины еще сильнее оттянули орудие и метнули огромный камень уже в самого Торника: попасть не попали, но испугали и обратили в бегство его и его окружение. После этого, поддавшись страху и смешавшись, враги нарушили строй и возвратились в свой лагерь.

СХIX. С этого момента их дела приняли уже совсем иной оборот. Ненадолго вдохновившись надеждой и, можно сказать, нашей несчастливой долей, мятежник быстро сник и увял; к стенам города повстанцы больше не приближались, но, проведя несколько дней в своем лагере, отправились туда, откуда пришли, — большей частью без строя и как беглецы. Если бы десяток-другой всадников ударил им тогда в спину, то и жреца-огненосца не осталось бы в этом рассеянном и беспорядочном войске. Но самодержец, хотя и предвидел заранее их бегство, не стал их преследовать: он еще не пришел в себя от страха и упустил удобный момент.

СХХ. Нам же и уход их показался славной победой, и ворвавшийся в лагерь городской люд нашел там множество припасов, оставшихся от прежних его обитателей, которые не сумели погрузить все на вьючных животных, ибо скорее стремились уйти незаметно, а не отступать с удобствами и богатством. Покинув лагерь, македоняне сразу почувствовали ненависть к предводителю, и каждый из них, боясь за свою судьбу, готов был покинуть Торника, однако страх друг перед другом и безысходность держали их вместе. Те же, кому случай все же помог скрыться, не чуя под собой ног, устремились в город к императору, и среди них оказались не только простые воины, но люди вельможные и военачальники. Затем постигла мятежника вторая, третья и за ними новые и новые неудачи. Так, нападая в западных землях на крепости, которые легко можно было бы захватить из-за их расположения, отсутствия сплошных стен и потому, что давно уже там не ждали никаких врагов, ни одну из них, как кажется, он не взял осадой, поскольку те, кому было приказано штурмовать стены, помышляли не столько об осаде, сколько о возвращении домой, и давали понять осажденным, что собираются воевать с ними только для вида.

СХХI. С позором ушел мятежник от великого города, но с еще большим позором был отогнан от других крепостей. Тем временем самодержец вызвал восточное войско и, когда оно вскоре явилось, отправил его против западных своих соплеменников и варваров. А они, узнав о приходе восточного войска, даже и не подумали сопротивляться, но тут же, проклиная узурпатора, рассеялись, при этом некоторые из них вернулись домой, но большинство перешло к самодержцу. Если раньше они божились и клялись, что готовы разом и все вместе умереть на глазах у мятежника, то теперь были охвачены ужасом и меньше всего вспоминали о своих клятвах.

СХХIV. Среди других рассказов я забыл упомянуть о внешности воцарившегося монарха, каким цветущим и сильным он был до того, как вид его совершенно преобразился, и как не сберег до конца красоты, но, подобно укрывшемуся за тучами солнцу, слал людям лишь тусклый свет своей природы; я сейчас расскажу об этом, но начну с совсем другого его состояния.

Внешность царя

СХХV. Природа изваяла его, как образ красоты, придала его телу такую слаженность, наделила такой соразмерностью, что нет в наше время ему равных, а чтобы прекрасное здание покоилось еще и на крепкой опоре, она придала этой гармонии и изобилие сил. Но не в длинных руках и не в могучих плечах заключалась его сила: спрятанная, как я полагаю, в глубинах сердца, она явно не обнаруживала себя в теле, отличавшемся скорее красотой и слаженностью, нежели необыкновенными размерами. При всем изяществе его руки, а особенно пальцы, отличались большой силой, и не было такого предмета, самого плотного и твердого, который бы он не мог с легкостью сломать, сдавив в ладони. Тот же, кому он сжимал руку, лечил ее потом много дней. Рассказывают также, что он был прекрасным наездником, отличным бегуном, ловким и легким, и вообще непревзойденным в пятиборье; таким он был сильным, подвижным и быстроногим.

СХХVI. Красив он был не менее, чем Ахилл или Нирей в поэтических описаниях. Но если слог поэта, в изобилии наделивший древних героев всеми видами красоты, так и не смог изобразить их достойно, то природа, создавая и ваяя живого Константина, искусно чеканя и украшая его облик, своим искусством превзошла вдохновенную поэзию. Каждый из его членов — голову и то, что ниже нее, руки и то, что ниже них, а также бедра и ноги — она сотворила в соразмерности со всем телом, при этом все окрасила в подходящий цвет: голову — в огненно-рыжий, а грудь, живот до ног, спину, соблюдая меру, наполнила чистой белизной. Тот, кому удавалось видеть его вблизи, когда он был во

цвете лет и члены его еще не ослабли, сравнивал его сверкающую лучами волос голову с солнцем, а остальное тело — с чистейшим и прозрачным льдом. Столь же благообразен и соразмерен был и нрав Константина, голос его звучал благородно, речь была полна очарования, а сколько незамутненной прелести светилось в его улыбке!

Болезнь царя

СХХVII. Прекрасен был взошедший на престол царь, но не прошло и года, как украсившая его природа, не в силах вынести столь великого чуда и радости, ослабела и поддалась, отняла у него силы и испортила красоту; и сразу телесные начала — я имею в виду сочетания первоэлементов, — разлагаясь, соединяясь и стекая то в ноги и полости суставов, то в руки и, наконец, затопляя сухожилия и спинной хребет, как водяной вал, сотрясли этот могучий прежде корабль.

СХХVIII. Беда пришла не сразу и не вдруг, но сначала напору жидкости подверглись ноги — император тотчас оказался прикованным к постели, а при необходимости передвигался только с чужой помощью. При этом можно было наблюдать некое чередование и круговращение: влага стекала в его ноги через определенное число дней, неподвижность тоже длилась определенное время, но спокойные периоды сокращались, промежутки между приступами укорачивались, а кроме того, влага постепенно начала проникать и в руки, затем как бы хлынула вверх к плечам и в конце концов распространилась по всему телу. В результате все его члены, наводненные этой ужасной жидкостью, лишились силы, мышцы и сухожилия обмякли, члены потеряли гармонию, а вместе с этим пришли бессилие и безобразие. Я сам видел, как его некогда изящные пальцы потеряли прежнюю форму, пошли буграми и ямками и не могли удержать никакого предмета. Ноги у него искривились, колени выдались вперед, как локти, поэтому походка потеряла твердость, да и вообще он почти не вставал, но большей частью покоился на ложе, а если надо было устраивать приемы, то его специально для этой цели снаряжали и готовили.

СХХIX. Константин не хотел отказывать гражданам в праве видеть его в царских процессиях, но как раз эта обязанность была для него самой мучительной. Искусство наездника помогало ему держаться и сохранять достойный вид в седле, но, взобравшись на коня, он тяжело дышал, и поводья оказывались ему бесполезны: с обеих сторон царя подпирали рослые и сильные коневоды, которые, удерживая его и поддерживая, словно некий груз, доставляли до того места, где он хотел остановиться. Переноса такие страдания, царь не изменял своим привычкам, но придавал своему лицу приятное выражение, а порой даже и передвигался сам, желая убедить окружающих, что не так уж он болен и слаб.

Так держался Константин во время процессий, каменные же мостовые застилали коврами, чтобы его конь не поскользнулся на гладкой поверхности, а внутри дворца его переносили из палаты в палату и доставляли, куда надо. Если же влага обрушивалась на него, что за боли он испытывал!

СXXX. Повествуя об этом муже, я не перестаю поражаться, как доставало ему сил выдерживать такие страдания. Следовавшие один за другим приступы изничтожали остатки его плоти и разлагали то, что еще сохранялось. Он не находил позы, в которой мог спокойно почивать на ложе, и любое положение было ему неудобным. Его несчастное тело спальники поворачивали так и сяк и с трудом находили наклон, приносящий облегчение больному, при этом они пристраивали его, как удобней, подпирали его тело и придумывали всякие приспособления и хитрости, чтобы удержать его в одном положении. Ему не только доставлял страдания всякий поворот, но и язык его болел во время речи и даже движение глаз уже перемещало влагу, и царь терял всякую способность двигаться и наклоняться.

СXXXI. Я с полной уверенностью утверждаю и призываю Бога в свидетели, что, перенося такие страдания и испытывая страшные мучения, Константин никогда не позволял себе никаких богохульных речей, более того, если он только видел, как кто-то о нем сокрушается, то бранил и прогонял от себя этого человека; он сам объявлял, что несчастья посланы ему в наказание, и даже называл их уздой для своей природы — ведь он сам боялся своих порывов и говорил так: «Страсти не подчиняются рассудку, но отступают перед телесными недугами; мое тело страдает, но нечестивые желания сердца обузданы». Так философски относился он к своей болезни, и если отвлечься от остального и рассматривать Константина только с этой стороны, то можно было бы назвать его истинно божественным мужем.

СXXXII. Обладал он и другим достоинством, с моей точки зрения, не во всех отношениях похвальным, но им самим необычайно ценным (пусть нас рассудит желающий): он совершенно не заботился о своей безопасности, во время сна его спальня не запиралась, и никакая стража не несла охраны у ее дверей; спальники часто вообще уходили, и любой мог легко зайти в его комнату и снова выйти, и никто не задержал бы его у входа. Когда его за это порицали, он не обижался, но упреки отводил, как несообразные с божьей волей. Он хотел этим сказать, что царство его от Бога и им одним оберегается, а сподобившись высшей стражи, он пренебрегает человеческой и низшей.

СXXXIII. Я часто приводил ему в пример архитекторов, кормчих и, наконец, начальников отрядов и полководцев: «Никто из них, — говорил я, — делая

свое дело, не отказывается от упований на Бога, но первый возводит строения сообразно правилам, другой кормилом направляет судно, а из людей военных каждый носит щит, вооружен мечом, на голову надевает шлем, а остальное тело покрывает панцирем». Отсюда я делал вывод, что тем более следует поступать так царю. Но никакими доводами мне не удавалось убедить Константина. Такое поведение свидетельствовало о его благородном нраве, но предоставляло благоприятные возможности для злоумышлявших против него.

Природные свойства императрицы Зои

CLVII. К старости стала Зоя уже нетверда рассудком, но не то чтобы лишилась разума или сошла с ума, а просто потеряла всякое представление о делах и была совершенно испорчена царским безвкусием. Если ее и украшали какие-то душевные добродетели, то ее нрав не сохранил их в чистоте, но, выказывая их больше, чем следует, придал им более безвкусию, нежели достоинства. Не стану говорить о ее благочестии, не хочу здесь обвинять царицу за его избыток, этой добродетелью ее никто не мог превзойти, она жила одним Богом, и все происходящее возводила к его воле, за что я уже выше воздал ей должную похвалу. В остальном же была она то мягкой и расслабленной, то жесткой и строгой, причем оба состояния сочетались в одном человеке и сменяли друг друга в мгновенье ока и без всякой причины. Если кто-нибудь при ее неожиданном появлении бросался на землю, притворяясь будто, как ударом молнии, поражен ее видом (такую комедию перед ней разыгрывали многие), то она сразу одаривала его золотой повязкой, но если он при этом начинал пространно выражать свою благодарность, тут же приказывала заковать его в железные цепи. Зная, что ее отец не скупился на наказания, лишая осужденных глаз, она подвергала такой каре за малейший проступок, и если бы не вмешивался самодержец, многим людям вырвали бы глаза без всякого повода.

CLVIII. Она была щедрейшей из всех женщин, но меры в сей добродетели не знала и потому все сразу и погубила; одной рукой она еще отсчитывала деньги, а другую уже простирала к Всевышнему, чтобы снискать милость к одариваемому. Царица приходила в восторг и от сердца радовалась, если кто-нибудь подробно описывал ей доблести ее рода, а особенно дяди Василия. Достигнув семидесяти лет, она сохранила лицо без единой морщинки и цвела юной красотой, однако не могла унять дрожь в руках, и ее спина согнулась. Царица пренебрегала всякого рода украшениями, не носила ни золотошитых платьев, ни ожерелий, но не одевала и грубых одежд, а прикрывала тело легким одеянием.

CLIX. Царских забот с самодержцем она не разделяла и желала оставаться вдали от подобных занятий; да и из того, что обычно привлекает женщин — я

имею в виду ткацкий станок, веретено, шерсть и пряжу, — ничто ее не трогало, и владела царицей только одна страсть, которой она отдавала себя всю: приносить жертвы Богу — я говорю сейчас не о словесных мольбах, приношениях и покаяниях, а об ароматических растениях и всем том, что доставляют в наши земли из Индии и Египта.

CLX. Когда подошел к концу отмеренный ей век, и настало время умирать, ее телесная природа начала обнаруживать кое-какие признаки приближающейся смерти: аппетит угасал, все увеличивающаяся слабость возбуждала смертельную лихорадку и иссохшее и зачахшее тело предвещало близкую кончину. Царица обратила свои мысли к тюрьмам, освободила должников от платежей, избавила виновных от наказаний, отворила двери царской казны, и оттуда рекой хлынуло золото. Деньги тратились без счета и без удержу, а царица после недолгой агонии, едва изменившей ее черты, ушла из этой жизни, прожив на свете семьдесят два года.

CLXI. Закончив рассказ о царице, я вновь возвращаюсь к императору и при этом обязан сказать следующее: моим желанием было не писать историю и не стараться прослыть другом истины, а сочинить хвалу этому самодержцу, и, чтобы прославить его, у меня нашлось бы немало прекрасных слов, вполне им заслуженных. Дело в том, что славословящий обычно опускает все дурное в своем герое и плетет хвалу только из его достоинств, а если плохое преобладает, то оратору довольно и одного случая, когда этот человек вел себя хорошо и достохвально; порой же он сочиняет с таким софистическим искусством, что и дурное превращает в предмет славословий. Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, который не склоняется ни в ту, ни в другую сторону и все меряет равной мерой, он не изоцряется в описаниях дурного или хорошего, но просто и без затей повествует о событиях. Если же какой-то из героев его рассказа, будучи сам по себе человеком достойным, чем-то обидел автора, а другой, хотя и полная противоположность первому, сделал ему что-то хорошее, то историк должен описать в своем сочинении их самих и их деяния, не принимая в расчет ни зла, ни добра. А если бы историку дано было по благомыслию или из душевного благородства воздавать благодарность людям, к нему благорасположенным, и ради этого извращать истину, кому, как не мне, следовало бы украсить славословиями этого самодержца, который до восшествия на престол даже не видел меня ни разу, но с первой встречи так пленился моим красноречием, что, казалось, приник ушами к моим устам.

CLXII. Но я не знаю, как мне в своей истории и истину соблюсти, и Константину должное почтение оказать. Ни в чем не желая отступить от истори-

ческой истины, я в то же время не отрекаюсь совсем от своего доброго расположения к царю, и, хотя правдиво и без утайки рассказываю о пороках Константина, не меркнет его сияющая добродетель, и, как на весах, под грузом его благих деяний клонится книзу чаша добра. Да и как не быть ему выше всех самодержцев, похвальные речи которым вызывают подозрение и кажутся скорее убеждающими, нежели достоверными. Какой человек (я говорю это в оправдание его слабостей), особенно из числа сподобившихся царской участи, мог бы быть украшен венком похвал за все без исключения свои деяния?

CLXIII. Если уж у самодержцев, прославленных за их нрав, речи и деяния (Александра Македонского, обоих Цезарей, Пирра Эпирского, Эпаминонда Фиванского, Агесилая Лакедемонского, не говоря уже о прочих, на чью долю не досталось стольких похвал от панегиристов), как мы знаем из их жизнеописаний, добродетели и пороки не находились в равновесии, но дурные свойства явно преобладали, то что можно сказать об их подражателях, пусть и уступающих им совсем немного, — я имею в виду не все виды добродетели, а лишь те, в которых они более всего отличились.

CLXIV. Сравнивая с ними этого великого самодержца, я вижу, что мужеством он им уступал. Но недостаток этой доблести с лихвой возмещался превосходством в других добродетелях. Одаренный от природы, он обладал острым умом и прекрасной памятью и так умел обуздывать порывы гнева, что, казалось, не было в мире человека более кроткого. От меня, однако, не укрылось, что поступал он в этом случае, как возница, осаживающий норовистого коня: кровь прилиwała к щекам, он начинал весь дрожать, но немедленно овладевал собой и подчинялся рассудку. Если же, исполняя царские обязанности, он с кем-нибудь разговаривал сердитым тоном или угрожал побоями, то сразу же краснел, как бы стыдясь необычной для себя резкости.

CLXV. Когда Константин вершил суд, трудно было понять, кто выиграл, а кто проиграл дело: получивший белый камешек уходил, сияя от радости, но и его противник, который, не успев выслушать приговор, уже приготовился к поражению, вопреки ожиданиям покидал суд с победой и прибылью.

CLXVI. Немало людей злоумышляло против Константина, кое-кто даже уже заносил над его головой меч, но царь неизменно предпочитал замять дело и вести себя с заговорщиками, как ни в чем не бывало, будто он ни о чем не имеет никакого понятия, а иногда тут же забывал об их бесстыдстве. Когда же приближенные к престолу, которым было не отказано в праве свободного суждения, старались возбудить в царе гнев и утверждали, что он погубит себя, если не защитится от заговорщиков, то он выказывал больше интереса к собствен-

ному триумфу, чем к наказанию виновных. Он назначал судей, как красноречивый оратор растекался потоком слов и громогласно обличал дерзость заговорщиков, но стоило ему заметить на их лицах страх, как он завершал речь коротким оправданием, которое к тому же перемежал шутками, и сразу же освобождал подсудимых от всякого наказания.

CLXVII. Рассказать о том, что Константин совершал у всех на глазах, я предоставлю сонму жаждущих описать его деяния, сам же приоткрою немного завесу над вещами более сокровенными, теми, что привлекали к себе большое внимание и вызвали разноречивые толки у его почитателей и хулителей; при этом я буду выбирать главным образом свидетельства в его пользу. Какие же именно? Царь сознавал, что душа у него мягкая и человеколюбивая, не помнящая зла к тем, кто его ненавидел; и вот к виноватым в меру (я говорю о людях, которые не причинили большого вреда другим) он был до конца великодушен, а осмеливавшихся поносить самого Всевышнего приговаривал к ссылке, назначал им для жительства определенное место или бросал в тюрьмы и при этом сам себе давал клятвы никогда не оказывать им никакого снисхождения.

CLXVIII. Когда я как-то заметил, что нелегко будет ему соблюсти такую клятву, он принялся меня убеждать, что иначе никак нельзя обуздать негодяев. И действительно, несколько дней в нем еще горело пламя справедливого гнева и царь оставался при своем решении, но вскоре негодование прошло (случилось это после того, как кто-то при нем стал восхвалять милосердие и превозносить за него прежних самодержцев), и Константин, сразу вспомнив о заточенных в тюрьмы, расплакался и стал мучительно думать, как ему найти выход из трудного положения. В конце концов он попросил меня помочь ему разобраться в своих сомнениях и отдал предпочтение человеколюбию, а Бога умилил иным способом.

CLXIX. Я никогда не знал раньше, да и не вижу сейчас в нашем поколении человека более сострадательного, более щедрого и царственного, нежели Константин. Будто власть была ему только для того и дана; он даже царем себя не считал в тот день, когда не выказывал человеколюбия или не проявлял щедрости своей души; при этом он бросал, если можно так сказать, семена благодеяний в благородную душу отнюдь не для того, чтобы тут же взрастить на ней колосья благодарности, да и давала она ему не больше плодов признательности, чем сеял он в «жирную землю».

CLXXXIII. Когда в глубокой старости ушла из жизни Зоя, сердце Константина наполнилось такой скорбью, что он не только оплакивал умершую, орошал слезами ее могилу и молил небо смилостивиться над покойной цари-

цей, но захотел воздать ей и божественные почести. Когда одна из окружавших гробницу и обитых серебром колонн притянула влагу к тому месту, где благородный металл разошелся, и по законам природы произвела на свет маленький гриб, Константин пришел в восторг и громогласно возвестил по всему дворцу, что Всевышний на могиле царицы явил чудо, дабы все узнали, что душа ее сопричислена к ангелам; никто не сомневался в том, что произошло в действительности, но все еще больше подогревали его пыл, одни из страха, другие — чтобы извлечь из этой выдумки выгоду для себя.

CLXXXIV. Так он относился к царице. Что же касается сестры Елены, то царь почти и не заметил ее смерти, и его не трогало, когда кто-нибудь упоминал об ее уходе из этого мира. Да если бы и другой его сестре, о которой я уже упоминал, случилось умереть до него, Константин бы и глазом не повел.

CLXXXIX. Переменчивый душой, порой сам на себя не похожий, Константин хотел прославить свое царствование, и нельзя сказать, что вовсе не достиг цели. Он расширил пределы империи на востоке, присоединил к ней большую часть Армении, изгнал оттуда князей и ввел их в круг своих подвластных. Вместе с тем, отправляя посольства к другим властителям, он, вместо того чтобы разговаривать с ними как господин, искал их дружбы и слал им чересчур смиренные письма.

CXC. Так, например, он не без умысла оказывал слишком много чести правителю Египта, а тот только глумился над его слабостью и, подобно борцу, которого освиствывают, не повторял прежнюю схватку, а старался выказать свою силу в других. Константин часто делился со мной своими тайными планами относительно египтянина и поручал мне составлять к нему письма, но, зная мою любовь к родине и ромеям, предлагал при этом, чтобы я как мог царя принижал, а египтянина возвеличивал. Я, однако, незаметно все выворачивал наизнанку и царю представлял одно, а египтянину устраивал ловушки и исподволь унижал его своими рассуждениями. Поэтому если стиль мой бывал темен, царь сам диктовал мне письма к египтянину. Рассуждая о свойствах тел, Гиппократ из Коса говорит, что они не могут оставаться в покое, и, развившись до предела, падают вниз из-за непрерывности движения. Сам Константин на себе этого не испытывал, но друзей пережить заставил: возвышал он их постепенно, а низвергал сразу и тогда уже все делал наоборот; впрочем, иногда, словно в кости играя, он возвращал людей на прежние их должности.

Постриг Пселла

CXCIII. Войдя в круг царских приближенных, мы досыта вкусили так называемого блаженства и, познакомившись со всем, как положено, не почув-

ствовали никакого влечения к этой мишуре. Высказать вслух свои мысли мы не решались и, тая их в душе, ждали удобного случая. Главной же причиной, побудившей нас к этому, был самодержец, который направил колесо власти против тех, кто поднялся на ее вершину, и многих низринул в пропасть; оказавшись в этом колесе, мы и сами очень боялись, как бы, еще больше его раскрутив, он не сбросил бы и нас, не слишком крепко державшихся за обод.

СХСIV. Такова была причина нашего общего преобразования. Эта страсть привела нас к лучшей жизни. И вот, собравшись как-то раз все вместе, как по данному, нам знаку, мы открыли друг другу тайные желания, сошлись во мнениях и заключили незыблемый договор; при этом по необходимости мы решили менять образ жизни не сразу и не все вместе, но в то же время торжественными клятвами обязались последовать примеру того, кто сделает это первым.

СХСV. Первым же вступил на путь к Богу тот, кого судьба вознесла выше всех. Со свойственной ему твердостью духа он укрепил свою волю, мысли и желания обратил к Богу, и выставил вымышленный телесный недуг как предлог для своего преобразования. Тяжелым дыханием он постепенно привлек внимание царя к своей болезни и попросил Константина дозволить преобразование. Очень недовольный, тот все же дал соизволение, но терзался душой от того, что вскоре должен будет лишиться такого мужа.

СХСVI. Случившееся не давало мне ни спать, ни свободно вздохнуть, ни спокойно ожидать своего часа; находясь с другом, я проливал потоки слез и говорил с надеждой, что и сам за ним вскоре последую. А он, сочинив новый предлог, будто, как только наденет монашеское одеяние, сразу сподобится и божьего врачевания, без промедления отправился на божественную гору Олимп.

СХСVII. Следуя его примеру, я ссылаюсь на болезнь печени и сердечный недуг, притворяюсь безумным и делаю вид, будто рассуждаю про себя о предстоящем деле и при этом, не произнося ни звука, пальцами изображаю пострижение. До слуха царя немедленно доходит весть о том, что я переселяюсь из этого мира, что нахожусь при смерти, что погружен душой в пучину бедствий и, приходя в себя, лишь мечтаю о лучшей и возвышенной жизни. Царя удручали известия о моей болезни много больше, чем постриг, он рыдал и глубоко вздыхал, считая, что жизнь моя висит на волоске, и был напуган мыслью лишиться человека, которого так горячо любил за красноречие (какой мне смысл скрывать правду?).

СХСVII (bis). Если мне будет дозволено немного похвастаться своим искусством, скажу, что я являлся царю в разных обличьях и, продолжая любопытную жизнь, умел ловко к нему приспособиться. Он быстро насыщался тем,

чего добивался, жаждал перемен, из одной крайности бросался в другую или обе их объединял вместе, поэтому и я философствовал и рассуждал с Константином о первопричине, о всяческом благе, о добродетели и о душе; я разъяснял ему, какая часть души тяготеет к телу, а какая, будто пробка, плавающая на поверхности, только слегка касается своих оков и подобна змею, который на легком крыле парит сам по себе и не удерживается веревкой. Заметив же, что он этими рассуждениями утомлен и с удовольствием послушал бы что-нибудь более занятное, я брал в руки лиру риторики, ее ритмом и гармонией слов зачаровывал царя и наставлял его в ином виде добродетели с помощью сочетания слов и фигур, в которых заключается сила красноречия. Риторика украшена не только ложной убедительностью и способностью один и тот же предмет трактовать в разных смыслах — знакома она и с истинной музой, умеет рассуждать по-философски и цветет красотой слов, покоряя слушателей как тем, так и другим. Она расчленяет суждения, не смешивает их в переплетениях, но распределяет и постепенно их обосновывает, ее искусство не сумбурно, не туманно, приспособлено к предметам и обстоятельствам (если говорить просто, не пользуясь ни периодами, ни градациями). Я все это объяснял царю и вселял в него любовь к красноречию...

СХСVIII. Обо всем этом царь хорошо помнил и никак не хотел позволить мне предаться любомудрию и переменить образ жизни: сначала он искушал меня письмами, подсылал ко мне знатных мужей и, чтобы заставить переменить решение, обещал исцелить меня от болезни и удостоить еще больших почестей. И поныне не могу без слез читать его письма, в которых он называл меня очами своими, лекарством души, сердцем, светом и жизнью и просил не погружаться во мрак, но я оставался глух ко всем увещаниям, ибо меня непреодолимо влекло к тому, кто уже успел избрать уделом лучшую жизнь. Когда царь ничего не добился ласковыми увещаниями, он сменил лисью шкуру на львиную, занес надо мной палицу и поклялся немедленно испепелить меня вместе с моими советчиками и обрушить лавину бедствий не только на меня одного, но и на всю мою родню.

СХСIX. Но я слушал его угрозы, как благое предвестие и, бросив якорь в гавани церкви и сняв покров с головы, удалился от мирской жизни. Услышав о моем постриге, царь не стал мстить, но сразу переменял тон писем, радовался моему радостному вступлению на стезю духовной жизни и вселял в меня силы для преобразования, он бранил дорогие и красивые одежды, хвалил темный плащ и увенчивал меня победным венцом за то, что я не поддался ни на какие уговоры.

ССІ. Лишенный радостей общения со мной, оставшись без услады моей словесной лиры, Константин снова предался грубым удовольствиям. Посреди изобилующего всякими плодами луга он велел вырыть глубокий пруд с плоским, вровень с водой, берегом и прорыть каналы для подвода воды. Люди, не знавшие о пруде посреди луга, хотели, ни о чем не подозревая, сорвать яблоко или грушу и... проваливались в воду: сначала они шли ко дну, затем выныривали и к вящей радости самодержца начинали барахтаться на поверхности. А чтобы пруд доставлял не одни только забавы, Константин соорудил рядом внутри высокой ограды домик для удовольствий. В один из дней, когда царь несколько раз купался в теплом бассейне и все время то входил, то выходил из воды, в его бок незаметно впилась стрела из воздуха. Сначала она ударила несильно, но затем влила яд в его нутро и поразила плевру.

ССІІ. Потеряв всякую надежду на жизнь, как только что принесенная жертва, Константин лежал в предсмертных муках; в думах о власти он обошел Феодору и, скрывая от нее свои намерения, в тайне подыскивал себе другого преемника. Однако утаить эти замыслы было нельзя, Феодоре доложили о его планах, и она без промедления вместе с первыми людьми из свиты села на царский корабль и, словно бежав от бури, приплыла в царский дворец. Там она заручилась поддержкой всей царской стражи, ибо пурпурные пеленки, кротость души и пережитые муки служили для людей неотразимыми доводами в ее пользу. Известие о ее прибытии огорчило царя и еще больше увеличило его страдания. Не в силах ни справиться с болезнью, ни придумать что-нибудь разумное, он тут же погрузился в полузабытье, закрыл глаза, и мысли его где-то блуждали, а язык заплетался. Затем он ненадолго пришел в себя, осознал, в каком тяжелом состоянии находится, и в горести испустил дух.

ССІІІ. Так окончил жизнь император Константин Мономах. Прочарствовав двенадцать лет, он заслужил добрую славу прежде всего управлением гражданскими делами, в то же время и нравом своим он подал пример тем, кто стремится к достойной жизни. Если закрыть глаза на невоздержанность Константина, его можно было бы назвать самым человеколюбивым из всех людей; поэтому и рассказ о нем, изменяясь и преобразуясь вместе с героем, кажется таким противоречивым. Тем не менее составлен он по законам правды, а не риторики и как бы уподобляется и соперничает царю.

(пер. Я. Н. Любарского)

Текст воспроизведен по изданию: Михаил Пселл. Хронография. М.: Наука, 1978. С. 7–130.

ЖОФФРУА ДЕ ВИЛЛАРДУЭН

ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

91. Через пятнадцать дней после этого прибыл маркиз Бонифаций Монферратский, который до того еще не явился, и Матье де Монморанси, и Пьер де Брасье, и многие другие доблестные мужи. А спустя еще пятнадцать дней возвратились послы из Германии, которые прибыли от короля Филиппа и от юного наследника Константинопольского. И бароны, и дож Венеции собрались в некоем дворце, где расположился дож. И тогда послы обратились к ним и сказали: «Сеньоры, нас послал к вам король Филипп и сын императора Константинопольского, который приходится братом его жене».

92. «Сеньоры, — сказал король, — я посылаю к вам брата моей жены, и я отдаю его в десницу Божью и в ваши руки. Так как вы отправляетесь биться за дело Божье, и за право, и за справедливость, то должны, коли можете, возвратить наследственное достояние тем, у кого оно несправедливо отобрано. И царевич заключит с вами самое знатное соглашение, какое когда-нибудь вообще заключалось с кем-либо, и окажет вам самую щедрую помощь, чтобы отвоевать Заморскую землю».

93. «Прежде всего, коли угодно будет Богу, чтобы вы возвратили царевичу его наследие, он поставит всю империю Романии в подчинение Риму, от которого она некогда отложилась. Далее, он знает, что вы поизрасходовались и что вы обеднели; и он даст вам 200 тыс. марок серебра и провизию для всей рати, малым и великим. И он самолично отправится с вами в землю Вавилонскую или пошлет туда своих послов, коли вы сочтете это за лучшее, с 10 тыс. ратников за свой счет; и он будет оказывать вам эту службу один год. А все дни своей жизни он будет держать в Заморской земле на свой счет 500 рыцарей».

94. «Сеньоры, — сказали послы, — мы имеем все полномочия, чтобы заключить такое соглашение, если вы со своей стороны хотите заключить его. И знайте, что столь знатное соглашение никогда не предлагалось кому-либо и что тот, кто откажется заключить его, тот, значит, вовсе не имеет большой охоты к завоеваниям». И бароны сказали, что обсудят это; и на другой день назначена была сходка; и когда они собрались, им передали эти слова.

127. Тогда они вышли все вместе из гавани Ави, и вы могли бы видеть рукав св. Георгия, весь расцвеченный плывущими против течения нефами, галерами и юиссье, и было великим чудом видеть такое великолепное зрелище. И вот таким-то образом держали путь против течения рукава св. Георгия, пока

не достигли аббатства Сент-Этьен, которое было в трех лье от Константинополя. И тогда те, кто находился на нефах, галерах и юиссье, увидели перед собой весь Константинополь, вошли в гавань и поставили свои корабли на якорь.

128. Так вот, вы можете узнать, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел, ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел своими глазами, и длину, и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей.

129. Тогда графы и бароны и дож Венеции сошли на сушу, и собрался совет в монастыре св. Этьена. Там говорено было много разных мнений и подавались разные предложения. Все слова, которые были там сказаны, книге вам не передать; но конец совета был таков, что дож Венеции встал и сказал им:

130. «Сеньоры, я знаю положение в этой стране лучше, чем вы, ибо некогда я бывал здесь. Вы предпринимаете самое великое и самое опасное дело, которое люди когда-либо предпринимали; нужно поэтому поступать разумно. Знайте, что коли мы сойдем на сушу, то ведь страна велика и обширна, наши же люди бедны, и у них мало съестного, и они разбредутся по всей стране в поисках провизии, а в стране живет огромное множество народа; и мы не смогли бы обеспечить всем защиту, не понеся потерь; а нам нельзя нести потери, потому что у нас и так маловато людей для того, что мы хотим содеять.

131. Неподалеку отсюда имеются острова, которые вы можете видеть отсюда и которые населены многими жителями и обильны хлебом, съестным и всяким другим добром; давайте-ка подъедем туда, остановимся в какой-нибудь гавани и заберем зерно и всякую провизию в этой стране; и когда у нас будет достаточно запасенной провизии, то двинемся к городу и содеем то, что предначертал наш Господь. Ибо гораздо уверенней воюют те, у кого есть пропитание, нежели те, у которых его едва-едва». Графы и бароны согласились с этим советом, и все они возвратились каждый на свои нефы и на свои корабли.

132. Таким образом, эту ночь они отдыхали; а поутру, на следующий день, который был днем праздника монсеньера Иоанна Крестителя, что в июне, знамена и флаги были подняты на башни нефов и щиты вынуты из чехлов и под-

вешены к бортам нефов. Каждый осматривал оружие, которое ему было нужно, словно они наверняка знали, что скоро оно им понадобится.

133. Моряки подняли якоря; и поставили паруса по ветру; и Бог послал им попутный ветер, как им было нужно, и вот они прошли прямо перед Константинополем, так близко от стен и башен, что многие корабли едва не касались их; и на стенах и башнях стояло так много людей, словно все собрались туда.

134. И тогда наш Господь Бог внушил им отринуть решение о том, чтобы двинуться к островам, которое было принято накануне вечером, будто никто никогда и не слышал, что об этом было говорено; и вот теперь они тотчас же устремились прямым путем к твердой земле. И они вошли в гавань перед неким дворцом императора Алексея в том месте, что называлось Кальшедуан и было супротив Константинополя, на другом берегу рукава, со стороны Тюркии. Дворец этот был одним из самых прекрасных и великолепных, какие когда-либо видывали человеческие очи, и были в нем всякие улады, которые надобны человеку в княжеском жилище.

135. И графы, и бароны сошли на сушу и расположились во дворце и близ города, и многие раскинули свои палатки. Кони были тогда выведены из юиссье, а рыцари и оруженосцы сошли на сушу при всем своем оружии, так что на корабле остались лишь моряки. Земля та была прекрасна и богата и изобиловала всяким пропитанием; и из снопов сжатого хлеба, которые были среди полей, каждый взял себе, сколько хотел взять, ибо они испытывали в нем большую нужду.

172. А дож Венеции не забыл своих обязанностей, он расположил свои нефы, и свои юиссье, и свои суда в один ряд; и этот ряд вытянулся примерно на три арбалетных выстрела. И вот начал он приближаться к берегу, который был у стен и башен. Вы могли бы видеть тогда, как мангоньо бросали камни с нефов и юиссье, и как летели стрелы из арбалетов, и как непрерывно стреляли из луков, и как те, кто был в городе, очень отважно защищали стены и башни, и как лестницы нефов приближались вплотную к стенам настолько, что во многих местах ратники бились между собой на мечах и копьями; и шум стоял столь великий, что казалось, будто земля и море раскалываются. И знайте, что галеры не отваживались пристать к суше.

173. А теперь вы можете услышать об удивительной доблести: дож Венеции, который был старым человеком и ни капельки не видел, стоял весь в кольчуге на носу своей галеры и держал перед собой знамя св. Марка. И вот он закричал своим людям, чтобы его вывели на сушу, а если не сделают этого, то он

их покарает. И они повели галеру так, что она пристала к берегу; и они выскочили из нее и вынесли перед ним на сушу знамя св. Марка.

174. И когда венецианцы увидели на суше знамя св. Марка и галеру своего сеньора, который высадился на берег прежде них, каждый из них почувствовал себя пристыженным и все они выскочили на сушу. И те, кто на юиссье, выскочили и вышли на сушу, кто куда как мог быстрее. Тогда вы узрели бы чудесный приступ. И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, который сочинил это произведение, свидетельствует, что более 40 человек передавали ему как истину, что они видели знамя св. Марка на одной из башен и никак не могли понять, кто его туда водрузил.

175. А теперь послушайте об удивительном чуде; те, кто был в городе, бежали, покинув стены; а венецианцы вступили в город, кто куда как мог быстрее, так что они овладели 25 башнями и заняли их своими людьми. И дож взял лодку и послал гонцов к баронам войска и велел известить их о том, что у венецианцев 25 башен и что они наверняка знают, что смогут удержать их. Бароны так обрадовались этому, что не могли поверить, что это правда. И венецианцы начали посылать войску на судах коней и боевых скакунов из тех, которых они захватили в городе.

176. И когда император Алексей увидел, что венецианцы вошли таким образом в город, он начал высылать против них своих людей в великом множестве; и когда венецианцы увидели, что они не смогут выстоять, то запалили огонь между собой и греками; и со стороны наших людей налетел ветер, и огонь стал полыхать так сильно, что греки не могли видеть наших людей. Тогда венецианцы возвратились в башни, которыми завладели и которые завоевали.

182. А теперь послушайте-ка о чудесах нашего Господа, как они великолепны повсюду, где ему угодно их сотворить. Этой самой ночью император Алексей Константинопольский взял из своей сокровищницы столько, сколько мог унести, и увел с собой тех из своих людей, которые захотели уйти оттуда; так он бежал и покинул город. А те, кто пребывал в городе, были сильно поражены. И они отправились к темнице, где был император Сюрсак, у которого были вырваны глаза, и они облачили его по-императорски; и они отвели его в знатный дворец Влахерны, и они усадили его на высокий трон, и они выказали ему повиновение как своему сеньору. И потом они назначили послов по совету императора Сюрсака и послали их в войско; и они известили сына императора Сюрсака и баронов, что император Алексей бежал и что они восстановили императором императора Сюрсака.

183. Когда молодой царевич узнал об этом, он известил маркиза Бонифация Монферратского; и маркиз созвал баронов всей рати. И когда они собрались в шатре сына императора Сюрсака, он рассказал им эту новость. И когда они узнали ее, то нечего и говорить, какова была их радость: ибо никогда не было на свете большей радости; и все они с великим благочестием воздавали хвалу нашему Господу за то, что он в столь короткое время оказал им поддержку и из столь плачевного положения, в котором они находились, столь их возвысил. Вот почему можно сказать: «Тот, кому Бог захочет помочь, тому никакой человек не в состоянии причинить зла».

184. Тогда начало светать и рать начала вооружаться; и все в лагере вооружились, потому что они не слишком доверяли грекам. А из города начали выходить вестники, по одному или по двое, и они рассказывали те же новости. Совет баронов и графов, а также дожа Венеции решил так, что они направят послов в город, чтобы разузнать, как там обстоят дела, и коль скоро то, что им поведали, окажется правдой, то пусть потребуют от отца, чтобы он подтвердил условия, которые взял на себя его сын, а иначе они не позволят сыну вступить в город. Послы были избраны: одним был Матье де Монморанси, другим — Жоффруа, маршал Шампани, а еще два венецианца от дожа Венеции.

185. Послов проводили до ворот города, и отворили им ворота, и они спешили. И греки расставили англов и датчан с их секирами от ворот до Влахернского дворца. Там они увидели императора Сюрсака, столь богато одетого, что напрасно было бы искать человека, одетого более пышно, а рядом с ним его жену, императрицу, которая была прекрасной дамой, сестрой короля Венгрии. И там было столько других знатных мужей и знатных дам, что нельзя было и шагу ступить, и дам, столь богато разодетых, что пышнее и быть не может. И все те, кто за день до того был против него, в этот день все повиновались его воле.

186. Послы подошли к императору Сюрсаку; и император, и все остальные оказали им великие почести. И послы сказали, что они хотели бы поговорить с ним с глазу на глаз от лица его сына и баронов рати. И он встал; и он вошел в некие покои и повел с собой только императрицу, и своего канцлера, и своего толмача, и четырех послов. По согласию послов Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, взял слово и сказал императору Сюрсаку:

187. «Государь, ты видишь, как мы послужили твоему сыну и насколько мы выполнили наши обязательства по отношению к нему. Но он не может войти сюда, пока не получит подтверждения обязательств, которые взял по отношению к нам. И он просит вас как ваш сын подтвердить его обязательства в том виде и

таким образом, как он их принял в отношении нас». «Каковы же обязательства?» — спросил император. «Они такие, как я вам скажу», — ответил посол.

188. «Прежде всего поставить всю империю Романии в повиновение Риму, от которого она некогда отпала; потом выдать 200 тыс. марок серебром тем, кто находится в войске, и обеспечить малых и великих съестным на год; и доставить 10 тыс. человек на своих кораблях и содержать их за свой счет в течение года; и содержать за свой счет в заморской земле до конца своей жизни 500 рыцарей, которые будут охранять эту землю. Таково соглашение, которое сын ваш заключил с нами; и он скрепил его клятвой и грамотами с висячими печатями, причем и от имени короля Филиппа из Германии, чья жена — ваша дочь. Мы желаем, чтобы вы тоже подтвердили это соглашение».

189. «Разумеется, — сказал император, — обязательства очень велики, и я не вижу, как они могут быть исполнены. И тем не менее вы так послужили ему, и ему и мне, что, если даже вам отдать всю империю, вы этого вполне заслужили бы». И много было говорено и повторено всяких слов в этом роде. Но конец был таков, что отец подтвердил обязательства в том виде, как их принял сын, скрепив клятвой и висячей грамотой с золотой буллой. Грамота была вручена послам. Затем они покинули императора Сюрсака и возвратились обратно в войско и сказали баронам, что выполнили свое поручение.

194. Новый император часто навещал баронов в лагере; и он выказывал им великие почести, самые большие, какие только мог выказать; и, конечно, он должен был так поступать, ибо они ведь сослужили ему весьма добрую службу. И вот однажды он явился один повидать баронов в доме Бодуэна, графа Фландрии и Эно. Туда позвали частным же образом дожа Венеции и знатных баронов. И он молвил им слово и сказал им: «Сеньоры, я стал императором благодаря Богу и благодаря вам; и вы сослужили мне самую большую службу, какую когда-либо предоставляли христианину. Так знайте, что многие делают вид, что благоволят ко мне, а на самом деле вовсе меня не любят; и что греки весьма раздражены тем, что я вашими силами восстановлен в своем наследии.

195. Близок срок, когда вы должны уехать; а ваш уговор с венецианцами продлится лишь до праздника св. Михаила. В такой короткий срок я не могу исполнить своих обязательств по отношению к вам. Знайте, коль скоро вы меня покинете, что греки ненавидят меня из-за вас; я потеряю свою землю, и они меня убьют. Сделайте же то, что я вам сейчас скажу: если вы останетесь до марта, тогда я обеспечу вам ваш флот еще на год начиная с праздника св. Михаила, и я оплачу венецианцам расходы, и я выдам вам все, что будет надобно вам, до

Пасхи. А за это время я сумею так укрепиться в моей земле, что уже не потеряю ее; и мои обязательства вам тоже будут исполнены, ибо я получу деньги, которые притекут ко мне со всех моих земель; и у меня будут тогда корабли, чтобы плыть с вами или чтобы послать их с вами так, как я это обещал. И тогда у вас будет целое лето, с начала до конца, чтобы воевать».

196. Бароны сказали, что они поговорят об этом без него. Они хорошо понимали, что то, что он говорил, — правда и что это было бы лучше всего и для императора, и для них самих. И они ответили, что могут сделать это только с согласия всей рати, и что они потолкуют об этом со всеми ратниками, и что известят императора о том, что смогут узнать. Итак, император Алексей покинул их и возвратился обратно в Константинополь. А они остались в лагере и на следующий день держали совет, куда собрали всех баронов и всех командиров войска и большую часть рыцарей. И тогда всем были поведаны эти слова императора.

197. И тут в войске возникло великое несогласие, как это случалось не единожды из-за тех, которые хотели, чтобы войско распалось, ибо им казалось, что дело тянется слишком долго. И та часть, которая на Корфу была в несогласии с остальными, убеждала других сдержать свою клятву и сказала им: «Дайте нам корабли, как вы поклялись сделать, ибо мы намерены двинуться на них в Сирию».

198. А другие заклинали их и говорили: «Сеньоры, Бога ради, да не погубим честь, которую оказал нам Господь. Коль скоро мы двинемся в Сирию, то прибудем туда уже с наступлением зимы и не сумеем воевать: таким образом, дело нашего Господа будет загублено. Зато ежели мы обождем до марта, то оставим этого императора в хорошем положении и отправимся туда, имея вдоволь денег и провизии; и тогда мы двинемся в Сирию и повернем в землю Вавилонию; и флот наш останется с нами до самого праздника св. Михаила, а потом со дня св. Михаила до Пасхи, потому что венецианцы не смогут нас покинуть зимой. И таким-то образом Заморская земля сможет быть завоевана».

199. У тех, кто хотел расколоть войско, не было иных помыслов, лучших или худших, лишь бы войско распалось. А те, кто хотел сохранить войско в целости, потрудились так, что с помощью Бога дело решилось в конце концов вот каким образом: венецианцы снова поклялись оставить на год свой флот начиная с праздника св. Михаила. И император Алексей дал им, сколько требовалось. Пилигримы же со своей стороны поклялись венецианцам продолжить на этот самый срок союз с ними, так как это они уже однажды сделали...

201. Затем по общему согласию греков и французов император Алексей отправился из Константинополя с большим войском, чтобы приобрести себе империю и подчинить ее своей власти. С ним отправилась большая часть баронов, а другая осталась, чтобы охранять лагерь. Отправились с ним маркиз Бонифаций Монферратский и граф Гюг де Сен-Поль, и Анри, брат Бодуэна, графа Фландрии и Эно, и Жак д'Авень, Гийом де Шанлитт, Гюг де Колиньи и много других людей, о которых книга здесь умалчивает. В лагере же остались Бодуэн, граф Фландрии и Эно, и граф Луи Блуаский и Шартрский, и большая часть пилигримов.

202. И знайте, что во время этого похода, в который отправился император, все греки, по сю и по другую сторону Рукава, признали его и подчинились его власти, и принесли ему ленную присягу и оммаж, как своему сеньору, кроме одного только Иоанниса, который был королем Блакии и Бугрии. И этот Иоаннис был влахом, который восстал против его отца и против его дяди; и он воевал против них 20 лет и завоевал у них столько земель, что стал могущественным королем. И знайте, что по сю сторону рукава св. Георгия, на Западе, у него была отнята теперь едва лине половина. Но он не сдался ни под его власть, ни на его милость.

207. Император же Алексей довольно долго находился в походе, куда отправился, до праздника св. Мартина; и тогда он возвратился обратно в Константинополь. Велика была радость от его возвращения, так что греки и константинопольские дамы выехали навстречу своим друзьям пышной кавалькадой; и пилигримы тоже поехали навстречу своим, возвращению которых весьма возрадовались. Итак, император вернулся в Константинополь, во Влахернский дворец; а маркиз Монферратский и другие бароны вместе с пилигримами вернулись к себе.

208. Император, который весьма успешно сделал свое дело и решил, что он от них более не зависит, возгордился по отношению к баронам и ко всем тем, которые сделали ему столько добра, и даже не поехал повидаться с ними в лагерь, как имел обыкновение делать раньше. И они послали к нему, и просили его уплатить им деньги, которые он обязался уплатить. А он откладывал и откладывал уплату со дня на день; и время от времени он предоставлял им жалкие суммы; и наконец уплата и вовсе прекратилась.

209. Маркиз Бонифаций Монферратский, который послужил ему больше других и к которому он был благожелательнее, частенько наведывался к нему; и он упрекал его за вину перед ними, и напоминал ему о той великой службе, что они ему сослужили, столь великой, какая никогда никому не делалась.

А тот водил его за нос отсрочками и не выполнял ничего из того, что обязался: и дело зашло далеко настолько, что они увидели и ясно поняли, что он ищет причинить им только зло.

210. И бароны войска, а также дож Венеции держали совет. И они сказали, что поняли, что император не выполнит никаких обязательств, что он никогда не говорил им правды; что надо послать к нему добрых послов, чтобы потребовать от него выполнения их соглашения и чтобы напомнить ему о той службе, которую они ему сослужили, и спросить, хочет ли он исполнить, что предлагают послы; и что ежели он не хочет исполнить, то бросить ему от их имени вызов и твердо объявить, что они обеспечат причитающееся им, как сумеют.

211. Для этого посольства были избраны Конон де Бетюн и Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский, и Милон ле Бребан из Провэнса. И дож Венеции направил туда трех знатных мужей из своего совета. Послы сели тогда на своих коней, опоясавшись мечами, и сообщая поскакали ко Влахернскому дворцу. И знайте, что они пошли на весьма опасное дело и пустились на великое приключение — по причине вероломства греков.

212. И вот у ворот они спешили, и вошли во дворец, и увидели императора Алексея и императора Сюрсака, его отца, восседавших бок о бок на двух тронах; а рядом с ними восседала императрица, которая была супругой отца и мачехой сына и была сестрой короля Венгрии, дамой прекрасной и доброй; и было с ними множество знатных мужей, и все это походило прямо на двор могущественного властителя.

213. По согласию остальных послов слово молвил Конон де Бетюн, который был мудр и весьма красноречив: «Государь, мы пришли к тебе от лица баронов войска и от дожа Венеции. И знай, что они напоминают тебе о той великой службе, которую сослужили тебе, как это ведомо всякому и само по себе очевидно. Вы поклялись им, вы и ваш отец, выполнить соглашение, которое вы заключили с ними, и у них имеются ваши грамоты об этом; вы не соблюли соглашения так, как должны были.

214. Многожды они увещевали вас об этом, и мы увещеваем вас от их имени перед всеми вашими баронами соблюсти соглашение, которое заключено между вами и ими. Ежели вы это сделаете, то они будут вполне удовлетворены; а ежели вы не сделаете этого, то знайте, что с этого часа они не станут считать вас ни сеньором, ни другом, но постараются добиться того, что им причитается, всеми способами, какими только сумеют. И передают они вам, что не причинили бы вам зла, ни вам, ни кому-либо другому, не бросив вызов: ибо они никогда

не совершали предательства, и в их стране нет обычая поступать таким образом. Вы хорошо слышали то, что мы вам сказали, решайте же, как вам будет угодно».

215. Греки сочли этот вызов великим чудом и великой дерзостью, и они сказали, что никто и никогда не отваживался бросать вызов императору Константинополя в его покоях. Император Алексей весьма зло глядел на послов, и все остальные, которые до тех пор глядели на них с таким благоволением.

222. По совету и с согласия других однажды вечером, точнее в полночь, когда император Алексей спал в своих покоях, те, кто должен был его охранять, сам Морчуфль и другие, кто был вместе с ним, схватили его в его постели и бросили в темницу как узника. И Морчуфль с помощью и по совету прочих греков обулся в алые сапожки и стал императором. Потом его короновали в Святой Софии. Подумать только, ведь никогда никем не было совершено столь ужасное предательство.

223. Когда император Сюрсак услышал, что его сын схвачен, а тот коронован, им овладел великий страх и он захворал; болезнь продолжалась недолго, и он умер. А сей император Морчуфль два или три раза приказывал отравить его сына, которого он держал в заточении; и Богу было не угодно, чтобы он умер. После этого он задушил его насмерть, и, когда он был задушен, Морчуфль повсюду повелел говорить, что тот умер своей смертью; и он повелел похоронить его с почестями, как императора, и положить в землю; и он прикинулся, будто весьма опечален.

224. Но убийство нельзя скрыть: вскоре грекам и французам стало ясно, что было совершено убийство, как вы о том слышали из рассказа. Тогда бароны войска и дож Венеции собрались на совет; и там были епископы и все духовенство. И все церковнослужители, и те, кто имел полномочия от апостолика и показал их баронам и пилигримам, согласились в том, что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права держать землю, и те, кто согласился с подобным, — суть соучастники убийства, а кроме того, они уклонились от повиновения Риму.

225. «Посему мы говорим вам, — сказало духовенство, — что война является правой и справедливой. И если вы имеете правое намерение завоевать эту землю и поставить ее в подчинение Риму, то все те из вас, которые погибнут, исповедавшись, получают такое отпущение, какое апостолик уже даровал вам».

Знайте, что эти слова послужили великой поддержкой баронам и пилигримам.

226. Великая была война между франками и греками, ибо она не только не утихла, но разрослась и усилилась, и было мало дней, когда бы не бились на суше или на море. Однажды Анри, брат графа Бодуэна Фландрского, предпринял конный рейд и повел с собой большую часть добрых ратников из лагеря. С ним отправились Жак д'Авень и Бодуэн де Бовуар, и Эд де Шанлитт, Шампанец, Гийом, его брат, и люди из их страны. И как-то под вечер они выехали из лагеря; и они ехали верхами всю ночь; и на завтра, когда уже наступил день, они подъехали к некоему доброму городу, который назывался Филея, и они взяли его и захватили в добычу скот и пленников, и одеяния, и провизию, которые отослали на лодках в лагерь по течению Рукава, ибо город расположен был на Русском море.

227. В этом городе они оставались два дня, имея великий достаток провизии, которой там было в изобилии. На третий день они уехали вместе со своим скотом и своей добычей и поскакали обратно к лагерю. До императора Морчуфля дошли вести о том, что они покинули лагерь; и ночью вместе с большей частью своих людей он выехал из Константинополя; и тогда он устроил засаду там, где они должны были проезжать; и он увидел, как они проходили со всем своим скотом и со всей своей добычей, и боевые отряды, ехавшие один за другим, пока наконец не появился арьергард. Арьергард составляли Анри, брат графа Бодуэна Фландрского, и его люди. И император Морчуфль помчался навстречу им к опушке некоего леса; а они повернули против него и схватились в жаркой сече.

228. С помощью Божьей император Морчуфль был разбит и сам едва не попался в плен; и он потерял свое императорское знамя и икону, которую всегда приказывал нести перед собой и в которую имели великую веру он и все другие греки: на этой иконе была изображена Пресвятая Дева. И он потерял почти 20 рыцарей из лучших ратников, которых имел. Итак, император Морчуфль, как вы слушали, был разбит. И развернулась великая война между ним и франками. И уже миновала большая часть зимы, и время было близко к Срежнему, и приближался Великий пост.

246. Так этой ночью отдыхали наши ратники, которые сильно притомились. Но император Морчуфль не отдыхал, он собрал своих людей и сказал, что пойдет на французов. Однако он не сделал так, как сказал, а ускакал по другим улицам как можно дальше от того места, где располагались те, кто находился в нашем войске, и подъехал к воротам, которые называются Золотыми воротами. Через них он бежал и покинул город; и вслед за ним бежали те, кто мог отсюда бежать, а наши ратники об этом ничего и не знали.

247. В эту ночь в той стороне, где расположился Бонифаций, маркиз Монферратский, не знаю, какие люди, опасавшиеся, как бы греки не напали на них, подложили огонь между ними и греками. И город начал гореть, и пламя стало бурно распространяться, и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день до самого вечера. И это был третий пожар в Константинополе с той поры, как франки пришли в эту землю. И сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции.

248. Эта ночь прошла, и настал день, который был вторником, и было утро. И тогда все в войске вооружились, и рыцари, и оруженосцы; и каждый встал в свой боевой отряд; и они выступили из места, где располагались, и думали, что встретят отпор куда больший, чем тот, что накануне; ведь они ничего не ведали о том, что император в тот день бежал. Но они не встретили никого, кто выступил бы против них.

249. Маркиз Бонифаций Монферратский проскакал вдоль всего берега, прямо к дворцу Львиная Пасть. И когда он прибыл туда, дворец был ему сдан с тем, что всем, кто в нем был, сохранят жизнь. Там увидели многих самых знатных дам на свете, которые укрылись во дворце; увидели там сестру короля Франции, которая некогда была императрицей, и сестру короля Венгрии, которая тоже некогда была императрицей, и множество других знатных дам. О сокровищах, которые были в этом дворце, и не рассказать, ибо их там имелось столько, что не было им ни числа, ни меры.

250. Точно так, как этот дворец был сдан маркизу Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец был сдан Анри, брату графа Бодуэна Фландрского, с тем, что сохранят жизнь тем, кто в нем находился: там тоже были найдены несметные сокровища, которых было не меньше, чем во дворце Львиной Пасти. Каждый ввел своих людей во дворец, который был сдан ему, и приказал стеречь сокровища. И остальные ратники, которые разбрелись по всему городу, захватили изрядную толику; и добыча была столь велика, что никто бы не мог сказать вам, сколько там было золота и серебра, и утвари, и драгоценных камней, и шелковых материй, и одеяний из атласа, и одеяний на беличьем меху и подбитых мехом горноста, и всяческих драгоценных вещей, какие когда-либо имелись на земле. И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, со всей правдивостью свидетельствует по истине и по совести, что со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи.

251. Всякий взял себе жилище, какое ему понравилось, а их было достаточно. Так разместились рать пилигримов и венецианцев. И велика была ра-

дость из-за чести и победы, которую им дал Бог, ибо те, кто находился в бедности, теперь пребывали в богатстве и роскоши. Так отпраздновали они Вербное воскресенье, а потом и Великую пасху в этой чести и в этой радости, которую дал им Бог. И они должны были, конечно, как следует восхвалять за это нашего Господа: ведь их всего-то было не более 20 тыс. вооруженных людей, а с Божьей помощью они одолели 400 тыс. человек или даже больше, и притом в самом могущественном городе, какой только был во всем мире, в огромном городе, укрепленном наилучшим образом.

252. Тогда возгласили по всему войску от имени маркиза Монферратского, который был предводителем войска, и от имени баронов, и от имени дожа Венеции, чтобы все добро было снесено и собрано воедино, как о том было договорено и скреплено клятвой, чтобы это было сделано под страхом отлучения. А места были определены в трех церквах, и там поставили охрану из французов и венецианцев, самых честных, каких могли сыскать. И тогда каждый начал приносить добычу и складывать вместе.

253. Кто приносил сполна, а кто — утаивая, ибо алчность, которая есть корень всех зол, не оставляла их; так корыстолюбцы начали попридерживать с этого времени разные вещи, и наш Господь начал их меньше любить. О, Боже, как достойно они вели себя до тех пор! И Господь бог въяве показывал им, что во всех их делах он им споспешествовал и возносил их над всеми прочими людьми; но сколько же раз добрые терпели из-за дурных!

254. И вот деньги и добыча были собраны воедино; и знайте, что принесено было не все, ибо довольно нашлось там таких, которые удержали кое-что из добычи, невзирая на угрозу отлучения апостоликом. То, что было принесено в церкви, было собрано и разделено пополам между франками и венецианцами так, как о том все и поклялись. И знайте, что когда они поделили добычу, то пилигримы уплатили из своей доли 50 тыс. марок серебром венецианцам; а чуть ли не 100 тыс. марок из нее же они поделили между своими людьми. И знайте, каким образом: двое пеших оруженосцев получили столько же, сколько один конный оруженосец, а два конных оруженосца — столько же, сколько один рыцарь. И знайте, что никто, какого бы он ни был ранга и какие бы ни имел заслуги, не получил больше, чем сколько было решено и установлено, если только не было украдено.

256. Тогда они собрались на совет, и вся рать изъявила волю, что желает поставить императора, как это и было уговорено. И они проговорили там столько, что назначили другой день; и в этот день должны были избрать 12 че-

ловек, на которых возложить выборы. И не могло того быть, чтобы не нашлось многих, которые бы ни рассчитывали и ни желали бы удостоиться столь великой чести, как трон Константинопольской империи. Но самое большое несогласие, которое там произошло, это был спор из-за графа Бодуэна Фландрского и д'Эно и маркиза Бонифация Монферратского; и все говорили, что из этих двух кто-то будет избран императором.

259. Так были выбраны 12 человек и был назначен день для выборов. И в день, который был назначен, они собрались в одном богатом дворце, где разместился дож Венеции, одном из самых прекрасных на свете. Там собралось такое множество людей, что это было прямо-таки великое чудо, ибо каждый хотел видеть, кто будет избран. Позвали 12 человек, которые должны были произвести избрание; и они были отведены в некую весьма богатую часовню, которая была в этом дворце. И за ними заперли дверь снаружи так, что с ними никто не остался. А бароны и рыцари остались в этом большом дворце, отделенном от часовни.

260. И совет продолжался до тех пор, пока они не пришли к согласию. И они поручили молвить слово по доверию всех остальных Нивелону, епископу Суассонскому, который был одним из двенадцати; и они вышли наружу, туда, где были все бароны и дож Венеции. Вы можете представить себе, что на них глядело множество людей, которые жаждали узнать, каков же будет итог выборов. И епископ молвил слово и сказал им: «Сеньоры, благодарением Божиим мы договорились поставить императора; а вы все поклялись, что того, кого мы выберем императором, того вы и будете считать императором, и, если кто-либо захочет воспротивиться этому, вы окажете подмогу избранному. И мы назовем его имя как раз в этот час, когда родился Бог: граф Бодуэн Фландрский и д'Эно».

263. Настал срок коронации, и император Бодуэн был коронован при великом ликовании и с великими почестями в церкви св. Софии, в год от воплощения Иисуса Христа 1204-й. О радости и о торжестве не надобно и говорить: бароны и рыцари сделали все, что только смогли. И маркиз Монферратский и граф Луи почтили Бодуэна как своего сеньора. После великой радости и коронации его повели в пышном шествии на великое празднество во дворец Львиная Пасть, столь великолепный, что никогда не видели ничего более великолепного. А когда празднество закончилось, император завел разговор о своих делах.

303. Тогда приступили к разделу земель. Венецианцы получили свою долю, а воинство пилигримов — остальную. И когда каждый узнавал, какая земля ему назначена, то жадность, царящая в мире, которая причиняла столько зла, не

давала им покоя; и каждый принялся творить зло в своей земле, один — больше, другой — меньше, и греки начали ненавидеть их и вынашивать злобные чувства к ним.

333. Но греки, которым весьма свойственна была неверность, не исторгли притворства из своих сердец. В это самое время они увидели, что франки крайне разбросаны по разным землям и что каждый действует ради своих собственных интересов: тут-то они и подумали, что сейчас самое время, когда могут их предать. И они назначили тайно вестников из всех городов страны и послали их к Иоанну, королю Блакии и Бугрии, который воевал с ними и постоянно вел против них войну; и они передали ему, что поставят его императором, и что они все перейдут на его сторону, и что они перебыют всех французов; и они поклялись ему, что будут повиноваться ему как своему сеньору с тем, чтобы он поклялся им, что будет поддерживать их как своих собственных подданных. Так была принесена клятва.

(пер. М. А. Заборова)

Текст воспроизведен по изданию: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1993. С. 26–85.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ФРЯГАМИ

В год 6712 (1204). Царствовал Алексей в Царьграде, в царстве Исаака, брата своего, ослепив которого, он сам стал цесарем. А сына его, Алексея, держал под стражей в заточении, за высокими стенами, чтобы не убежал. И прошло некоторое время, и решился Исаак просить за сына своего, чтобы прежде него выпустил сына из темницы. И упросил Исаак брата, и поклялся ему вместе с сыном, что не помыслят они о царстве, и выпущен был сын из темницы, и стал жить на свободе. Цесарь же Алексей не остерегался его, веря брату Исааку и сыну его, ибо те клялись ему. И потом же Исаак, поразмыслив, снова захотел царствовать и стал подстрекать сына своего, посылая к нему тайно: «Я, мол, добро сделал брату своему Алексею, выкупив его у варваров, а он отплатил мне злом: ослепив меня, завладел моим царством». И возжелал сын того, на что подстрекал его отец, и стали размышлять они, как бы бежать Алексею из города в дальние страны и оттуда добиваться престола. И приведен он был на корабль, и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел Исаакович, а с другого конца, где затычка, была налита вода: ибо нельзя было иначе бежать из города. И так покинул он Греческую землю. И, узнав об этом, цесарь послал искать его. И стали искать его повсюду, и пришли на тот

корабль, где он был, и все обыскали, и из бочек повыбивали затычки, но, видя, что течет вода, ушли, так и не найдя его.

И так бежал Исаакович, и прибыл к немецкому цесарю Филиппу, к зятю своему и к сестре своей. А цесарь немецкий послал к папе в Рим, и так они повелели: «Не воюйте с Царьградом, но так как говорит Исаакович: “Весь град Константинополь хочет, чтобы я царствовал”, то, посадив его на престоле, отправляйтесь дальше, в Иерусалим, на помощь; а если не примут его, то приведите его обратно ко мне, а зла не причиняйте земле Греческой».

Фряги же и все полководцы их помышляли лишь о золоте и серебре, обещанном им Исааковичем, а повеления цесаря и папы забыли. Войдя в Суд, прежде всего разбили железные цепи и, подступив к городу, с четырех концов подожгли строения. Цесарь же Алексей, увидев пожар, не стал сопротивляться врагам. Призвал он к себе брата Исаака, им же ослепленного, возвел его на престол и сказал: «Даже если и ты это сделал, брат,— прости меня, вот твое царство»,— и бежал из города. И пострадали от пожара город и церкви несказанной красоты, которых нам и не перечислить. И сгорел притвор у Святой Софии, где изображены все патриархи, и ипподром, и до самого моря, а там и до Цесарева затвора и до Суда все сгорело. И тогда погнался Исаакович с фрягами за цесарем Алексеем, но не догнал его, и возвратился в город, и согнал отца с престола, а сам стал цесарем: «Ты, мол, слепой, как же сможешь управлять государством? Я буду цесарем!» Тогда цесарь Исаак, скорбя о городе, и о царстве своем, и о разграблении монастырей, которые давали золото и серебро, обещанное фрягам, разболелся и постригся в монахи, и покинул этот свет.

После смерти Исаака народ восстал против сына его, возмущенный сожжением города и разграблением монастырей. И собралась чернь, и призвали к себе знатных людей, советуясь с ними, кого царем поставить. И все стояли за Радиноса. Но он не хотел царствовать и, спасаясь от них, постригся в монахи. Жену же его схватили, и привели в Святую Софию, и долго требовали у нее: «Скажи нам, где муж твой?» И не сказала она о муже своем. Потом привели человека по имени Никола, воина, и его венчали на царство без патриарха, и шесть дней и шесть ночей совещались в Святой Софии.

А цесарь Исаакович был во Влахерне и хотел, втайне от бояр, ввести в город фрягов. Но бояре, узнав об этом, успокоили цесаря, не дали ему впустить фрягов в город, говоря: «Мы за тебя». А потом испугались бояре, что войдут фряги в город, и, посовещавшись с Мурчуфлом, схватили цесаря Исааковича, а Мурчуфла венчали на царство.

Мурчуфла того Исаакович освободил из темницы, взяв с него клятву, что не будет он добиваться престола у Исааковича, а будет ему помогать. Мурчуфл же послал к Николе к к народу в Святую Софию сказать: «Схватил я врага вашего, Исааковича, я ваш царь, а Никола будет у меня первым сановником, но пусть сложит царский венец». И все люди не давали тому отречься от престола и, напротив, заклинали: «Кто отступится от Николы, да будет проклят!» Однако в тот же день, дождавшись ночи, разбежались все, а Николу схватили, и жену его захватил Мурчуфл, и посадил их в темницу, и Алексея Исааковича заточил, а сам Мурчуфл стал царем в пятый день февраля, надеясь расправиться с фрягами.

Фряги же, узнав, что схвачен Исаакович, стали грабить окрестности города, требуя у Мурчуфла: «Выдай нам Исааковича, и пойдем к немецкому цесарю, кем и посланы мы, а тебе — царство Исааковича». Мурчуфл же и все бояре не выдали его живым, а умертвили Исааковича и сказали фрягам: «Умер он, приходите и увидите сами». Тогда опечалились фряги, что нарушили заповедь: не велели им цесарь немецкий и папа римский столько зла причинять Царьграду. И пошли среди них разговоры: «Раз уж нет у нас Исааковича, с которым мы пришли, так лучше умрем под Царьградом, чем отступим от него с позором». И с той поры начали осаду города.

И пустились на хитрости, как и раньше: приготовили к штурму корабельные реи, а на других кораблях установили тараны и лестницы, а с третьих приготовились метать через городскую стену бочки со смолой. И зажгли лучины на бочках, и метали их на дома, и, как прежде, зажгли город. И пошли на приступ в девятый день апреля, в пятницу пятой недели поста, но ничего не сделали городу, и было убито около ста фрягов. И стояли здесь фряги три дня, и в понедельник Вербной неделя на восходе солнца приступили к стенам напротив Святого Спаса, называемого Вергетис, и против Испигаса и далее до самой Влахерны. Подошли же на сорока больших кораблях, среди которых были и дромоны, а в них — люди на конях, и сами в доспехах, и кони их. Другие же корабли и галеи фряги поставили позади, опасаясь, что их подожгут, как в тот раз, когда пустили греки на них десять кораблей с огнем, установив паруса на попутный ветер, в ночь на Васильев день, но не смогли причинить вреда фряжским кораблям: Исаакович посоветовал грекам пустить корабли на фрягов, а сам предупредил тех об этом, поэтому и не сгорели фряжские корабли.

И вот как был взят Царьград великий: подогнало ветром корабль к городской стене, и были огромные лестницы на нем выше стен, а короткие — на уровне заборол, и стреляли фряги с высоких лестниц по грекам и варягам, оборонявшим городские стены, камнями, и стрелами, и сулицами, а с коротких пе-

релезли на стену; и так овладели городом. Цесарь же Мурчуфл воодушевлял бояр и всех людей, надеясь дать отпор фрягам, но не послушали его: разбежались от него все. Тогда бежал цесарь от фрягов, но они настигли его на Конном рынке, и горько сетовал он на своих бояр и народ. И бежал цесарь из города, а с ним патриарх и все бояре.

И вступили фряги в город в двенадцатый день апреля, на праздник святого Василия Исповедника, в понедельник, и расположились на том месте, где недавно еще стоял греческий цесарь — у Святого Спаса,— и тут простояли всю ночь. А наутро, с восходом солнца, ворвались фряги в Святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре кивотных; и тязло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними — шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные — все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях, и в стенах, и в сосудохранильнице — не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь Святой Софии, но и Святую Богородицу, что на Влахерне, куда Святой Дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую Богородицу, спас Бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни перечислить их, ни рассказать о красоте их. Монахов, и монахинь, и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города.

А вот имена полководцев их: первый — маркграф из Рима, из города Вероны, где жил когда-то язычник жестокий Теодорих. А второй — граф Фландрский. А третий — дож слепой с острова Марка, из Венеции. Этого дожа ослепил цесарь Мануил, ибо многие мудрые убеждали цесаря: если отпустишь этого дожа невредимым, то много зла принесет твоему царству. Цесарь же не захотел его убить, но повелел ослепить его стеклом, и были глаза его как бы невредимы, а перестал он видеть. Этот дож постоянно замышлял козни против города, и все слушали советов его, и ему принадлежали огромные корабли,

с которых город был взят. А стояли фряги у Царьграда с декабря по апрель, когда и был взят город. А в мае, девятого числа, поставили цесарем своего латинянина — графа Фландрского — решением своих епископов, и власть между собою поделили: цесарю — город, маркграфу — Суд, а дожу — десятина. Вот так и погибло царство богохранимого города Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землей той фряги.

(подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)

Текст воспроизведен по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 //

Электронные публикации ИРЛ РАН.

URL:<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4950>

НИКИТА ХОНИАТ

ИСТОРИЯ

Крестоносцы и германо-византийская дипломатия

...Также и сыну Исаака Алексею, освободив его из заключения, император предоставил полную свободу и даже, собираясь в поход против протостратора, взял его с собой, остановившись на пути в Дамокранию. Алексей же (разумеется, по совету своего отца) договорился с одним пизанцем, командовавшим большим купеческим кораблем, о бегстве и ждал только удобного случая, чтобы ускользнуть морем и скрыть свои следы водою. Как только наступило благоприятное для отплытия время, корабль, распустив паруса, отправляется с попутным ветром и благополучно пристает в Авлонии на Геллеспонте. С корабля была послана в Афиру за Алексеем лодка, а чтобы скрыть истинное намерение, ее загрузили песком для балласта, будто бы необходимого судну после разгрузки товаров. Бежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на лодку и переправился на корабль. Когда же о бегстве его стало известно, василевс послал обыскать корабль, но посланные не смогли найти Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой латинян и укрылся, таким образом, от разыскивавших его. Приехав в Сицилию, Алексей дает знать об этом своей сестре. Она же, выслав ему навстречу сильную охрану, приняла брата с распростертыми объятиями и стала просить своего мужа Филиппа сделать все возможное, чтобы защитить ее отца, лишённого своими близкими не только власти, но и зрения, и помочь брату, блуждающему, подобно звезде, без крова и отечества и ничего не имеющему при себе, кроме собственной особы...

...Едва лишь флот латинян приготовился к отплытию, как к одной беде для ромеев присоединилась другая, по пословице - беда за бедой, как волна за волной: появился Алексей, сын Исаака Ангела, снабженный грамотами папы Древнего Рима и Филиппа, короля Алемании, обещавших щедро отблагодарить эту пиратскую шайку, если она примет Алексея и поможет ему вернуться в отцовскую империю. Вскоре с величайшим удовольствием он был принят флотом, в надежде на-то, что Алексей не только даст разбойничьей экспедиции против ромеев удобный повод и придаст ей благовидную внешность, но и удовлетворит их алчность и корыстолюбие несметными богатствами. Приняв к себе Алексея, мальчишку сколько по летам, столько же и по уму, все эти ловкие и искушенные в делах мужи уговорили его поклясться в том, что он не в состоянии был исполнить никогда. В самом деле, этот ребенок согласился на их требование не только дать им море денег, но и предоставить помощь для похода на сарацин ромейскими воинами и пятьюдесятью трехгрешными кораблями...

Крестоносцы в Константинополе. 1203 г.

...Благодаря необычайно счастливому плаванию (потому что на всем пути в море дули тихие и самые благоприятные для их кораблей ветры) латиняне появились у Константинополя, прежде чем в городе узнали об их приближении. Они подошли к Халкедону, а вскоре затем подступили к Перее, лежащей на противоположном, восточном, берегу залива чуть ниже Диплокиона (военные корабли - на веслах, грузовые - на парусах) и встали там на якорь на таком расстоянии от суши, чтобы быть вне пределов досягаемости стрел. Дромоны же причалили к Скутари...

...Спустя несколько дней прибыли во дворец военачальники латиняне, и не только они, но и знатные родом среди них. Принесли лавки, и все латиняне сели подле императоров, слушая, как их называют благодетелями и спасителями, охотно принимая и любое другое приятное обращение, так как они наказали властолюбивого Алексея III за его ребячество и помогли бедствующим императорам. Но не только это: они пользовались всяческим расположением, им были выказаны обходительность, забота и ласка; а Исаак, если что и утаилось в императорской сокровищнице и что сам он приобрел, заключив императрицу Ефросинью и ее родственников, все это он обеими руками вытаскивал и щедро преподносил латинянам. Но так как и это казалось получавшим каплей (ибо нет другого народа более корыстолюбивого, жадного до пиров и расточительного, чем это племя) и так как они всегда жаждали потоков Тирренского моря, импе-

ратор нечестиво схватился за неприкосновенное, и с этих пор, я думаю, дела ромеев вконец расстроились и пришли в упадок...

...19 августа, шестого индикта, шесть тысяч семьсот одиннадцатого года какие-то французы (т. е. те, кого прежде называли фламионами), соединившись с частью пизанцев и венецианцев, переправляются через залив и набрасываются, словно на приготовленное угощение или счастливую находку, на принадлежащее сарацинам имущество. И вот эта грязная банда, добравшись до города на рыбачьих лодках (ведь никого не было, кто воспрепятствовал бы им плавать туда и сюда), тайно нападают на постой сынов Агари, в просторечье называемый Митатом, и, с мечом в руке, расхищают все, что там находят.

...Еще не погасло пламя пожаров, как сбор и переплавка церковных сокровищ возобновились с еще большим, чем прежде, размахом, Войско же латинян использовало поступавшее к нему таким образом золото и серебро, словно простой материал, на свои плоские потребности и беззаботно расточало его на рынках. И хотя они хорошо знали, откуда поступают выделенные им деньги, они уверяли себя в своей непогрешимости, так как берут причитающиеся им деньги, а на долю ромеев, заботящихся о своем и оскверняющих господнее, оставляли гнев всевышнего...

...Уезжая в сопровождении немногих в палатки варваров, Алексей пьянствовал вместе с латинянами и целыми днями играл с ними в кости. Товарищи его забав, снимая у него с головы венец, сделанный из золота и усыпанный драгоценными камнями, водружали его на себя, а Алексею набрасывали на плечи грубый шерстяной плащ латинской пряжи...

...Взыскивающие же деньги латиняне, насмехаясь над простодушием ромеев и издеваясь над глупостью императоров, хотели, чтобы, в то время как одни выгружают у них драгоценности, другие уже стояли бы подле тяжело нагруженными, третьи были бы на походе с новым золотом, а четвертые готовились бы к отправлению, и чтобы все это происходило непрерывно. Поэтому один за другим появлялись в богатых предместьях столицы, святых храмах Пропонтиды, блестящих дворцах императоров латинские полководцы, вооружаемые друг другом, грабили все, что там находили, а сами дома предавали огню; ни одного прибрежного здания не пощадили эти дьяволом посланные варвары, чуждые чувства прекрасного. Чаще же, подплывая к прибрежным частям города, они вступали там в схватки, но иногда победа улыбалась и ромеям, и вообще не доставалась противнику даром.

Это придало мужества горожанам, и они обратились к императору с просьбой помочь им, верным соотечественникам, вместе с войском в противоборстве с противником, если, конечно, император не на словах только отвержен ромеям, а сердцем склоняется к латинянам. Просьбы, однако, не увенчались успехом: Алексей, вообще не приспособленный для борьбы с латинянами, считал это бесполезным, да и отец его Исаак убеждал Алексея позволить простонародью болтать впустую, а тех, кто вернул его на родину, удостаивать наивысших почестей. К этому мнению склонялись и остальные члены царского рода - мальчишки, по-мальчишески ублажавшие Алексея. Некоторые же, завязав дружбу с латинянами, относились к просьбам сограждан, как к пустому вздору, так избегая столкновений с латинянами, как стадо оленей избегает рычащего льва...

Захват и разграбление византийской столицы крестоносцами в апреле 1204 года

...Бесстыдно бросились они грабить, начав с лошадей не только имущество горожан, но и то, что посвящено богу. Тому же, что нечестиво творили они в Великой Церкви, трудно поверить. Алтарный престол, сложенный из драгоценных материалов, сплавленных огнем и слившихся друг с другом в вершину многоцветной красоты, необыкновенный и вызывавший удивление у всех народов, был разбит и разделен на части грабителями, равным образом и все церковные сокровища, несметные количеством и бесконечно прекрасные. Когда же им понадобилось, словно добычу, вывезти пресвятые сосуды и церковную утварь, непревзойденного искусства и изящества, созданные из редких материалов, а также чистейшее серебро, покрытое позолотой, которым была выложена решетка алтаря, амвон и врата и которое было вплавлено во многие другие украшения, в святая святых храма они ввели мулов и оседланный вьючный скот, но так как некоторые животные скользили и не могли стоять на ногах на до блеска отполированных камнях, латиняне закалывали их мечами, так что божественный пол был осквернен не только пометом, но и кровью зверей.

...Во всех отношениях трудно и почти невозможно было смягчить мольбами или как-то расположить к себе этих варваров, настолько они были раздражительны, прямо-таки изрыгая желчную ненависть при всяком неугодном им слове. Все могло разжечь их гнев, заслужить невежественную насмешку. Того же, кто хоть в чем-то возражал им или отказывал им в их желаниях, били за дерзость, а частенько обнажали против него и меч...

...В тот день, когда город был захвачен, грабители останавливались в любом доме, расхищали все, что находили внутри, допрашивали хозяев о припрятанном; некоторых они били, многих уговаривали добром, но угрожали всем. И даже тогда, когда одно они уже имели, другое выслеживали, одно лежало у них перед глазами и было принесено владельцами, а другое они отыскивали сами, даже тогда не было от них никакой пощады.

...Противник проводил время в бесчинствах, забавах, причем самых нечестивых, и в высмеивании обычаев ромеев. Одни из них, облачившись не к месту, для смеха в плащи с пурпурной каймой, болтались по улицам или разъезжали туда и сюда по городу, надев на головы лошадей головные уборы, покрытые тонким полотном, и повязав их челюсти лентами из белого льна, которые [у сенаторов] висели за спиной, Другие носили писчие тростинки и чернильницы, а в руках держали книги, насмехаясь над нами, как грамотеями... Целыми днями латиняне пировали и пьянствовали. Одни налегали на изысканные блюда, другие приказывали подавать себе пищу отцов, которая состояла из разваренных в котлах спин бычьего мяса, кусков свиной солонины, сваренной с мучнистыми бобами, а также из чесночных приправ и соусов из различных соков, острых на вкус.

Когда же они делили добычу, то не было для них разницы между мирской утварью и священными сосудами: равным образом все использовали они для своих плотских нужд, не заботясь ни о боге, ни о правосудии. Даже из божественных изображений Христа и святых они делали сиденья и скамейки для ног...

(пер. М. А. Заборова)

Текст воспроизведен по изданию: История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977. С. 202–203, 244–246, 269.

ДУКА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Гл. 35. Итак, когда прошло лето 1452 г. и началась пора осенняя, тиран, проводя время дома, не давал покоя очам, но ночью и днем имел думу о городе, — как бы взять его, как бы сделаться его господином. Итак, когда он был еще в крепости [на Босфоре] и строил ее, вышел из города один мастер, сооружающий камнеметные пушки, — родом венгр, мастер искуснейший. Задолго до того явившись в Константинополь, он объявил приближенным царя о своем искусстве, а те доложили об этом царю. Царь же назначил ему содержание, недо-

стойное его знаний, — но и его, сколь ничтожно и малочисленно оно было, не выдавали мастеру. Поэтому, отчаявшись, он оставил город и бежал к варвару. А тот, с любовью приняв его и оказав ему почести, дает ему и провиант и одежду, а плату такую, что если бы царь дал только четвертую ее часть, не убежал бы этот мастер из Константинополя. Итак, был он спрошен вождем, может ли он вылить большую пушку, бросающую огромной величины камень, — так, чтобы можно было преодолеть прочность и толщину городской стены. Он же ответил: «Я могу, если ты хочешь, изготовить бомбарду, которая будет бросать каменные ядра любой величины. Я точно знаю стены города: не только эти, но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей бомбарды ядро. Все это дело я хорошо выполню; но самой стрельбы я не знаю и о ней не договариваюсь». Услышав это, вождь сказал: «Приготовь мне бомбарду; относительно же метанья камня сам посмотрю». Начали собирать медь, а мастер изготовил модель пушки. Итак, в три месяца было сооружено и выплавлено чудище некое — страшное и необыкновенное.

В крепости же Баск-Кесен в дни те случилось следующее: проходил из Стомия большой венецианский корабль, — капитаном его был Ритзос; и, так как он не спустил парусов, то гарнизон крепости пустил в него из пушки огромное каменное ядро: ядро пробило корабль, и, когда он стал тонуть, капитан и остальные тридцать человек сели в лодку и добрались до берега. А турки, схватив их и связав им руки и шеи цепью, как бы на одной веревке, отвели их к вождю, проживавшему тогда в Дидимотихе. А он приказал, чтобы все они были обезглавлены; капитана же велел лишить жизни, посадив на кол. Все они оставлены были без погребения, и их трупы я видел, когда, спустя немного дней, проживал там.

Явившись из Дидимотиха в январе месяце в Адрианополь и подготовив все военное снаряжение, вождь пожелал испробовать пушку, которую соорудил тот мастер. И вот, при помощи машин, поставили ее пред великими воротами у входа во дворцы, построенные в тот год, и, как следует вложив камень и отмерив пороху, думал он назавтра разрядить ее. По всему Адрианополью было объявлено, что гул и грохот будут, как от грома небесного; это было сделано, дабы от внезапного грохота люди не онемели, а беременные женщины не разрешились преждевременно. Итак, рано утром мастер поднес огонь к пороху; когда нагрелся в бомбарде воздух, и ядро было выброшено, оно полетело, наполнив воздух тяжким шумом, окутав все дымом и мглой. Гул же распространился в длину до 100 стадий; а камень упал далеко от того места, откуда был выпущен,

— примерно в одной миле. В месте же, где он упал, образовалась яма величинной в сажень. Такова сила взрыва пороха, бросающего камень.

А вождь ночью и днем, ложась в постель и вставая, внутри своего дворца и вне его, имел одну думу и заботу, какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем. Часто, когда наступал вечер, с двумя сопровождающими в одних случаях на коне, а в других пешком, — в облике воина обходил он весь Адрианополь, слушая, что говорят о нем. И, если кто из толпы постигал в уме, что это вождь, и, по обычаю, добрым словом хотел приветствовать его, он тотчас, не щадя и не жалея, наносил смертельный удар: подобно тому как иной, растирая блоху, чувствует некоторое удовлетворение, так и он, собственной рукой убивая — сам достойный смерти — находил в этом наслаждение. Итак, в одну из ночей, около второй стражи, послал он некоторых из дворцовых телохранителей привести Халил-пашу. Они же, придя, передали приказ евнухам, а те, войдя в его спальню, сообщили, что его зовет вождь. Тот же, охваченный дрожью и придя в отчаяние, обняв жену и детей, отправился, неся с собой одно золотое блюдо, полное золотых монет. Ибо всегда он имел страх в сердце своем по причине, о которой я сообщал раньше. Войдя же в спальню вождя, увидел он его сидящим и одетым. И преклонился он пред ним и положил пред ним блюдо; а вождь сказал: «Что это, лала?» (как сказал бы кто на народном нашем языке: «тата», т. е. наставник). Он же ответил: «Господин! Обычай есть у сатрапов: если вождь позовет кого из вельмож не в пору, не приходиться на лицезрение его с пустыми руками. Да ничего из своего не принес я тебе, чтобы явиться пред тобою; но твоя от твоих принес». Вождь же ответил: «Еще нет у меня нужды в твоём. Лучше я подарю тебе: и притом еще больше. Одного прошу: дать мне город». Халил же задрожал весь при этом слове, потому что всегда он покровительствовал ромеям; ромеи имели его как правую свою руку и правую его руку наполняли дарами. И пели о нем все: «Кавур Ортаги», т. е. «неверных вскормленник, их защитник». Тогда, отвечая вождю, Халил сказал: «Господин! Бог, давший тебе в руки весьма большую часть земли ромеев, даст тебе и город. Ибо, как мне кажется, при божьей помощи и твоей силе не избежит он рук твоих. А я и все рабы твои будем помогать тебе, — не деньгами только, а плотью и кровью, — и относительно этого нашего намерения ты не заботься». Слова эти на некоторое время смягчили дикого зверя, и говорит он Халилу: «Видишь подушку? Всю ночь бродил я по комнате из одного угла спальни в другой, а из другого в следующий, — то садился за стол, то вставал: и сон не приходил очам моим. Итак, говорю я тебе: прельщаясь серебром или золотом, не забудь ответа, который дал ты мне сейчас; мы упорно бу-

дем бороться с ромеями и, уповая на благоволение божие и молитву пророка, город возьмем». Итак, вместе с этими и другим льстивыми словами высказав и некоторые содержащиеся среди лести неприятные Халилу намеки, от которых сжималось сердце и сохла кровь, вождь отпустил его, говоря: «Ступай с миром!» И проводя все те ночи без сна и беспокоясь, не оставлял он дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, — а попросту сказать: всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром, по его приказу, все делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро.

Гл. 36. Пройдем теперь в город и посмотрим, какая у жителей его дума и забота, чтобы город спасся от руки Навуходоносора. Царь уже послал в Рим послов, прося помощи и стремясь к соединению с Римом в единомыслии и унии, какая была установлена во Флоренции; и папа должен был получить в Великой Церкви поминовение за богослужением, а патриарх Григорий возвратиться на престол свой; и звал император, чтобы прибыли к нему послы от папы, чтобы папа укротил непримиримую вражду схизмы. И вот послал папа кардинала Польши — некогда был он архиепископом России — Исидора, мужа умного и рассудительного и наставленного в правых догматах, ромея по происхождению; на Флорентийском соборе он был одним из выдающихся отцов. Когда с очень большим кораблем генуэзцев он прибыл на остров Хиос, он прожил там достаточно дней, пока купцы того корабля торговали: что было нужно, отдавали, а что им требовалось, получали; — ожидали они к тому же и другой корабль, который должен был плыть вместе до Кафы. Итак, кардинал, имея с собой до пятидесяти человек из итальянцев, нанял за плату и других многочисленных латинян с Хиоса. И вот, когда показался ожидаемый ими корабль, вышли они из Хиоса и поплыли в Константинополь, прибыв в него в ноябре месяце 6961 г. И царь принял их ласково и оказал им, как приличествовало, почести. Дошли они, наконец, и до разговоров об унии и нашли, что царь был согласен на это, как и отдельные из церковников. Наибольшая же часть священнического и монашеского чина — игумены, архимандриты, монахини, — все были против. Что я говорю: «наибольшая?» Монахини побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно. Тем не менее те из клириков, — священники и диаконы, — которые показывали себя держащимися постановления об унии, и царь с синклитом, придя в Великую церковь, пожелали совершить там богу в общем единомыслии литургию и нековарной мыслью вознести ему молитвы. Тогда

схизматическая часть, явившись в монастырь Пантократора, к келье Геннадия — некогда Георгия Схолария, — говорила ему: «А мы что будем делать?». Тот же, быв в затворе, взял бумаги, написал свое мнение и чрез записку объявил и совет свой. А написанное объявляло так: «О, жалкие ромеи! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились от надежды на бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом, в котором скоро все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего? Милостив буди мне, господи! Свидетельствую пред лицом твоим, что неповинен я в этом. Обратите, несчастные граждане, внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро постигнет нас, вы отступили и от отческого предания и стали исповедовать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд божий!» Это и другое, еще большее, написав и прикрепив написанное к двери своей кельи гвоздями, он затворился опять внутри, а бумага стала читаться. Тогда монахини, считающиеся в народе чистыми и посвящающими свою жизнь богу и православию — по состоявшемуся у них постановлению и по указанию учителя их Геннадия — все, вместе с игуменами и духовниками, а также с остальными иереями и с мирянами, стали выкрикивать анафему и проклинали и постановление Флорентийского собора и возлюбивших его, и любящих, и имеющих любить. И вот беспорядочная и праздничношатающаяся толпа, выйдя из ограды монастыря в харчевни, с бокалами, полными несмешанного вина в руках, стала анафемствовать там униатов и пить в честь иконы богоматери, призывая ее быть заступницей и защитницей города, — как некогда против Хозроя и Хагана, и арабов, так и теперь против Магомета: «Ибо, — говорили они, — ни помощи латинян, ни унии мы не желаем; пусть удалится от нас богослужение азимитов!» Христиане же, собравшиеся в Великой церкви, учинив к богу пространное моление и выслушав речи кардинала, возлюбили соборное определение об унии: и в полном согласии постановили, чтобы, когда минует турецкая осада и настанет спокойствие, некоторые из авторитетных с той и другой стороны мужей в заседании рассмотрели бы соборные постановления и, если есть у них что не совсем правильное, исправили бы. Итак, в том же полном согласии пожелали, чтобы в Великой церкви служилась общая литургия, совершаемая совместно итальянцами и греками, и чтобы поминали в диптихах при этом папу Николая и выбывшего из отечества патриарха Григория. Священное же это тайнодействие совершено было в месяце декабре, 12-го дня, 6961 г. А были многие и такие при этом, которые не приняли просфоры антидора, как мерзкой жертвы, совершенной на униатской литургии. Кардинал же ясно видел всякое сердце и всякое намерение греков, потому что не скрыться было от него обманам и хитростям греков. Но, так как и сам он происходил

из того же самого народа, то поспешил он, хотя и с небольшим рвением, помочь городу: и довольствовался он лишь изложением папе в защитительной речи того, как происходило дело; большее же возложил он на бога, все строящего к полному концу. Но чернь грубая, враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение, презирающее другие людские народы, все сущее считала не сущим. Поэтому, когда приверженцы унии беседовали со схизматиками, последние говорили так: «Оставьте! Посмотрим сначала, истребит ли бог этого врага, который стоит против нас, — этого великого дракона, хвастающего, что совсем проглотит город: и тогда вы увидите, соединимся ли мы с азимитами».

Говоря это, не соображали несчастные, какие великие клятвы давали они для устроения и единомыслия христиан, т. е. церквей: на соборе в Лионе, бывшем в дни первого Палеолога, — на соборе во Флоренции, бывшем в дни последнего василевса из Палеологов, и, наконец, теперь, на божественном и священном этом тайнодействии. Все эти данные ими клятвы с прошениями во имя св. троицы, от которых и разрешить нельзя, должны истребить с земли самую память о них, а с ними вместе и память о городе. Несчастные! Что вы о пустом заботитесь в сердцах? Вот священники твои, и монахини, и монахи твои, и блюстители храмов твоих, и блюстительницы, которые не пожелали причаститься пречистого тела и крови из рук греческих священников, совершающих божественные тайны по церковному преданию Востока, называя эти обряды оскверненными и нехристианскими; вы избегаете благословения священников и именуете храмы языческими капищами, а завтра будете преданы в руки варваров и осквернены и загажены и душой и телом. Ибо собственными глазами видел я монахиню, наставленную в божественных словесах, не только евшую мясо и носящую на теле одежды варваров, но и приносящую лжепророку жертву и без стыда исповедующую нечестие.

Но что же было сделано в то время, как проходил этот промежуток в пять месяцев? Ибо вслед за ним настанет и тот, следующий страшный день, — и с воплями о нем будет рассказано. Итак, послал царь некоторых из своих архитов на острова и в другие христианские области закупать хлеб и всевозможные плоды и иные припасы, так как весной ожидали прибытия тирана. И скопилось четыре огромных корабля со всем необходимым на острове Хиосе: с хлебом, вином, маслом, сушеной винной ягодой, сладкими рожками, ячменем и всяким другим видом плодов. Ожидали еще один грузовой корабль из Пелопоннеса. И, когда дождались, пять кораблей с рослыми и мужественными моряками, — а я бы сказал: и с многочисленными, и хорошо вооруженными, —

спустя немало, поплыли в Константинополь. И были все острова в беспокойстве и печали по поводу города. И одни люди думали, что город будет завоеван и взят варварами; другие же полагали, что, как отец и дед Магомет, желавшие взять его, оказались впустую трудившимися, так и он сам пойдет, вероятно, по той же самой протоптанной дороге.

Гл. 37. Итак, когда прошел месяц январь и начался февраль, приказал Магомет перевезти бомбарду к Константинополю: и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков; я сказал бы: быки быков. А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравнивали ее, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек — 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, — и с ними 200 рабочих. И так прошел февраль и март до того, как оказалась она в месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т. е. Месемврию, Ахелюи, Визон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни святого Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же учинили поклонение, как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, спаслись нетронутыми; те же, которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку дано было приказание охранять ее, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой, не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии и Пафлагонии для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое, и ромеи не могли выйти. Но в то же время с моря, на биремах и триремах, они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: и одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

... Тиран от начала месяца марта во все области послал вестников и глашатаев, приказывая всем вступать в войско, снаряженное против города. И вот люди, которые были записаны на военную службу, стали стекаться. О незаписанных же, исчисляемых десятками тысяч, кто расскажет? Ибо бежал всякий и каждый, кто слышал, что против города: лишь не бежали малые дети, которые еще не могли ходить, так и старики, которые уже не могли бежать. Граждане же молили бога, чтобы не пришел тиран во святую седмицу, потому что слышали, что тиран — на колеснице и уже идет. Итак, в пятницу недели объявился Навуходоносор у ворот Иерусалима. И раскинул он свои палатки против

ворот Харса, позади холма. И все воинство его — от Ксилопорты, лежащей близ дворца, до Золотых ворот, что к югу; и опять от Ксилопорты до Космидия и от юга — на равнину, которую опоясывали вокруг виноградники: и были эти виноградники еще раньше опустошены Караджой. И осадил Магомет город в апреле, в шестой день, в пятницу после Пасхи. Граждане же города от того дня, в который как бы произошло в Великой церкви церковное воссоединение, убегали от нее, как от иудейской синагоги: и не было в ней ни приношения, ни всесожжения, ни фимиама. Если какой из иереев случайно совершал в ней богу в выдающийся день литургию, то молящиеся стояли в ней до момента приношения святых даров, и тогда все выходили: как женщины, так и мужчины; как монахи, так и монахини. Что надлежит сказать по поводу этого? Храм этот они считали капищем, а жертву — приносимой Аполлону. Об этом и Исаяя говорит, как бы из уст бога: «Вот я переселю народ этот; непременно переселю их; и погублю мудрость мудрых их, и разум разумных развею. Горе скрытно устрояющим совещания, — совещания не по господу! Устрояющие втайне совещания думают, что будут во мраке дела их, и говорят: «Кто нас видел? Кто узнает о нас или то, что мы делаем?» По этой причине говорит господь следующее: «Горе вам, дети мои — отступники: вы сделали совещание не по мне и договорились не по духу моему, но чтобы приложить прегрешения к прегрешениям». Геннадий же не переставал каждый день поучать и писать против униатов и сплетал силлогизмы и ответы против мудрейшего и блаженного Фомы Аквината и его сочинений и против господина Димитрия Кидония, объявляя их еретиками; помощником и сообщником имел он из царского совета первого советника, великого дуку, — того самого, который, когда ромеи увидели бесчисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее — против города: «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару», — ибо жители города, отчаявшись, говорили: «О, если бы отдан был город в руки латинян, именующих Христа и богородицу, и если бы не были мы ввергнуты в лапы нечестивых!» Тогда и он произнес это. Но относительно его еще Исаяя сказал, как и Езекия: «Выслушай слово господа Саваофа: «Вот придут дни, — и возьмут все в доме твоём. И все, что собрали отцы твои до дня сего, пойдет в Вавилон, чтобы ничего не было оставлено тебе. И из детей твоих, происходящих от тебя, которых ты родишь, возьмут и сделают их евнухами в доме царя вавилонского»».

Гл. 38. Итак, царь Константин вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление делается

пустынным. Поэтому еще раньше послали они в Геную письма, прося помощи: и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идет один корабль с 500 тяжелооруженных. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива и реки Танаис и из Трапезунта; царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыл из Генуи некто по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооруженными генуэзскими воинами и военные машины, — многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн муж искусный, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытный. Царь принял его с честью, и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора, — и он взял на себя охрану лежащих у дворца стен. Ибо видели, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему чрез хрисовульную грамоту и остров Лемнос, если Магомет будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того, что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рву. Часто, выскакивая и за ров, вступали ромеи в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок. Как могли они лицом к лицу сражаться с турками и уцелеть? Поэтому был дан совет такой, чтобы ромеи сражались со стен на передовых укреплениях: одни при помощи метательных копий, другие посредством стрел, иные же при помощи свинцовых ядер, выпускаемых благодаря пороху по пяти и десяти сразу: величиной мелкие, как черноморские орехи, и обладающие такой пробивной силой, что если бы случилось ядру попасть в носящее железные доспехи тело, то, пронзив и защиту и тело, оно выходит наружу и, если случится при этом другое, перескакивает в другое, а затем из него в следующее, пока не ослабеет сила заряда. И при помощи одного выстрела можно убить двоих и троих. Но и турки научились этим пользоваться, а, в то же время, и сами подобным образом поражались.

Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на большее, были стянуты поэтому воины отборные и наилучшие: свыше числа, можно сказать. Те, кто рассматривал их, говорили, что свыше 400 тыс. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе, послали послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он — друг их

и не забыл свою любовь к ним, — только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет как прежде, когда город был осажден предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками, а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам, по мере своих сил, помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у ней потемнеет в глазах». Так и случилось.

Тогда были стянуты к городу по морю и корабли его с триремами, биремами и легкими судами — числом до 300. Городская же гавань была заперта цепью, протянутой со стороны городских ворот, называемых «Красивыми», к стороне Галаты; ромейские корабли непрерывным рядом стояли внутри, держа под наблюдением гавань и цепь.

Кораблей же, о которых мы говорили, было пять: один из них был царский и вез хлеб из Пелопоннеса, другие же четыре были наняты царем в Генуе и до марта месяца по некоторым своим надобностям стояли еще на Хиосе. Когда наступил апрель и хотели они поднять якоря, северный ветер загородил им дорогу. И были граждане Константинополя в великой печали, — равно как и экипажи. Когда же северный ветер ослабел и перестал и начал дуть южный, корабли вышли из Хиосской гавани. И хотя в первый день он дул незначительно, во второй усилился, и по его воле неслись корабли. И стояли жители Константинополя, с нетерпением от этого ожидая прекрасного результата, хотя и не получили пока никакой пользы. Итак, когда показались корабли, тотчас тиран, как дикий дракон, устремился с гневом на свои триремы и остальные корабли, говоря и приказывая им сделать одно из двух: или корабли взять, или воспрепятствовать им войти в гавань. Тогда турецкие суда вышли в море и остановились, ожидая прибытия наших кораблей вне гавани за Золотыми воротами. Корабли же наши шли по той же самой дороге и желали пройти акрополь Мегадимитриос, чтобы войти в залив Золотого рога, но кораблям противостояли турецкие суда. А море в тот час было спокойно, ибо ветер не дул. И можно было видеть удивительное зрелище, ибо усеянное тремястами турецких парусов и пятью величайшими из кораблей море превратилось как бы в сушу, а тучи дротиков препятствовали опускать в воду весла. Моряки же генуэзских кораблей, как орлы крылатые, сверху, как молнии, низвергали из метательных машин снаряды и разбивали неприятельские корабельные снасти, — и страх немалый сделался у турок. Тиран же, вследствие безмерного чванства, верхом на коне устремив-

шись в море, хотел было пересечь пучину и на коне доплыть до своих кораблей, настолько он был сердит на своих; за ним последовало и войско в военных доспехах. В это время подул ветер, паруса надулись, и генуэзские корабли, разрезая турецкие суда, поплыли, держа путь в гавань: турецкие же суда остались стоять на месте. Если бы, конечно, флот варваров был в это время впереди генуэзских кораблей, пять этих кораблей могли бы пустить ко дну и все триста. Тиран же, не зная морской науки, только каркал. Великий же начальник флота не хотел его слушать, так как приказывал он противно разуму. Тогда разгневанный тиран приказал флоту отойти в Диплокионий, а великого начальника флота велел привести пред лицо его. Итак, когда он был приведен и брошен на землю, и четырьмя прислужниками был растянут на земле, вождь сам своими собственными руками стал бить его, дав сто ударов золотой палкой, головка которой, сделанная из чистого золота, была весом в 500 фунтов; эту палку на пробу он соорудил, чтобы наказывать ею. Человек же этот, именуемый сыном Палда, происходил из болгар: от одного из архонтов Болгарии. Задолго до этого он обращен был в рабство, отрекся от отческого благочестия и стал наследственным рабом Магомета. Это был тот самый, который за четыре года до того ходил на Лесбос и взял там бесконечное количество пленных. Однако своим морякам не был он хорошим другом, отнимая у них добычу. И когда один из азапидов увидел его от тирана оскорбленным и избитым, он, подняв камень и ударив его по виску, выбил ему один глаз. Корабли же пришли в гавань и жители города, опустив цепь, дали им дорогу. Тогда тиран, увидев, что в гавани имеется больших кораблей восемь, а малых за двадцать и, кроме того, царские триремы и триремы венецианцев и очень много других малых, понял, что невозможно завладеть гаванью; однако пришла ему в голову отважная и достойная война мысль. Приказывает он, чтобы напрямик были пройдены лоцины, лежащие позади Галаты, — от участка, что к востоку, внизу Диплокиония, до другого пункта Галаты, лежащего на берегу залива Золотого Рога против Космидия. И когда сделали, насколько могли, путь гладким, то, поставив биремы на катки и оснастив их парусами, приказал он тянуть суда по суше от переправы священного Стомия и ввести их в залив Золотого Рога. И тянули суда: и на каждом находился начальник гребцов и другой, сидящий на рулях; третий же, управляя снастями, приводил в движение паруса; иной бил в бубен, другой же подыгрывал на трубе, пел морскую песню. И, плывя так с попутным ветром, прошли они всю сушу, — лоцины и потоки, — пока, наконец, не достигли залива и не ввели в него восемьдесят бирем; остальные же оставил он там, где они стояли раньше. Кто видел что-либо подобное? Или кто слышал? Ксеркс по-

строил мост через море, и все его столь многочисленное войско прошло поверх моря, как по суше. А этот новый Александр Македонянин и, как мне кажется, из рода своего тиран последний, сушу превратил в море, и как по волнам, перевел корабли по вершинам гор. Но этот выше Ксеркса. Ибо тот, перейдя Геллеспонт, был посрамлен афинянами и повернул назад. Этот же, перейдя сушу, как море, сокрушил ромеев и взял воистину золотые Афины, украшающие мир, — городов царицу. Так обстояли дела на море. На суше же преогромную бомбарду поставил он насупротив стены близ ворот святого Романа. И взял бомбардир прицел, ибо сбоку имел он еще две сооруженные бомбарды, выбрасывающие искусно приготовленные ядра весом примерно в 50 фунтов. И, когда хотел он разрядить большую, то прицеливался, посылая снаряд сначала из малой. И тогда по прицелу стрелял и из самой большой. И когда ударил первый выстрел, и услышали жители города треск, они онемели от ужаса, а затем стали кричать: «Господи, помилуй!».

... Тогда сбылось реченное от бога чрез Иеремию, говорящего: «К чему ты приносишь мне ладан из Савы и корицу из земли издалека? Всесожжения ваши неприятны, и жертвы ваши не в сладость мне». Посему следующее говорит господь: «Вот я даю на народ этот бессилие, и расслабуют в нем отцы и сыновья вместе; погибнут сосед и ближние его». Следующее говорит господь: «Вот идет народ с севера и племя великое и цари многие поднимутся от края земли; луком и мечом хорошо они будут владеть; народ этот дерзкий и лишенный жалости; голос его — как море волнующееся; на конях и колесницах они выстроятся, как огонь, на войну с тобой, дочь Сиона». Мудрец же зла оно, бомбардир, предусмотрел некий способ, чтобы бомбарда не была разорвана. В самом деле: мы знаем, что бомбарда выпускает снаряды. Поэтому, после того как разряжалось орудие, если оно не предохранялось, будучи прикрываемо войлоками из толстой шерсти, обычно оно тотчас же, как стекло, давало трещину. Однако даже и после такой заботы, дважды или — много — трижды выстрелив, орудие раскалывалось, когда воздух проникал в образовавшиеся пустоты и углубления металла. Что же бомбардир сделал? После того как из пушки, кипящей от испарения селитры и серы, был выброшен снаряд, тотчас же канонир обильно смазал ее маслом и легко стала она производить выстрелы, пока не довершила разрушения города. И еще после этого сохраняется она целой и действует по желанию тирана.

Итак, выстрелив и потрясши стену, канонир хотел вторично бросить, в то же самое место еще одно каменное ядро. Находившийся тут посол Янка посмеялся над выстрелом, говоря: «Если хочешь, чтобы легко упали стены, направь

пушку в другую часть стены, отступив от места попадания первого снаряда сажень пять или шесть, — и тогда, равняясь по первому, мечи другой снаряд. А когда аккуратно попали два крайних, тогда бросай и третий,— так, чтобы три снаряда находились в фигуре треугольника, и тогда увидишь, как эта часть стены упадет на землю». Понравился этот совет, и канонир так и сделал, — так и вышло. А чем именно был вынужден венгр, когда дал этот совет тирану, сейчас расскажу. Царь Венгрии в том году получил Римскую империю и папою Николаем был коронован, и препоясана во власть свою; и удален был от опекунской власти Янк, и восприял все попечение об управлении царь, он же и император. Имея же клятвенные с Магометом договоры о дружбе, утвержденные на три года,— когда уже исполнилось полтора, объявил Янк Магомету: «Государственную власть передал я господину моему и с настоящего времени не могу отвечать за то, что обещал: возьми писания, которые ты дал, и дай наши, и делай с царем Венгрии, что хочешь». Это и было причиной прибытия посла. Относительно же совета, который, как христианин, не должен он был давать, пишу так, как слышал. Говорят, что когда после третьего поражения Янк, спасаясь бегством, возвращался в отечество не как хотел и не как было прилично, он встретился с одним из духоносных мужей и рассказывал ему обстоятельства поражения, сетуя на то, что счастье оставило ромеев и с веселым лицом стало взирать на нечестивых. Старец же отвечивал: «Знай, сын: не будет улыбаться счастье христианам, если не придет ромеям окончательная гибель. Ибо необходимо, чтобы Константинополь был разрушен турками; тогда и неудачи христиан будут иметь конец». Итак, зная и об этом пророчестве, и о несчастливых предзнаменованиях, посол Янка желал, чтобы город скорее был взят, и своим советом научил турок, как надо стрелять, чтобы легко упала стена. Когда уже рухнули наземь две части стены и стоявшая в середине между ними башня, и когда упала башня в воротах святого Романа, неприятели увидели тех, кто был внутри и сами стали видимы им. Иоанн Джустиниани со всеми, кто был подчинен ему, и с дворцовыми воинами храбро сражался, а вместе с ним и небольшая часть вооруженных мужей из Галаты, ибо и они показывали любовь к городу. И, выходя из стен Галаты, безбоязненно проводили они время на равнине турецкого лагеря и в изобилии давали тирану все необходимое и искомое: и масло для орудий и иное, если что требовали турки. Тайно же помогали они ромеям и, переправляясь к ним ночью, вместе с ними сражались весь день; когда же наступала ночь, сменялись в городе другие, а они проводили время в своих домах или в турецком лагере, чтобы скрыться в том деле от турок. Венецианцы же вместе с ромеями сражались против турок в Царских воротах до

Кинига. Великий же дука с 500 вооруженных обходил весь город, одушевляя повсюду воинов и проверяя караулы, и определяя число погибших: и делали это каждый день. Ибо не предпринимал нечестивец подлинного штурма, выжидая момент, усматриваемый его гадателями. Царь же, увидев стены упавшими, стал истолковывать это и как недоброе знамение для города, и как несчастье для себя самого, ибо со времен Константина святейшего в столь великих войнах со скифами, персами и арабами никогда еще не случалось, чтобы упал со стен хотя бы один камень весом хотя бы в один фунт. Поэтому теперь, увидя все это: и столь великое бесчисленное войско, и флот столь сильный, и путь широкий, открытый врагу в город, — царь пришел в отчаяние, потерял всякую надежду и, послав послов, просил тирана, чтобы он наложил, какую хочет, ежегодную дань, даже свыше силы, — и прочее, чего ищет, — только чтобы удалился отсюда, дал и возлюбил мир. Тиран же сказал: «Невозможно, чтобы я удалился: или я возьму город, или город возьмет меня, — живым или мертвым. Если же ты хочешь удалиться из него, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес, а им, твоим братьям, дам другие области, и будем друзьями. Если же ты не предоставишь мне входа в город мирно, и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож вместе с тобою я поражу мечом, а остальной весь народ отдам на разграбление всем из нашего войска, кто пожелает: и опустеет город». Услышал это царь и не мог принять никакого решения, ибо невозможно было допустить, чтобы город из рук ромеев был передан туркам. Ибо, если бы это случилось, — какой путь или какое место, или какой христианский для переселения город имели бы ромеи, чтобы их не оплевывали, не поносили и не печалили? И не только христиане, но и сами турки и евреи стали бы презирать их.

Тогда Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским биремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли, ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, около полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в нее, он низверг ее вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине. Это ввергло латинян в страх и беспокойство немалое, а Иоанна в немалое уныние, ибо все, свыше полутораэта человек потонувших,

были с его корабля юноши проворные и очень воинственные. Турки же, став надменными, все подняли великий победный крик, — и те, которые были на кораблях, и те, которые были в палатках; они подняли такой сильный шум, что, казалось, земля на том месте сотрясается, и от страха жители города и жители Галаты все стали звать на помощь. А когда наступил день, турки, радостно и самоуверенно продолжая осаду города и гордясь неожиданным потоплением триремы, вставили в дуло пушки другой камень и тоже преогромный. И вот, когда близ ворот Галаты стоял один корабль, несущий всевозможных видов купеческий груз и думающий плыть в Италию, потому что корабль и груз принадлежали купцам Галаты, турки выпустили в него камень, который разорвал чрево корабля; совершенно разрушенное, это судно затонуло в пучине. Этот дар был воздаянием той нерушимой дружбе, которую оказывали турки жителям Галаты. Ибо в тот же самый день отправились они к турецким вельможам, взывая: «Мы — друзья ваши и, делая дела дружбы, сообщили вам о готовящейся атаке триремы. И, конечно, если бы вы не были извещены нами о ее выходе, впустую были бы все столь великие труды введенных в залив по суше восьмидесяти судов ваших, ибо в пепел и золу, думается, были бы превращены эти суда ромеями. Вы же, вместо благодарности, причинили нам величайший вред». Вельможи ответили: «Не знали мы, что это ваш корабль; но, будучи уверены, что это корабль противников наших, мы так поступили. Сохраняйте спокойствие и молитесь, чтобы мы скорее взяли город. Ибо это уже не за горами, и время этого близко, — и тогда мы рассчитаемся с вами и за ущерб, и за все прочее, чем мы обязаны вам». С этими сладкими словами ушли жители Галаты, не зная, несчастные, что спустя немного времени с ними самими и городом их произойдет то же, что с городом Константина.

Тиран же построил и мост деревянный: от берегов Галаты в сторону Кинига. А постройка его шла так: приказывает тиран собрать свыше тысячи пустых винных бочек; и связали их канатами, — так, чтобы получился длинный ряд бочек и еще один ряд, подобный первому; затем, соединив и скрепив оба ряда и приколов с обеих сторон бревна, настлали поперек доски. И был мост такой ширины, чтобы без труда проходили по нему пять пеших воинов.

Гл. 39. Итак, приготовив все, как ему казалось прекрасно, послал Магомет послов внутрь города сказать царю: «Знай, что все к штурму уже приготовлено, и теперь наступает время осуществить принятое нами задолго до сего в сердце. Исход же нашего намерения оставляем богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и имуществом их, чтобы народ не потерпел вреда и от нас и от тебя? Или хочешь сопротивляться и вместе

с жизнью потеряешь и имущество и ты, и те, кто с тобой, а народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле?» Царь же с синклитом отвечал: «Если ты желаешь, подобно отцам твоим, жить в мире с нами, — благодарение богу. Ибо те родителей моих за отцов считали и так почитали их, город же этот за отчизну; ведь во время опасности все они входили внутрь его и спасались здесь. А тот, кто нападал на него, не жил долго. Владей же несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей, — мы признаем это справедливым; отстригай и дани, — такие, какие по нашей силе мы можем ежегодно дать тебе, — и уйди в мире. Ибо, как знать: надеясь получить прибыль, оказался ли бы ты получившим прибыль? А отдать тебе город не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим жизни нашей».

Услышав это и отчаявшись без боя получить город, тиран приказал, чтобы сказано было об этом во всей войске. И сделал он известным день штурма, присовокупив при этом, что не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города. «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей», — сказал он. Тогда все благодарили его. Когда же настал вечер, то, послав кругом в лагери глашатаев, повелел он в каждой палатке зажечь большие огни и костры. Когда были зажжены огни, повелел он поднять всем, с шумом и воплем, нечистый их воинский клич, обличающий их нечестие. И видно было и слышно необыкновенное диво: ибо огни, излившись на землю и море, яснее солнца освещали весь город, Галату, все корабли и суда дальше Скутари. И вся поверхность моря так блестела, как, сказал бы кто, при молнии. О, если бы на самом деле была молния, не освещающая только, но сжигающая и уничтожающая! Ромеи же думали, что начался пожар в неприятельском лагере, и выбежали на развалины стен. И, видя их пляски и слыша радостные военные кличи, представили себе свое будущее и с сокрушенным сердцем зывали к богу: «Господи! Пощади нас в праведном гневе твоём и избавь нас от рук супостата!» Простолюдины, только завидев столь великое зрелище и услышав крик, стали дышать как полумертвые, не будучи в состоянии ни вздохнуть, ни выдохнуть. Иоанн же был в течение всей этой ночи в трудах и, повелев все находящиеся в городе ветки собрать и положить в развалинах стен, соорудил изнутри [пред внутренними стенами], чтобы защищать разрушенные наружные, другой ров. И увидели ромеи, что вход и выход к ним сделался открытым и что они не могут выйти за ворота и противостоять туркам во внешнем укреплении, не будучи прикрыты упавшими стенами. Некоторые из стариков знали в нижней части дворца один подземный, за много пред этим лет надежно укрепленный выход,

и, когда известили об этом царя, по его приказанию он был открыт: и вышли из него, защищаемые сохранившимися здесь в целости стенами, и на валу сразились с турками. Имя же тех потайных ворот было некогда «Керкопорта».

В воскресенье повелел тиран начать общий штурм. С наступлением вечера не давал он покоя ромеям всю ночь. Это воскресенье пришлось на день всех святых, на 27 мая. Когда же засиял день, начал он штурм не столь великий до часа девятого. После же девятого разместил войско от дворца до Золотых ворот, а восемьдесят судов от Ксилопорты до Платеи. Другие же суда, стоящие в Диплокионии, окружили с моря город, начиная от Красивых ворот вдоль Мегадимитриоса, акрополя и Малых ворот, что в монастыре Одигитрии, вдоль Великого дворца и порта, вплоть до Бланка; каждый из кораблей был снабжен лестницами, равными высоте стен, и всяким другим снаряжением. Итак, когда зашло солнце, раздался сигнал, и сам тиран во втором часу ночи выехал верхом на коне, и была схватка весьма великая. На упавших стенах защитники сражались с его верными рабами, молодыми и весьма сильными, числом свыше 10 тыс., обороняясь как львы. Позади же и с флангов — мужи воинственные, конные, свыше 100 тыс. В нижних же частях до гавани Золотых ворот — другие 100 тыс. и свыше; а от места, где стоял вождь, и до оконечности дворца — еще 50 тыс.; а на палубах судов — свыше числа. Защитники города разделились: царь с Иоанном Джустиниани был на упавших стенах, вне укрепления, на валу, имея с собой примерно 3 тыс. латинян и ромеев; великий дука — в царских воротах, имея примерно 500; стены же против моря и укрепления от Ксилопорты до Красивых ворот охраняло свыше 500 метальщиков и стрелков; от Красивых ворот, делая весь круг до Золотых ворот, в каждом стенном зубце стоял один стрелок или метатель дротиков, или метальщик камней. Итак, всю ночь они провели без сна и совсем не ложились спать. Турки же с вождем спешили приблизиться к стенам, неся бесчисленные, заранее приготовленные лестницы. Итак, тиран, стоя позади войска с железной палкой, гнал своих стрелков к стенам — где льстя словами, а где и угрожая. Защитники города мужественно противоборствовали, сколько хватало сил. Иоанн же отважно присутствовал со своими тут же, имея и царя в военных доспехах: и оба они со всем своим войском противоборствовали.

Итак, когда военное счастье уже склонялось на сторону турок, отъял бог из среды войска ромеев вождя их — гиганта, воителя и человека огромного влияния. Ибо, когда было еще темно, свинцовой пулей он поражен был в руку, и пробила пуля его железные доспехи, которые были, впрочем, изготовлены, как оружие Ахиллеса, — и не мог он больше, вследствие раны, держать себя

спокойно. И говорит он царю: «Стой отважно; я же пойду до корабля и после перевязки скоро вернусь». Исполнилось в тот час сказанное иудеям чрез Иеремию: «Так скажите Седекии. Следующее говорит господь бег Израилев: вот я обращаю против вас военное оружие, которое в руках ваших и которым вы воюете против царя вавилонского и халдеев, окруживших вас вне стены, — и введу их в средину этого города. И буду сражаться против вас дланью простертою и рукой высоко поднятой, с яростью и гневом и раздражением великим: и поражу живущих в городе этом людей и скот смертью великой, и умрут они. Не пощажу их, и не пожалею их». Царь же, увидев, что Иоанн удаляется, оробел, как и те, которые находились с ним; однако, сколько было силы, сражались. Турки же, понемногу приблизившись к стенам, неся щиты, стали приставлять лестницы. Однако ничего не достигли, потому что препятствовали им, бросая сверху камни, так что, в конце концов, встречая препятствие, остановились. Ромеи же все вместе с царем были поставлены в боевой против врагов порядок, и вся их сила и намерение были направлены к тому, чтобы не допустить, чтобы с упавших стен открылся туркам вход в город: а тем временем пожелавший этого бог тайно ввел их в город другой дорогой. Увидев ворота, о которых мы говорили выше, отпертыми, и ворвавшись внутрь города, до пятидесяти из названных мужей, рабов тирана, поднялось на стены и, дыша огнем, убили вышедших им навстречу и стали сшибать с ног стрелков. И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену как орлы летящие.

Ромеи же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а, кроме того, и потому, что все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромеи не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их, и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок; увидев же, обратились в бегство. И, не будучи в состоянии войти чрез ворота, называемые Харсийскими, теснят они в толпе друг друга: те же, которые имели больше сил, растаптывая слабых, входили. Тогда войско тирана, увидев бегство ромеев, в один голос завопив, вбежало за наружную стену, топча несчастных и убивая. Ворвавшись туда, они не могли вступить в ворота

внутренней стены, потому что те были загорожены телами упавших и испустивших дух. Поэтому весьма многие стали входить в город со стен через их развалины, а выходящих им навстречу убивали. Царь же, отчаявшись, стоя и держа в руках меч и щит, сказал следующее достойное скорби слово: «Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?» Ибо он был совершенно покинут всеми. Тогда один из турок, дав ему удар по лицу, ранил его; но и он дал турку ответный удар; другой же из турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Ибо они не знали, что это Царь; но, умертвив его, оставили, как простого воина. Когда же турки вошли, не потеряли они никого, кроме троих. А был первый час дня, когда солнце еще не засветилось над землей. Когда же они вошли и рассеялись от ворот Харсийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2 тыс. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 тыс. Поэтому они и убили 2 тыс. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8 тыс., не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золото они отпускают. Что и говорить о том, кто не причинил этому роду обиды, но сам от него терпит их? И в самом деле: после войны я встречался со многими из них, и они рассказывали мне: «Боясь тех, которые впереди, мы убивали всех, кто попадался раньше других. Ибо, если бы мы знали, что в городе такой недостаток воинов, мы всех, как овец, продали б».

Пехотинцы же дворца тирана, которые называются также янычарами, одни побежали во дворец, другие же к монастырю великого Предтечи, называемому «Петра», и в монастырь Хоры, в котором находилась тогда и икона пречистой моей богоматери. О, язык и уста, намеревающиеся высказать, что случилось с иконой из-за прегрешений твоих! Отступники торопились бежать и в другие места: и вот один из нечестивцев, протянув топор, при помощи нечистых рук своих разделил ее на четыре части, и, когда был брошен жребий, каждый взял свою часть с бывшими на ней украшениями, и, похитив драгоценные сосуды монастыря, ушли. Войдя в дом протостратора, отперли они сокровища, издавна, с древних дней, собранные, поднимая благородных женщин с постели, ибо было уже 29 мая, когда утренний сон сладок глазам юношей и девушек; беззаботно, надеясь на себя, спали они, как вчера и позавчера. Тогда многочисленная толпа нечестивцев бегом устремила к Великой церкви, и везде можно было видеть некоторый ловкий прием, о котором расскажем сейчас. Ибо, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из ромеев во время

вторжения турок в город и бегства граждан прибежали, чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что же случилось? А когда услышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому и, по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликающему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него — иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева господа. И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много пред этим лет слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде — вплоть до колонны великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, безвестному некоему человеку, найденному тогда стоящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их и из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые побежали и другим советовали бежать. Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения. О, несчастные ромеи! О, жалкие: храм, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один человек из вас не входил, чтобы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали лобызающие церковную унию, — теперь, по причине проявившегося гнева божия, вы ищете в нем спасительное избавление. Но, и когда пришел справедливый гнев божий, не подвинул бы он сердца ваши к миру. Ибо даже в столь великой опасности, если бы ангел сошел с неба, спрашивая вас: «Если принимаете унию и мирное состояние церкви, я выгоню врагов из города», — вы не согласились бы, А если бы и согласились, ложью было бы соглашение. Знают это говорившие немного дней тому назад: «лучше попасть в руки турок, чем франков».

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли, наконец, к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее: причина этой борьбы и захвата — локоны, обнажившиеся груди и сосцы, поднятые от горя руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стенают и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампы — одни портят, другие забирают; драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, — золотые и серебряные, и из другого ценного вещества приготовленные, — в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив. Тогда сбылось и на новом Сионе сказанное от бога чрез Амоса пророка: «Следующее говорит господь бог вседержитель: «Отомщу я жертвенникам Вефиля, и разрушатся; сокрушу роги жертвенника, и падут на землю; и дом, окруженный колоннами, сделаю домом разрушенным. И погибнут дома, сделанные из слоновой кости; истреблены будут многие другие дома», — говорит господь. «Отвернулся я от праздников ваших, и не стану я услаждаться празднествами вашими, и даже, если бы вы принесли мне всесожжения и жертвы ваши, смотреть на них не буду. Прочь от меня эхо песнопений твоих, и хвалебную песнь музыкальных инструментов твоих не буду слушать». И сказал господь ко мне: «Приходит конец народу моему Израилю. Не будет больше, чтобы я старался проходить мимо него без внимания: и затре-

шат потолки храма в день тот», — говорит господь. Итак, послушайте это, утесняющие с раннего утра бедняка и порабощающие нищих земли, — вы, которые говорите: «когда пройдет месяц, и мы займемся торговлей? Когда пройдут субботы, и мы откроем магазины, чтобы сделать меру малой, а вес увеличить и весы сделать неправильными, — чтобы завладеть таким образом серебром бедных и деньгами убогих?» «В тот день, — говорит господь, — зайдет солнце в полдень, и среди бела дня станет темно на земле. И превращу я праздники ваши в скорбь и все песнопения ваши в рыдание».

Случилось так, что в тот страшный день гибели города праздновалась и восхвалялась память преподобной мученицы Феодосии. Совершалось всенародное празднество, ибо очень многие мужчины и женщины с вечера проводили всю ночь у гробницы преподобной. Еще больше пришло народу рано утром, когда наступил день: но женщины с мужьями своими, которые отправились на поклонение в праздничных украшениях и нарядах, неся восковые свечи и курения, неожиданно попались в силки турок. Ибо как могли они заметить разразившийся внезапно гнев божий при столь великой ширине города? Гроза эта, о которой мы говорили, началась и жгла от ворот Харса и святого Романа, и со стороны дворца. Соппротивление же кораблей и гавани не давало туркам места приставить здесь к стенам лестницы. Ромеи были сильнее турок, они бросали камни и метали стрелы до третьего часа дня, пока не подошла часть грабящих с раннего утра внутри города турок. Увидев, что ромеи сражаются против тех, которые были вне стен, они, издав из всей мочи крик, побежали на верх стены. Ромеи же, увидев турок внутри города, со скорбным воплем: «Горе мне», — стали падать со стены, ибо не было больше сил и бодрости у ромеев. Тогда и те, которые сражались на кораблях, увидев турок внутри стен, поняли, что город взят, и, как можно скорее приставив к стенам лестницы, устремились внутрь, а затем и все, разбив ворота, вошли внутрь. Великий же дука, увидев турок, пришедших на место, где он стоял — ибо охранял он Царские ворота — тоже отступил с немногими к собственному дому. И, конечно, все они рассеялись: одни, прежде чем достичь своего жилища, были взяты в плен; другие же, достигнув своих жилищ, увидели, что нет в них ни детей, ни жены, ни вещей, и сами они не успевали начать стенать и плакать, как уже оказывались связанными; иные, приходя в свои жилища, заставляли жену и детей уже в руках турок и сами сдавались, и их связывали вместе с любимейшими и супругой. Стариков же и старух, которые находились в доме и не могли выйти из жилища вследствие болезни или старости, турки безжалостно убивали. Младенцев, недавно рожденных, бросали на улицы. Великий же дука увидел, что дочери его и сы-

новья, и жена — ибо она хворала — заперлись в башне и препятствуют туркам войти, и в этот момент сам был схвачен с теми, кто следовал за ним. Тиран же послал некоторых сторожить и его, и весь дом его. Тем туркам, кто схватил его и окружил дом его, великий дука дал достаточно серебра, так, чтобы при помощи их присяги видно было, что он выкупил своих. Итак, со всем своим семейством он охранялся. Турки же, войдя в город, все — даже конюхи и пекари, грабя, уносили награбленное. А Иоанн Джустиниани, о котором была речь выше, отправился на корабль, чтобы была уврачевана рана, которую он получил; вдруг, когда он был в гавани, прибежали бегом некоторые из его воинов, рассказывая, как турки вошли в город и как убит был царь. Услышав это неприятное, горчайшее известие, приказывает он, чтобы глашатаи при помощи труб созвали его тяжеловооруженных и спутников по плаванию. Подобным образом стали готовиться и остальные корабли. Ибо очень многие из них лишились своих капитанов, попавших в плен. И можно было видеть на прибрежной части гавани зрелище, достойное жалости: жалобно кричали мужчины, женщины, монахини, монахи; бия себя в грудь, просили они тех, кто был на кораблях, взять их с собой. Но это было невозможно: предопределено было разом испить чашу, полную гнева господина. Ибо, если моряки и желали, не могли они сделать это, потому что, если бы суда тирана не были заняты добычей и разграблением города, ни один из них не был бы выпущен. Но турки, оставив свои суда, все были внутри города, и латиняне, улучив безопасный момент, вышли из гавани. Тиран же скрежетал зубами, но сделать что-либо большее не мог и против воли смирился. Те же, кто жил в Галате, увидев это неисцелимое бедствие, с женами и детьми побежали на морской берег, разыскивая лодки. И когда находили челнок, садились в него и врывались на корабли, бросая и вещи и жилища. А было много и таких, которые от насилия бросали в глубину и сокровища свои и другой ужасный вред учиняли. Один из везирей тирана — *Заган* ему имя — который был любим тогда Магометом, ибо он рукоплескал тирану, желавшему войны, прибежав в кварталы Галаты, кричал: «Не бегите!», — и, присягая, клялся головою тирана, говоря: «Не бойтесь, ибо вы друзья вождя, и ваш город останется неприкосновенным, и договоры, которые вы имели с царем, будут еще более прочными; а о другом не заботьтесь, чтобы не возбудить вождя на гнев». Сказав это, *Заган* стал препятствовать франкам покинуть Галату. Однако кто был в состоянии бежать, убежал. Тогда остальные, посоветовавшись между собой, взяли ключи от укрепления и своего подесту и ушли, намереваясь учинить поклонение тирану. И когда было учинено поклонение и отданы ключи, он с великой радостью взял и отпустил их с веселыми словами и взором. Корабли

же — только пять больших натянули паруса; другие же не могли выйти, ибо эти корабли были покинуты моряками, и их капитаны спаслись, убежав с другими. Моряки обратились в бегство, оставив своих капитанов в плену, и занялись своим спасением. Итак, выйдя из гавани, когда подул северный ветер, при полных парусах они поплыли, со стенаниями и рыданиями оплакивая бедствие города. Подобным образом поступили и купеческие триремы венецианцев. Турки же, находившиеся на судах, обнаружив вне города весь отвергнутый моряками народ — мужчин и всех женщин — собрали их и ввели на суда; остальной же народ, как скот в хлевах, расположился вне города в палатках лагеря.

Гл. 40. Все это происходило от первого часа дня до восьмого. Тогда и тиран, отложив всякое подозрение и страх, вступил внутрь города с визирями своими и другими сатрапами, имея впереди и позади своих рабов, дышащих огнем, и всех стрелков, ростом выше Аполлона, этих новых Потомков Геркулеса: каждый готов был противостоять десяти. Подъехав к Великой церкви, он сошел с коня, вошел внутрь и остановился вне себя от восхищения пред открывшимся зрелищем. Найдя какого-то турка, ломавшего мрамор, спросил его, почему он портит седалище. Тот же ответил: «Веры ради!» А этот, протянув руку, поражает турка мечом, говоря при этом следующее: «Хватит с вас сокровищ и пленных, здания же города принадлежат мне!» Ибо тиран раскаивался в учиненном им договоре, видя расточаемые сокровища и безмерное количество пленных. Вытащив же одного турка из-под ног, выбросили его полумертвым вон. Сам же потребовал одного из своих мерзостных священников: позванный взошел на амвон и пробормотал мерзостную свою молитву. Сын же беззакония, предтеча антихриста, взобравшись на святую трапезу, сотворил молитву. О, горе! О, приводящее в трепет знамение! Выйдя из храма, стал он разыскивать великого дуку, и тотчас представили его к нему. Когда тот пришел и приветствовал его, он сказал ему: «Хорошо вы сделали, что не сдали мне города? Вон сколько вреда произошло, сколько смертей и пленных!». Дука же отвечал: «Господи! Не имели такой мы возможности сдать тебе город: и даже сам царь не мог бы это сделать. Наоборот, даже некоторые из твоих поддерживали царя и писали ему так: «Не бойся, потому что не отважится он против вас!» Тиран, конечно, понял, что речь идет о Халил-паше, ибо питал гнев на него. Тогда, услышав имя царя, он спросил, не бежал ли император с кораблями. И дука ответил, что не знает, ибо он был в Царских воротах в то время, когда турки пошли на царя в атаку, ворвавшись в Харсийские ворота. Тут отделились из среды войска два молодых человека. Один из них сказал тирану: «Господин! Я убил его. А стремясь скорее войти в город и вместе со своими грабить, я

оставил его, покинув мертвым». Другой же сказал: «Я сначала поразил его!» Тогда тиран, послав их обоих, приказал принести его голову. Они же, быстро побегом, нашли и, отрубив его голову, представили вождю. Тиран же сказал великому дуке: «Скажи мне правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тогда тот, узнав ее, сказал: «Его, господин!» Смотрели ее также и другие и признали. Тогда приколотили ее на колонне площади Священного дворца, и стояла она до вечера. После же этого, ободрав ее и набив содранную кожу мякиной, послал он это повсюду, показывая этот знак победы вождю персов и арабов и всем туркам. Другие говорят, что дука находился с Орханом в башне укрепления, которое защищали франки, и там сдался, видя, что нельзя было больше противостоять туркам. Там же, вместе с дукой, было очень много благородных архонтов. Орхаи выпросил у одного монаха его одежды и, одев их, подал монаху свои. И чрез большую бойницу выбросился Орхан на землю вне города. А турецкие моряки, взяв его и связав, бросили внутрь корабля вместе с другими пленными. Сдавшие башню были отведены внутрь того же корабля. Тогда один из пленных ромеев, хлопоча о своем освобождении, сказал капитану корабля: «Если ты освободишь меня сегодня, я могу выдать тебе Орхана и великого дуку». Тогда, услышав это, капитан корабля поклялся освободить его. И тогда тот показал на одетого в черную монашескую одежду Орхана: и, удостоверившись, что это действительно он, капитан корабля отрубил ему голову. Великого дуку он отвел живым к вождю в Космидий, взяв и голову Орхана. А вождь, благодетельствовав капитана корабля и весьма многое ему пожаловав, отпустил. Великому дуке он приказал сесть и, ободлив его, повелел, чтобы в лагерях и на кораблях были разысканы дети и жена его: и тотчас были они приведены. Тогда вождь, дав по тысяче аспр за каждую голову, отпустил всех домой, вместе и с самим великим дукой, ободлив его и в высшей степени успокоив. Он сказал: «Этот город я намереваюсь вверить тебе, чтобы ты имел всяческую о нем заботу, и слава твоя будет больше, чем та, какую имел ты во времена царя. Поэтому не печалься». Поблагодарив и облобызав руку тирана, ушел великий дука в дом свой. Узнав же от него имена благородных и выдающихся во дворце должностных лиц, Магомет записал их. Собрав всех с кораблей и палаток, он выкупил их, дав туркам по тысяче аспр за каждого. Когда же наступило утро после того первого и мрачного дня, в который соделалась совершенная гибель рода нашего, тиран, войдя в город, пришел к домам великого дуки. Тот вышел ему навстречу и приветствовал его, а тиран вошел внутрь. Жена великого дуки была больна и лежала в постели. Тогда этот волк во образе овцы, приблизившись к постели, сказал, обратившись к ней: «Радуйся, о мать! Не

скорби по поводу случившегося. Да будет воля господ! Я дам тебе еще больше, чем ты потеряла. Только выздоравливай!». Дети же великого дуки, подойдя, приветствовали его и благодарили. И он вышел и объехал город. Ибо все было пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города. Многие из турок были убиты друг другом: один тянул от другого награбленное; и сильный отнимал, а тот, кто не мог противостоять, получая смертельный удар, падал. Во второй день, 30 мая, вошли они снова в город и стали собирать остатки добычи. Тогда тиран, проехав большую часть города и устроив в соседнем дворце пирушку, развеселился. И, уже залившийся вином и пьяный, приказал явиться начальнику своих евнухов и, дав ему полномочия, сказал: «Сходи в дом великого дуки и скажи ему: «Вождь повелевает, чтобы ты прислал на пир своего младшего сына!» Ибо мальчик, которому шел четырнадцатый год, был красив. Услышав этот приказ, отец сделался почти бездыханным, лицо его изменилось, — и говорит он начальнику евнухов: «Не в нашем обычае собственными руками отдавать своего дитя, чтобы он был осквернен им. Лучше было бы прислать для меня палача и снять с меня голову». Начальник же евнухов советовал ему отдать мальчика, чтобы не воспламенять гнев тирана. Он же, не подчинившись, сказал: «Если хочешь взять его и уйти, возьми и уйди; но никогда не будет того, чтобы я отдал его по своей воле». Тогда начальник евнухов, возвратившись, рассказал вождю все, что он слышал от великого дуки и как тот не пожелал отдать мальчика. Тогда тиран разгневался и сказал начальнику евнухов: «Возьми с собой палача и, возвратившись, приведи мне мальчика. Палач же пусть приведет дуку и сыновей его». Тогда пришли они, и, услышав эту весть, дука обнял детей своих и жену и отправился с палачом вместе с сыном своим и зятем своим Кантакузином. Мальчика же взял с собой начальник евнухов. Итак, придя, он представил мальчика вождю; остальным же, стоявшим в воротах дворца, вождь приказал отсечь мечом головы. Тогда, отведя их в сторону от дворца, палач объявил им решение. Сын дуки, услышав о казни, стал плакать, но его отец мужественно и твердо укреплял молодых людей, ободряя их и говоря: «Детки! вы видели вчера все наши потери, которые совершились в один роковой день. Богатство наше неисчерпаемое, слава дивная, которую мы имели в великом этом городе, а чрез него и во всех странах, населенных христианами; все погибло. Ныне, в час этот, не осталось для нас ничего иного, кроме жизни. Но и она не будет бесконечна, ибо по прошествии некоторого времени, когда-либо мы умрем. И как? Уничужаемые, мы лишились имущества, славы, чести, политической самостоятельности; все нас будут поносить, презирать и терзать до тех пор, пока не придет к нам смерть,

взяв нас презренных из здешнего мира. Где наш император? Не убит ли он был вчера? Где мой сват, а твой отец, великий domestik? Где протостратор Палеолог, с двумя своими сыновьями? Не убиты ли они были вчера в сражении? О, если бы и мы умерли с ними! Однако и этого часа достаточно, чтобы мы не грешили больше. Ибо кто знает оружие дьявола: мы, медля умереть, поражены бы были его источающими яд стрелами? Ныне готово поприще, чтобы во имя распятого за нас и умершего, и воскресшего умерли и мы, дабы насладиться с ним его благами». Сказал он это и ободрил юношей, и сделались они готовы к смерти. И говорит он палачу: «Сделай то, что приказано тебе, казни прежде юношей!» И, послушавшись, отсек палач головы юношам; а великий дука стоит и говорит: «Благодарю тебя, господи!» и еще: «Праведен ты, господи!» Тогда сказал он палачу: «Брат, дай мне небольшую задержку: войти и помолиться!» Ибо был в том месте небольшой храм. Тот отпустил, и этот, войдя, помолился. Тогда вышел он из ворот храма: а тела детей его еще трепетали там. И, когда он опять воздал славословие богу, была отсечена голова его. Взяв головы, палач пришел на пиршество, представив их кровожадному зверю; тела же оставил там обнаженными и непогребенными. Подобным же образом послав палача, тиран умертвил и всех тех благородных и придворных сановников, кого он выкупил. Из жен же и детей их выбрал он для себя красивых девушек и прекрасных мальчиков и передал их начальнику евнухов, чтобы оберегал их. Остальных же пленных передал другим, чтобы заботились о них, пока не будут приведены в его Вавилон — Андрианополь. И виден был весь город в лагерных палатках, город пустынный, мертвый, бездеятельный, опустевший, беззвучный, не имеющий прежнего вида.

Глава 42. Итак, спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Что же это за груз? Многоценная одежда; сосуды — серебряные, золотые, медные, оловянные; книги свыше числа; пленные: и священники, и миряне, и отшельники, и монахи. Все были полны груза. Палатки же лагеря полны были пленных и всего выше перечисленного. И можно было видеть среди варваров: одного — одетого в первосвященнический саккос; другого — опоясывающегося золотой эпитрахилью, тянущего на ней связанных друг с другом собак; иных — одетых вместо толстых плащей в златотканые плащаницы с шитым изображением агнцев. Другие сидели на пирушках и ели из стоявших пред ними дискосов с различными плодами, и пили несмешанное вино из священных потиров. Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять

книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг. Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили. Все иконы предали огню: поджаривая на этом пламени мясо, ели его.

Тогда в пятый день вошел он в Галату и, приказав сделать перепись всех обитающих в ней, много жилищ нашел запертыми, ибо латиняне бежали на корабли. Повелел он открыть дома их и сделать опись всего имущества каждого из бежавших, говоря: «Если до прошествия трех месяцев они вернуться, пусть они получают имеющееся у них; если же не вернуться, будет это принадлежать вождю». Затем приказал он, чтобы все войско и окрестные кварталы разрушили и бросили на землю стены Галаты, и очистили те места, — что и было сделано. Итак, сокрушив сухопутные стены, оставили в целости лежащие у моря. Каменщикам же повелел он иметь в течение всего августа месяца наготове известь, чтобы перестроить обрушившиеся стены города. Сам же составил списки на пять тысяч семей из областей Востока и Запада и повелел им под угрозой смерти до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником раба своего именем Солимана. И сделав великий храм святилищем бога своего и престолом Магомета, остальные оставил пустынными; победителем отправился он в Адрианополь, имея с собой свыше меры пленников и добычу без числа. Вышел он из города 18 июня, всех благородных женщин и дочерей их везя на повозках и на вербовых конях. Жена же великого дуки в дороге скончалась, вблизи селения, именуемого Месиной, — и похоронили ее там; это была женщина благоразумная и воздержанная во всяческих душевных страстях, повсюду пользовавшаяся славой вследствие благодеяний ее и жалости к бедным.

В Адрианополь вошел он с выдающимся в высшей степени триумфом. Можно было видеть стекающиеся к нему все страны и всех начальников, и вождей христиан, — близких и дальних, — приветствующих его так: «Радуйся! Как сердце твое, как голова, как губы, как рот?» Но неохотно и без желания творили они ему с дарами поклонение, боясь, как бы и сами не пострадали подобным же образом. Тиран же сидел гордо и надменно, хвастаясь взятием города. Вожди же христиан стояли в трепете, ожидая, что же он будет говорить им относительно будущего. И вот отвечивал он прежде всего послу Сербии, повелев, чтобы ежегодно она давала державе турецкой двенадцать тысяч номисм; далее, чтобы деспоты Пелопоннеса давали десять тысяч и ежегодно с дарами приходили на поклон к нему: чтобы Хиос ежегодно вносил шесть тысяч номисм, а Митилена — три тысячи; Трапезунту и всем живущим по Потийскому

морю приказано было, чтобы ежегодно, приходя, творили ему поклонение с принесением даров и платили дань. Итак, в первом после взятия Константинополя году, в августе месяце, послы деспота Сербии, придя и передав должные дани, совершили и великую милостыню в Адрианополе, ибо, по повелению их деспота Георгия, они выкупили монахинь; молодых и старых освободил он до сотни. Также из знатных и из придворного чина все пленники, стекающиеся в Сербию, получали от него и от царицы средства на выкуп милосердия ради. Когда началась глубокая осень и шел год уже 6962-й, то, проведя зиму дома, весной пожелал тиран напасть на деспота и всю Сербию присоединить к своей державе. Что касается деспота, то он после взятия города каждый день ожидал горького этого известия и несправедливости хищника. Ибо был это старец опытный, и много пострадал деспот от несправедливостей тирана. А каков был повод к несправедливости, тиран объявил ему, говоря: «Место, которым ты владеешь, т. е. Сербия, не твое, не отца твоего; оно принадлежало Стефану, сыну Лазаря: следовательно, теперь оно мое. Поэтому уйди скорее из пределов ее. Я же намерен подарить тебе часть земли отца твоего Вулка и город Софию. Если же нет, иду на тебя». Объявив это через одного из вернейших рабов своих, приказал он рабу в течение двадцати пяти дней предстать пред лицо его, чтобы сообщить ответ; если же он не сделает этого, то ему отсекут голову, а тело бросят на съедение зверям. Посол тирана, прибыв в Сербию и узнав, что деспот проводит время по ту сторону Истра, не знал, что делать: архонты Сербии задерживали его, говоря, что сегодня деспот приедет, что завтра он вернется. При этом они заботились об укреплениях и на случай нужды запасали все на складах. Итак, видя, что он обманут, посол стал бояться и наказания за просрочку, ибо он провел там свыше тридцати дней. Итак, тиран, охваченный яростью, вышел со всем войском из Адрианополя и достиг Филиппополя. Раб же его, вернувшись и известив о бегстве деспота в Венгрию, поведал и об архонтах его: как задержали его и не отпускали. Тиран был намерен умертвить его и сделал бы так, если бы раб не рассказал вождю о причинах задержки, объясняя и свое замедление, и приготовления сербов, и бегство деспота. Венгры же, перейдя где-то реку и опустошив окрестности Тырнова, встретились с турецким войском и, одержав победу, с многочисленной добычей переправились опять через Истр. Тиран же, выступив из Филиппополя, отправился в Софию, и, оставив там войско, визирей своих и все собрание старейшин, сам с пехотой до 20 тыс. вторгся в Сербию. Однако он не нашел там никого, кто противостоял бы ему, ибо деспот задолго до того переправился в Венгрию со всем своим семейством, а вместе с ним сановники его со всем домом. Укрепив крепости и повелев всему народу

расположиться внутри их, приказал деспот людям не бояться и не сдаваться врагу, ибо надеялся он через некоторое время опять придти сюда с великой силой. И дошел тиран до Смедерова, ибо жаждал взять этот город, потому что стоял он на высоком берегу реки и давал проход тому, кто собирался проникнуть в Венгрию. Однако, не сумев ничего сделать, повернул он назад. Напал он на один из городков: крепость не сдавалась; люди же, расположившиеся вне городка, пришедшие из деревень и полевых селений, имели свой стан вне крепости, защищающий их. Ибо городок был укреплен; внешнее же укрепление не было таким: с клятвами клятвопреступник взял его. И, после того как взял, всех обратил в рабов и увел; крепость же не сдалась. Итак, повернув в Софию и выступив оттуда, пришел он в Адрианополь, ведя добычу, и там половину ее подарил старейшинам и потрудившимся с ним. Сам же, взяв свою половину пленных, послал их в деревни вокруг Константинополя, поселил их там; доставшаяся ему часть составляла 4 тыс. мужчин и женщин. Выступив из Адрианополя, прибыл он в Константинополь. Ибо, когда он проживал еще в Филиппах, он приказал отстроить расшатавшиеся стены города. Нашел он их теперь отстроенными и хорошо приспособленными, как было должно. Войдя в город и отмерив в середине его землю, заключающую в себе восемь стадий или даже более, он приказал обнести ее оградой и внутри ее построить дворцы. Когда были возведены стены, он покрыл их сверху свинцовой крышей, взяв ее с монастырей, ибо они оставались пустынными. Ведь в монастырь Пантократора пришли и поселились в нем валяльщики, а в середине храма работали сапожники; в монастыре Манганском поселились турецкие монахи [дервиши], во всех остальных турки с женами и детьми.

То, что я пишу о случившемся после взятия города, собственно говоря, нельзя писать. Ибо неприлично было бы мне описывать победы и отважные деяния нечестивого тирана и непримиримого врага и губителя рода нашего. Но расскажу я о том, что побудило меня писать. Еще будучи юным, слышал я от неких старых почтенных мужей, что конец тирании Османов совпадает с концом империи Палеологов. Ибо в одно и то же время пришли к власти Осман в тирании и Михаил Палеолог в империи; Михаил немного раньше, а Осман немного спустя в дни сына его [Михаила] Андроника Палеолога. Не был и в дни Михаила тираном Осман, — разве только не разбойничал. Поэтому надлежало, чтобы и конец случился — сначала императоров и города, а затем Османов. Ибо как-то раз по полету и крику птиц Михаил гадал, унаследует ли сын его царство его. Ибо он мучился совестью, несправедливо захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчисленные проклятия на свою голову и на род

свой. Оракул издал неопределенный звук: «Мамаими». Прорицатель же, истолковывая его, сказал: «Сколько букв в непонятном этом слове, столько из рода твоего будет царствовать императоров, и тогда отнимется от города и от рода твоего царство». И вот мы, преуспевшие в последнем течении времени и видевшие страшную, с несчастными предзнаменованиями грозу, случившуюся над родом нашим, в мечтах наших ожидаем исполнения. В силу этого страстного, неудержимого желания мы, моля наказующего и опять врачующего бога и надеясь на осуществление предсказанного мудрыми мужами, описываем случившееся после грозы божией от тирана.

(пер. А. С. Степанова)

Текст воспроизведен по изданию: Византийские историки Дука и Сфрандзи о падении Константинополя // Византийский временник. 1953. Т. 3. С. 389–409.

ГЕОРГИЙ СФРАНДЗИ

МАЛАЯ ХРОНИКА

УБОГИЙ ГЕОРГИЙ СФРАНДЗИ, ПРОТОВЕСТИАРИТ, ГРИГОРИЙ МОНАХ, НАПИСАЛ ЭТО О СЕБЕ И О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ ЗА ВРЕМЯ ЕГО НЕСЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Хорошо было бы мне не родиться или умереть ребенком. Поскольку этого не произошло, да будет известно, что родился я в 6909 году 30 августа, во вторник; крещен же был благочестивейшей и святой Фомаидой, о которой в надлежащем месте мы намерены поведать правду.

I,1. И в 28 день месяца июля десятого года был убит Тимуром султан Баязид; этот Баязид был пятым правителем в своем роду. Первым был Эртогрул, а вторым Отман, от которого и произошли Атумалиды; третьим — Орхан, четвертым — Мурад, пятым — Баязид, шестым — Мехмед, седьмым — Мурад, восьмым — Мехмед, который нас захватил в плен и изгнал из Константинополя.

XXVIII,7. И 31 октября 57 года в возрасте 56 лет, 10 месяцев и 15 дней умер василевс кир Иоанн. И 1 ноября он был похоронен в монастыре Пантократора, процарствовав 23 года, 3 месяца и 10 дней.

XXIX, 1. И в 13 день того же месяца ноября прибыл на корабле в Константинополь деспот кир Фома, не знавший о смерти василевса и услышавший о ней, проезжая мимо Каллиполи.

2. Когда он приехал, уже значительно поутихли интриги, которые создавал деспот Димитрий, или вернее его приспешники с целью возвести на трон его, хотя константинопольцы не считали достойным порфирородного деспота, так как был жив его старший брат, который превосходил его всеми достоинствами и неудачливым не был. К тому же это очевидное и справедливое мнение подкреплялось волей святой деспины и ее сыновей деспотов, а также советом и мнением архонтов.

3. 6 декабря я уехал апокрисиарием к султану сообщить, что и мать, и братья, и старшинство по возрасту, и добродетель, и любовь почти всех в Константинополе говорят за то, чтобы василевсом стал кир Константин; и чтобы султан знал об этом. Он с этим согласился и одобрил и отослал меня обратно с почетом и с дарами.

XXX, 4. И в феврале 59 года умер султан Мурад. И я не слышал об этом в Ивирии, а когда прибыл в Трапезунд, василевс говорит мне: «Архонт апокрисиарий, мы сообщим тебе хорошие вести, только ты должен будешь отблагодарить нас». Встав, я поклонился и сказал: «Да сделает бог многолетним твое царствование, в которое ты всеми способами оказываешь и будешь оказывать нам благодеяния. И теперь сообщаешь добрые вести. Однако что есть у нас достойное, чтобы воздать твоей царственности?» И он сказал мне о смерти султана и о том, что господином стал его сын и что он многое воздал василевсу и подтвердил мирный договор, который этот дом заключил с его отцом.

5. И услышав это, я онемел и опечалился так, будто он сообщил мне о смерти моих самых близких. И немного спустя опомнившись, я сказал: «Государь мой, это не радостное известие, а весьма печальное». И он говорит. «Как же это?» И я сказал: «Потому что тот был стар и попытка выступить против Константинополя была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, по желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином, — молод и с детства враг христиан, и он поносил и грозился, что сделает то-то и то-то против христиан.

6. И Константинополь, который прежде из-за слабости моего господина василевса, твоего зятя, был в затруднительном положении из-за большого долга, лежащего на его доходах, испытывал нужду во всем. И мой господин василевс, новый господин, нуждается в мирном времени, чтобы выйти из этого трудного положения. И если бог допустит, чтобы в нем победили молодость и злоба и чтобы он напал на Константинополь, то я не знаю, что будет. Вот если бы бог соблаговолил, чтобы умер этот, его сын, то была бы действительно

радостная весть, а отец, так как у него не было бы другого преемника, ослаб бы и меньше прожил от печали. И между тем, если бы он умер, этот дом усилился бы и достиг бы большого превосходства». И он говорит мне: «Ты один из разумных и первых архонтов того дома и тебе лучше знать об этом, однако бог в силах обратить это на благо». И я сказал: «Все так, как ты говоришь». И остался у него.

XXXI. 1. А когда я услышал об этом и о том, что жена султана, дочь деспота Сербии с почетом благополучно возвратилась к своим родителям, и так как я собирался остаться в Трапезунде по многим причинам, то я послал с отправляющимся в Константинополь судном лошадей и двух юношей, которых царь Ивирии захватил в походе на Самахи и прислал мне в подарок, и кое-что другое, что мы получили в дар и приобрели иначе. Я сел и написал своему господину василевсу о том, что я сделал в Ивирии и что, я думаю, надо сделать в Трапезунде, и о причине задержки здесь.

2. Написал я и другое послание, о котором собираюсь пояснить. И отдав письма одному из находившихся со мной архонтопулов, я отослал его, приказав: «Одно письмо отдай нашему господину василевсу, когда поклонись ему, и на словах доложи все о нас; а назавтра отдай ему другое».

3. А написал я так: «Приехав сюда, в Трапезунд, я узнал от василевса о смерти султана. Узнал я и о возвращении его двоюродной сестры, султанши, на родину к своим родителям. Итак, по размышлении мне кажется во многом лучше и выгоднее брак с ней, чем со здешними, если ты найдешь это выполнимым.

4. Ибо я нахожу только четыре осложнения: более низкое происхождение; церковное — из-за родства; то, что она имела мужа, и 4-е — что она пожилого возраста, и есть мысль, как бы она не подверглась опасности, когда придет время родить ребенка, что очень часто случается, как пишут физиологи.

5. Итак, по поводу первого скажу, что нет ничего невероятного, поскольку она не более низкого происхождения, чем моя госпожа, твоя незабвенная мать. По поводу второго — ведь мы вполне рассчитываем на то, что церковь согласится на брак с трапезундской невестой; если дать денег на церковные нужды и на бедных, то она тем более согласится на брак с дочерью деспота Сербии, ведь и церковь, и иеромонахи, и монахи, и монахини, и бедные окажутся связаны и в долгу за такие милости.

6. А по поводу третьего — тоже нет ничего невероятного, так как деспина кира Евдокия сначала была замужем за турком, владельцем маленькой и незначительной местности, и имела от него детей, а ее взял в жены твой дед. А эта

была женой такого великого господина и, как я слышал, с ним не жила. По поводу же 4-го — пусть будет так, как бог сообразовалит.

7. А поскольку это и во всем прочем будет выгоднее, и родители с радостью на это согласятся, пошли кого-нибудь из своих придворных или из монахов, пусть разузнают об этом. И сделай это, не откладывая».

8. Когда 28 мая письмоноscopy прибыли в Константинополь, василевс охотился на кабана. Как только ему сказали, что прибыли те, кто был в Ивирии, он, оставив всё, возвратился. Дело с Сербией ему понравилось, как покажет дальше повествование.

9. А случилось так, что того же 28 числа вечером привиделось мне во сне, что я приехал в Константинополь и, приветствуя василевса, пал ему в ноги. Но он, не позволив мне этого, поднял и поцеловал меня в глаза. И проснувшись я говорю спавшим возле меня: «Вот то-то приснилось мне во сне, запомните этот день».

10. Однако мой господин василевс, увидев, что приехал не я, а кто-то из сопровождавших меня, прочел первое письмо и погрузился, досадуя и упрекая меня за медлительность. Когда же назавтра прочел второе письмо, то остался доволен, как если бы вернулся и я. И тут же снарядив Мануила Палеолога, племянника протостраториссы Кантакузины, он отправил его в Сербию, и был испробован этот вариант: родители ее выслушали предложение с радостью и с готовностью приступить к делу.

11. Но оказалось, что султанша молилась богу и дала обет, что если каким-нибудь образом он освободит ее из дома ее, якобы мужа, она никогда в жизни не выйдет замуж за другого мужчину, но останется свободной и по мере сил будет служить своему избавителю. По этой-то причине дело оказалось неисполнимым.

12. В том же году в августе, как беглец, уехал из Константинополя патриарх кир Григорий.

XXXII,1. И 14 сентября 60 года на корабле доброго Антония Рицоса, принявшего впоследствии мученичество за свою христианскую веру, я доехал до Константинополя, завершив, или скорее более утвердив дело со сватовством в Ивирии, рассматривая трапезундское как гораздо менее удачное, чем это.

2. Ибо сказал мне василевс Ивирии: «У нас не принято, чтобы женщины давали деньги будущим мужьям, но мужья женам, как ты здесь узнаешь. Поэтому мы сделаем все без ведома, не советуясь с моими: я даю за своей дочерью, кроме одежды и средств на ее слуг, 36 тысяч флоринов и ежегодно она будет иметь 3 тысячи для раздачи церкви и бедным и на что ей заблагорассудится.

3. А у тебя, я слышал, двое детей; мальчик — крестник василевса и принадлежит ему, а девочка с сегодняшнего дня будет под покровительством моей дочери, и она должна будет выдать ее замуж, когда ты сочтешь нужным, и ты получишь ее вместе с приданым.

4. А когда ты с богом приедешь за моей дочерью, ты получишь от меня 4 рулона шелка, а он тонкий и, как мы слышали, рулон стоит 500 флоринов».

5. Когда же я доложил все, касающееся посольства, и дошел до сербского дела, я спросил об этом. И он сказал мне так: «Я многим обязан тебе за твою ко мне с детства любовь, верность и службу. Но это теперешнее дело с Сербией было подтверждением и доказательством твоей любви ко мне и службы, и я обещаю и должен вознаградить тебя за сделанное для меня. Ведь ты столько потрудился, страдал и грустил по своему дому столько времени, и ты получил то, что получил: столько всяких обещаний благодеяний и почестей, если только ты исполнишь их желание, ты же предпочел заботиться о большей моей выгоде и написал и посоветовал мне то, что написал — это было веским доказательством твоей истинной любви ко мне, верности и службы. Знай же, достоверно, что пока я жив, ты получишь от меня достойное вознаграждение.

6. А относительно того дела — произошло следующее: когда умер султан и так устроилось с дочерью деспота Сербии, пришла и встретила со мной по этому делу протостраторисса и дала много клятв и обещаний о будущих выгодах, которые и я по многим причинам считал такими большими, истинно хорошими и полезными. Однако об этом нужен был совет, мнение других — как должно быть, чтобы дело удалось.

7. Но с кем было мне советоваться? Моя госпожа деспина умерла. Кантакузин, который сравнительно с другими давал советы более беспристрастно, тоже умер. Нотара явно и неявно говорит, что никакие другие советы не помогут, разве только его, и, как говорится, пускает в ход все средства, и ты лучше других это знаешь. Великий доместик враждебно настроен к делу с Сербией. И вот, сговорившись с Иоанном Кантакузином, постоянно убеждают меня отдать предпочтение трапезундскому варианту. На кого было опереться? На монахов? Но они в это не вмешиваются. На архонтов? Но кого бы я выбрал, беспристрастного и чтобы не был к чему-то привержен, или чтобы не разболтал другим? Так что я с трудом переносил твое запаздывание.

8. Когда же пришло твое письмо, я понял тебя и узнал твое мнение. То, что было задумано и нами, ты разумно и хорошо разрешил. И я сразу под предлогом других дел послал Палеолога, чтобы он сообщил об этом от имени ее тетки

протостраториссы. И вот услышали мы о причине препятствия и прекратили переговоры. Итак, с богом, совершим это дело с василевсом Ивирии».

9. И был составлен и подписан хрисовул о том, что дочь последнего будет его женой и деспиней Константинополя, а он будет ее мужем согласно договору, который заключил со мной василевс Ивирии. И был вызван тот посланный со мной его архонт, из второстепенных, в его присутствии мой господин василевс собственноручно начертал киноварью три креста вверху лицевой стороны хрисовула, как принято, для удостоверения. И приняв из его рук хрисовул, он услышал: «Вот он, — он указал на меня, — будущей весной с богом приедет на кораблях, чтобы забрать невесту». Тот поклонился и уехал.

XXXIII,1. А поскольку в начале того года ходили слухи, что султан собирается явиться к Стенону и построить крепость у Асоматоса, василевс решил послать в Морею за одним из своих братьев, который соизволит это и согласится с договоренностью, чтобы в случае необходимости наблюдать за действиями султана, а второй из двух чтобы отправился к правителям Запада.

2. И решив так, он велел мне в один из дней: «Протовестиарит, мы приняли такое решение: я предполагаю отправить тебя в Морею, чтобы, как только ты там все устроишь, сюда приехал тот из моих братьев, который это захочет. Ты же отправишься на Кипр к моей племяннице королеве. А мы здесь приготовим необходимое, чтобы ты, уехав с Кипра, отправился в Ивирию за своей будущей госпожой».

3. Я же ответил ему: «Любовь и долг моей службы требуют, чтобы я сказал «как прикажешь», однако я боюсь за твою рабу и куму, как бы она не разгневалась и либо не ушла в монахини, либо не оставила меня и не взяла другого мужа, ибо вчера я приехал, проведя в Ивирии год и 11 месяцев, а теперь мне снова уезжать. Она будет вправе поступить так, сделав одно из двух». А он со смехом сказал: «Все же скажи ей, чтобы она позволила тебе совершить одну эту поездку, и я дам клятвенное обещание, что больше не побеспокою тебя по такому делу».

4. И ты ведь знаешь, что мы оба хотим, согласовали и собираемся сделать. Достоверно и без клятвенного обещания и то, что для тебя прекратятся посольства» (а то, что мы согласовали и чего желали, было то, что василевс укажет мегадукке Нотара, что он не сможет иметь чин месастикия.) «И хотя нам не удастся его у него отобрать из за его почета, однако он отдаст его, чтобы иметь первое место по положению в совете и какой-нибудь доход другим способом; затем мне, подобно моему брату василевсу, необходимо назначить двух архон-

тов (но не месазнов), чтобы с раннего утра и до поздней ночи, пока я занимаюсь своими делами, были со мной». Так и было сделано.

5. И мегадука был извещен через его и моего кума, иеромонаха и духовника Неофита из монастыря Харсианит, и согласился, волей или неволей — не знаю. И даже сделал вид, будто он и сам хотел это сделать, чтобы только василевс возвел в чин его сыновей. И было принято решение, хотя ничего и не совершилось, так как всех нас вместе постигли несчастья.

6. И он сказал, что одним из архонтов буду я, а другим он предполагает Николая Гудели. И если такое товарищество приятно, то чтобы между нами установились и родственные связи: пусть мой сын женится на его дочери. И это было то дело, о котором он говорил, собираясь прекратить мои посольства.

7. Мне же он сказал: «Я бы хотел послать в Морею кого-нибудь из якобы более почтенных, но я хочу передать из рук в руки мое поручение, имеющее 5 пунктов, чтобы посол изложил для заключения соглашения первый, если же не получится, то второй или третий, или четвертый, а при необходимости — пятый. И я полагаю, что пошли я кого-нибудь кроме тебя, то он уступит за то, чтобы ему аргировулом определили какое-нибудь местечко, или за обещание, что он и его дети будут иметь то и это, он сразу же представит пятый пункт, что для меня будет тяжело.

8. А к королеве Кипра — ты знаешь о монахе, который явился ко мне в один прекрасный день? Он сказал мне от имени моей племянницы, что у нее есть нечто важное, что она хотела бы сказать мне лично, если бы это было возможно, или сообщить через верного и разумного человека, если бы у нее был такой. А поскольку одно невозможно, а другого она не имеет — чтобы я послал выслушать это дело того, кто кажется мне подходящим.

9. Но кто более подходит для этого? По третьему же делу слов не требуется, ибо ты — тот, кто его совершил: и был, и лично видел, и встречался, и исполнил. Как может окончание дела быть исполненным другим?» Я ответил ему: «Это, бесспорно, так, как ты говоришь. И твоя раба и моя спутница позволит это, раз того требует дело и ради того, что будет то, что ты мне назначил — и место, и почет, и кумовство, более высокое, чем у других архонтисс. Однако в остальном я не нахожу ничего, что тебе возразить». Когда же наступило время завтрака, я отправился домой.

XXXIV, 1. А когда после обеда пришел мегадука, он сказал ему, что решил со мной относительно посольств: относительно того, что я уезжаю, но не причин. И прибавил следующее: «Нам необходимо его отличить, ибо в чине, который он

имеет, нет никакой нашей заслуги, но моего брата василевса. Итак, подумай об этом и разузнай, какую из должностей он хотел бы, и мы выслушаем тебя».

2. Он встретился со мной и я сказал ему, что у меня в мыслях есть попросить, чтобы мне был пожалован более высокий чин, но которым никто другой не владеет и который не будет при моей жизни пожалован другому, поскольку мне кажется такой порядок подобающим и предпочтительным. Особенно, когда я отправился в Трапезунд, столько слышал упреков и порицаний — как на одной и той же должности здесь три архонта. И моя мысль еще больше утвердилась в желании, которое я имел. Так вот, пусть мне будет пожалован чин великого кондоставла».

3. Он ушел и доложил об этом василевсу, и тот велел ему: «Этот чин, Нотара, я давать не собираюсь, так как господин василевс мой отец назначил в Эксамиионе великим кондоставлом моего первого тестя. Но я дам более высокий, чем этот, и сделаю его великим логофетом что является четвертым рангом, а великий кондоставл — седьмой.

4. Мегадука ему говорит: «А что стало с Метохитом Палеологом, когда ты сделал сына Кантакузина протостратором по просьбе твоего брата деспота, ради его отца и из-за родства и кумовства? И он может отдать свою душу дьяволу, если теперь ты сделаешь Сфрандзи великим логофетом, так как это выше великого стратопедарха. Что будет? Дай же ему великого примикирия, который идет после стратопедарха».

5. И он говорит ему: «Он предупреждал меня, что не желает никакого чина, даже высокого, если его имеет другой. Как он это воспримет? Все-таки скажи ему об этом, и мы да услышим».

6. Он приходит и говорит мне: «О должности великого кондоставла он сказал, что поскольку великим кондоставлом является его тесть, ни тебе, ни другому не пожалует его, но пожалует тебе великого примикирия, который выше его». Я же сказал ему, что если бы он был выше мегадуки, я не захотел бы его, так как его имеет другой. Разговор прекратился.

7. А когда я посоветовался с родными, друзьями и домашними, наилучшим показалось вот что: относительно должности — будь что будет, а я уеду в Морею и на Кипр и возьму с собой моего прекрасного сына, превосходящего почти всех своих сверстников, а также большую часть своего движимого имущества, и мы поедем по суше, чтобы он увидел разные места и научился всему полезному в жизни. И к тому же нам станут ясны планы султана, и при случае я оставлю своего сына в Морее вместе с моим имуществом у его кровных род-

ственников со стороны матери, или он вернется со мной. Этот довод убедил и его мать, а именно — мысль о войне, и она согласилась на мой новый отъезд.

8. Когда же я запасся всем необходимым в дорогу и оставались только письма, в один из дней я отправился во дворец и как обычно вошел в покои василевса. И так как я не нашел там василевса, то спросил, и мне сказали, что он в тетрасароне, другом помещении рядом с его покоем, беседует с отцом Антонием Родееосом. Я подождал немного, и вот василевс, дыша гневом, говорит мне: «Видел его? Я уж не говорю о дерзости твоего месазона! Ты просил о должности великого кондоставла, и я сказал ему, что ни тебе, ни кому другому я не дам ее, сказал, по каким причинам. И я сказал о должности великого логофета, а он сказал, что это вызовет гнев великого стратепадарха Палеолога — то, что я ставлю тебя перед ним. И сегодня он послал эту овцу, отца Антония, чтобы по его просьбе я наградил его телят. Просит, чтобы я сделал первого великим логофетом, а второго великим кондоставлом, так как он и теперь управляет ротаторами, что подведомственно этому должностному лицу.

9. Так вот, говорю тебе, что им, если он захочет, я дам другие, более низкие должности, которые и то не будут соответствовать их достоинствам; ты же будешь великим логофетом. Только об одном я прошу тебя: чтобы ты по многим, временным, причинам и из-за этих архонтов не кланялся на праздничной церемонии согласно этому рангу, однако пусть нотариий напишет в письмах к моим братьям и королеве и вообще во всех, которые будет писать, что приезжает великий логофет. И ты тоже будешь так писать сюда ко мне и своим. А тем заткнешь рот, и в конце концов они проглотят это, даже если им оно покажется острым и горьким».

10. Я же ответил: «Многие лета твоему святому царствованию! Однако я хочу и прошу, чтобы из-за меня не было ничего, такого, что принесло бы неприятности. Лучше сними мою кожу, если это способно принести мир и радость твоему святому царствованию». И он говорит: «Ты говоришь как хороший слуга, однако ничего такого не думай. Ведь я огорчился, видя их мнимую любовь к тебе и почтение и их манеры. Однако позови мне сюда нотарию: кто там есть?» И откликнувшись, кто-то пошел и позвал его.

11. А когда он пришел, василевс приказал ему: «Мы говорили тебе, кому и кому написать верительные грамоты, извещающие их. И напиши, что они будут извещены неким великим логофетом. И если будем живы, впредь я буду так писать и обращаться во время церемоний у тех, которые будут это осуждать. Однако до времени и ты, нотариий, храни это в тайне».

12. И когда приказы были приготовлены, я взял их с тем, чтобы в тот же день откланяться, но назавтра пришлось остаться тоже, потому что «султан выступил из Адрианополя и идет, и давай посмотрим, как бы в пути тебе не встретилось какое-нибудь препятствие».

XXXV, 1. Вот 26 марта того же шестидесятого года явился султан и остановился у пролива Стеной, чтобы возвести там укрепление. И сегодня — «посмотрим», и завтра, и «по суше не стоит, так как будет опасно, вот найдем судно».

2. В июне того же года произошло сражение, и после бегства нашего войска тех, кого обнаружили вне города, забрали в плен и блокировали город. И закончив строительство крепости, 31 августа султан выступил оттуда, и, придя, напал на окрестности города.

3. И 3 сентября 61 года он уехал в Адрианополь, очевидно, за эти два дня тайно хорошенько осмотрев крепость и ее оснащение.

4. И в том же году осенью в Морею явился Турхан со своими сыновьями и многочисленным войском, тогда-то его сын и был захвачен морейцами.

5. И 17 января того же года родился наследник и преемник рода Палеологов кир Андрей Палеолог.

6. И 4 апреля того же года вновь явился султан и, подойдя к Константинополю, осадил город всеми средствами и приспособлениями с суши и с моря, окружив город на протяжении 18 миль с суши двумястами тысяч человек. А столь великий город имел в обороне 4773 человека, не считая иностранцев, которых было едва 200 или чуть больше.

7. Я же знал, что это так, по следующей причине: ибо по приказу василевса каждый димарх точно переписал в своей димархии способных обороняться в крепости мирян и монахов и какое оружие для обороны есть у каждого из них. И каждый из димархов принес и отдал список своей димархии василевсу.

8. Затем он приказал мне: «Эта работа касается тебя и никого другого, поскольку ты умеешь хорошо считать и хорошо сохранять то, что необходимо хранить в тайне. Возьми списки и, сев у себя дома, сосчитай точно, сколько имеется людей и сколько оружия — сколько копий, сколько щитов, сколько луков». И выполнив его приказание, я принес и отдал моему господину василевсу списочек с грустью и величайшей мрачностью. И количество осталось в тайне только между мной и им.

9. И 29 мая, во вторник, в час начала дня султан взял Константинополь, и в тот же час взятия города пал мертвым блаженный мой господин василевс

кир Константин. Меня же не было рядом с ним в этот час, но по его приказу я вроде осматривал другую часть города. Увы, увыв мне! Не знал я, для каких времен сохранило меня провидение.

10. А вся жизнь покойного этого василевса и мученика продолжалась 49 лет, 3 месяца и 20 дней, из которых он царствовал 4 года, 4 месяца и 24 дня, будучи восьмым василевсом рода Палеологов. Ибо первым был Михаил, вторым — Андроник, третьем — Михаил, четвертым — Андроник, пятым — Иоанн, шестым — Мануил, седьмым — Иоанн и восьмым — Константин. Царствовал же и правил Константинополем род Палеологов сто девяносто четыре года, десять месяцев и 4 дня.

11. Я же, несчастный, был схвачен и пережил все несчастья и беды плена. Наконец, 1 сентября 62 года я откупился и приехал в Мистру. А жена и дети мои были захвачены старыми и добрыми турками и вновь проданы ими мераху султана, то есть комиту его лошадей, который скупал и многих других знатных архонтисс и имел с этого большую прибыль.

12. А поскольку он не смог скрыть красоты и других положительных качеств моих детей, узнавший о них султан забрал их, дав мераху несколько тысяч аспров. А несчастная мать осталась одна, с одной только своей воспитанницей, остальные же были распроданы.

XXXVI,1. Пожалуй, кто-нибудь спросит, что же происходило у василевса в разгар борьбы в тот год, в то время, когда султан "вел приготовления, и что сделали зарубежные христиане для того, чтобы помочь?

2. Относительно зарубежных христиан ясно, что ничего. И более того, к сербскому деспоту Георгию был послан архонт султана для того, чтобы склонить его стать посредником в мирном договоре с венграми, а после того, как апокрисиарий уехал, некоторыми турками из совета был направлен нотариус, чтобы посоветовать деспоту найти способ отсрочить мирный договор, так как если будет мирный договор с венграми, султан тут же выступит против Константинополя. Но тот сказанного не сделал, не зная, несчастный, что если случится лишить тело головы, то члены мертвы.

3. В Венеции, когда состоялся большой совет, воспротивился дож Франческо Фоскари не по неведению — ибо и василевс кир Иоанн говорил нам, да и другие, видевшиеся и беседовавшие с ним, что более разумного человека не знают в Италии, — но по злобе и недоброжелательности. Ведь недоброжелательство не умеет предпочитать пользу. Причина же была вот в чем: Алоизо Диедо был его посредником по делу о том, чтобы мой покойный господин кир

Константин, будучи деспотом и находясь господином в Морее, взял в жены дочь этого дожа с большим приданым. Господин же мой не ради приданого, но ради того, чтобы его владения стали как бы едиными с Венецией, согласился на этот брак, причем я больше других одобрял и поддерживал это. И все уже было решено.

4. Когда же он стал василевсом и переехал в Константинополь, этот брак стал неподобающим. Ибо кто из архонтов или архонтисс города принял бы госпожой и деспиней дочь венецианца, правда, знатного и дожа, но временного? Или его других зятьев как свояков, или сыновей как шурьев василевса? Кто так, исходя из этого, он отослал посредника, а человек стал врагом. И хотя архонты Алоизо Лоредан и Антоний Диедо и многие другие много говорили ему и указывали на то, что если Константинополь будет взят, это обернется большим вредом и для их государства, не сумели убедить его.

5. А что думала об этом римская церковь? Ведь когда русский кардинал находился в Константинополе, я был его посредником к моему незабвенному покойному господину василевсу по поводу того, чтобы он стал патриархом, и чтобы им и тогдашним папой было сделано то-то и то-то или хотя бы чтобы вторым поминался папа.

6. И после многих разговоров, советов, беспокойств незабвенный василевс решил, что от одного он совершенно откажется, так как если тот станет патриархом, все либо должны будут повиноваться ему, либо ополчатся против него, и между ним и теми неповиновующимися возникнет война. А в такое время, когда на нас надвигается война извне, сколь ужасно иметь еще и внутреннюю войну. А относительно поминания — пусть оно будет ради нашей надежды на помощь в случае необходимости. И в то время как одни будут совершать его в св. Софии, другие будут оставаться непричастными и спокойными. И 12 декабря минуло вот уже шесть месяцев с тех пор, как было произнесено столько речей о помощи, сколько их произнес султан Каира.

7. А из Сербии, хоть и была возможность из многих областей тайно послать деньги, а также людей другим способом, видел кто-нибудь хоть один обол? Да, действительно, они посылали много денег и людей — султану, осадившему город. И турки ликовали и указывали: «Вот и сербы против вас».

8. Кто из христиан — василевс ли Трапезунда или кто из влахов, или ивирицев послал на помощь тайно или явно один обол или одного человека?

9. Венгры, правда, послали апокрисиарнев, сказать: «Когда выяснилось, что вы собираетесь заключить мирный договор с Константинополем, мы тоже

заклучили с вами мирный договор, а иначе мы расторгнем его». Посольство ехало почти неделю, в течение которой турки собирались начать войну. И если бы они победили, то сказали бы им: «Вот мы взяли город, а вы уезжайте и как хотите — сохраняйте с нами мир или воюйте». Так и случилось, и они им это сказали. А если бы не взяли и сняли бы осаду, то сказали бы, мол, «ради мира с вами и договора о согласии мы сняли осаду»; или заключили бы мир: султан, как мы слышали, говорил: «Если не возьму город, сразу заключу мир, который будет на всю жизнь».

10. А мой покойный господин василевс чего не сделал и тайно, и явно для защиты своего дома и христиан или собственной жизни? Разве замышлял он, если что-нибудь случится, бежать, хотя это было возможно и легко?

11. Ведь кто знал из всех остальных, кроме Иоанна Кантакузина и меня, что Янко заранее просил, чтобы он отдал ему в подчинение Силимврию или Месемврию и чтобы там находились многие из его людей, и тогда во время войны с турками он будет им врагом и помощником городу? И когда началась война, ему была отдана Месемврия. И мною был написан хрисовул, и зять Феодосия Кипрского, сын Михаила, его ему доставил.

12. Кто знал о требовании каталонского короля отдать ему Лемнос, и тогда он всегда будет против турок на море и на стороне Константинополя, если понадобится помощь? И это было сделано.

13. Кто знал, сколько он дал обещаний и послал денег на Хиос через Галату, чтобы оттуда прислали людей, и они не прислали?

14. Кто соблюдал посты и молился сам и через священников, давая им деньги, или больше заботился о бедных, или дал больше обетов богу ради избавления христиан от турецкого ига? Но все это, с одной стороны, бог презрел (за какие грехи — не знаю!), а с другой стороны, люди этого не знали, и каждый говорил по-своему, как хотел. Но возвратимся к предмету повествования.

XLII, 1. А глава нечестивых в тот же год, выступив против Сфендиари, взял его знаменитую крепость, называемую Синоп, которую и я видел, а также всю остальную его область.

2. А еще раньше он отправился и взял Керасуид и Трапезунд и всю ту местность, принадлежавшую василевсам Трапезунда, и, выгнав почти всех тамошних несчастных правителей и архонтов, привел и поселил их в Адрианополе. Там же находился и господин Морей, которому он дал в удел для содержания его самого и его людей большой Энос, Лемнос, Имврос и Самофракию.

А трапезундскому василевсу кир Давиду Комнину — деревни вокруг Черной горы. Найдя у него по прошествии некоторого времени якобы упущения-Ложный и незначительный повод к этому, он все отобрал, а самого задушил.

3. А весной того же 70 года султан отправился в Великую Влахию и устранил там то, что предпринималось против него.

4. А по возвращении он собрал армаду и, отправив ее против Лесбоса, захватил его.

5. А в ноябре 71 года после набега Амара, сына Турхана, он захватил всех венецианцев вокруг Навпактоса и его пригорода Галаты — столько же, сколько будто бы Фламбулос из Малой Влахии тех, кто платит харадж.

6. Узнав об этом, капитан венецианских галер поспешил на помощь. Став напротив принадлежащего султану города Востицы, он сжег и захватил все, кроме одной башни, и, привезя жителей Востицы в Навпактос, обменял их на своих. И уже было задумано сражение, которое даст султану венецианское государство, так как оно всеми способами было связано с властью и правительством Морей.

7. Это событие послужило началом кампании. И прибыл сам генерал-капитан Алоизо Лоредан с огромным войском и снаряжением, взял Эксамилион и отстроил его, но плохо из-за спешки. Ибо в поспешности, нет надежности, как говорят. А затем, когда после сражения за Коринф его надежды не оправдались, он ушел, бросив и Эксамилион.

8. В 72 году венецианцы овладели Монемвасией не столько по воле и милости ее хозяев, сколько из-за никчемности управляющего ею архонта, совершенно так же, как из-за негодности и неудачливости управляющего была взята хитростью крепость Лемноса, называемая Палеокастрон, или вернее именно эта его башня. И притом она была отдана венецианскому государству случайным иностранцем; а после этой крепости, конечно, была решена судьба и всего острова.

9. Однако когда этот капитан попытался завоевать Лесбос, ему это не удалось, и он уехал ни с чем.

10. И весной 73 года деспот кир Фома, послав людей, потребовал, чтобы его сыновья и дочь приехали туда, где был он. Так и было сделано. И когда они на корабле достигли Анконы, он только услышал, что они доехали, но увидеть их не успел, ибо 12 мая, находясь в Риме, умер 56-ти с небольшим лет.

11. Они же, побыв недолго в Анконе, после того, как за ними послал папа, благодаря заботе, старанию и помощи достойнейшего кардинала, константино-

польского патриарха Виссариона, прибыли жить в Рим, в тот самый дом, который был у их отца. И старшего сына, кир Андрея Палеолога папа провозгласил деспотом.

XLIII. 1. А я, вынуждаемый бедностью, выехал 18 апреля и 17 мая прибыл в Анкону. А 1 июня я снова выехал и отправился по дороге в Витербо, так как мы узнали, что там на горячих источниках находится кардинал. Через 9 дней мы добрались до Рима и провели 36 дней в доме моих господ деспота кир Андрея и автендопула кир Мануила Палеологов. В эти дни я поклонился могилам блаженных апостолов Петра и Павла и многих других святых, похороненных там.

2. И осмотрев достопримечательности в великом, знаменитом и древнем городе, я выехал 16 июля и по прямой дороге приехал в Анкону. Побыв недолго там, 28 числа я морем приехал в Венецию. И пробыв там в монастыре Креста 26 дней, то есть до 23 августа, в этот день поздно выехали мы с богом оттуда и 5 сентября 75 года прибыли сюда, на Корфу.

(пер. Е. Д. Джагупаняна)

Текст воспроизведен по изданию: Георгий Сфрандзи. Хроника // Кавказ и Византия. 1982. Вып. 3. С. 188–235.

ЛАОНИК ХАЛКОКОНДИЛ

ИСТОРИЯ

Из книги VIII. В начале следующего лета Мехмед, сын Амурата, заготовив в Азии огромное количество извести, начал строить в Европе крепость, называемую Лаймокопия.

Он строил ее вблизи Пропонтиды, на Босфоре, в том месте, где переправа из Азии была наиболее короткой. Привлекая туда людей из Азии и людей из Европы, он принялся за дело, разделив, работу между стратегами и ипархами. Царь строил эту крепость для того, чтобы сделать безопасным свое возвращение на родину и чтобы люди с Запада, придя на триерах, не были в состоянии помешать его переправе или изменить положение его дел в Азии. Эта крепость должна была быть ему очень полезной и при осаде Византия. Царь строил три башни, самые большие из всех нам известных, с тем, чтобы, опираясь на них, защищаться от плывущего по морю врага. Две башни он сооружал со стороны суши, третью, самую большую, строил на берегу. Башни он крыл свинцом. Толщина крепостной стены была 22 фута. Ширина башен даже больше того —

30. Построив в три месяца крепость, царь начал войну с Византием набегом на окружающую его местность.

Не дожидаясь лета, едва только установилась весна, Мехмед, сын Амурата, пошел походом против Византия. Он упорно думал об этом походе как до, так и после постройки на Пропонтиде крепости Лаймокопии. Из Азии и Европы вызывал он людей на побережье строить суда, хотя там еще стояла суровая зима. Он снаряжал корабли и триеры, он лил пушки, самые крупные из всех, где бы то ни было известных нам в то время.

Решив, что уже наступило время отправляться в поход, царь послал вперед с европейским войском стратига Европы Сарадзу, приказав везти и большую пушку. Говорят, она была так тяжела, что ее волокли 70 пар быков и до 2 тыс. человек.

Прибыв на место, Сарадза прежде всего взял расположенные около Византия башни. В них укрывались работавшие на полях земледельцы. Одни башни Сарадза принудил к сдаче голодом, другие взял с бою, а людей, уведя оттуда, зарезал. И тогда же, заодно, он опустошил окрестности Византия.

Через некоторое время к Византию подошел сам царь и стал лагерем от моря до моря.

Пространство направо от царя до так называемых Золотых ворот было занято лагерем всего азиатского войска. Налево — до так называемых Деревянных — встало войско Европы. Между ними — сам царь с янычарами и теми людьми ставки, которые обычно разбивали свои палатки около царской. Зять же царя, Заган, построил свое войско в местности, лежащей на другом берегу, выше Галаты. Говорят, все войско доходило до сорока мириад. Что же касается вьючного скота, то число его в царском лагере, пожалуй, вдвое превосходило число людей. Ведь турки пригоняют в лагерь скот в таком большом количестве для того, чтобы он вез достаточно корма для себя и для [боевых] коней» Вез он и продовольствие для людей. Из всех известных нам народов только турки, куда бы они ни отправлялись в поход, так обеспечивают себя продовольствием, чтобы оно было у них в достаточном количестве.

Они гонят с собою верблюдов, множество мулов, груженных припасами. Мулов гонят и для других своих потребностей. Некоторые ведут с собой лошадей, верблюдов и своих самых красивых мулов — из желания похвастаться ими.

Вскоре после прибытия царя к Византию к нему по морю подошел и флот, триер — до тридцати, малых же судов около двухсот.

Узнав о приближении царского флота, эллины протянули по морю железную цепь от лежащей на другом берегу Галаты до стен Византия, около так называемого акрополя. Суда, находившиеся в то время в Византии, пришедшие одни — на помощь, другие — по делам торговли, эллины поставили за цепью. Так думали они помешать царскому флоту проникнуть во внутрь, в залив Византия. Этот залив тянется вдоль города на протяжении 80 стадий, а дальше, в глубь материка — на 150.

Стена города со стороны залива не очень крепка, и залив около нее не глубокий, так что судам трудно по нему плыть.

Со стороны же суши город защищен двумя стенами. Одна большая, надежная, другая меньше, но с наружной стороны ее находится ров. Он выложен камнем. Ширина рва — плетр. Царь и эллины решили обороняться, построившись на наружной стене, так как она была защищена рвом. Они вновь повторили свой старый прием, примененный ими против Амурата, когда он, в свое время, осаждал город.

И вот царь немедленно с разных сторон пододвинул к городу много осадных орудий, установил две пушки и начал бить по городской стене.

Одну пушку он поставил против дворца эллинских царей, другую — против так называемых ворот Романа, за которыми стоял сам эллинский царь.

И во многих других местах турецкого лагеря были установлены пушки, из которых стреляли по эллинам. Но те две были самые большие и метали камни весом в 2 таланта с лишним.

Говорят, что эти камни черного цвета, по поручению царя, привозили в его лагерь с Эвксинского понта.

Пушкарь царя был родом дак, звали его — Орбан.

Он жил сначала у эллинов, но, не имея средств к существованию, покинул их и пришел в ставку царя. Нанятый тогда же за большую плату, он изготовил царю знаменитые пушки.

Из пушек стреляли следующим образом. Сначала стреляли из пушек меньших размеров, стоявших по сторонам большой. Пускали камни весом по полталанта. Эти два камня разрушали стену. Вслед за ними метали большой камень весом в 3 таланта. Он обрушивал значительную часть стены.

Этот необыкновенного веса камень, пущенный со сверхчеловеческой силой, наносил невероятный вред. Говорят, при полете этого камня стоял непереносимый гул и земля сотрясалась на 400 стадий вокруг.

Пушки обрушивали наружную стену и ее башни. При этом они наносили повреждения и внутренней стене.

Днем пушкарь метал семь камней, ночью — один, днем получал указание, куда ему нужно стрелять ночью. И, конечно, сначала эллинов охватил безумный ужас. Янычары и остальное бывшее в лагере войско принесли из лагеря к городским стенам и засыпанному рву обтянутые белым и красным войлоком осадные щиты. Сделав насыпь у наружной стороны рва и проделав в ней отверстия, они стреляли в эллинов из пушек, пускали стрелы.

Для эллинов же турки были невидимы и недостигаемы, повредить им было невозможно.

Рыл царь и подземные ходы, ведущие под стену. Его землекопы соорудили четыре высокие башни на катках. Установили и укрепления, чтобы с них немедленно начинать поджог города. Впрочем, подкоп не удался: эллины, заметив, что враги роют подземные ходы, сами стали рыть навстречу. Продвинувшись вперед, они обнаружили землекопов царя. С помощью огня вытолкнули турок и овладели ходами. Сделал царь и высокую деревянную башню, а в ней много ведущих наверх лестниц, чтобы подняться по ним на стену и перейти ее. Так приготовился царь к осаде города с суши.

Ввиду невозможности проникнуть в глубину залива со стороны моря, чтобы уже со всех сторон нападать на город, царь решил вытянуть суда на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

И здесь через горы, волоча суда по земле, он протащил их с парусами на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

Он переправил до 70 пятидесятивесельных и тридцативесельных кораблей и подготовил все для спуска их на следующий день в залив. А здесь на берегу залива люди царя приготовили пушки и собирались дать отпор тому, кто задумает напасть и помешать спуску кораблей на воду.

Увидав на берегу залива готовые к спуску суда, эллины посадили людей на все имевшиеся у них корабли и двинулись на врага. Они хотели, если смогут, сжечь корабли турок.

Как было решено, так и сделали. Посадив людей и вооружившись, эллины поплыли, стремясь сжечь вытасканные на берег суда. Однако турки заметили их

наступление, пустили в ход пушки и повредили из числа эллинских кораблей два тридцативесельных, которые тотчас стали тонуть. Люди, не умевшие плавать, немедленно погибали. А те, кто выплыл на берег к туркам, были [ими] взяты в плен. С наступлением дня турки отвели пленных к воротам города и убили там. И эллины — было, конечно, и у них в окопах некоторое количество взятых в плен турок — убили своих пленных. Они привели их к зубцам стены, находившейся против лагеря турок, и предали казни. Эллины хотели, чтобы участь пленных той и другой стороны была одинакова.

Корабли же царя, так как никто не мешал больше спустить их на воду, поплыли к городу.

Тогда царь немедленно стал строить мост между городом и лежащей напротив него так называемой землёй Керамарейцев. Соединяли попарно деревянные бочки, связывали их крепко друг с другом, чтобы по ним, как по мосту переправить войско Загана из лагеря в город.

Таким образом, Византии оказался обложенным со всех сторон. Положение его и эллинов становилось тяжелым. Так как Византии занимал большое пространство (ведь окружность его, большая, нежели окружность других современных нам городов, достигала приблизительно 111 стадий) и так как люди были расставлены по всему городу, он оказался не очень-то хорошо защищенным. В продолжение сорока дней турки настойчиво били по стене из пушек и обрушили значительную ее часть, четыре башни и другие укрепления. Били они также и по большой стене. Обрушили и ее башни.

Сначала и эллины поставили на стене имевшиеся у них пушки, метали :камни весом в три полуталанта и целились в пушку царя. Однако они ничего не достигли, но только расшатали и повредили свои стены. А пушка побольше разорвалась при первом же выстреле. Эллины обвинили своего пушкаря в том, что он подкуплен царем и хотели предать его казни. Впрочем, не имея ясных улик для обвинения, отпустили. Участки стены, разрушенные пушками царя, эллины спешно укрепляли по ночам, загораживая лестницами и деревянными бочками.

В то время как это происходило, царю сообщили, что с Эгейского моря к Византию плывут корабли. Это были два грузовых судна с хлебом. Одно, более крупное — гонуэзцев, другое — царя эллинов. Узнав об этом, царь как можно скорее посадил людей на триеры и другие суда и послал навстречу кораблям, находившимся уже близко и шедшим к городу с достаточно сильным попутным ветром. Против этих кораблей вышли в море триеры и прочие суда турок.

Сначала турки напали на греческий корабль. Он скоро был бы взят, если б корабль генуэзцев не повернул к нему на помощь, и не понесся на триеры ту-рок. Царь въехал на коне в море и кричал с берега, ободряя своих. Спасшиеся все же таким образом корабли вошли в гавань. В этом бою был ранен в глаз наварх царя Пантогл и, как он сам говорил царю, своими же. Он уверял, что если бы не рана, он взял бы корабли эллинов. Впрочем, благодаря ране он избежал наказания, и царь не сделал ему ничего плохого. А тех, кого подозревал в покушении на наварха, царь схватил и посадил в тюрьму, собираясь убить.

Когда стена была уже настолько разрушена, что янычары при приступе могли бы ворваться в город, царь приказал, как полагается, зажигать в лагере огни. Делал он и другие приготовления, собираясь через день двинуться на приступ.

Глашатай объявлял в лагере, что царь отдает войску город на разграбление, а жителей — в рабство.

Рассказывают ведь и следующее. Когда стена была разрушена пушками, сын синопского архонта Скендера, по имени Исмаил, начал переговоры с эллинами относительно мира. Говорил он так: «Эллины, вы сами знаете, вы находитесь на краю гибели. Что не пошлете к царю посла для переговоров о мире? Если вы захотите поручить это дело мне, я добьюсь для вас мира. Конечно, я хорошо знаю, что вы будете обязаны мне благодарностью, если я сделаю это для вас. Если же это не случится, город ваш будет порабощен, царь вас всех погубит. Жен и детей ваших мы сделаем рабами, и вы испытаете непереносимые страдания. Итак, пошлите как можно скорее верного человека. Я приведу его в ставку царя и добуду для вас мир».-Это сказал он на совете грекам. Было решено послать вестника, поручив узнать, каково намерение царя, в чем оно заключается. Только после этого эллины хотели решить, что им выгодней сделать.

Узнать намерение царя они послали человека незнатного. Когда он, приведенный Исмаилом, явился в ставку, царь потребовал от греков ежегодно уплачивать ему десять мириад. Если же эллины не в состоянии уплатить, пусть оставляют город и уходят со своим имуществом куда кому угодно. Когда это было сообщено эллинам, они стали советоваться и решили лучше снова подвергнуться опасностям осады, чем, сев на корабли, покинуть город без боя.

Мне же кажется, что царь требовал это для вида, желая узнать настроение эллинов, а вернее, видя пришедшие в негодность укрепления он хотел знать, что думают о себе сами эллины, считают ли они свое положение твердым. Эллины ответили только то, что я сказал.

Когда все было готово для приступа, царь созвал янычар и обратился к ним с такой речью:

«Янычары, сыновья мои, куда бы ни шел я походом, самые прекрасные подвиги всегда совершали вы. Взять этот город зависит от вас. Но знайте и то. Я вас спрашивал и вы отвечали, что взять этот город возможно. Надо только, чтоб я разрушил вам его стены. Водя вас вокруг города, я спрашивал, достаточно ли уже разрушения. И насколько вам было нужно, настолько я стены разрушил. Теперь же, когда пришло время итти на приступ, я говорю вам следующее. Вы, во всех боях заслужившие себе и прежде и теперь великую славу, покорите мне это царство. Знайте, много есть земель в Азии и Европе. Лучшую из них дам я первому поднявшемуся на стену. Я. отплачу ему как следует, я дам ему в награду богатую область, и люди нашего племени назовут его участь блаженной.

Но если я узнаю, что кто-либо вернулся в палатку, а не сражался на стене, то, даже если бы он скрылся, улетая на крыльях, бегство не спасет его от мучительной смерти.

Идите на этот самый прекрасный и праведный бой. Будут у вас рабы, за которых вам много дадут, будут и женщины, и дети, и большие богатства этого города!»

В ответ на эту речь декадархи и лохаги стали успокаивать царя, обещая, что они будут врываться в город, не оглядываясь. Это были как раз те декадархи и лохаги, которых царь водил раньше вокруг городских стен и спрашивал, можно ли уже ворваться в город. Они же просили стены разрушить еще до того состояния, которое им казалось достаточным. Теперь же они просили, как милости, вернуть людей, схваченных за покушение на наварха. Их ведь подозревали в том, что они ранили в глаз наварха. Царь согласился и отпустил людей в угоду янычарам. Затем царь решил итти на приступ. Он послал в лагерь глашатая объявить, что на рассвете двинется на город. Отличившемуся он обещал награду; не вышедшему в бой — наказанием была назначена смерть. Захиды, обходя лагерь, напоминали воинам об ожидающей их по учению пророка посмертной славе, говоря, что павшим в бою пророк обещал блаженство. Говорили и другое, что у них полагается.

Эллины приказали генуэзцу, прибывшему к ним на помощь с большим кораблем и тремястами гоплитов, стать там, где поместился сам царь и где именно янычары собирались ворваться в город.

Они давали это приказание, желая, чтобы он со своими гоплитами именно там приготовился отражать врага. В то же время и сам царь эллинов, готовый притти на помощь со своими людьми, стоял недалеко от него. И кардинал сарматский Исидор, о котором я упоминал раньше, находился тогда в Византии и помогал подвергшимся нападению эллинам. Приехал он незадолго до осады, чтобы созвать собор и помирить эллинов с архиереем римлян. Но эллины слишком поздно, во всяком случае, пришли к соглашению с ними.

Решив итти в бой с утра, царь начал наступление на рассвете (был же день Ареса). На рассвете раздался звук кимвал, заиграли флейтисты и трубачи, царь двинул войска. Везде, окружая город, приготовились варвары к бою и, бросившись вперед, стали храбро сражаться. Со стороны стены, обращенной к заливу, эллины защищались всего решительнее, отбили врагов и, отрубив головы у поднявшихся кое-где по лестницам турок, удерживали стену. В том месте, где наступал сам царь, янычары в стремительном натиске стали теснить генуэзцев. И сам Лонг был ранен пушкарем в руку, и были легко ранены другие гоплиты. Они оставили место, где стояли. Тотчас, пробиваясь сквозь ряды защитников, турки стали врываться в город, отражая нападение [противников, нападаая на] генуэзских гоплитов, наседаая на них и убивая [их].

Итак, Лонг ушел. За ним стали уходить гоплиты, так как янычары теснили их. Цзрь эллинов, заметив, что генуэзцы покидают свои места и дают проход врагу, тотчас подбежал и спросил Лонга, уходит ли он. А когда [тот] ответил, что турок ведет здесь бог, царь, обратившись к Кантакузину и тем немногим, кто был с ним, сказал: «Пойдемте, друзья, на этих варваров». И Кантакузин погиб, как герой, и царь был вынужден отступить. А янычары, наступая, преследовали и ранили царя Константина в плечо. И он умер.

Видя, что янычары побежали по большой стене, поражая сверху стрелами и бросая камни, и видя, что под их натиском побежали люди Лонга, бросились бежать и остальные защитники города. Всякий, спасаясь, стремился вырваться наружу.

Когда бегущие достигли так называемых ворот Романа, они стали давить друг друга и тут же падать, а вновь прибывающие падали на них. Взбираясь по телам, стараясь пробиться через толпу рвущихся к спасению людей, еще живые, они так тесно сгрудились у ворот, что выхода оттуда не стало никому. И так в громадном количестве гибли они бесславно. Жалкое зрелище представляли они, [торопясь] обогнать друг друга и загородить ворота телами еще живых эллинов. А янычары, перейдя большую стену (ведь значительная часть ее

была разрушена пушками); бросившись в разные стороны, разбежались по городу и принялись за грабеж.

Как только распространилась весть, что город взят, побежали и остальные эллины. Одни бежали к гавани на корабли венецианцев и геновцев. Многие спешно и беспорядочно бросались в лодки и гибли, так как лодки тонули. И случилось то, что всегда бывает при всеобщем смятении, когда все как придется и в беспорядке ищут спасения. Но эти все же успели убежать от турок. К несчастью, сторожа у ворот, увидев эллинов, устремившихся к судам и ищущих спасения в бегстве, думали, что, заперев эллинов в городе, они вынудят их возвратиться и защищать его. Утвердившись в этом мнении, они бросили ключи от ворот за стену.

Они, думаю я, действовали так под влиянием распространившегося в городе пророчества, утверждавшего, что, когда враг в своем наступлении дойдет до того места в городе, которое называется Тавр, защитники по необходимости сомкнут свои ряды, прогонят врагов и сами овладеют городом.

Новые беглецы все время прибывали. Образовавшаяся здесь толпа мужчин и Женщин бросилась к самому большому храму в городе, к св. Софии. Тут собрались мужчины и женщины, и дети. Позднее, впрочем, они были взяты турками в плен без боя и не мало мужчин был& убито турками в храме. Другие эллины, скрывавшиеся в разных местах города, также находились в бедственном положении. Немного спустя одни из них были убиты, другие захвачены в плен. А многие, храбро сражаясь погибли за родину. Они не хотели видеть своих жен и детей попавшими в неволю. Все это происходило в то время, когда, ища смерти, мужественно бился, и пал здесь Феофил из рода Палеологов, когда погибли и принимавшие участие в этом бою Палеологи, отец с сыновьями. Тогда же доблестно пали многие эллины, окружавшие царя, не желавшие видеть свою родину потерявшей свободу.

Все улицы города были полны убивающих и умирающих, преследующих и бегущих. А судьба Нотары, гармоста царя, и Орхана, внука Мусульмана, по словам самих эллинов, была такова. Узнав, что город взят, они прибежали к какой-то городской башне. Они хотели посоветоваться, что им вообще делать. Придя в башню, Орхан, надев рубище какого-то монаха, прыгнул с башни и погиб.

Осажденные в башне спутники Нотары, вместе с ними он сам и сыновья его, были взяты в плен около полудня.

Янычары немедленно привели в лагерь царя огромное количество женщин и детей из самых знатных эллинских семей, принесли из города большие сокровища и таким образом очень разбогатели.

Перед глазами зрителя расстился лагерь, полный призывающих друг друга мужчин и женщин, полный детей, безумно испуганных этим ужасным несчастьем. Из города уносили в лагерь золото и серебро. В изобилии оказались в нем драгоценные камни. Все в нем было завалено разной одеждой. В один день в этом лагере оказалось столько знатнейших пленных, сокровищ и другого имущества, что многие янычары не знали, куда девать свое богатство. Хотя драгоценные камни продавались дешево, так как янычары не знали, за сколько их надо продавать, они все же стали очень богаты. Бывало иногда, что они продавали золото, думая, что это медь.

Тогда же был взят в плен и Исидор, кардинал Сабинский. Приведенный в Галату, он был продан, но сел на корабль и бежал в Пелопоннес. Если бы царь знал, что это кардинал Исидор, он убил бы его, а не дал бы бежать. Теперь же, думая, что Исидор погиб, царь не спрашивал о нем.

Но при каких обстоятельствах погиб царь эллинов, никто из янычар сказать не мог. Он оказался в городе со многими другими. Скончался он, процарствовав три года и три месяца. Было взято в плен много знатных венецианцев, находившихся в городе по торговым делам, и много других, приехавших в город с триерами. Эллины задержали их на основании договора о союзе, с тем чтобы они помогали им в наступившей тяжелой беде. Притан венецианцев был приведен к царю и убит, после чего остальные венецианцы были отпущены на свободу.

Пока это происходило, и пока все, в том числе и моряки царского флота, были заняты грабежом, триеры венецианцев снялись с якоря и плыли по Геллеспонту. На третий день без людей они приплыли к Эвбее, Ведь эллины сняли с триер большинство людей и поставили их на линию башенных зубцов, защищать город. Этих людей взяли в плен. Некоторые были даже убиты. А триеры, приплывшие к Эвбее, стали вестниками несчастья Византия. Жители острова не знали, куда им бежать. Они думали, что несчастье обрушится на них немедленно. Население почти всех островов Эгейского моря обратилось в бегство. Властели и жители Пелопоннеса в ужасе устремились к морю. Вследствие этого позднее произошло отпадение живших в Пелопоннесе албанцев.

Сразу после взятия Византия царь повелел зятю своему Зогану итти на лежащий на другом берегу город Галату. Зогану было дано приказание помешать

генуэзцам выступить на кораблях против царя, приказать жителям оставаться каждому на своем месте и не позволять никому из них жесть на корабль.

Глава города Галаты, узнав о том, что царь взял Византии, страшно испугался, как бы царь, двинувшись на них, не поработил Галату, как он сделал это с Византием. Поэтому, взяв ключи от города, он пришел к царю и сдал ему город. Он сказал, что жители вверяют свою судьбу царю и выражают желание впредь повиноваться ему, исполняя его приказания. Тогда-то царь послал Зога на принять город и запретить кому бы то ни было садиться на корабли. Но жители Галаты, увидевдвигающиеся на их город турецкие триеры, поспешно бросились к кораблям. Турки удержали их, а некоторых для устрашения убили. Зоган вошел в город, устроил все городские дела и назначил царского архонта.

И вот став в один день властителем двух городов, из которых один он взял в бою, а другой ему сдали, царь приказал жителям скрыть городские (стены, обращенные к суше. Делал он это для того, чтобы, в случае прихода кораблей из Италии, жители не задумали бы отложиться. Если же стены со стороны суши будут скрыты, а царю снова будет угрожать война, он свободно войдет в город и легко овладеет им.

Оставшихся в живых эллинов, главным образом самых знатных из них, отвели в Галату. Некоторые при этом освободились. Нотару, притана царя эллинов, выкупил сам царь, и жену его, и детей. Он выказал внимание к Нотаре и беседовал с ним некоторое время о том, что его интересовало, спрашивая о судьбе семьи, о военной помощи, которая, он знал, ожидается из Италии. Отпущенные на свободу эллины снова собрались в Византии, выкупали родных и близких, но немного позднее царь их убил. Дошло до царя, что у Нотары есть сын, двенадцатилетний мальчик. Послав к Нотаре одного из своих евнухов, он потребовал мальчика к себе. Нотара, услышав слова евнуха, пришел в ужас, не стерпел и сказал:

«Евнух, это перенести невозможно. Царь отнимает наших сыновей, хотя в настоящее время ни в чем не может нас упрекнуть. Ведь выкупив нас, старую вину он простил нам. Если таким образом поступает он с нами, зачем не велит он предать нас самих позорнейшей казни?» Так ответил Нотара и добавил, что, будучи невиновен, он никогда добровольно не отдаст сына... И вот когда к Нотаре пришли люди, посланные, чтобы его убить, он просил сначала на его глазах убить детей. Его же убить после них. Сыновья, страшаясь смерти, просили отца отдать все деньги, которые у них были в Италии, и этим сохранить им жизнь. Он же не согласился и приказал храбро итти на смерть. Их убили

первыми. Потом он дал убить себя. Немедленно после убийства Нотары и близких ему людей царь приказал зарезать и тех эллинов, которые жили в Византии на свободе. И они были зарезаны. Так бесславно они погибли. Царь пошел на это убийство, так как его подстрекал один из живших в Византии эллинов, с дочерью которого сошелся царь. Он любил ее, он был без ума от этой женщины. Целиком поглощенный своей страстью, он и к родственникам ее был милостив. Под ее влиянием, говорят, убил он эллинов. Вот все, что случилось с эллинами Византия.

Кажется, что это несчастье было величайшим из всех происшедших на земле. По связанным с ним страданиям оно приближается к несчастью Илиона. Казалось, будто гибель эллинов от рук варваров была наказанием за Илион. И, таким образом, получилось, думали римляне, что эллинов постигло возмездие за разрушенный ими некогда в древности Илион. Итак, вот что произошло до сих пор.

(пер. Е. Б. Веселаго)

Текст воспроизведен по изданию: Лаоник Халкокондил. История // Византийский временник. 1953. Т. 3. С. 436–444.

Учебное издание

Составители:

Зорина Анна Александровна
Лукина Светлана Германовна

Учебно-методическое пособие

Авторская редакция

Компьютерная вёрстка: Ю.Н. Небрачных

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru